

Прикладная философия filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Георгий Герасимов Прикладная философия.

Предисловие автора.

В древности, на этапе возникновения научной мысли все науки составляли одно и называлась эта наука философией. Постепенно из нее выделились или возникли заново множество специальных научных направлений. И в результате стало очень непонятно, что же в конечном итоге является предметом собственно самой науки философии, и есть ли он, этот предмет, вообще. Первое, что я сделал, это определил этот предмет в соответствии со своим видением вопроса и методологию работы в нем, в которую попытался внести больше элементов от точных наук, после чего, чтобы не быть голословным, пришлось этот предмет рассмотреть, т. е. фактически написать краткий курс философии. Один из вопросов, который невольно возник по ходу изложения, коснулся истории.

В истории многих государств, особенно в переходные периоды, бывали этапы всплеска национализма. Одно из направлений, которое в связи с этим обычно развивалось, было создание своих версий истории, согласно которым рассматриваемые народы становился в мировой цивилизации «пупами земли», сыгравшими решающую роль в ее формировании. Такие мифы развивались в Германии в эпоху национал социализма. Сегодня, к примеру, в Туркмении в школах официально преподают, что мировая цивилизация пошла от туркмен. В Чечне последние несколько лет насаждались исторические теории о превосходстве чеченцев над другими народами. В общепринятой мировой истории застыли в виде догм подобные легенды о евреях, хотя если копнуть историю чуть аккуратнее, то становится видно, что это тоже не более чем мифы.

Не миновала такая историческая судьба и Россию. За последние, смутные годы появилась целая серия публикаций авторов так называемой Новой Хронологии, которые строят вариант альтернативной истории, из которой следует, что цивилизация на планете фактически создана русскими. Они подобрали культурно-исторический материал, который неплохо ложится в фундамент их исторической версии. Однако существует гораздо больше материалов, которые разрушают их версию, и подтверждают традиционную. Неискушенному читателю очень сложно сделать обоснованный выбор в пользу того или другого варианта. Тем более, что существует немало и чисто психологических моментов, влияющих на этот выбор. Так на традиционную версию работает общественный гипноз, связанный с воспитанием еще со школы и всей нашей культурой, которая постоянно апеллирует к этой традиционной истории, а за альтернативную – национальное самосознание великой нации, достаточно ущемленное за последние десятилетия.

Но оказывается, что к исторической теме можно подойти и с несколько иных позиций. К примеру, в состав марксистской философии входит раздел исторического материализма. В других философских системах этой темой могут заниматься его аналоги. Нормальная точная наука должна уметь не только что-то объяснять или оправдывать задним числом, но и самостоятельно выдавать результат, который может быть использован в иных областях знания. В качестве иллюстрации возможностей научной философии я предложил систему подходов к исторической теме, которая позволяет отсечь значительную часть мифов в истории, не зависимо от того входят они в состав традиционной истории или альтернативной. В результате возникла своеобразная версия истории, в рамках которой сам собой решился вопрос об особом русском пути, о том, что нас ждет в будущем, и что можно попытаться сделать для его улучшения.

В заключение хотелось бы сделать одно предупреждение потенциальному читателю. Предлагаемый труд не является развлекательным или легким для чтения. Я бы рекомендовал за него браться только людям, для которых мыслительный процесс не является непривычным делом, желательно с физико-математической подготовкой. Он несет не информацию, а целые концепции, знакомство с которыми должно только стимулировать начало мыслительного процесса. Соответственно, попытка прочесть труд по диагонали, и на основании этого принять его или отвергнуть, абсолютно безнадежна, поскольку интеллектуальная плотность, заложенная в него, соответствует скорее краткому учебнику математики, не допускающему повторения уже ранее высказанных идей, чем публицистике. Однако, надеюсь, что читатель по образованию и мыслительной культуре, способный воспринимать новые идеи даже на давно устоявшемся поле, и обладающий необходимой эрудицией, получит от

Часть 1
Введение, от автора, об авторе

В любой объективной науке личность автора не имеет существенного значения. Набор вопросов, который будет затронут здесь, зачастую настолько первичен, что рассуждения во многих случаях будут носить интуитивный характер, и привести какие-то серьезные доводы и доказательства объективности будет крайне сложно или невозможно вовсе. А потому вместо строгих логических построений я буду вынужден на суд читателя отдать самого автора с элементами его биографии, чтобы исходя из известной формулы классиков марксизма-ленинизма: «Бытие определяет сознание», читатель сам мог решить, каким образом та или иная чушь родилась в его (автора) голове.

В заголовке книги присутствует элемент, который у многих читателей вызовет ощущение некоторой противоестественности. Слова «философия» и «прикладная» очень плохо согласуются в нашем сознании, потому, что наша философская культура происходит из коммунистических времен, когда философия была туманной, абсолютно бесполезной лженаукой. Однако, это не шутка и не завлекающий заголовок, а реальная тема, и насколько удалось автору оправдать претензии, обозначенные в заглавии книги, решать читателю.

В моей биографии отсутствуют острые жизненные ситуации, захватывающие приключения, резкие повороты судьбы, другими словами, ничего увлекательного, что могло бы привлечь читателя. Повторюсь, что в этой части изложения, да и в других, где будут присутствовать какие-то личностные элементы биографического характера, преследую всего одну цель: дать читателю представление о моем образе мысли и менталитете, сильных и слабых сторонах моего интеллекта, а также событиях, заставивших думать в определенном направлении.

Родился в 1957 году в г. Саратове, в семье госслужащих, как тогда говорилось. Отец – геохимик, мать – геофизик. Все известные мне (о ком хотя бы приходилось слышать) предки по всем линиям были русскими. Достаток в семье был по тем временам средний. На еду и на одежду хватало, но например, покупка автомобиля, даже самого дешевого, никогда не обсуждалась.

В 1974 году окончил среднюю школу с золотой медалью и поступил в МФТИ (Московский физико-технический институт). Окончил в 1980 году с отличием. По распределению попал во ВНИИФТРИ (научно-исследовательский институт в Подмоскowie), откуда в 1992 году был уволен из-за общего сокращения и развала науки. После двух лет случайных заработков организовал небольшое собственное дело. До настоящего момента (весна 1999 года) держался на плаву, но доходы были самые минимальные.

Проживаю в Московской области. Есть двухкомнатная квартира в хрущевке 1960 года постройки (квартира жены), гараж, автомобиль «Волга», огород три сотки, доля в нескольких небольших производствах. Жена безработная с 1991 года. О ее национальности слово в слово можно повторить то же, что выше написал о себе.

С раннего детства и до 1991 года было одно увлечение – интеллектуальные игры (после 1991 года стало не до того). Если попадалась интересная игра, то очень быстро осваивал ее, доходя до относительно высокого уровня, потом либо бросал, либо иногда играл в зависимости от наличия партнеров. С удовольствием обучал других, несколько лет вел детские секции по шахматам и го.

Вторым детским увлечением, сохранившемся на многие годы, было – задавать вопросы. Еще в дошкольном возрасте понял простую истину, что правильных ответов в этом мире, как правило, от других не дождешься, а потому на базе этого развилось другое увлечение – самому находить ответы на поставленные вопросы. Это умение давало плоды в школе, в детских олимпиадах по математике и физике, позже в научной работе. Но иногда результат получался в областях иного рода. Вот этим результатам и посвящена данная книга.

Период моего увлечения философскими и околофилософскими науками пришелся на коммунистические времена. Это, естественно, наложило существенный отпечаток на образ мысли. Во-первых, каждый советский человек находился под мощнейшим идеологическим прессингом, безапелляционно навязывавшем ему установку о полном превосходстве марксизма-ленинизма над любой другой философской школой, во-вторых, работ философов иного направления просто невозможно было достать, в-третьих, несмотря на то, что марксизм впихивался в людские головы в неограниченных объемах, изучение носило поверхностный характер, путем заучивания определенного набора штампов, а сути учения, по моему мнению, не понимал ни один преподаватель общественных наук, с которым мне пришлось иметь дело, а среди них были и люди с опытом политической и дипломатической работы, и наконец, в-четвертых, хотя это были уже не Сталинские времена, но как мне пришлось убедиться, самостоятельно мыслить в этой области знания, даже не афишируя своих выводов, было не совсем безопасно.

Будучи студентом, я не поленился разобраться с марксизмом-ленинизмом, нашел в основах теории грубые ошибки, которые уничтожают теорию как таковую, но не об этом сейчас речь. Главное в данном случае в том, что марксизм всецело был нацелен на узконаправленную задачу: доказать роль классовой борьбы в истории и неизбежность победы коммунизма. Вся философская коммунистическая мысль вертелась вокруг этого, а другие направления мысли, которые должны принадлежать предмету философии находились в столь абстрактном и бессодержательном состоянии, что ни в малейшей мере не могли удовлетворить думающего читателя. Из того набора слов, который можно было прочесть в коммунистических учебниках диалектического материализма, я не мог найти ни одной мысли, которая позволили бы сказать: да, от этой науки есть хоть какой-то прок, хоть минимальное прикладное значение. Это была наука ни о чем, не дающая практического результата ни в одну область знания.

Первый небольшой прорыв в моем понимании предмета философии произошел совершенно случайно. Где-то прочел, о том, что в средние века венерические заболевания успешно лечили соединениями ртути, причем натолкнулись на этот факт алхимики, исходя из того, что Меркурий (бог коммерции) = ртуть являлся в античной мифологии антиподом Венеры (богини любви). Я был просто очарован абсурдной красотой логики, лежащей в основе этого решения. Но минимальное размышление поставило вопрос, на который не просто оказалось дать логичный ответ, а почему собственно эта логика абсурдна и чем моя лучше. Чуть позже мне встретился еще один образец похожей средневековой логики. Ряд схожих внешних свойств грецкого ореха и головы человека (форма круглая, оболочка твердая, внутри мягкая, растут в верхней части дерева и туловища соответственно, внешний вид внутренности ореха напоминал мозг и т. д.) средневековый автор рассматривал, как указания Бога на сродство ореха и головы, и на основании этого предлагал использовать настойку грецкого ореха для лечения головной боли. Как утверждает практический опыт результат получался положительный. Тот же образец абсурдной логики и при этом положительный практический результат.

Современный медицинский трактат на ту же тему звучал бы приблизительно так: «В настойке грецкого ореха присутствуют следующие вещества, обладающие антигипертоническим действием (понижающими давление), далее шел бы список веществ, далее говорилось бы о возможных побочных действиях, и соответственно показаниях и противопоказаниях к применению».

Первый подход требовал указаний Господа Бога, второй – объективно действующих механизмов (вещества, обладающие свойством понижать давление, понижают его и снимают головную боль, вызванную гипертонией). На основе логики доказать, что первый подход хуже второго невозможно. Сказать, что второй подход доставляет практические результаты, а первый нет, из приведенных примеров было бы тоже неверно. Сослаться на интуитивное приятие второго подхода, он де мол понятен, объективен и т. д. и неприятие первого, поскольку непонятно каким указанием можно доверять, а каким нет, было бы в корне неверно, поскольку такая позиция уже основана на прежнем нашем воспитании в духе второго подхода. Именно это воспитание и определило то, что я и не подозревал о существовании других подходов, считая научный единственно возможным, и не видел здесь предмета для философского осмысления.

Из ныне распространенных вариантов ненаучного анализа мира может быть названа религия. И здесь я вынужден чуть подробнее остановиться на своем воспитании. Мои родители никогда не были в компартии, но по возрасту были чуть моложе Павлика Морозова (страшный символ из нашей истории), т. е. принадлежали к поколению, воспитанному в период сильнейшего Сталинского идеологического давления. Поэтому в семье было агрессивно негативное отношение к религии. Средства массовой информации и школа в Хрущевско-Брежневские времена моего детства тоже религию не жаловали. В институте, на первом же общем собрании зачисленных, сразу же после поздравления, было сказано, что за любой самый минимальный интерес к религии студенты с физтеха отчисляются без разбирательства. На достаточно естественный вопрос в школе: «А что, на протяжении столетий, люди верившие в бога, были глупее нас?». Следовал очень убедительный ответ: «Они, конечно, были не на много глупее нас, но во-первых, не созрели объективные экономические условия для возникновения научного марксистско-ленинского мировоззрения, а во-вторых, господствующим классам всегда было выгодно держать народ в невежестве, и религия являлась одним из таких институтов, который помогал угнетать трудящихся». Это как раз один из тех примеров, убедивших меня в детстве, что путных ответов от других не добьешься, нормальные ответы надо искать самому. В этом ответе есть и многозначительная важность, и наукообразие, и коммунистическая идейность. Нет только живой человеческой мысли, позволяющей понять как это миллионы людей на протяжении столетий так заблуждались насчет религии. И пусть большая часть из них довольствовалась идеологическим продуктом своего времени без критического осмысления, но ведь среди верующих были например и такие интеллектуальные гиганты, как Ньютон, которому Маркс, Энгельс и Ленин вместе взятые в подметки не годились.

Поэтому моя неподготовленность к рассматриваемому философскому вопросу была вполне простительна, но как только появился повод для анализа (примеры средневековой логики), лично для себя я так сформулировал отношение к познанию мира. Назовем подход к явлению, когда для его объяснения требуется объективно действующий механизм, т. е. совокупность причинно следственных связей, научным, или материалистическим. Человеческая цивилизация сделала свой выбор в его пользу, видимо на основании многочисленного практического опыта, потому, что такой подход в большинстве случаев оказывался более плодотворным, чем иные. Но утверждать, что он единственный правильный, и что остальные окончательно отброшены как неверные, нет оснований, хотя в дальнейшем изложении я намерен придерживаться именно научного, но не исключая иные варианты, если они могут доставить хоть какой-то практический результат. Это есть один из принципов моей философской позиции. Доказать или обосновать его строже, чем сделано выше, едва ли возможно.

Чтобы в науке строго пользоваться каким-то приемом или принципом надо знать область его применения, т. е. необходимо ответить на вопрос: какие предположения, допущения или ограничения мы использовали. Именно это мы и должны были бы проделать с самим научным принципом исследования мира. Если попытаться формально следовать такой логике, то мы попадем в ловушку, которая потребует от нас оговорить бесконечное число самых невообразимых допущений, начиная от того, что этот мир реально существует, адекватно отражается сознанием, однородность пространства, времени и т. д. А по каждому использованному понятию можно также потребовать формальных определений, например, что такое однородно, что такое адекватно и т. д. А поскольку многие определения будут носить зачастую первичный характер, то задача становится просто невыполнимой. Встав на этот путь, мы не сделаем ни одного практического шага, застряв на этапе формализации задачи.

Аналогично при решении любой конкретной задачи, мы должны будем оговорить ничем не ограниченное количество свойств исследуемого объекта. Эту трудность научный подход обходит следующим способом: он предполагает, что основная часть свойств предмета не влияет на рассматриваемую задачу, и их можно не принимать во внимание, поэтому никогда не рассматривает напрямую изучаемый объект, а всегда имеет дело с некоторым его упрощенным отражением в нашем сознании, называемым моделью, в котором и оговаривает тот набор свойств объекта исследования, который будет учтен в дальнейшем обсуждении. Практическое решение любой научной задачи должно состоять из создания модели, решения поставленной задачи для модели, переноса результатов анализа на объект исследования с оценкой отличий реального объекта от модели. Этот практический метод является неотъемлемой частью научного подхода. Сам научный подход, как некий принцип исследования мира, строго говоря, является объектом для аналогичного же исследования. Поэтому говоря,

что я намерен пользоваться научным подходом к исследованию мира, и не оговаривая здесь никаких дополнительных свойств этого мира, считаем, что я построил модель этого мира, где ничто не искажает исследуемые объекты, и в рамках этой модели намерен вести дальнейшие рассуждения.

Основной предмет философии

Уже после окончания института мне попались лекции Вивекананды. Биографию этого человека, причем написанную весьма восторженно, можно найти в собрании сочинений Ромэна Ролана, но чтобы не напрягать читателя дополнительными поисками, очень коротко изложу ее здесь. Родился он 12 января 1863 года в Индии в семье индийского чиновника. Школьное образование получил в английской школе в Индии, но после смерти отца семья осталась без средств к существованию, и он как старший должен был заботиться о пропитании. Высшего образования он не смог получить.

В это же время он стал учеником Рамакришны. Два слова я вынужден сказать и об этом человеке. В это время уже старик, работавший жрецом в храме богини Кали, он был почитаемым мудрецом в некоторых районах Индии. Он сам не умел ни читать ни писать, но среди двадцати пяти его учеников, двадцать четыре были молодые люди, знавшие по нескольку европейских языков и воспитанных в атеистическом или христианском духе, как тогда было принято в высшем колониальном свете Индии.

Та культура, в которой был до того воспитан Вивекананда и почти все другие ученики, противилась ученичеству у «полоумного» языческого жреца, и учителю стоило немалых трудов удерживать учеников на первом этапе обучения, пока они сами не почувствовали потребности в его знании.

В 1893 году в Чикаго состоялся первый (и последний, как оказалось) Всемирный съезд религий. Рамакришны в это время уже не было в живых. Вивекананда отправился на этот съезд, где царил весьма демократическая обстановка, и принимали представителей любых, самых экзотических сект. На съезде он неожиданно добился огромной популярности. Если в программе дня было выступление Вивекананды, то входных билетов не хватало, в другие же дни зал пустовал. После съезда сразу несколько университетов Европы и Америки предложили ему свои кафедры. Несколько лет он читал лекции в университетах Европы и Америки, практически все зарабатываемые деньги тратил на то, что снимал помещения и читал те же лекции для всех желающих. Умер он в 1902 году вскоре после возвращения в Индию.

Вот эти лекции, читавшиеся в конце прошлого века, переведенные на русский и изданные в начале нашего столетия в России, в значительной степени определили мое мировоззрение. Предмет философии, как я его понимаю и который намерен сформулировать ниже, есть часть этого мировоззрения.

Основным и по-настоящему единственным вопросом философии является вопрос о смысле жизни. Не абстрактный вопрос о смысле жизни всего мироздания или всего рода человеческого, а о смысле жизни меня как индивидуума. Сразу же предвижу резонный вопрос: «Откуда такой индивидуализм, даже эгоцентризм, почему вдруг такое отделение себя от рода человеческого, родных, близких, страны и т. д., разве тебе безразлично, что происходит с ними?». Но я искусственно не отделяю себя ни от кого, за меня все это уже сделала природа. Боль или радость Я испытываю, как индивидуум. Если Я обжег руку, то чувство боли испытываю Я, индивидуум, а не вся страна или человечество. Пусть даже кто-то из человечества испытывает ко мне по этому поводу сострадание (а может быть злорадство), то это еще вопрос для обсуждения – возникновение этих чувств, а Моя боль в данном случае абсолютна, в отличие от эмоций которые у меня тоже могут быть различны по этому поводу.

Когда человек умирает, с ним не прекращается ни жизнь страны, ни всего человечества. Умирает индивидуум, заканчивается его жизнь, что происходит с ним – полное исчезновение его самосознания, его Я, или переход в некое новое качество? А человечество или страна даже не могут однозначно ответить на этот вопрос, т. е. это вопрос за пределами их интересов, да и вообще, общество не замечает смерти отдельного индивидуума, а для индивидуума его смерть – практически центральный вопрос в жизни.

При такой постановке вопроса философия из абстрактной интеллектуально-элитной науки, как говорили древние, любви к мудрости, превращается в самую жизненную, самую практическую и приземленную науку, так сказать, для повседневного приложения, поскольку каждому человеку практически ежедневно приходится делать выбор, чем-то жертвовать во имя чего-то. Очевидно, что без решения вопроса о смысле жизни, ни одно важное решение не может быть принято. И хотя я уверен в том, что только ничтожнейшее меньшинство людей способно более или менее внятно определить в чем же смысл их жизни, все люди живут, делают выбор, зачастую достаточно принципиальный. Как же такое может быть? Ответ прост: у каждого есть некоторое понятие о индивидуальном смысле жизни, пусть и неосознанное, или нечто, что заменяет это понятие, некий автопилот, который вполне позволяет делать выбор и не испытывать комплексов от того, что человек по большому счету не понимает для чего он все делает.

Если основной вопрос философии определен так, как это сделано выше, то он влечет за собой целый ряд вытекающих из него вспомогательных вопросов. Во-первых, это вопрос картины мира. Как будет показано ниже, из разных возможных вариантов мироустройства возможны и совершенно различные решения вопроса о смысле жизни. Во-вторых, это вопрос познания, рассмотренный выше, и наконец, в-третьих, это целый комплекс социальных вопросов, являющихся частными проявлениями основного вопроса философии. Что за набор вопросов намерен я включить в этот социальный комплекс? В моем распоряжении есть всего один инструмент – это мое сознание. Наверно, кое-что можно о нем сказать путем прямого наблюдения и анализа, но каждый, берущийся за задачи подобного класса должен отдавать себе отчет в том, само наше сознание, его содержание, методы работы и анализа, есть продукт очень многих факторов: нашей биологической природы, социальной, и возможно каких-то иных, поэтому анализ этих сторон, если даже не даст прямых ответов на основной философский вопрос, то по крайней мере, поможет понять природу многих элементов нашего сознания. А кроме прочего в человеческой истории наверно было немало и других индивидуумов, задававшихся подобными вопросами, поэтому их мнение и результаты анализа весьма интересны для рассмотрения, как возможные подсказки или даже уже готовые решения.

Естественный отбор в природе

Не берусь утверждать, что все виды на Земле возникли согласно теории Дарвина. У этой теории, как известно, есть определенные нерешенные проблемы. Но то, что в природе в пределах любого одного вида действует механизм естественного отбора, это факт, видимо, не вызовет возражений.

Суть механизма естественного отбора может быть сформулирована следующим образом. Индивидуальные отличительные биологические особенности особи определяются ее генетическим кодом или генотипом. Рассматриваем двуполой вид, потомство наследует генотип родителей пятьдесят процентов от отца, пятьдесят от матери. Естественный отбор – это природная игра, механизм саморегуляции в природе, при котором у особей с более подходящими биологическими особенностями организма к среде обитания больше шансов на оставление потомства, чем у менее подходящих. Эта тенденция проявляется из поколения в поколение, таким образом постепенно количество особей с неподходящими наследственными признаками уменьшается, а с подходящими признаками увеличивается до установления некоторого равновесия, вызванного другими механизмами. И такая регуляция может быть по любому биологическому свойству, если только оно определяется генотипом.

Любой природный вид состоит из множества особей этого вида. Для всякого вида свойственны некоторые наиболее часто встречающиеся особенности этого вида. В данном случае речь может идти практически о любом характерном параметре: рост, вес, цвет, продолжительность жизни, уровень интеллекта, обычный рацион, привычная среда обитания, цвет глаз, характерные видовые привычки и т. д. и т. д. Но все особи чем-то отличаются, и по любому характерному параметру, как правило, существует отклонение от нормы. Особей с наиболее распространенным параметром, так сказать средним, больше всего, а чем больше отличие от среднего, тем меньше таких особей. Величину, характеризующую разброс какого то параметра для всего вида назовем

дисперсией этого параметра. Чем чаще встречаются отклонения и чем больше они в среднем по величине, тем больше дисперсия. Если по какому-то параметру для вида природа уже сделала однозначный выбор, т. е. отсутствует отклонение от среднего, например число пальцев на руке человека, то дисперсия для этого параметра будет ноль. Если же отклонение от среднего возможно, как например рост человека, то дисперсия будет иметь какое-то значение большее нуля. Наличие отклонения от среднего, т. е. ненулевая дисперсия, это одно из средств выживания вида в условиях изменения среды обитания. Представим, что что-то изменилось в природе, потеплел или похолодал климат, появился новый хищник, опасный для рассматриваемого вида, или вид – конкурент, питающийся тем же кормом, расширение ареала обитания вида и т. д. Любое изменение среды обитания может привести к тому, что наиболее распространенный параметр перестанет быть самым удобным, и естественный отбор в течение смены нескольких поколений приведет как бы к некоторому изменению биологического вида. Примеров такого изменения внутри биологических видов на протяжении человеческой цивилизации (малый срок для этих процессов) не так уж много, но отдельные все же можно привести.

Известный пример из истории сельского хозяйства, когда применение ядохимикатов ДДТ в течение нескольких лет практически уничтожило вредных насекомых. А некоторое время спустя те же насекомые, но уже нечувствительные к данным ядохимикатам, размножились сильнее прежнего.

С точки зрения рассматриваемого вопроса произошло следующее: пусть существовал некий вид насекомых. Подавляющее большинство представителей этого вида не обладали иммунитетом по отношению к ДДТ, но дисперсия вида по этому параметру – чувствительность к ядохимикату ДДТ, была не нулевой, т. е. существовали отдельные особи менее чувствительные к подобным химическим соединениям. Это и спасло эти виды насекомых от уничтожения. Большая часть насекомых погибла, получив смертельную дозу ядохимикатов и не оставив потомства, а освободившуюся биологическую нишу заполнили быстро размножившиеся особи с наследственной нечувствительностью к ДДТ. Как бы один подвид внутри вида вытеснил другой в условиях изменившейся среды обитания.

Казалось бы, что чем больше дисперсия по каждому параметру, тем это выгоднее для выживания вида, однако сама дисперсия является результатом естественного отбора. Т. е. естественный отбор сам отрегулирует оптимальное соотношение между количеством особей с неким видовым параметром вблизи среднего и количеством особей с видовым параметром отличающимся от среднего. Для устойчивого существования биологических видов необходимо, с одной стороны, сохранение наследственной информации из поколения в поколение, с другой стороны, возможность изменения с максимальной скоростью. Оптимальное соотношение между стабильностью и готовностью к изменениям внутри вида определяется дисперсиями различных видовых параметров, которые сами регулируются естественным отбором.

Точно так же, как биологию видов, естественный отбор регулирует и видовую стратегию поведения. Правильную, с точки зрения сохранения вида, стратегию поведения, естественный отбор закрепил в виде набора стереотипов, свойственных практически всему живому, которые мы называем инстинктами самосохранения и продолжения рода. Очевидно, что те особи, которые жили в соответствии с этими инстинктами, из поколения в поколение, имели гораздо больше шансов для оставления потомства, чем те, которые жили вопреки им.

Однако, каков может быть наследственный биологический механизм действия этих инстинктов? Разнообразие ситуаций в жизни таково, что закодировать их все в наследственной памяти вместе с адекватными реакциями, невозможно. Инстинкты по всей видимости должны опираться на некоторые чисто физиологические отклики на раздражение, а на базе этих физиологических реакций уже возникает все разнообразие действий животного в сложившейся ситуации, которое регулируется иными, не физиологическими механизмами. Таким основным физиологическим полуфабрикатом, на ряду с некоторыми другими, является реакция организма «удовольствие – неудовольствие».

Инстинкт самосохранения включает в себя чувство голода и реакцию на опасность. Вопрос о потреблении пищи решается просто. Если животное давно не ело, то у него возникает набор физиологических ощущений, вплоть до болевых, называемых голодом, сопровождающихся раздражением центра неудовольствия. Соответственно, когда голодное животное ест, то с одной стороны, очень быстро исчезают отрицательные ощущения, вызванные голодом, с

другой стороны, сам процесс еды сопровождается раздражением центра удовольствия.

Реакция организма на опасность организуется несколько сложнее. Во-первых, это также раздражение центра неудовольствия, во-вторых, в помощь животному для борьбы с опасностью включаются еще некоторый дополнительный набор физиологических реакций из которых сразу можно выделить два основных типа: возбуждение и торможение. Торможение свойственно биологическим видам, для которых лучшей с точки зрения выживания реакцией на опасность, является – замереть, затаиться. Их страх парализует. Возбуждение свойственно видам, основной реакцией которых на опасность является атака. Естественный отбор для этих видов должен был позаботиться о возбуждении злости, ярости, повышенной собранности в случае опасности. Для полноты картины можно, видимо, выделить и некий промежуточный вариант, назовем его заторможенным возбуждением, которое будет свойственно видам животных привыкших спасаться бегством.

Другая, важнейшая для выживания вида, группа инстинктов может быть названа инстинктом продолжения рода. Сюда входит сексуальная тяга к особям своего вида противоположного пола и материнские инстинкты, обеспечивающие выживание потомства после рождения. Сексуальная тяга обеспечивается через удовольствие – неудовольствие, удовольствие от секса и дискомфорт от его недостаточности. Забота о потомстве, может быть и сопряжена с каким-то физиологическим механизмом возбуждения центра удовольствия, но основным в этом случае, как и конкретная реакция животного на опасность, видимо программируется в поведении путем общественного воспитания. Поэтому продуктом естественного отбора, во-первых, является биологическая способность запоминать информацию, т. е. у животного естественный отбор создал биологический компьютер с блоком памяти и системой программирования через общественное воспитание, а во-вторых, опять же естественный отбор позаботился выработать у животных навыки правильной стратегии поведения в различных жизненных ситуациях, привязанных к среде обитания, которые передаются через воспитание.

Попробуем из теории естественного отбора получить хоть небольшие результаты для практического использования. Берем к рассмотрению биологический вид животного, соответствующий или физиологически близкий к человеку, и для различных видовых параметров будем угадывать оптимальную наиболее выгодную для продолжения рода, т. е. сохранения своего генотипа, величину рассматриваемого характерного видового параметра или стратегию поведения. Для начала определим в чем состоит различие полов с точки зрения естественного отбора. В процессе производства потомства участвуют две особи мужского и женского пола, но биологическое участие их в этом процессе различается. Женская особь на производство одного ребенка должна потратить, как минимум, около двух лет своего времени (беременность и выкармливание), то мужская особь биологически в состоянии свое участие в производстве потомства ограничить всего несколькими минутами. Соответственно женская особь физиологически в состоянии иметь максимально порядка десяти детей, а мужская – в тысячу раз больше. Из этого отличия будут проистекать совершенно разные стратегии поведения и во многом различающиеся биологические особенности мужского и женского организмов, напрямую вроде бы и не связанных с детопроизводством.

Перед особью стоит одна стратегическая игровая задача – оставить как можно больше потомства. С этой точки зрения для женской особи (в условиях до возникновения устойчивых парных семей, когда естественный отбор и должен был потрудиться над видом), этот вопрос решен без какой-либо борьбы. Она гарантированно должна оставить после себя порядка десяти детей. Ей не надо бороться за самцов, даже в случае их малочисленности, все равно ее оплодотворят и ее гены сохраняются приблизительно в пятикратном размере (10 детей по 0.5 генотипа от матери = 5). Совершенно другая ситуация для самцов. При соотношении количества самок и самцов приблизительно один к одному, от поведения самца зависит останется после его смерти генотип размноженный в пять тысяч раз ($10\ 000 \cdot 0.5$) или ничего вообще не останется.

При таком разделении участия в воспроизводстве потомства, чтобы оптимизировать соотношение между стабильностью вида и его готовностью к изменениям, дисперсия по любым видовым параметрам для женских и мужских особей должна различаться. Изменчивость вида должна в основном определяться мужскими особями, т. е. теми между которыми имеет место конкуренция, а женские особи должны быть существенно ближе к среднему параметру т. е.

больше предназначены для хранения наследственной информации. (Это можно доказать математически с точки зрения скорости адаптации вида к изменяющимся условиям, но строгое доказательство будет сложным для неподготовленного читателя, поскольку потребует знания генетики и некоторых специальных разделов математики).

Конкретно для человека, как биологического вида, получается, что мужчины сильнее различаются между собой, а женщины слабее, т. е. все женщины гораздо более одинаковы практически по любому параметру. Возьмем к примеру интеллект. Среди женщин во всей истории человечества практически отсутствуют выдающиеся личности, кругом одни мужчины, но и не дотягивающих по развитию до средней нормы женщин гораздо меньше, чем таковых мужчин. Выполнение простой рутинной, но требующей аккуратности работы, как к примеру бухгалтерия, больше подходит для женщин, а творческую, нестандартную естественнее выполнять мужчинам. Если условно за социальную норму взять например законопослушание, то отклонения от нее среди мужчин будут встречаться гораздо чаще, чем среди женщин. Число спившихся или наркоманов мужчин значительно превосходит число аналогичных женщин и т. д.

Один из возможных практических итогов сделанного вывода получается таким: женская мечта найти себе «принца» не лишена смысла, они хоть редко, но все же встречаются, а вот найти «принцессу» не представляется возможным, их практически нет в природе. Хотя конечно самое трудное в этом деле – знать как выбирать, а это рассмотрим чуть позже, в другом разделе.

Из правильных игровых стратегий мужских и женских особей в вопросе производства потомства, с точки зрения естественного отбора, можно сделать некоторые выводы о биологической природе любви. Для самца основной стратегией будет – как можно больше самок охватить своим сексуальным вниманием, и как можно меньше других самцов допустить к ним. В переводе на современный житейский язык моногамной семьи (с одним постоянным партнером) это выливается в отсутствие для мужчины любви к одной женщине, биологическое стремление мужа к «беганью» из семьи, при сильно развитом чувстве мужской ревности и отсутствии любви к детям.

Для самки стратегия несколько иная. Основным элементом ее стратегии поведения становится забота о детях. В первом приближении ей все равно от кого рожать детей, ее гены уже гарантировано останутся, и другим самкам она не в состоянии помешать иметь детей. Но во втором приближении ей выгоднее рожать от суперсамца, так, чтобы ее дети унаследовали и его признаки, одновременно ей выгодно отгонять других самок от суперсамца, чтобы они рожали от худших самцов, и ее дети, унаследовав лучшие признаки от отца имели бы фору в дальнейшем естественном отборе перед другими. В переводе на язык современных отношений это проявляется в сильной любви женщины к своим детям, несильной любви к мужу, т. е. любовь есть, но при этом есть и потенциальная готовность уступить ухаживания другого, и относительно небольшой ревности к другим женщинам, почему в принципе достаточно естественны женские гаремы.

Хотя сделанные выводы верны, в чем каждый в состоянии убедиться сам, не будем их переоценивать. Биологическая природа сильна, но она не единственная формирует человеческую личность. Для рассматриваемого круга вопросов, по-моему, удовлетворительной будет модель, учитывающая, кроме биологической природы, общественное воспитание и самовоспитание человека. А в некоторых вопросах придется рассматривать и духовную природу. Каков относительный вклад каждого из этих начал? Даже для более простого объекта, чем человек, примитивных ярлыков навесить не удастся. Например, попытка отобрать кусок мяса у голодной собаки может плачевно кончиться и для хозяина, пересилит инстинкт. Но специальное воспитание служебных собак позволяет перебороть этот инстинкт, и обученная собака не будет есть без разрешения хозяина, как бы голодна она ни была.

Модель личности (не только человека но и многих видов животных) с учетом этого может быть сформулирована следующим образом: внешний мир воздействует на органы чувств, информация от органов чувств поступает в анализатор – мощный биологический компьютер в мозгу, который в свою очередь, после обработки информации, воздействует на центр «удовольствия – неудовольствия». Из центра «удовольствия – неудовольствия» сигнал поступает обратно в анализатор, который сообразно ситуации во внешнем мире, опыту и эмоциональной оценке центра «удовольствия – неудовольствия», отдает команды на исполнительные органы биологического организма.

Органы чувств состоят из внешних датчиков, непосредственно испытывающих воздействие внешнего мира и преобразующих это воздействие в нервные импульсы, и соответствующих отделов мозга, которые обрабатывают поступающую нервно-импульсную информацию, преобразуя ее в образную форму, с которой далее оперирует наше сознание. Ведь строго говоря, мир, пусть он реально и существует, никакой. Красным или зеленым, холодным или горячим, скользким или шершавым, кислым или сладким его делают наши органы чувств после обработки поступающих от внешнего мира сигналов. Вся цепочка от внешних рецепторов, т. е. нервных окончаний, взаимодействующих с окружающей средой, до участков мозга, представляющих информацию от них в образной форме нашего представления внешнего мира, это всего лишь продукт естественного отбора. В природе не могла стоять задача, чтобы эта цепочка «адекватно» отражала внешний мир, но зато естественный отбор должен был позаботиться о том, чтобы эта цепочка так отражала этот внешний мир, чтобы биологическим особям с этим отражением внешнего мира было легче выжить и оставить потомство. И так, исходя из этого заключаем, что мы располагаем набором биологических приборов (органов чувств), которые оптимальным образом, с точки зрения нашей защиты в этом мире, отражают в сознании внешний мир. Эти биологические приборы состоят из неизменной приборной и программируемой части. т. е. естественный отбор создав оптимальный инструмент, предусмотрел в нем и программируемый блок и инструмент для программирования. Как известно, ребенок в раннем детстве проходит определенное обучение, приводя в соответствие свои ощущения от различных органов чувств с внешним миром. С совсем маленьким ребенком обсудить эту тему невозможно, но со взрослым человеком с врожденным дефектом какого-то органа чувств, например слепотой, после успешного лечения, вполне можно обсуждать и исследовать этот процесс программирования.

Центр (или центры) «удовольствия – неудовольствия» реально существует в мозгу, специалисты нейрохирурги умеют вживлять в него электроды для прямого воздействия. Он, как и все прочее, является продуктом естественного отбора.

Анализатор состоит из приборной части, т. е. собственно компьютера и системы для программирования этого компьютера. Часть программного обеспечения уже заложена в компьютер с рождения, часть программного обеспечения вносится в детстве во время знакомства с миром, часть постоянно вносится и корректируется в процессе жизни через набор психологических механизмов общественного воспитания, и наконец, последняя часть вносится сознательно самим человеком через осмысленный анализ мира.

Человеческая личность, ее Я, определяется содержанием программного обеспечения, заложенного в анализаторе. Насколько может меняться это содержание, настолько же может и меняться личность в процессе жизни. Здесь же те начала человеческой личности, о которых говорилось выше. Биологическая природа это неизменная часть анализатора плюс врожденная часть программного обеспечения, которая отвечает за физиологические ощущения и управление физиологией организма. Общественное воспитание – часть программного обеспечения, которая вносится через психологические механизмы, другими словами, общественный гипноз и неосознанное самовнушение. Самовоспитание это часть программного обеспечения, соответствующая осознанному самовнушению и аналитическому осмыслению мира. Условно можно считать, что анализатор состоит из множества каналов, обрабатывающих информацию параллельно. Специалисты утверждают, что мощность каналов, обрабатывающих подсознательную информацию, приблизительно в миллион раз выше, чем аналитического канала, а мощность физиологических каналов в миллион раз выше, чем подсознательных.

Проанализируем возможность эволюции человека из животного. Для начала определим, какой биологический вид лучше подходит для дальнейшей эволюции.

Он должен быть с максимально развитой нервной деятельностью, т. е. в его компьютере должно быть как можно больше различных программ, да еще программы, определяющие какой из них необходимо воспользоваться конкретно сейчас. Из того обязательного для естественного отбора арсенала, который рассмотрен выше, наибольший объем вариантов нервной деятельности доставляет реакция на опасность. Если взять крупного хищника, ему большой запас подпрограмм не нужен, его реакция на любого врага может быть достаточно однообразной – атаковать. Если взять мелкое животное, то в его арсенале преобладают тоже однообразные решения – спрятаться. Поэтому нужно животное среднего размера, которое может сильно варьировать свои действия в

зависимости от ситуации: прятаться, убегать, атаковать, пугать, изображая атаку, но с возможностью быстро переключиться на убегание или на действительную атаку и т. д.

Вид должен быть коллективным животным, чтобы из коллективных отношений могли развиваться социальные отношения. Это значит, что несколько особей этого вида должны иметь возможность кормиться на небольшой территории, т. е. вид вероятнее всего должен питаться в основном растительной пищей, но с возможностью перехода на животную.

Вид должен иметь руку, способную что-то держать, и некоторую естественную склонность к хождению на двух нижних конечностях, чтобы для него было естественно что-то в этой руке держать.

Если выбран биологический вид, отвечающий перечисленным выше условиям, то исходя из стратегии поведения самца должна сложиться гаремная форма семьи. Самый сильный в округе самец должен собрать самок в гарем, отгонять от него других самцов. Как говорилось выше, самки этому не должны противиться. Куда податься остальным самцам, при естественном соотношении для приматов самцов и самок один к одному. Я считаю наилучшей стратегией для них обитать рядом, в безопасной зоне от хозяина гарема, и постоянно быть готовыми к уходу части гарема, вступлению в сексуальную связь с самкой из гарема, если хозяин зазевался, или атаке хозяина гарема, с целью занять его место. При этом между холостыми самцами должна быть установлена иерархия, в смысле кто кому уступает, если подвернулся благоприятный случай. Если этого не будет сделано, то вместо возможности воспользоваться благоприятным случаем, они начнут выяснять отношения между собой, и благоприятный случай наверняка будет упущен. Таким образом я нарисовал вполне логичную картину для возникновения иерархической структуры в среде холостых самцов, а стало быть естественный отбор должен был такую систему поведения закрепить. Если к этому добавить, что хозяин гарема тоже когда-то был молодым холостым самцом, то он прошел через эту систему. Поэтому вполне логично будет включить его в общую иерархическую схему, поставив на первую позицию. Суть иерархической схемы получается в следующем: младший по рейтингу самец всегда уступает старшему, младший при случае готов оспорить рейтинг старшего, но тот готов защищать свое место в иерархии и очень яростно, проигравшая сторона должна ретироваться, это сохраняет ей жизнь, победитель в этом случае не добывает побежденного. Наряду с зачатками социальных отношений возникают и зачатки морали. А самец воспитывается в среде, проходя общественное воспитание, в котором у него развивается чувство хозяина, собственника. Естественно, место в иерархии регулирует не только отношение к самкам, но и по любому принципиальному вопросу: еды, удобного места, и чего угодно другого, что может иметь ценность в среде обезьян.

Мы логически естественным образом (на основе механизма естественного отбора) подошли к возникновению зачатков общественных отношений, которые сегодня можно обнаружить у многих видов животных, живущих стаями. Попробуем вывить тот качественный переход, который все же отделяет человека от животного, и найти механизм для его преодоления.

Есть мнение, что эта грань проходит через изготовление орудий труда. В научно-популярном фильме «Обезьяний остров» (около 1980 года) исследователи несколько месяцев наблюдают за группой шимпанзе, выпущенных в теплое время года на небольшой необитаемый остров, иногда ставя перед своими подопечными практические задачи. Приведу одну из таких характерных задач. На земле закреплен прозрачный ящик с дверцей, в ящике лакомство. Дверца хорошо подогнана, не туго, но плотно закрыта. Ее можно открыть, но устройство, управляющее дверцей находится в трех метрах от ящика. Пока тянешь за кольцо, дверца открыта, отпускаешь – дверца закрывается. Обезьяна изучает устройство, пытается ногами подцепить дверцу и открыть; не удаётся, дверь хорошо подогнана. Пытается ногой оттягивать кольцо, а рукой достать лакомство; роста немного не хватает. После этого обезьяна отправляется в кустарник, выламывает там ветку, обдирает с нее мешающие мелкие ветки. Ногой тянет за кольцо, а рукой конец ветки вставляет в приоткрывшуюся щель, не давая дверце захлопнуться. После этого отпускает кольцо и неплотно прикрывает дверь открывает руками. Т. е. обезьяна в состоянии делать простейшие орудие труда, при этом заранее представляя, каким оно должно быть (абстрактное мышление). Высказанная выше версия о грани, отделяющей человека от животного, не проходит.

Авторы фильма провели эту грань в другом месте. Задача для нескольких

Прикладная философия filosofff.org

обезьян была такой: под тяжелым камнем лежит лакомство. Одна обезьяна не в состоянии поднять камень, но силы двух обезьян достаточно. Чтобы решить задачу, они должны были бы объединить усилия, договориться. Этого не произошло. По мнению авторов фильма грань между человеком и животным проходит через организованную коллективную деятельность.

Не берусь оспаривать результата опыта, но с выводом авторов фильма позволю себе не согласиться. Многие хищники, живущие стаями, охотятся коллективно, более того с разделением функций. Одни загоняют, другие из засады нападают. Стало быть в компетенции естественного отбора обеспечить совместный коллективный труд с разделением функций у животных. При этом схемы охоты на разных животных в принципе отличаются, значит существуют и какие-то механизмы (видимо предварительное обучение), позволяющее совместно решить, когда какую схему использовать.

Даже попытки провести грань, отделяющую человека от животного, через заведомо человеческие занятия, как земледелие и животноводство, обречены на неудачу. Можно построить очень естественные схемы на основе часто повторяемых случайных событий и естественного отбора, приводящие животных относительно высокого уровня развития к этим занятиям. То, что естественному отбору это вполне по плечу, можно видеть на примере муравьев, разводящих тлей. А земледелие вполне может сложиться из широко распространенной у многих животных привычки прятать что-то съедобное, закопать, да еще пометить территорию. Если в качестве закапываемого будет, например, корнеплод, размножающийся вегетативно, то это очень хороший способ класть на хранение, и он вполне может войти в привычку.

Попытки провести грань, отличающие человека от животного, через умение говорить, могут быть состоятельны только отчасти. Во-первых, речь – вторичный инструмент, развивающийся вместе с потребностью, диктуемой родом занятий. Во-вторых, звуковых сигналов не врожденного происхождения, в арсенале различных видов животных вполне достаточно, чтобы служить зародышем для будущего языка. Животные вполне в состоянии различать и запомнить десятки различных звуковых сигналов от человека, сами только не могут их воспроизводить в таком объеме. Голосовой аппарат вместе с участком, мозга, отвечающим за речь, оказывается к этому не готов. Т. е. если идти по пути наименьшего сопротивления, то можно предположить, что у животных не подготовлен участок мозга, управляющего некоторыми тонкими движениями, такими как развитая речь (Такую версию мне приходилось слышать), и им необходим еще период в десятки тысяч лет для биологической эволюции мозга, создания в нем соответствующего отдела.

Лично мне эта версия не нравится. Очень сложно допустить, чтобы природа, создав биологический компьютер колоссальной мощности, не сделала память в нем достаточно унифицированной для любого рода информации. Эволюция вероятно начала с создания компьютера для управления физиологией организма. Для этого нужны огромные вычислительные мощности. Запас по ним тоже должен быть и немалый, потому что это вопрос выживания организма. Можно ли представить себе, что из-за случайной гибели одной нервной клетки в мозгу, нейрона, вдруг перестанет функционировать сердце или почки. Естественный отбор обязан был позаботиться о запасе объемов памяти, и вычислительных мощностей, вариантах дублирования программ и т. д.

Если мы немного проанализируем работу собственной памяти, то обнаружим в ней очень много интересного и рационально устроенного. Например, то что нам требуется часто, лежит в памяти где-то очень близко. Мы можем пользоваться им неосознанно, автоматически, даже если это интеллектуальная информация. А память о чем то давно прошедшем, хранится где-то очень далеко в «архиве», не мешая сиюминутным делам, но при желании может быть там обнаружена и извлечена.

Поэтому вполне естественно предположить, что эволюция создав компьютер для физиологии, заложила там многократный запас по мощности. Практически параллельно с работой по созданию этого компьютера велась и эволюционная работа по созданию в нем программируемых блоков и систем для программирования в процессе жизни. Под это отводилась ничтожная часть (порядка одной миллионной) от всех вычислительных мощностей. При этом, естественно, как-то решался вопрос о перераспределении памяти, ведь объем программ, поступающих в течение жизни заранее не известен, как то должен был быть решен о приоритете хранящихся в памяти программ, если места перестает хватать и т. д. Поэтому, наиболее естественно, чтобы в ходе

эволюции и на программируемые участки памяти отвелись объемы с многократным запасом. А в этой памяти по мере надобности выделяется объем и для абстрактного аналитического мышления. Ведь четкую грань между конкретным и абстрактным мышлением тоже провести едва ли удастся. Аналогично и для участка мозга, управляющего речью. Изначально под него какой-то минимальный объем зарезервирован, но если его не будет хватать, то добавятся новые объемы памяти в соответствии с потребностью. Другими словами, человек с рождения находится в состоянии интенсивного обучения человеческой речи, идеально подходящей под его физиологические голосовые данные. Это приводит к развитию в мозгу соответствующего центра, который изначально (с момента рождения) находился в рудиментарном состоянии. Предлагаемая гипотеза состоит в том, что если другое высокоорганизованное животное (обезьяна, дельфин, касатка, может быть волк) поместить в аналогичные с их точки зрения условия, когда с детства их интенсивно обучают речи, адекватно подходящей под их голосовой аппарат, и эта речь вписывается, как часть, в общее освоение ими мира, то они вполне могут заговорить, уже в человеческом понимании значения этого слова. Между прочим, женская разговорчивость – продукт естественного отбора, сложившийся для обучения ребенка речи. В результате обсуждения, проведенного выше, я бы взялся так сформулировать окончательный вывод: какой-то качественной революционной грани, отделившей человека от других животных, не видно. Вероятнее всего, человек просто опередил идущих следом за ним в процессе эволюции. Для объяснения появления человека нет нужды привлекать идеи о внесении сознания в бессознательную животную оболочку Прометеем, каким-то Божеством или инопланетным разумом. Косвенным подтверждением этого утверждения может быть и тот факт, что у многих животных (тигр) в наследственной памяти, видимо, сидит запрет нападать на человека. Это возможно, только как результат естественного отбора, т. е. для этих животных человек был человеком на протяжении очень многих тысячелетий.

В заключение раздела о естественном отборе я рассмотрю еще один специальный вопрос, стоящий в стороне от общего изложения, чтобы больше к нему не возвращаться. Теории этногенеза Л. Н. Гумилева, я намерен посвятить существенный раздел данной работы, а сейчас коснусь всего одного аспекта введенного им понятия «пассионарности». Гумилев утверждает, что это свойство антиинстинктивно, что оно противоречит естественному отбору, инстинкту самосохранения. И в качестве примера приводит факты из поведения животных, когда вожак стаи защищает стаю, часто жертвуя собой. В этой части изложения я не намерен обсуждать корректность введенного им понятия, но с оценкой поведения вожака стаи как антиинстинктивной абсолютно не согласен, считая такую оценку поверхностной, примитивной. В природе очень часто случается, что один инстинкт противоречит другому. Ведь само понятие инстинктов это наше упрощенное (модельное) представление о механизмах, регулирующих поведение животного, и теоретическое решение очень усложняется, когда между собой начинают конфликтовать различные инстинктивные установки. Чтобы получить строгое решение необходимо вернуться к первопричине, формирующей инстинкты, т. е. основной установке естественного отбора – оставить после себя как можно больше потомства. Вот с этой точки зрения и надо рассматривать поведение вожака, чтобы иметь право утверждать является его поведение естественным или противоестественным. В моем понимании естественны следующие варианты поведения вожака в зависимости от его возможностей и характера опасности: бежать впереди стаи, уводя ее за собой от опасности; давать убежать стае, прикрывая ее отход, и как вариант, уводя за собой преследователей; защищать стаю на месте. Я только совершенно исключаю вариант, который по мнению Гумилева, видимо должен быть наиболее естественным в соответствии с инстинктом самосохранения, – в случае опасности бросать стаю и «делать ноги», забыв о своем гареме. И дело здесь совсем не в морали, а в том, что самец с подобной установкой поведения никогда не будет иметь своего гарема и не оставит потомства, хотя сам и спасется.

Человеческое общество (механизмы саморегуляции 1)

Рассмотрим некое относительно замкнутое устойчивое человеческое сообщество. Это может быть род, племя, народность, государство и т. д. В понятие «устойчивое» я вкладываю смысл, что оно существует в слабо меняющемся виде на протяжении многих поколений. А это автоматически означает, что оно

Прикладная философия filosoff.org организовано так, что должно воспроизводиться с течением времени. Под относительной замкнутостью я подразумеваю, что это воспроизводство происходит самостоятельно, без необходимого участия других сообществ. Другими словами речь будет идти о самовоспроизводящихся на протяжении многих поколений человеческих сообществах.

Существует ли альтернатива таким сообществам? Конечно, да. Например монашеские ордена, существующие столетиями, не самовоспроизводятся, поскольку контингент для пополнения черпают из вне. А некоторые другие объединения оказываются неустойчивыми и быстро распадаются, хотя вполне могли бы быть самовоспроизводящимися.

Самовоспроизводящееся человеческое сообщество не смогло бы существовать, не решив трех задач, обеспечивающих его устойчивость. Во-первых, сообщество должно уметь создавать все необходимое для нормального существования своих членов (еда, одежда, жилье и т. д.). И это умение должно не теряться со временем. Во-вторых, в сообществе должны существовать нормальные условия для воспроизводства новых членов сообщества (рождение, выращивание, воспитание, обучение). В-третьих, сообщество должно уметь обороняться от различных внешних разрушающих сил, в первую очередь со стороны других сообществ. Решение всех этих задач базируется на материальной базе, которой располагает сообщество: природные ресурсы территории обитания сообщества и научные, технические, культурные ресурсы самого сообщества. А суть решения в конечном итоге сводится к одному – созданию механизмов, опирающихся на человеческую природу, регулирующих взаимоотношения между членами сообщества, таким образом, чтобы сообщество успешно решало три обозначенные выше задачи.

При этом полученное решение должно подходить для ситуаций с огромным количеством существенных параметров, часть из которых меняется монотонно и постоянно, как технический прогресс, экология, часть – резко и достаточно случайным образом, как эпидемии, стихийные бедствия, часть – прогнозируемым, но с катастрофическими последствиями, как войны. Сложность решения усугубляется тем, что несмотря на определенное сходство человеческих личностей, между ними существуют значительные различия. А механизмы, регулирующие человеческие отношения, в некоторых случаях должны нивелировать эти различия, а в некоторых наоборот усугублять их. Солдат в строю должен быть максимально лишен индивидуальных отличий, а актер, напротив, выделяться своей индивидуальной неповторимостью. Поэтому можно однозначно утверждать, что идеального решения для этой задачи в природе просто не существует, и исторический опыт тому подтверждение.

Раз невозможно строго решить задачу, проанализируем различные тенденции, и возможно, определим область не очень плохих решений. Во-первых, рассмотрим вопрос семьи и сексуальных отношений. Мировой исторический опыт предлагает достаточно широкий выбор возможных решений в этой области. Однако если не углубляться в историко-национальный экскурс, то можно ограничиться следующим относительно очевидным выводом, что при приближенном биологическом соотношении мужчин и женщин один к одному, экономическом уровне развития и богатства общества, позволяющем одному из родителей вырастить и воспитать даже нескольких детей, сложившиеся в христианском мире к настоящему моменту отношения практически оптимальны. Они могут быть сформулированы так: основной социальной ячейкой по воспроизводству новых членов общества является моногамная семья, но на ряду с ней относительно распространены полигамные сексуальные отношения с равноправием участвующих в них партнеров. Основным, и практически, единственным общественным инструментом, регулирующим соотношение первого и второго типов, является действующая в обществе мораль, т. е. общественный инструмент относительно мягкой и сам довольно легко адаптирующийся под общественные потребности. Соотношение вкладов первого и второго типов в рождении и воспитании детей может меняться в зависимости от множества факторов, но не должно очень сильно влиять на воспроизводство новых членов общества.

Другим исключительно важным элементом механизма, регулирующего отношения в обществе, является дележ ценностей и распределение общественных повинностей. Основой, на базе которой строятся эти отношения будет человеческая природа и естественные человеческие потребности. Прежде всего, это физиологический минимум. Любые попытки создать систему дележа ценностей, не учитывающим эту грань для существенной части членов сообщества, ведет к неустойчивости всего сообщества, и устойчивость теряется по мере приближения к этой грани. А в общем, основным человеческим

стимулом является желание получать удовольствие и как можно меньше неудовольствия. Отсюда в принципе проистекает шкала человеческих ценностей. Ценностью обладает все, что доставляет удовольствия и уменьшает страдания (неудовольствия) в настоящем и будущем. Во-первых, это физиологический уровень. Во-вторых, эстетический уровень, который основан на человеческой культуре, привнесенной в сознание (анализатор в модели человеческой личности) через обучение, но большей частью, через общественный гипноз и самовнушение. В-третьих, опосредованные через интеллект (интеллектуальный канал обработки информации в личностном анализаторе) будущие варианты физиологического и эстетического уровня.

С физиологическим уровнем все и так более или менее ясно, это физиологическое удовольствие (или страдание), страх и т. д. Эстетический тип удовольствия – неудовольствия интуитивно тоже понятен, это удовольствие (или раздражение) от произведений искусства и культуры, спорта, оригинального решения задачи, приятного общества и т. д. К третьему, интеллектуальному типу, я отношу социальные категории, которые для человека не имеют самостоятельного значения, но за то определяют в будущем удовольствия – страдания двух предыдущих уровней. Это, например, богатство (бедность), власть над другими (власть других над собой), хорошие (плохие) медицинские анализы и т. д. В некоторых случаях для несклонных к самоанализу личностей возможна определенная смена понятий из второй и третьей группы. Человек может, например, начать получать эстетическое удовольствие от накопления богатства, как Пушкинский «Скупой рыцарь», или стремиться к власти ради нее самой. Эти примеры могут быть предметом для психоанализа, но они ни в коей мере не портят предложенной классификации.

Если говорить о втором типе, то он в большинстве случаев является продуктом социального воспитания, т. е. проявляется у человека из достаточно зрелого общества, и мы его пока рассматривать не будем. Что касается первого, то он проистекает из физической природы и всегда присутствует в человеке. На основе будущих удовольствий-неудовольствий первого типа первоначально возникает третий тип. В принципе он уже видимо в зачаточной форме присутствует и у животных, к примеру тех, которые делают запасы. Естественный отбор, как мы уже обсуждали, в состоянии привести животное к занятиям дающим не только сиюминутный эффект, но и в отдаленном будущем. У человека, по мере его развития практически вся деятельность становится ориентированной на более или менее отдаленное будущее. Поэтому постепенно третий, интеллектуальный, тип получения удовольствия-неудовольствия становится преобладающим в человеческой жизни и основным в его трудовой деятельности. А на основе этого соответственно возникают человеческие устремления, выражающиеся в экономическом интересе или корысти. Эти устремления, как вариант, могут быть ошибочными, но человеческий опыт, основанный как на позитивных данных, так и негативных, очень быстро приведет все в соответствие. А в результате в человеческой деятельности возникает вполне естественный принцип «экономической оправданности действий», т. е. закрепляется и остается в человеческой практике только то, что экономически обосновано.

Взглянем с этой точки зрения на конкретный объект. Рассмотрим например общество скотоводов кочевников. Их экономический уклад слабо менялся на протяжении столетий, поэтому сделанные выводы будут применимы и к началу этого века, и к заре человеческой цивилизации.

Минимальная социальная ячейка такого общества – семья. Муж один, жен одна или больше, в зависимости от национально-религиозной традиции, дети кочуют вместе с семьей проходя воспитание и обучение в соответствии с культурой, традициями. Дробление мельче невозможно, иначе нерешенным оказывается вопрос воспроизводства новых членов общества, либо для его решения потребуется усложнять социальную конструкцию, что влечет за собой дополнительные затраты, т. е. делает систему менее рациональной.

Если кочевники живут в условиях, неблагоприятных, как например северные народности, то прироста населения практически нет, дефицита пастбищ из-за этого нет, повода для конфликтов тоже нет. Социальные структуры наращиваться не должны. Естественно из-за родственных связей остается понятие «род», возможно более крупные объединения, но они остаются символическими, не имеющими важного социально-экономического значения. Человек остается миролюбивым, готов прийти каждому на помощь, нет агрессивности, эгоизм минимален.

Если природно-ландшафтные условия более благоприятны, то будет прирост населения в регионе. Постепенно возникнет дефицит пастбищ. Начнется борьба за более удобные или более плодородные пастбища. Появляется стимул к укрупнению социальных структур. Теперь объединение нескольких семей (род) в случае конфликта, а они становятся все более частыми, в состоянии выгнать с лучших пастбищ одну семью или малочисленный род. Предложенный механизм должен приводить к неограниченной концентрации. Но срабатывает другой механизм, останавливающий процесс укрупнения. Рост человеческой группы, живущей вместе ведет и к увеличению стада, от которого эта группа кормится, а стадо питается подножным кормом. Поэтому увеличение стада приведет к более частым кочевым переходам, меньше времени остается животным на свободный выгул. Очень крупный род, кочующий вместе, больше времени проводит в пути меньше откармливает скот, начинаются трудности, экономически выгодным становится раскол крупного объединения. Таким образом, через два различных механизма, один из которых ведет к слиянию а второй к дроблению, устанавливается некий оптимум для размера основной социально-экономической ячейки, соответствующий максимуму производительности труда, т. е. богатству общества. Повышенная плотность населения и нехватка пастбищ вовлекает человека в постоянные конфликты с соседями за недостающие пастбища. Он должен постоянно отстаивать свои интересы, что делает его агрессивным, эгоистичным, воинственным.

Одновременно с этим, из рассматриваемого региона возможен отток родов на другие территории, причем родов агрессивных, воинственных, готовых к конфликтам с каждым встречным. Мало того, что у них образовался избыток энергии, который гонит их с привычных мест, но у них есть еще энергия и опыт решать спорные вопросы на новой территории путем силы. Вот один из механизмов возникновения того, что Гумилев назвал пассионарностью, при этом предложен простой естественный механизм без привлечения излучения из космоса и прочей антинаучной чуши.

Что может явиться стимулом к дальнейшему усложнению социальной структуры, т. е. объединению родов в государство? Производственно-экономических предпосылок к этому нет. Недостатка в желающих объединить множество родов под своим началом конечно тоже нет, но как уже говорилось, никакой производитель без острой нужды не желает иметь над собой лишних нахлебников, и только необходимость делает объединение устойчивым, сохраняющимся и после смерти объединителя. Единственным возможным стимулом в этих условиях становится подготовка к войне. Либо это будет объединение под угрозой вторжения извне, либо объединение тех родов, которые приняли решение – сообща ринуться на покорение новых территорий.

С точки зрения, изложенной выше, взглянем на возникновение в Монголии в двенадцатом – тринадцатом веке условий для создания мировой империи. Судя по природно-климатическим условиям современной Монголии там даже сейчас нет очень благоприятных условий для быстрого прироста и возникновения переизбытка населения. А поэтому в двенадцатом веке, скорее всего, жители этого района находились в стадии слабо оформленных родовых отношений, были достаточно миролюбивы, неагрессивны, и их было относительно мало. От натиска соседних народов их спасало то, что в столь тяжелые для жизни условия никто особенно и не стремился переселиться. Как вариант, они сами оказались там в результате вытеснения их напористыми агрессивными народами из более плодородных районов.

С очень большой долей скепсиса я готов рассмотреть вариант изменения климата, предлагаемый Гумилевым. Пусть в одиннадцатом – двенадцатом веке там были превосходные условия для быстрого прироста населения. Но мы видели, что естественные внутренние причины могут привести только к созданию сильных родов. Что могло послужить стимулом к дальнейшему объединению? Внешняя агрессия со стороны Китая? Но более цивилизованное государство с «дикарями», может само начать воевать только при условии серьезных экономических видов на территорию. Природные ландшафты Монголии не пригодны для сельскохозяйственной культуры Китая, полезных ископаемых, представляющих ценность для средневекового государства там тоже нет. Стало быть китайская агрессия отпадает. Объединять Монголию нет причин. Если один или даже несколько воинственных родов ушли на освоение новых территорий, то у них просто неоткуда взяться установке на покорение других народов. Они этого не умеют делать и не знают, для чего это. Они умеют пасти скот и максимум, на что способны, это прогнать с хороших пастбищ попавшихся им других кочевников, или в крайнем случае ограбить и разорить селение встретившееся на пути. Но они еще не знают государственности, тем более

государственности многоступенчатой, когда целые государства подчиняются другому государству, выплачивая дань, они скорее всего еще не имеют денежных отношений и готовы только к натуральному обмену (своих денег у них естественно нет, но в принципе могли научиться у китайцев) и т. д. Т. е. гипотеза о том, что дикие кочевые роды, не знавшие государства, сходу, в течение одного поколения, создали колоссальную империю, охватившую полмира, – это просто невежественный бред.

Поэтому на мировую империю, зародившуюся в горных степях Монголии я смотрел, как на некую историческую несуразность. Таких противоестественных алогичных аномалий в традиционной исторической картине, которые вскрываются после простейшего анализа, я встречал достаточно, но не мог их разумно объяснить. Наиболее логичное и естественное, с моей точки зрения, объяснение всем им даны в книгах А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, предлагающим новую хронологию и иную историческую картину мировой цивилизации. Я сторонник предлагаемой ими теории в той мере, в которой хватает моей эрудиции. Впредь, в дальнейшем изложении, если это будет принципиально, я намерен придерживаться именно их версии мировой истории. Предлагаемые мною трактовки зачастую будут отличаться, но это как правило будет относиться к менее существенным элементам, чем вся картина в целом. Природа этих расхождений вероятно будет в том, что в силу колоссальности материала, который им пришлось охватить, по многим деталям они прошлись бегло, не вникая в подробности, мой же подход, основанный на иных методах обоснования, больше связанных с экономикой и психологией, иногда будет давать более углубленное рассмотрение именно этих деталей.

Человеческое общество (механизмы саморегуляции 2)

Человеческие существа, несмотря на сильные индивидуальные различия, во многих поведенческих вопросах оказываются удивительно похожи. Причина этой схожести в общественном воспитании индивидуумов. Через воспитание общество формирует личности таким образом, чтобы иметь в своем арсенале необходимые инструменты для управления ими в общественных интересах. Во-первых, это прямое обучение в школе, дошкольных учреждениях, и других учебных заведениях. Во-вторых, – общественный гипноз.

Поскольку далеко не каждый читатель знаком с гипнотическим воздействием, я вынужден буду несколько слов сказать и об этом. Обычный гипноз (без телепатии) основан на свойствах психики человека, в нем нет ничего сверхъестественного. Гипнотическое состояние – это некое промежуточное состояние между сном и бодрствованием, когда в подавленном (спящем) состоянии находится отдел сознания, отвечающий за самоконтроль личности, а некоторые другие отделы сознания, прежде всего слуховой центр, бодрствуют. Таким образом, человек под гипнозом любую понятную ему звуковую команду воспринимает как руководство к действию без критического осмысления. Гипнотизеру совсем не надо, как кажется многим, иметь сильную волю. Ему только необходимо владеть методиками, помогающими человеку попасть в необходимое состояние. За исключением нескольких специфических методик все они основаны на авторитарных методах. Гипнотизер тем или иным способом добивается авторитета (не критичного подхода) в глазах гипнотизируемого, а за тем используя этот авторитет, проводит свой сеанс, отдавая необходимые команды.

Обществу нет необходимости специально добиваться авторитета у личности. В большинстве случаев это уже обеспечено, подавляющее большинство людей мыслит категориями: также как другие; не хуже, чем у других; хочу также, как у кого то; чтобы оценили другие и т. д. Такой тип мышления, соответствующими штампами, возникает не просто так, а как некий вспомогательный механизм, позволяющий максимально использовать чужой и свой прежний опыт, чтобы облегчить мышление, ускорить его, заставить эффективно работать в реальных временах. Представьте себе парня, оказавшегося, например, в среде сверстников – футбольных фанатов, у которых половина всех интересов вертится вокруг своего увлечения. Его никто специально и не будет убеждать, что футбол это интересно. Но если он хочет быть частью коллектива, общаться с другими, то невольно обязан увлечься их интересом, участвовать в разговорах, мыслить некими общепринятыми в их среде штампами. Чем больше он будет участвовать в этом, тем больше будет повышать свою

заинтересованность в данном предмете. Это уже самовнушение. Одновременно он становится частью коллектива с его общественным интересом, гипнотизируя своим интересом других членов этого коллектива. Таков механизм навязывания индивидууму общественной шкалы ценностей через общественное внушение.

Рассмотрим с этой точки зрения такое явление, как любовь. С самого раннего детства, еще задолго до того, как человек начинает понимать о чем идет речь, на него начинается внушающее воздействие общества. Берем к примеру распространенный сказочный сюжет. Есть идеальная любящая молодая пара. Ее захватывает и уносит злодей. Он отправляется на поиски, преодолевает кучу препятствий, рискует жизнью. Она на все происки злодея отвечает категорическим отказом, не покупается ни за какие ценности, готова на смерть. Герой находит злодея, в бою побеждает его, освобождает любимую, они живут долго и счастливо, в любви и согласии.

Очень ненавязчиво, как бы исподтишка, ребенку внушается представление о счастье, о смысле жизни. (Я не обсуждаю сейчас правильно это или нет, а только рассматриваю механизм общественного внушения). Во-первых, любовь это то, ради чего можно отказаться от любых материальных ценностей, рисковать жизнью, во-вторых, когда любимые соединились, больше особенно и рассказывать не о чем, все как нельзя лучше, достигнут идеал.

Чуть позже детские сказки сменяются приключенческими романами. Аппарат внушения должен соответствовать уровню подготовки гипнотизируемого, он должен увлечь его (пользоваться авторитетом) и не содержать слишком наивных трактовок (чтобы авторитет не падал). Позже чтиво и другие произведения культуры будут постепенно меняться, но все равно будут продолжать вращаться вокруг этой темы, которой касается большая половина всей человеческой культуры. С возрастом начинают проявляться физиологические потребности, которые подогревают установку на рассматриваемую тему, интерес сверстников тоже вносит свой вклад в общественное внушение и самовнушение, а завершается все взаимным внушением двоих. При идеальном совпадении всех составляющих и сильной гипнабельности партнеров возможна страсть как у Ромео и Джульетты. Такая крайность, которая может приводить к трагическому исходу в случае социального сбоя, обществу конечно не нужна, но вся система для воспроизводства новых членов общества наверно полезна, иначе этот общественно-физиологический механизм не сложился бы.

Набор общественных установок об относительной ценности вещей, понятие о добре и зле, правила и нормы приличия и т. д. составляют в любом человеческом сообществе некоторую культурную систему. Эта система существует, как совокупность индивидуальных человеческих систем, которые, в свою очередь, являются продуктом общественного обучения и внушения. Таким образом можно ввести понятие общественного сознания, которое существует как совокупность индивидуальных сознаний членов сообщества и постоянно воспроизводится через описанные выше механизмы. Естественно, это общественное сознание сильно неоднородно. Разброс индивидуальных систем может сильно варьироваться в зависимости от образования, культуры, материального достатка, среды обитания, пола, профессии, интеллекта и иных особенностей человека. Но все же можно практически для любого существенного понятия этой системы ввести среднее значение, как наиболее распространенное для сообщества, и некоторую величину, назовем ее дисперсией, характеризующую разброс возможных отклонений от среднего и их частоту.

Пусть в сообществе сложилось к некоторому моменту общественное сознание с определенной дисперсией. Дисперсия сама является результатом социальных норм, сложившихся в обществе. Если общество устроено так, что оно сильно карает за отклонение от среднего, то дисперсия будет меньше. Если же речь идет о вопросе, где за отклонение практически не наказывают, дисперсия будет больше. Если принцип «не укради» подтвержден неотвратимым наказанием за содеянное, то воров в обществе останется мало, т. е. дисперсия по данной общественной установке будет минимальна. Если же в обществе отсутствует система наказания и пресечения этих деяний, то остается меньше стимулов для подобной общественной установки, и сознание многих членов общества все больше начинает склоняться к возможности воровства, дисперсия начинает расти. На прежней общественной установке остаются те, в ком очень сильна норма морали, те, кто, не имея возможности красть, задним числом нагнетают в себе, часто из зависти, осуждение воровства, и те, для кого сдерживающим фактором является мнение о них окружающих. Такие изменения в общественном сознании могут происходить очень быстро. Если поставить людей на грань

нищеты и в качестве единственной альтернативы жить нормально предложить им воровство (или иное преступление, например торговлю наркотиками), то очень многие достаточно быстро пусть и болезненно, с мучениями перешагнут в себе этот барьер. Но окончательный сдвиг в общественном сознании произойдет при смене поколений, т. е. приблизительно за десять-двадцать лет. Подрастающий молодой человек изначально не будет иметь моральной установки «не укради», потому, что ее уже не будет в обществе в том виде, как было раньше. Поэтому в молодом поколении будут отсутствовать две основные группы, хранящие этот принцип: с жестко внедренной в сознание нормой морали и те, кто ориентируется на мнение о себе окружающих. Если же принять во внимание, что в молодости еще все дороги представляются возможными, и нет четко установившегося порядка жизни, то среди молодежи реально будет отсутствовать и третья группа – тех, кто не имеет возможности украсть. Принцип «не укради» будет вытеснен. Итогом изменения социальных условий будет изменение общественного сознания.

У читателя может возникнуть ощущение, что приведенный пример уж очень утрирован. Думаю, что нет. В России сдвиг в общественном сознании за последние годы произошел очень сильный, а ведь не прошло еще и десяти лет с начала изменения социальных условий, основные изменения еще впереди, после смены поколений. Огромное количество людей, вынужденно торгующих сегодня на рынке, десять лет назад и представить себе не могло такого поворота судьбы, что они станут торгашами. В советские времена наркомания была исключительно редким явлением, с которым большинство было знакомо только понаслышке, а сейчас она хотя бы косвенно, через свои негативные проявления, уже касается практически всех. Если раньше для большинства слово «преступник» носило явно отрицательный характер, то сегодня большинство молодежи с уважением воспринимает понятие «преступный авторитет» и все, что с этим связано.

Возьмем к примеру Америку. Эта нация большей частью происходит из христианского мира, и сегодня большинство американцев исповедуют различные направления христианства, но попытки в общественном сознании обнаружить христианскую заповедь «не укради», думаю, будут мало результативны. Воровство осуждается законодательством, но только лишь в сочетании с судебной процедурой. А в результате общественное сознание осуждает не вора, а вора попавшегося и признанного виновным судом. Кажется, что это почти одно и то же, но на самом деле в общественном сознании получается совершенно иной результат. Воровство рассматривается просто как сверх доходный рискованный бизнес, а осуждается то, что позволил суду признать себя виновным. Виноват не тем, что воровал, а тем что попался. Аморально не воровать, или скажем, торговать наркотиками, а аморально попадаться. Не важно, чем ты занимаешься, главное иметь успех. Морально преуспевать, аморально быть неудачником.

Это очень характерный пример противоречивости нашего мира. Из христианской заповедь «не укради» и презумпции невиновности, в общественном сознании возникает очень неприглядная общественная установка, более того установка вредная для общества, закладывающая в него разрушительные механизмы. Причин для этого две.

Во-первых, общественное сознание таким образом отражает в себе объективный факт несовершенства правовой системы. У предпринимателя, занимающегося незаконным бизнесом, остаются огромные возможности для защиты, от подкупа до запугивания и физического устранения неугодных. При чем объектом такого давления могут быть и полиция, и свидетели, и суд. И это в Америке, с ее правовыми традициями и огромным богатством. Попробуем мысленно перенести аналогичную правовую систему на Российскую почву с ее нищей беспомощной и продажной милицией, такими же судами, беззащитными свидетелями. Прогноз на установку в общественном сознании по этому вопросу будет более, чем неутешительным, а процесс уже идет...

Во-вторых, общественное сознание само далеко не беспристрастно отражает в себе внешний мир. Основным человеческим мотивом, как было сказано выше, остается экономический интерес или корысть. Поэтому в человеческом сознании внешний мир не просто отражается, а преломляется с учетом этого.

После того, как наработан некоторый материал, можно сделать попытку проанализировать практический вопрос посложнее, культурно исторический тип некоторых наций. И прежде всего интерес здесь представляет еврейский феномен в мировой цивилизации. Безусловно, это самая деловая нация, большая часть мировой экономики находится под еврейским контролем, еврейское влияние на всю мировую политику огромно, наконец, евреям в огромной степени обязана Россия той ситуации, в которой она пребывает после семнадцатого года. С одной стороны, по конкретному вкладу ее представителей во все отрасли мировой культуры это самая талантливая нация, и в то же время, в мире нет другой нации, название которой стало бы нарицательным именем для обозначения продажности, предательства. С одной стороны, традиционная версия мировой истории утверждает, что это одна из самых старых наций, а с другой, в их культуре (гигиена, некоторые сексуальные вопросы, см. еврейские анекдоты на эту тему) явно присутствуют следы меньшей цивилизованности, чем, например, европейцев.

Теории о еврейском мировом заговоре, о том, что миром правят евреи из некоего центра, – очевидный бред. Нет у евреев единства, позволяющего это утверждать. Просто в любом движении они ухитряются оказаться на ключевых постах, при чем движениях разнородных, зачастую, конфликтующих между собой. Для меня совершенно не было бы удивительным, если бы выяснилось, что и антисемитские организации возглавляются евреями.

Этнические теории о том, что еврейский этнос паразитирует на всех других этносах земли, в принципе имеют право на существование. Но лично я никогда бы не взялся евреев за это осуждать. Это паразитирование сродни паразитированию всего рода человеческого на других биологических видах Земли. Как самый развитый биологический вид эксплуатирует всю биосферу Земли, включая иные биологические виды, так и самая талантливая, самая трудолюбивая и целеустремленная нация мира эксплуатирует другие, более отсталые народы, ничуть ни больше, аккурат в соответствии с уровнем развития.

Другой не менее интересный для анализа феномен, особенно для нас, это русская нация. Согласно традиционной истории это фактически самая молодая европейская нация. Но при этом есть определенные симптомы зрелости, которые выделяют ее из общего ряда европейских государств. Это существенно меньший национализм, эгоизм и агрессивность по отношению к другим, повышенная духовность, и одновременно с этим какая-то надломленность, усталость. Что, если сходить из аналогии с фазами человеческой жизни, соответствует старости. Конечно можно говорить о том, что тяжелая судьба быстро старит, но эти же ощущения лично у меня сохраняются и по отношению к прошлому веку, а не только современности, с ее тяжелым коммунистическим наследием. А кроме этого, то, что я здесь имею ввиду, это определенные культурные и духовные особенности, именно душевный колорит, русского народа, которые сохраняются и передаются на протяжении многих поколений, хотя их крайне сложно рационально выделить и описать, а иностранцу, скорее всего, вообще будет непонятно, о чем я говорю. Т. е. здесь интуитивно ощущается присутствие каких-то очень глубоких, древних корней, которых в принципе нет у большинства других европейских народов.

Предлагаю свою гипотезу, которая растянется на несколько глав, и ее изложение придется начать с ревизии традиционной истории, вычленив из нее некоторых мифов.

Классическая история считает, что первые очаги цивилизации, города и государственность возникают за несколько тысячелетий до новой эры у народов с земледельческой культурой, в Египте, Междуречье Тигра и Евфрата, Индии, Китае. За несколько тысяч лет их культура постепенно проникает в дикие районы. Приблизительно за тысячу лет до новой эры возникает рабовладельческая цивилизация в Греции, чуть позже в Италии (Рим), в середине первого тысячелетия нашей эры, уже феодальная цивилизация приходит в Западную Европу, в конце первого, начале второго тысячелетия в Восточную Европу.

В такой картине мировой истории мне очень многое представляется противоестественным.

Для начала рассмотрим механизм расселения народов. Если в некоторой природно-климатической зоне сложились очень благоприятные производственные

земледельческие условия на основе какого либо технического достижения, то здесь начнется быстрый прирост населения. Если раньше численность населения сдерживалась нехваткой пищи, то при ее избытке прирост может быть до нескольких раз за время смены одного поколения, т. е. порядка двадцати лет. Если взять к примеру прирост всего два раза за двадцать лет, то это за двести лет даст увеличение численности населения в тысячу раз. Рост населения в регионе приостановится, когда людям перестанет хватать свободных земель и начнется нехватка пищи. Для очень многих в этой связи самым естественным решением будет отправиться на освоение новых земель, пригодных для земледелия, даже, если природно-климатические условия будут там несколько отличаться. При этом не надо переселять огромные массы людей, достаточно, чтобы на поиски ушли например две – три молодые семьи (четыре-шесть человек). В случае удачного поиска через пятьдесят лет эта группа превратится в два-три рода, живущих сообща. Стало быть характерное время расселения народов с более высокой культурой по пустующим удобным землям, в период до возникновения государств, порядка нескольких столетий. С возникновением государств это характерное время сокращается, благодаря тому, что на переселение могут отправляться существенно большие группы, и возникает больше механизмов для организации этого процесса. Теперь рассмотрим механизм переноса государственности.

Представим ситуацию, когда по соседству с цивилизованным государством живут относительно дикие земледельческие народы, организованные в роды или деревни. Если у них отсутствует власть, то эта ниша легко может быть заполнена группой лихой молодежи, из соседнего государства, отправившейся на поиски места под солнцем (поход Аргонатов по качественному и количественному составу). Имея лучшую организацию и вооружение они без особого риска и труда в состоянии подчинить себе несколько деревень, создав таким образом новое государство. Через поколение, максимум два, они неплохо ассимилируются в новой среде. Это новое государство естественным образом через культуру, родственные связи, торговлю оказывается тесно связанным с метрополией, т. е. на первом этапе становится ее вассалом. Вполне естественно возглавлять такой отряд завоевателей родственнику правителя, но не прямому наследнику престола. Его убирают в почетную ссылку, как возможного конкурента в борьбе за трон, да и организационная субординация отряда становится естественной, когда возглавляет ее принц или иной родственник царя, и делается все это по повелению правителя. Таким образом характерное время огусядарствления населенных районов порядка полвека. Поэтому в традиционной исторической картине очень странно выглядит соседство цивилизации и пустующих благодатных для земледелия районов Европы, измеряемое тысячелетиями.

Попробуем понять механизм возникновения государственности у земледельческих народов. Исторический опыт всего человечества однозначно показывает, что в земледелии самый эффективный – семейный труд. Если у скотоводов-кочевников был определенный экономический стимул к укрупнению производства, то у земледельцев и его нет. Земледельцы могут проживать сообща, одной деревней, родом или группой родов, во-первых, потому, что не мешают друг другу, а во-вторых, есть дополнительные минимальные удобства от такого проживания: оборона от разбойников, какие-то общественные ирригационные работы и т. д. В более высокой культуре приблизительно на такой же масштаб нужен специалист другой профессии – кузнец, мельник и т. д. Это выглядит очень странно, исходя из истории, которую нам преподавали еще в школе, но получается, что и у земледельческих народов нет серьезных причин для возникновения первых очагов государственности.

По поводу существования рабовладельческих государств есть и еще ряд серьезных возражений, некоторые из них обсудим позже, а сейчас рассмотрим единственный реальный механизм для возникновения первых очагов государственности.

Людям, живущим в одной природно-климатической зоне, и занимающимся одним делом торговать друг с другом нечем, но вот людям, живущим в разных зонах, торговать есть чем. Наиболее удобное место для торговли – граница природных ландшафтов. Каждый подошел к месту встречи из своей зоны, торг на границе. А еще лучше, чтобы в этой точке встречались несколько ландшафтных зон, и торг был между представителями нескольких культур. Так начинают складываться первые традиционные рынки, на которые люди отправляются специально на торговлю, первоначально обмен. Но есть класс людей, которые не привязаны ни к какому определенному природному ландшафту. Это ремесленники: кузнецы, гончары, сапожники и т. д. Для них естественнее

всего привязаться к месту удобному для торговли. Они селятся и свои мастерские организуют вблизи рынков. Их концентрация в одном месте диктуется экономическими соображениями. Так возникают первые города, которые из-за своего размера и разнородности состава жителей требуют уже наличия профессиональной власти, т. е. усложнения социальной структуры.

Я думаю, что попытка найти хоть один древний город вдали от реки и морского берега, т. е. от наиболее экономически удобного способа транспортировки товаров, окажется безрезультатной. Заодно мы ответили на вопрос, на который, например, Гумилев ответа не смог дать, хотя и обращал внимание, почему новые этносы возникают на границе ландшафтных зон.

С появлением первых городов появляются профессиональные купцы, которые торгуют чужими товарами, покупая их в одном городе и продавая в другом. На пересечении торговых путей тоже возникают рынки, поселения ремесленников, города. Несложно видеть, что это значительно повышает эффективность торговли. Наиболее крупные и богатые города возникают именно на пересечении оживленных торговых путей. Первые крупнейшие центры мировой цивилизации так и складываются. Так возникает Первый Рим (Александрия Египетская). Здесь встречаются природные ландшафты земледельческие, кочевые, морские, здесь же проходит крупнейшая река Африки, т. е. идеальный торговый маршрут для всех, кто на ней живет. Но самое идеальное с географической точки зрения расположение у Второго Рима (Константинополь). Здесь пересекаются сухопутные и водные пути, связывающие колоссальные территории, находящиеся в различных природно-климатических зонах и соответственно разных ландшафтах, и расположен он так, что его с большим грузом ни обойти, ни объехать, ни оплыть (все дороги ведут в Рим).

В связи с этим возникает совершенно иной взгляд на мировую цивилизацию. Не из первых империй культура постепенно распространяется на дикие соседние районы, а сами эти первые империи возникают на торговых путях, связывающих уже достаточно цивилизованные соседние районы. И этот наш логический результат очень хорошо согласуется с предыдущим выводом о том, что и земледельческая и скотоводческая культура очень быстро распространяется по всем благоприятным природным зонам. Не Византия цивилизовала дикую Европу, а благодаря тому, что в Европе и Северной Африке была достаточно высокая культура, наступил расцвет Византии (Римской империи).

С этой точки зрения можно взглянуть на Грецию или Италию, или то, что в традиционной истории называют Карфагеном. Таких географических условий, которые у Константинополя, ни у одного города этих стран и отдаленно нет. А потому приходится теоретикам традиционной истории выдумывать сомнительные истории о возникновении там мегаполисов. Гумилев, например, сочинил сказку о наличии банды на месте современного Рима, которая грабила округу, а потом и вовсе подчинила всех себе. Не было в древности условий для возникновения столицы мира в Итальянском Риме. История знает немало фактов, когда прежде цветущий город быстро угасал, если исчезала экономическая причина, его породившая. А вроде бы и жители уже были, да и городская власть – это посерьезнее, чем банда разбойников, а не расцветают города без экономики.

Кроме прочего из проведенного анализа напрашивается и еще один вывод. Первые очаги государственности в мире возникли вблизи Средиземноморья, где встречается большое количество разных природных ландшафтов, это нормально. А вот древнейшие государственные цивилизации Китая и Индии с этой точки зрения выглядят более чем сомнительно, земледельческие культуры там были, а вот государства, вряд ли.

С появлением городов возникает новый тип власти, городская, которая не связана с производством. Она возникает, как продукт потребностей городских жителей, купцов и ремесленников. Первоначально высшим органом власти является общее собрание жителей (вече), но по мере роста городов и соответственно числа организационных задач, возникающих в городской жизни, все большие исполнительные полномочия передаются выборной власти. По своему назначению выборная власть призвана защищать общественные интересы, и только лишь для общественных интересов она организует общественные повинности и налоги. Никто не заинтересован платить налоги больше, чем это вызвано острой общественной потребностью. Так возникает естественный механизм по сбору налогов.

В общем-то очевиден следующий круг вопросов, решаемых этой властью: охрана порядка, разрешение спорных ситуаций между горожанами, строительство и

поддержание городских стен, ворот, их охрана от разбойников, регулирование вопроса о пропуске в город посторонних, санитарные работы, планирование построек, сбор налогов. Возможно какие-то менее существенные вопросы и упущены, но хотелось бы обратить внимание на то, что в городе необходима полиция (стража), но нет армии. И полиции ровно столько, на какое количество жители решат собирать налоги. Выборная власть пока еще полностью послушна жителям, т. е. государство-республика. Государственность существует очагами в городах, отстоящих друг от друга на большом расстоянии, территория между ними ничья, спорных вопросов у городов практически нет. Из проведенного выше анализа следует, что в Римской империи (Византии), в общем то, не было армии. Вывод несколько странный, исходя из классической истории, но вполне естественный, если идти к нему логическим путем. А с кем, собственно, воевать, и ради чего тратить огромные деньги? Сбор налогов на содержание армии – очень непростая процедура, и за их увеличение должны «проголосовать» сами жители. Армия должна самоокупаться, т. е. от ее наличия должен быть какой-то приход или отсутствие убытка, который бы мог быть в случае ее отсутствия, не меньше, чем цена ее содержания. По мере роста города, начиная с некоторого уровня (думаю, что больше ста тысяч жителей) власть в силу больших возможностей (большой бюджет, многочисленность стражи, развитый чиновничий аппарат) и отдаления от народа будет иметь тенденцию к сохранению, т. е. выборная власть постепенно будет узурпироваться, превращаться в императорскую, но при всем этом она будет оставаться весьма слабой и постоянно должна будет оглядываться на народное мнение.

Итак первая столица мира (Рим) могла быть только в Константинополе, и никаком другом географическом месте. Государство было республикой. Армии не было. Основной доход казны – налоги с жителей. В экономике города, грубо говоря, можно выделить две основные экономические группы. Во-первых, это ремесленник, рыбак, крестьянин или скотовод, который продает продукты своего труда, т. е. производитель, производственник. Во-вторых, профессиональный торговец, купец. Рассмотрим этот вид бизнеса чуть подробнее.

Изначально нишу по перепродаже товаров из одного города в другом естественно занять кочевникам. Во-первых, они привычны к переездам с грузом на большие расстояния, во-вторых, они контролируют пространство между городами, т. е. решают кого пропустить, кого нет, кого ограбить и с кого какие «пошлины» за проезд взять. Это делает бизнес, торговлю в сочетании с разбоем исключительно доходным, обеспечивая монопольно высокие прибыли. Начинает формироваться клан сверх богатых купцов, имеющих целые торговые империи, разбросанные по разным городам. Они вынуждены передоверять ведение дел в своих филиалах приказчикам и другим доверенным лицам. Но приказчик может воровать, продаться конкурентам, лениться или просто из боязни риска вести дела не самым эффективным образом. Поэтому очевидно, что максимум доходности в торговле должен приходиться на размеры капиталов, не превышающие того, что может работать в одном месте под непосредственным руководством хозяина. Для повышения эффективности торговли целесообразно изменить характер отношений. Приказчик филиала должен сам стать хозяином, с полным своим интересом и риском соответственно, а очень богатый купец превратиться в финансиста, ссужающего деньги под заранее оговоренные проценты. Так из очень богатой купеческой прослойки возникает класс ростовщиков, работоторговцев (не сумевший возратить кредит становится рабом).

Назывались представители этого бизнеса «жидами», либо как то похоже, например, слово «иуда» всего лишь другая транскрипция этого же слова. Вероятно латинскими буквами без огласовок это было JD. Первоначально оно вероятно означало просто «купец», «торговец». Отсюда «земля иудейская» (жидовская) – рынок, или даже город, поскольку, город первоначально это и есть место торгов. От сюда же «народ иудейский»-горожане, «Царь иудейский (жидовский)» – правитель города. Но на этом отрезке истории, практически все остальное население Римской (Византийской) империи ненавидело жидов, которые грабили все остальные сословия, почему собственно и сложился резко отрицательный смысловой оттенок у этого слова. В современном русском языке для такого бизнеса я и не могу подобрать название лучше, чем «иуда», но далее по тексту, чтобы избежать тавтологий, и двусмысленности, буду использовать традиционное русское название «жид», имея в виду только этот смысл, без какой либо национальной окраски.

Естественно, что слабая выборная власть ничего не могла сделать с жидами,

более того, они во-первых, в состоянии были ее купить, во-вторых, обеспечить победу на выборах своему приказчику. Ясно, что подконтрольная власть создает огромные дополнительные удобства и дает дополнительные доходы, поскольку может решить многие вопросы, наехать на конкурентов, освободить от налогов, отдать на откуп сбор налогов, пошлин, общественные работы, регулировать вопрос, кому можно въехать в город, кому нет и т. д. Но от разбойников, действующих за пределами городских стен, тоже отказываться не следует. И лучше других подходят на эту роль кочевники. Один кочевой род в состоянии перекрыть торговые пути в своем районе, а несколько, объединенных вместе под одним началом, совершить набег на область, правители которой притесняют жидов, или выполнить жидовский заказ товара на невольничий рынок. При этом содержание таких разбойников исключительно дешево. Кочевники живут по своим традиционным законам, сами себя обеспечивают, а подкармливать и контролировать достаточно только верхушку.

Я почти согласен с исторической трактовкой отношений Руси и Поля предлагаемой Олжасом Сулейменовым. Кочевники, продолжавшие жить по родовым законам, были в среднем честнее, чем русские князья того же периода, поскольку на Руси в это время шло усложнение социальных структур, и родовые законы, да и частично сами родственные связи, утрачивали свое значение. Но это было бы совсем так, если бы не часть кочевников, работавших на жидов. Поэтому не случайно в исторической русской памяти сохранились набег кочевников, увозящих людей на невольничьи рынки, а войны с Хазарами русские летописи называют войной с «жидовинами».

Деятельность жидов разрушала Римскую империю. Они разоряли жителей Константинополя, натравливали одни народы на другие, стимулировали разбой на дорогах, купленные власти Римской империи устраивали погромы тех, кто чем-то был неугоден жидам (Христианский миф о избииении младенцев). Соответственно жидовская власть (иудейская власть) в народе именовалась властью Ирода. Не было государства Иудеи, была жидовская власть в Риме (Второй Рим = Константинополь = Иерусалим). Не было Римского императора (или выборного правителя) с таким именем, это изначально имя нарицательное. Заниматься этимологией я не могу в силу недостаточности подготовки, да и сам этот процесс требует слишком многих предположений, обоснованность которых недоказуема. Однако ясно, что превращение имен собственных в нарицательные (садизм от маркиза де Сад) или изменение значений слов на противоположное возможно только в поздние времена, когда отношение к словам существенно изменилось. Изначально слова и письменность были частью магии. В древних словах и алфавитах зашит сложный эзотерический смысл. Например синонимы в древних языках имеют, подсчитанные определенным образом, равные суммы. Вероятность такого случайного совпадения всего около 11 процентов. Поэтому, думаю, можно утверждать, что ирод в то время уже был изувером, жид=иуда уже тогда был продажным предателем. В подтверждение такой исторической реконструкции я приведу всего одну цитату из последнего Библейского пророчества Даниила: «... и воцарится Антихрист и соделает чудеса обманом. И возвеличит иудеев...». (Текст дан по книге Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко «Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии? Русь и Рим» 1997 г. стр. 606). По Даниилу Антихрист и иудеи (в моей терминологии читай «жиды») – одна компания, что полностью было бы лишено смысла, если бы действие происходило в государстве Иудейском, где все люди, да и сам пророк Даниил, были бы иудеи, как это представлено в классической истории. (Между прочим эта цитата перечеркивает и версию авторов Новой Хронологии о значении слова «иудей», которое, вероятно, более поздняя еврейская фальсификация, искажение первоначального смысла). К примеру Л. Гумилев, который верит всему, что написано в древних письменных источниках, и очень лихо строит версии, дополняющие их, что власть над Хазарами захватили евреи и долго правили ими, что Византия рухнула тоже с помощью евреев и т. д. Очень странная версия, и я совершенно не вижу реального механизма для ее реализации. А вот искажение заинтересованными лицами значения одного слова, которое в древности писалось без огласовок, вполне реально.

Естественно, в Византии были попытки бороться с жидовством. На каком-то этапе борьбу возглавил основной прототип Христа, Папа Римский (так его трактует классическая история, я полагаю, что он был правителем) Григорий Гильденбранд (1053 –? г.). В Христианском мифе это отразилось в проповеди, осуждающей богатство, разгоне торговцев в храме, легенде о Вечном Жиде, а также то, что жиды (иуда) предательски погубили Христа. Борьба на многие годы приняла очень острый характер. На Григория Гильденбранда было совершено покушение, но не принесло успеха (в Христианском мифе он чудом

Прикладная философия filosoff.org
воскрес). Эти события позже составили основу Христианских мифов, однако в экономике серьезных изменений произойти и не могло, что привело к падению Рима при столкновении с первой же реальной военной силой через несколько веков. Само Христианство в Римской империи вероятно утвердилось позже, в конце двенадцатого века. По-видимому, стойкие рассказы-легенды о царе, народном герое, гонявшем жидов, распространенные в беднейших слоях населения, (это должно было произойти лет через семьдесят, когда живых очевидцев уже не осталось) привели власти к необходимости канонизировать его и создать культ из его учения. Хотя основная масса Христианских праздников и обрядов вероятно происходила из более ранних культов и имело длительную традицию.

От городов-государств до мировой империи

Вернемся вновь к исторической теме и рассмотрим вопрос о природе власти. Первоначально власть существует только лишь как родственная и экономическая власть. Вполне естественно, что до некоторого возраста дети подчиняются родителям. После достижения ими совершеннолетия характер отношений определяется традициями, которые в основном проистекают из производственных отношений. В обществах, где господствует семейный труд, дети, как правило, отделяются после создания ими своих семей (рассматриваем только мужскую линию, поскольку она существенна для вопроса власти и наследства). В обществах с родовым устройством молодой человек остается в подчинении главы рода. Поэтому процесс пересмотра способа организации производства стоит практически постоянно, и регулируется через определенную борьбу внутри семей. Главе рода желательно все сохранить под своим контролем, молодежи желательно отделиться и при этом получить свой пай, который до его выделения контролируется главой рода.

Рассматриваемые вопросы завязаны на собственность и способы ее наследования, поэтому взглянем на проблему с юридической точки зрения. При малой плотности населения и отсутствии государства, правовые формы регулирования отношений складываются стихийно. Понятие собственности включает в себя три правовых компонента: владение, пользование, распоряжение. Производитель (семья, род, или другая производственная единица) пользуется пустующими землями. Вопрос о собственности возникает только тогда, когда другой производитель проявляет какой-то интерес к этой же земле. И вот здесь в зависимости от вида деятельности возникают разные следствия. Если речь идет о земледельцах, то они постоянно находятся на земле, где трудятся. Т. е., выражаясь юридически, они владеют этой землей, и при необходимости готовы свое право владения отстаивать. Из их таким образом возникшего владения вытекает пользование и распоряжение, т. е. полная собственность в юридическом смысле. Если мы говорим о скотоводах, кочевниках, то по роду своей деятельности они постоянно переходят с места на место, не имея возможности постоянно осуществлять владение участком земли. Отсюда проистекает и невозможность ее собственности, единоличного пользования и распоряжения. Т. е. у скотоводов в силу специфики их труда существенный компонент производительных сил – земля, вынужденно находится в общем пользовании. И свое право пользования ею иногда приходится отстаивать силой, что и приводит к укрупнению производственной ячейки до размера рода. А отсюда возникают основные народные традиции: либо большая самостоятельность, раздробленность, свобода, инициатива, эгоизм, и как следствие большая производительность труда, либо большая дисциплинированность, коллективность, авторитарность руководства, меньше инициатива, меньший эгоизм, определенная тенденция к застою.

В способе производства с родовым устройством наиболее экономически обоснованным является способ наследования по старшинству, так, чтобы руководство родом переходило от главы к старшему близкому родственнику, оставшемуся в роду, а не сыну главы рода. Такое равноправие стимулирует всех родственников в роду к честному эффективному труду на благо рода. Наследование главы рода старшим сыном ставит его дядьев в невыгодное положение с самого начала и создает у них предпосылки к внутривидовой борьбе с их детства (покушения на старшего брата, пока у него нет детей), попыток раздела рода (сепаратизма), или по крайней мере, незаинтересованному труду в роду. С этой точки зрения изменение формы наследования (старший сын вместо младшего брата) является признанием

перехода от родовых отношений к семейным. Для любого вида производства семейный труд более эффективен, чем коллективный, поскольку больше стимулирует личный эгоизм, но этот переход возможен только если развиты какие-то властные социальные структуры, способные защитить мелкого семейного производителя и его права собственности. Как мы видели, у кочевников именно отсутствие социальных структур, стоящих над родом, приводило к усилению родовых связей, делая род основной производственной ячейкой. А форма власти в роду – неограниченная главы рода над всеми остальными, только так может быть обеспечена необходимая дисциплина и устойчивость объединения при столкновении с другим человеческим сообществом.

Итак, изначально могут возникать два варианта экономики, семейная и родовая. Родовая постоянно через борьбу внутри семей будет иметь тенденцию к переходу в семейную, поскольку в этом большая заинтересованность у молодежи, и объективно такая форма организации труда эффективнее за счет стимулирования личного эгоизма. Родовая форма удерживается только за счет определенной организации всего общества, которая не дает необходимых гарантий мелкому семейному производителю. Как только за счет изменения организации всего общества такие гарантии появляются, система из-за экономических преимуществ и определенного интереса внутри родов должна непременно переходить в семейную. В принципе, те же самые механизмы будут определять и форму наследования политической власти. Если ситуация позволяет, то она неизбежно перейдет в семейную, а если политическая ситуация более жесткая, то будет необходима иная, более коллегиальная формы наследования, допускающая меньше слабостей в переходные периоды.

С появлением городов возникает новый тип власти. Любая власть исключительно выгодна для того, кто ею обладает, поэтому естественны попытки с одной стороны узурпировать ее, а с другой стремление горожан ограничить эту власть. В условиях, когда нет внешних противников, т. е. по чисто внутренним механизмам в таких городах-государствах должна установиться республика, т. е. демократия. Возникает выборная власть, наиболее дешевая и практически не мешающая горожанам жить. Так было в Византии (Константинополь=Риме), так же было и в Западной Европе. Несколько иная ситуация складывается в Восточной Европе. Основное отличие в том, что в этом же регионе обитают кочевники. Города как правило возникают на границе ландшафтов, поэтому приход целого кочевого рода к городу для торговли вполне естественен. Нормальное соотношение численности: город – несколько тысяч жителей, большой род – несколько сотен. Одновременно может на торговлю явиться, скажем, два-три рода. Что у кочевников на уме неизвестно, может быть они поторгуют и уйдут, а может быть по команде несколько сот вооруженных всадников неожиданно ворвется в город. При такой атаке возможен не только грабеж, но и власть в городе может запросто поменяться, особенно, если она рыхлая, как в Западной Европе. В этой ситуации в Восточной Европе вполне естественно, опять же, как потребность горожан, возникает власть готовая к такому повороту событий, и система организации города-государства должна быть соответствующей, вроде системы отношений в роду (там, где этого не сделали основатели города, власть захватят кочевники и организуют ее опять же по подобию своей родовой). Таким образом в Восточной Европе в городах-государствах складывается абсолютная власть князей (при этом неважно, местные это князья, родственники Византийских императоров или захватившие власть кочевники). Форма организации и наследования власти тоже, естественно, будет родовая. И это в общем-то не противоречит традициям жителей этого региона. Переход от оседлой жизни к кочевой и наоборот был достаточно широко распространен. А переход от родовых традиций к чисто семейным даже при оседлом образе жизни происходит, как правило, на протяжении жизни нескольких поколений, поэтому и у земледельцев родовая форма организации в этом регионе оставалась наиболее распространенной.

Городская власть (возникшая самостоятельно или привнесенная из Византии, неважно) распространяет свое влияние на окружающие оседлые народы, собирает с них налоги, защищает от разбойников, позволяет в случае нужды укрываться в городе, а кочевники под ее юрисдикцию не попадают и еще длительное время живут самостоятельно по родовым законам. Глава кочевого рода может стать вассалом городской власти, но может стать и вассалом города, находящегося по другую сторону его ареала обитания, а может до поры до времени жить независимо. Кочевой род – объединение, которое в состоянии защищаться от разбойников, а налоги платить просто так никто не будет. Вот почему в традиционной истории и возникает иллюзия, что города первоначально возникают у земледельческих народов. По моей схеме механизм несколько иной,

города возникают, как очаги торговли на границе разных культур, в городах возникает городская власть, которая потом распространяет свое влияние на окружающих, и в первую очередь, земледельцев, живущих рядом. Первые города-государства славян поэтому существуют в тесном соседстве с кочевыми народами, живущими по своим традициям и со своим интересом. Чаще всего это мирное соседское сосуществование с торговлей и родственными связями, но в некоторых случаях, и не очень редких, кочевники совершали набеги, для выполнения поставок товара жидам на невольничьи рынки, либо как некоторые ответные мстительные шаги (смотри трактовку «Слово о полку Игореве» Олжасом Сулейменовым), либо из-за спровоцированной кем-то ссоры и т. д.

Естественная, экономически обоснованная реакция славянских городов – создание малочисленных мобильных пограничных отрядов-застав со стороны возможного прихода кочевников (три богатыря), для предупреждения внезапного набега. Это уже дает заметный экономический выигрыш, окупающий наличие таких пограничных войск. Не будет неожиданных разбойничьих набегов кочевников. С появлением таких пограничных отрядов возникает возможность контролировать степные территории, и объявить их своими. Это естественно не вызовет радости у кочующих там степняков, но перед ними возникнет альтернатива, уйти из этого района, признать власть города, начать бороться. Решение, просто так уйти, бросив родные привычные места, рассматривается как правило в последнюю очередь, когда нет других вариантов. Попытки бороться оказываются безуспешными, потому, что город, подготовленный к набегу, кочевникам не по зубам, а воевать с малочисленными мобильными отрядами пограничников, которые могут нанести урон производству и убегать от преследования тоже дело безнадежное. Не может мирное население и трудиться, и постоянно находиться в состоянии войны с профессиональными военными отрядами. Поэтому, если условия вассального договора для главы кочевого рода приемлемы, он вынужден будет пойти на него.

Признание власти города для кочевников приведет к тому, что они должны платить налог в виде коней и людей для этого войска, а также общие вассальные обязанности, особенно в случае военного конфликта с кем-то. Таким образом, пока во всем мире практически отсутствует понятие регулярной армии, есть городская стража (полиция) и ватаги бандитов, которые могут превращаться временами в наемников, у славянских городов складывается конная хорошо организованная профессиональная армия, выросшая из пограничной стражи.

Прежде, чем перейти к дальнейшему историческому изложению сделаем одну принципиальную ремарку. До этого в мире не было войн. Были разбойники, которые могли ограбить, убить мирных жителей, купцов. Были пираты. Могли совершаться разбойничьи набеги, чтобы угнать на невольничьи рынки мирных жителей. Но в мире в принципе не было армий. Не было спорных вопросов, которые должны были бы решаться на уровне военного конфликта. Споры из-за территории еще нет, большинство земель пустоует. Принципиальный вопрос – это власть в городе, особенно таком, который расположен на торговых путях или на месторождении полезных ископаемых, но даже при восточном варианте абсолютной власти этот вопрос все равно определяется тем, кого поддержат жители, а при западной выборной власти вопрос вообще не стоит. У двух родов кочевников может возникнуть конфликт из-за пастбищ, но этот конфликт все равно не должен переходить в кровавое военное столкновение, потому что негативные последствия такого столкновения значительно превосходят любые позитивные даже для рода одержавшего победу. В частности, институт родовой кровной мести это тоже своего рода барьер против войны, обязывающий стороны, ввязавшиеся в войну, вести ее на уничтожение, половинчатый результат там невозможен. Поэтому какие-либо действия, наносящие обиду даже более слабому роду, и обязывающие его согласно традиции на кровную месть, совершаются крайне редко, или в силу стечения обстоятельств или только очень основательно подумав. Дело в том, что любое производство рассчитано на мирную жизнь, оно очень уязвимо в случае войны, и переходить от нормальной жизни к работе в состоянии боевой готовности на неопределенный срок – очень дорогое удовольствие. Поэтому сложно даже представить, какие экономические выгоды может получить один род, чтобы они превысили экономические потери от войны на полное истребление, в том числе и партизанской, пусть даже с более слабым противником.

Это только в классической трактовке история – сплошные войны. Если делать десятки фантомных дублей с каждого военного события, то так оно и будет, но реально не может себе человечество на этом этапе истории позволить так непроизводительно тратить ресурсы. С точки зрения любого правителя, война –

это огромные затраты, которые не всегда окупятся даже в случае полной победы, риск потерять все, даже жизнь, опасность получить удар в спину от третьих лиц, пока он занят разборками и т. д. Т. е. решение о начале войны – очень непростое решение, и для него нужны либо очень серьезные экономические или династийные причины, либо абсолютная уверенность в своем превосходстве. Какие могут быть экономические причины? Ну прежде всего это сбор в дальнейшем налогов (дани), выход к торговым путям, чтобы самим освободиться от пошлин, и обложить ими других, либо захват какого-то сырья, например драгоценных металлов или камней. Экономический расчет возможных затрат и доходов легко просчитывается, политические следствия тоже. При приблизительном равенстве сил, т. е. неопределенности военного результата или сложности политической ситуации, когда в этом узле завязаны интересы очень многих, война оказывается маловероятной. Естественно, в истории шло такое перераспределение, но оно должно быть редко и только в более поздний период, когда произошел окончательный дележ территорий.

Возникновение профессиональных армий у нескольких славяно-тюркских государств в Восточной Европе и возможность контролировать территории неизбежно приводят к столкновению. Во-первых, теперь им есть что делить. Территории становятся экономическим объектом, дающим доход. Теперь реально становится обложить данью деревни, далеко отстоящие от городов и обеспечить им необходимую защиту, чтобы договор был взаимовыгодным. Теперь тот, кто владеет степными территориями соответственно становится и властью для кочующих там степняков. При этом неизбежно возникают спорные вопросы, поскольку часть ареала обитания кочевого рода может быть на степной территории одного города, а часть на территории другого. Поскольку рассматриваемый процесс в разных городах шел с разной интенсивностью, то тот город, который опередил соседей в этом процессе вероятнее всего выиграет и в результате военного столкновения. Однако эти войны, по-видимому, самые трудные, поскольку воевать приходится с равными по технике и организации противниками. Но это столкновение неизбежно, и заканчивается оно объединением Руси в единое славяно-тюркское государство. А после этого объединенное русское государство практически без сопротивления начинает захватывать всех остальных. Наемники – не противники. Они относительно грозная сила, когда реальна их победа, и будет грабеж, и оплата их труда нанIMATEлем. Но при первых же неудачах они разбегаются, им смысла нет проявлять упорство. Городская стража может оказать сопротивление, но она малочисленна и не подготовлена к борьбе с регулярным войском. Население городов, может быть и привыкшее проявлять упорство против немногочисленных бандитов (наемников), здесь готово сдаться на милость победителя, если все ограничивается умеренной данью и гарантиями сохранности города от грабежа, а в случае сопротивления угроза поголовного истребления. Демократия в большинстве городов-государств Европы – это слабость в случае военной угрозы. Война для Руси превращается в экономическое предприятие без серьезных потерь и с явным экономическим наваром, в виде постоянной дани с завоеванных народов. Под такую реальную экономическую программу можно провести всеобщую мобилизацию славянских и тюркских народов на территории Руси, т. е. выставить на войну практически все взрослое мужское население, хорошо его вооружить и обучить. Ясно, что такая по численности и качественному составу армия в то время в состоянии покорить весь остальной мир без серьезных сражений, зафиксированных в истории, у нее просто в природе не было достойных оппонентов. Серьезное сражение могло быть только при взятии Константинополя, который был очень велик, т. е. стража была многочисленной, и очень хорошо укреплен (свою версию этой победы я дам позже).

Кроме этого не видно никаких других ограничителей, кроме естественных природных препятствий типа океанов, для остановки такого завоевания. Проходя где-то и покоряя целые народы эта армия в общем-то даже не обязана оставлять там свои гарнизоны, достаточно представителей для сбора налогов. Ослушаться их или причинить им вред это получить ответ возмездия, который большую часть населения отправит в рабство, а остальную уничтожит. Местное население пуще всего должно бояться, чтобы какие-нибудь залетные разбойники не обидели сборщиков налогов или не похитили уже собранные налоги. Поэтому все территории мира, где была к тому времени цивилизация, эта армия должна была покорить. Так возникла Монгольская (Великая) Русская империя, созданная Владимиро-Суздальским княжеством. На основании сделанной выше реконструкции единственным местом на планете для ее зарождения могла быть территория Руси, где ареал обитания кочевников тесно соприкасается с ареалом земледельцев и природно-климатические условия благоприятны для обеспечения численности населения достаточной для подобного завоевания.

Судя по сделанным выше выводам, эта империя включала в себя (в современном понимании этих географических районов) Китай, Индию, Ближний Восток, Северную Африку, всю Европу, включая Скандинавский, Пиренейский полуостров и т. д. Естественно, близко расположенные острова такие, как Англия, Ирландия, Япония тоже были оккупированы.

Попробуем смоделировать отношения в таком государстве. Если исходить из сделанной выше реконструкции, то следы этих отношений следует искать в государственных системах, которые на протяжении многих лет оказались изолированными, либо по иным причинам менялись не очень сильно, к примеру Япония. Вероятно, кодекс чести самурая окончательно сформировался несколько позже, но за основу он безусловно должен был взять систему отношений в войске Монголов (русских). Это беспрекословное подчинение младшего (в смысле организационной субординации) старшему, абсолютная честность, железная дисциплина, определяемая внутренними установками человека, а не системой наказания, взаимовыручка, самопожертвование и т. д. Одновременно с этим неограниченная власть вышестоящего над нижестоящим, и забота о нем. На смену абсолютно безнравственному жидовскому мировому порядку пришла предельно нравственная система. Ее военная прочность несравненно выше, поэтому в прямом военном столкновении она практически без усилий покорила весь остальной мир, обеспечив следующий качественный шаг мировой цивилизации.

Этнические теории (введение)

Знакомство с работами Л. Гумилева и некоторыми идеями, изложенными в них создало у меня впечатление перспективности такого подхода, однако углубление в проблему показало, что научный уровень работ самого Л. Гумилева чрезвычайно низок. Во-первых, один из его принципов это верить абсолютно всему, что дают исторические материалы, без критического осмысления, во-вторых, он на житейском уровне сходу этот материал дополняет своими очень вольными версиями, запутывая уже и без того запутанную картину, в-третьих, также лихо приобщает к делу данные из других областей знания, в которых, как оказывается, он абсолютно ничего не понимает и не удосуживается вникнуть.

Так он вводит понятие пассионарности (от *passio* – страсть), некоей биохимической энергии, которая вызывает у человека непреодолимое стремление что-то делать, ген пассионарности, с которым это свойство передается по наследству, регулирование уровня пассионарности в обществе через естественный отбор, первоначальный толчок пассионарности считает результатом мутации от космического излучения и т. д. Но если строишь научную теорию, мало обозначить идею, ее надо дополнить механизмом действия и результатами действия этого механизма. Этого Л. Гумилев даже не пытается сделать, оставляя свой подход изначально дилетантским. Лично у меня на первом этапе знакомства с его работами очень сильное неприятие вызвало введение им вполне определенного времени жизни этноса, около полутора тысяч лет, независимо от эпохи и без малейших попыток построения механизма для такой скорости старения.

Я попробовал дополнить эти теории механизмами действия, и исходя из принципа экономии мышления, для начала отбросил все его антинаучные гипотезы, а за основу взял естественную природу человека, которая вероятно не должна была сильно измениться за время цивилизации, и требование экономической обоснованности для любого социального изменения. А историческое время, наиболее простое для такого анализа, – это этап становления цивилизации, пока скорости всех общественных процессов минимальны, роль выдающихся личностей мала, случайности не должны сильно влиять. Результат получился достаточно своеобразный. Все, что изложено выше от начала цивилизации до возникновения мировой русской империи, я получил чисто теоретически (думаю, что это видно по изложению). Но было совершенно непонятно, что с этими данными делать, поскольку они не укладывались в историческую мировую картину. Получалось, что я не учитываю что-то существенное. Предположить, что прав я, а вся историческая мировая наука лжет, это было слишком. Поэтому появление публикаций группы авторов Новой Хронологии было для меня величайшим откровением, поскольку их системный

анализ дал стопроцентное совпадение с моим в зоне их пересечения. Через пару месяцев после первого знакомства с некоторыми их работами я взялся за эту публикацию.

Определение: Этнос это относительно замкнутое устойчивое человеческое сообщество, выделяющее себя по принципу «мы» и «все остальные» (что такое «относительно замкнутое устойчивое» смотри выше). За основу я взял определение Л. Гумилева, но чуть поправил его. Вторая существенная идея, взятая из теории Гумилева состоит в том, что этнос можно рассматривать как некоторый социальный организм, который имеет специфические возрастные фазы, начинающиеся с его рождения и заканчивающиеся смертью. Я предлагаю следующие фазы, которые хотя и похожи, но несколько отличаются от Гумилевских: формирования, роста, инерционная, распада. Переход от одной фазы к другой может быть быстрым, а может представлять целую эпоху в жизни людей, но при этом всегда сопровождается определенными структурными перестройками, которые должны быть заметны в истории. Все дальнейшее в теории Л. Гумилева я полностью отбрасываю и строю свое на принципах, сформулированных в начале книги. В частности особенностью этнического обхода к истории будет необходимость экономической и психологической обоснованности исторических процессов. В условиях, когда выяснилось, что практически вся историческая картина фальсифицирована, этот подход становится тем более плодотворным, что позволяет выявить явные подделки в традиционной исторической науке, а также подчистить некоторые неточности в Новой Хронологии.

Для этнического толчка необходима та или иная причина, влекущая за собой экономический или демографический всплеск. Это может быть что угодно: техническое достижение, новый способ организации общества или даже норма морали. К примеру в доисторический период один из этнических толчков вероятно был связан с определенными запретами на инбридинг, т. е. близкородственное скрещивание (половая связь сына с матерью и брата с сестрой, позже отца с дочерью), что привело к демографическому всплеску из-за устранения многих наследственных заболеваний, и распространению этой традиции по всему миру.

фаза формирования состоит в том, что эта причина всплеска закрепляется в определенном ареале, повсеместно распространяется и принимается, и даже, быть может, становится отличительным признаком, по которому происходит деление на «свой- чужой». фаза роста связана с тем, что сформировавшаяся на первом этапе группа населения, владея причиной этого всплеска начинает свою экспансию на остальной мир. Т. е. люди делают то, что умеют, и то, что им выгодно. Любая причина, прекращающая экспансию, это может быть достижение естественных природных границ, проверка временем истинности причины толчка и т. д., приводит к завершению фазы роста. Это обязательно должно вызвать структурную перестройку общества, меняющую жизнь и многие установки этноса, поскольку по-старому, как в период экспансии, жить уже не удается.

После завершения перестройки этнос будет продолжать существовать в соответствии со своими этническими традициями, но постепенно под действием внешних сил или неизбежных внутренних изменений он должен прийти к состоянию, когда основной этнический принцип становится объективным тормозом прогресса, а стало быть и препятствием для чьих-то интересов. Если эти силы достаточно сильны, то этнос, как правило, в результате очередной системной перестройки распадается на части, когда каждый кусок уже сам в большей или меньшей степени сохраняет этнический принцип. Этнос в прежнем виде практически перестает существовать. Это фаза распада. Она тоже может тянуться различное время в зависимости от множества факторов. Чуть позже я намерен сформулировать основные тенденции мировых этнических процессов и соответственно, основные механизмы для распада различных этносов. Но для дальнейшего рассмотрения этнических вопросов необходимо дать хотя бы вводное представление о религии.

Возникновение Христианства

Согласно традиционной исторической концепции происхождение религий связано со страхом человека перед силами природы, которые он начинал обожествлять и

поклоняться им. У меня такая модель вызывает, по крайней мере, два принципиальных возражения. Во-первых, мне понятен страх цивилизованного человека, оказавшегося один на один с непривычной и непонятной ему природной стихией, но переносить эти же чувства на дикого аборигена, единого с этой природой, воспитанного на опыте множества поколений предков, – необоснованная экстраполяция. Возьмем к примеру героя книги Арсеньева, Дерсу Узала. Я не могу представить ситуации в природе, которая могла напугать его, до такой степени, что он, впал бы в беспомощность и начал молиться той силе, которая ему грозит бедой. Во-вторых, у меня совершенно нет оснований считать наших предков непрактичными, более того, я уверен в том, что они гораздо практичнее нас, поскольку были беднее и не могли себе позволить непроизводительно расточать ресурсы. А религия предусматривает, как минимум, затрату сил, времени, принесение жертв, содержание штата профессиональных служителей.

Поэтому разговоры о страхе мы полностью отбросим, как вульгарные, и будем искать в религии, по крайней мере на этапе ее возникновения, какой-нибудь практический смысл, другими словами экономическую (производственную или иную) выгоду от первоначальных форм религии. Например, ритуальные танцы племени диких охотников, которые вполне могут быть прототипом первых форм религии, наверняка дают участникам танца определенный настрой, концентрацию на предстоящей работе, обучение молодежи и т. д. Но перенести эти же выводы на скотоводов и земледельцев, а именно они интересуют нас в первую очередь, рационально едва ли удастся, поэтому ритуальные танцы охотников рассматривать не будем. Второй тип религий, которые классическая наука преподносит часто, как первичные, типа: поклонение солнцу, разливам Нила, и иным глобальным явлениям, на которые никакими мольбами повлиять невозможно, я бы тоже отбросил, из-за их непрактичности. Ну какой смысл молиться солнцу, если ничего в его поведении изменить все равно не удастся.

Изначально я вижу одну тему, которая больше всех других должна интересовать скотовода или земледельца. Это его урожай или приплод скота. На эти вещи будут влиять и глобальные природные явления, типа осадков, налет саранчи и т. д. Но в первую очередь, все определяется размером приплода, сколько детенышей родится у самок и сколько зерен будет в завязи колоса. В зарождении новой жизни есть и глобальная непостижимая тайна природы, которая вполне может стать предметом обожествления, и одновременно здесь же могут иметь место очень тонкие природные механизмы, на которые как-то можно повлиять совершаемыми ритуалами, и обеспечить таким образом практическую выгоду. Отсюда проистекают фаллические и вакхические культы плодородия. Их следы можно обнаружить практически у всех народов мира, т. е. эти культы можно считать некоей прарелигией догосударственного этапа истории, которые еще долгое время сохраняются в культуре народов. Их повсеместное распространение однозначно указывает на то, что практическая (производственная) польза от этих ритуалов была.

По происхождению очень тесно с культами плодородия связаны праздники любви, во многих случаях они, видимо, нераздельны. Вопрос прироста населения в роду или семье стоит не так остро, как урожай или приплод скота, но все же дети это и производственная и военная сила через некоторое время, т. е. с точки зрения деревни, рода или племени это тоже очень важный элемент. Строго говоря, например главе рода, достаточно безразлично от кого будут дети, важно, что когда они подрастут, они будут подчиняться ему, составлять его опору и в производственном процессе и в конфликте с кем-то. А если учесть, что половые связи внутри одного рода или малого круга родов с большой вероятностью приводят к близкородственному скрещиванию и следовательно высокому проценту наследственных заболеваний, то праздники любви с участием в них пришельцев должны быть весьма плодотворны для обновления генофонда малых сообществ, т. е. увеличения их численности и здоровья. Поэтому некоторый положительный практический выход, хоть и не по основному вопросу, от культов плодородия обнаруживается.

Сложившаяся культовая система приводит к ряду практических социальных последствий. Во-первых, сходный образ жизни и особенно единые культовые традиции приводят к образованию пусть и рыхлых, экономических не связанных, но все же объединенных сообществ. Во-вторых, через сложившуюся культовую систему, в которой задействованы все люди сообщества, появляется дополнительный механизм управления ими. В-третьих, формируется профессиональная каста шаманов-жрецов, которая автоматически получается большего масштаба, чем основная производственная ячейка общества, и она получает власть, т. е. складывается новый общественный институт.

С возникновением городов ситуация несколько меняется. Жители городов изначально происходят из той же вакхической культуры, которая господствует на всей окружающей территории, но во-первых, у них уже нет того интереса к этим культам, поскольку занимаются они уже другим бизнесом (ремесло, торговля), во-вторых, в городе существенно большее скопление народа, и праздники любви дают больше негативных последствий, чем позитивных. Близкородственное скрещивание из-за малой величины популяции не актуально, поскольку популяция значительно выросла, а вероятность венерических заболеваний существенно возросла. В-третьих, каста профессиональных служителей культа начинает терять свою власть. Другими словами, ситуация в городах начинает требовать изменения культов и обрядов. Если на этапе возникновения религии я считал необходимостью практическую производственную пользу от нее, поскольку она должна была возникнуть стихийно, то на этапе изменения культов, такой необходимости уже нет. Народ потенциально подготовлен к институту религии и готов играть в эту игру, каста жрецов заинтересована в обновлении, коррекции культов, так, чтобы восстановить уходящую власть, и как можно больше разнородного народа вовлечь в свою систему. Поскольку у определенной группы профессионалов, более того, наиболее грамотной части населения, присутствует такой интерес, то они и решают какой создать культ, который бы увлек все население городов с разнородными производственными интересами. В этот период в городах могут формироваться различные более абстрактные культы. В Византии, складывается достаточно абстрактный культ, поклонение Единому Богу.

Безусловно процесс изменения культов сопровождался напряженной идеологической борьбой, переходящей в физические столкновения. Конкретный спор о том, какой культ победит решается на площади, перед большим стечением народа. Представитель каждого культа должен представить доказательства имеющихся у него полномочий от того божества, которое он представляет. Победит в конечном итоге тот, чьи доказательства будут впечатлять больше. Поэтому наипервейший вопрос в Евангелие – это чудеса. Переизбыток чудес в Евангелие, это одно из отражений идеологической борьбы, реально имевшее место в то время.

Описанное в Библии наказание городов Содома и Гоморры, это тоже отражение идеологической борьбы вакхического культа и раннего христианства. Если исходить из того, что эти события имели место после возникновения письменности, то наиболее вероятное их место, действительно, в Италии, поскольку только в этой части цивилизованного мира того периода есть следы вулканической деятельности и именно здесь вакхические культы сохранялись дольше, чем во многих других местах.

Но для того, чтобы выиграть идеологическую борьбу, мало условий, названных выше. Все это касалось тактики, но не существа борьбы. Я опять повторяюсь, что народ в древности был практичнее нас. Вакхические культы давали практический выход (повышение урожая или приплода скота). Горожан это касалось не так остро, как сельских жителей, но все же реально затрагивало и их интересы через рыночные цены на эти продукты. Что практическое мог предложить посланник абстрактного Бога простым горожанам, вместо пусть и мало, но все же полезного для них культа плодородия?

Посланник Единого Бога, мы это знаем практически, обещал своим прихожанам «Царство Божие» после смерти. Насколько такое обещание практично – очень непростой вопрос. В принципе всем суждено умереть, и поэтому этот предмет может заинтересовать каждого, но реально он начинает волновать человека, только тогда, когда он поставлен на край жизни. Пока же человек живет активной жизнью, все его интересы здесь, в этом мире. Поэтому в мире торжествует эгоизм и атеизм.

Но все же в древнем Риме (Константинополе) победил монотеизм (Единобожие) и затем распространился на всю планету. Я вижу для этого единственный практический механизм. Из социально значимых для древнего Рима групп за «Царство Божие» могла проголосовать только одна, это люмпены. Никакой человек, занятый делом, будь то крестьянин, ремесленник, купец, чиновник не стал бы голосовать за столь непрактичную вещь. За нее мог бы проголосовать умирающий, но ему не до того, и его мнение не могло повлиять на расстановку сил. Только нищее развращенное отребье, привыкшее жить подачками, не умеющее и не желающее работать, при этом озлобленное, безжалостное, завистливое, могло в древнем Риме поддержать культ «Царства Божия» после смерти. В реальном мире им нужны только «хлеб и зрелища». В загробном мире

им обещали Рай, но главное, что туда не должны пускать всех тех, кому они сейчас завидуют, и кого ненавидят. В Евангелие мы найдем огромное количество свидетельств того, что именно с этим электоратом, и практически только с ним, работал Иисус, именно на него и рассчитаны по своему характеру творимые чудеса.

Возникает вопрос, неужели в древнем Риме люмпены играли столь важную роль. Получается, что да. Этому мы имеем множество прямых и косвенных исторических подтверждений. Из Евангелие я приведу два, для меня наиболее убедительных. Во-первых, это народное голосование о том, кого помиловать Иисуса или разбойника, накануне праздника. Кто участвует в этом голосовании?

Если бы речь шла о маленьком городе, то этот митинг можно было бы трактовать, как вече, т. е. собрание всех жителей города, но когда мы говорим о городе с населением порядка миллиона, то присутствует там существенно меньше, и состав голосующих не ясен. Едва ли на митинг в рабочее время пойдет, человек занятый делом. Там, естественно, присутствует всякий сброд, нищие, воры, работающие в толпе, и заступаются они, естественно, за своего – разбойника, а общественным мнением этого сброда манипулируют большие начальники. Во-вторых, это рассказ о том, как Иисус учинил погром в Храме, разогнав там торговцев. Любой здравомыслящий человек обязан задаться естественным вопросом, а как это реально могло произойти, почему торговцы не защищались, где, наконец, была стража. И единственный разумный ответ, что погром Иисус учинил не в одиночку, а во главе разъяренной толпы бродяг, против которой беспомощна и городская стража. Между прочим, в связи с прежней нашей реконструкцией, вполне естественно предположить, что это был не просто разгон торговцев, а первый зафиксированный погром жидов, которые власть купить были в состоянии, а всех люмпенов, естественно, нет. А многочисленность этого класса в значительной степени была продуктом монополизированной экономики древнего Рима, так что практически каждый представитель этого класса имел к жидам свой личный счет, но главное это просто ненависть нищего к богатому.

В развращенном древнем Риме власть с трудом управлялась с этой толпой, поэтому, когда появился дополнительный механизм для управления ею, то власти, далеко не сразу, а видимо, в результате сложной борьбы, поддержали его. Так в Риме утвердилось древнее Христианство, культ «Царства Божия» в загробном мире (вторая половина двенадцатого века).

Правители некоторых городов Европы были выходцы из Византии, вся Европа торговала с Византией, поэтому Христианство широко разошлось, но повсеместно не прижилось в Европе. В демократических городах-государствах Европы с большинством населения занятых сельским хозяйством или иным бизнесом, полностью привязанным к сельской экономике, культ Загробного мира, в отличие от вакхических культов, не представлял никакого практического интереса. Иная ситуация возникла на Руси. Здесь воля руководства могла во многих случаях оказаться решающей из-за родовых традиций, господствующих в этой зоне, и абсолютной власти князей. Т. е. решение могло приниматься не демократическим голосованием большинства населения, а единолично, властью, из каких-то политических соображений. Не знаю, насколько далеко вперед заглядывали князья, принимая подобное решение, плоды оно дало только через несколько поколений, но для абсолютной власти этого региона такая дисциплинирующая религия оказалась наиболее подходящей. В Киевской Руси, как известно по летописям, крещение прошло насильственно (полагаю, что в середине тринадцатого века, около 1240 г.).

Во-первых, не стоит полностью отождествлять Христианство Византийское и Русское. В основе их лежала одна идеология, но преследовались совершенно разные цели. В Византии – управление всяким сбродом, живущим в демократическом государстве, а на Руси – дополнительная система повышения дисциплины и ответственности перед начальством в абсолютистском государстве. Наверно это отличие возникло не так быстро, но через несколько поколений, когда Христианство прижилось на Руси, оно стало и очень важным этническим принципом цементирующим Русь и одновременно нравственным стержнем, делавшим русскую армию непобедимой. И это понятно, если везде действовала мирская корысть, то русские воины, были абсолютно бескорыстны в этом мире, их не привлекало богатство, не было страха смерти, они выполняли свой долг ради Царства Божия. Кодекс чести самурая это, видимо, более поздняя традиция, возникшая на основе древнего русского Христианства. Легенды о неустрашимости викингов (древних русских воинов) и о том, что они

употребляли для этого наркотики из ядовитых грибов, это поздняя попытка западной культуры, не способной понять такую бескорыстную идеологию, как то объяснить эти факты.

Во-вторых, не стоит отождествлять современное Христианство с древним русским. Если в современном главный элемент это любовь, то в том, главным был долг. Не случайно первой книгой, выпущенной на Руси, был «Апостол». Это была суровая идеология служения, беспощадно требовавшая выполнения своего долга в этом мире несмотря ни на что ради счастья в мире ином. Думаю, что современный дисциплинирующий Ислам – скромное отражение дисциплинирующего сурового древнерусского Христианства. По современным литературным произведениям, описывающим раннее средневековье, военный захват города обязательно сопровождается грабежом, который начинается, пока еще не прекратилась бой. Это нормально для современной западной культуры, идеологии стяжательства, попытка сделать художественное произведение (фильм или книгу) реалистичным для современного западного читателя. Полагаю, что в древнем русском христианском войске не было ничего даже отдаленно напоминающего это. И это было не просто требованием дисциплины под страхом наказания, а внутренняя установка, которая даже и мысли не допускала выйти из боя для грабежа, и тем более в свой карман, а не общую казну. В легендах многих народов мира есть упоминания о Богах, которые не умели лгать, думаю, что прототипом для этих легенд служило древнерусское христианское войско.

Византия и Древняя Греция

Вокруг города Константинополя, основой существования которого являлась торговля с другими городами, неизбежно должна существовать и серьезная экономическая ниша, связанная с разбоем на торговых путях. Сухопутный разбой, естественно, существовал и оказывал сильное влияние, но нас сейчас будет интересовать больше морской разбой, т. е. пиратство. По мере развития техники мореплавания все большее значение приобретают торговые маршруты по водным магистралям, особенно морю. Наиболее естественная стратегия для пиратства – иметь базу где-то неподалеку от торговых путей, на затерявшихся островах, на пиратских судах совершать нападения на торговые суда и с добычей быстро укрываться на базе, где не смогут найти, а если даже и найдут, то можно было бы отбиться. С географической точки зрения места лучшего, чем скалистые греческие острова, позволяющие контролировать выход из Эгейского моря, для этого не найти. А потому немного вернемся к традиционной истории Древней и Средневековой Греции.

При изучении традиционной истории Древней Греции для меня с самого начала оставался нерешенным один существенный вопрос. Как экономически существовала греческая цивилизация, что было основой ее экономики? Для серьезного земледелия природные условия Греции с каменистыми почвами и гористой местностью, мягко выражаясь, мало пригодны (Между прочим, там же на Балканах, чуть севернее, есть куда более благодатные районы). Традиционная история утверждает, что греки были скотоводами, разводили коз и т. д. Для сравнения взглянем на древних скотоводов кочевников наших регионов, Южного Урала, Казахстана, Южнорусских степей. Природные условия существенно лучше, богатейшие степи. Величина возможного стада во много раз больше. Предельно рациональная экономика, никаких лишних затрат, дома – переносные юрты, хозяева все время перемещаются за стадами, чтобы обеспечить их кормами. И при всем этом экономического сверх изобилия нет, для своего времени нормальные сносные условия, не больше. Оседлые греки, не могли позволить себе в своих природно-климатических условиях и десятой части того стада, которое имели наши кочевники. Спрашивается, откуда греческое экономическое благополучие, когда они еще в древности понастроили монументальных зданий, когда большая часть греческого населения могла заниматься философией, театрами, спортом, устраивать олимпийские игры. Нонсенс. Утверждается, что все делали рабы. Но раб это только одна часть производительных сил, вторая земля, если речь идет о сельском хозяйстве, или развитые технологии в сочетании с более или менее ценными полезными ископаемыми, если речь идет о ремеслах. Кроме этого рабов тоже надо кормить. Не позволяли греческие природные ландшафты создать в древности экономику изобилия, торговые маршруты там не проходили, а ремесленникам, как мы видели, выгоднее селиться у торговых центров. Получается, что нет у Древней Греции экономических причин для расцвета и превращение в центр

При обсуждении в традиционной истории вопроса о происхождении греческих рабов указывалось три источника. Пиратство, войны, самовоспроизводство. Активных захватнических войн Греция не вела, стало быть этот источник, если и был, то носил эпизодический характер. Если самовоспроизводство рабов станет господствующей нормой, то это будет, строго говоря, уже не рабовладение, а феодальный строй, поскольку для рабов в этом случае должны быть созданы нормальные условия для жизни, т. е. содержание достаточно дорого, они становятся относительно равноправными членами общества. Остается последнее – пиратство, и традиционная история скромно, умалчивая обо всем остальном, утверждала, что это был основной источник рабов. Но из предыдущего анализа мы видели, что одни рабы не могли решить всех экономических проблем. Поэтому остается предположить, что пиратство вообще было основой экономики Древней Греции. Взглянем с этой точки зрения на греческую мифологию героического периода. Что делает Геракл? По приказу царя куда-то отправляется, чтобы что-то добыть и принести царю. Что делает Тесей?

Отправляется на Крит, там имеет какие-то разборки, кое-что прихватывает и на корабле удирает от погони в Грецию. Что делают Аргонавты? Отправляются на корабле в Колхиду, кое-что там прихватывают и спасаются от погони. Если отбросить легендарный антураж, то вся их мифология это описание разбойных и пиратских подвигов. Но пиратство, как и иные формы разбоя, это всего лишь налог на какую-то экономику. Стало быть где-то по соседству существовало государство, или государства, экономика которых была настолько мощна, что позволяла на откусывании части налогов (основную часть налогов наверно собирало само государство) процветать целой группе мелких греческих государств.

Приблизительно к тем же выводам приводила меня и традиционная трактовка завоеваний Александра Македонского. Он с войском отправляется в Персию, богатейшую страну, с огромной армией, несметными богатствами, в военном сражении одерживает победу, и даже свою столицу переносит на новую территорию из-за богатства и роскоши, которую там обнаружил. С точки зрения военной, явных изъянов версии нет, а точки зрения экономики и культуры есть. Богатая страна, позволяющая верхушке жить в роскоши, это условия для развития культуры в этой правящей верхушке, поэзии, философии, живописи и т. д. Необычайная роскошь – это технологии строительные, производства тканей, посуды, металлообработки, т. е. оружия, драгоценностей и т. д., т. е. развитие ремесел. Другими словами, вот где условия для истинного культурного центра мира, а не в нищеземной скотоводческой Греции. (Приблизительно в таком духе я задавал вопросы еще в школе, и разумных ответов, естественно, не получал)

О Средневековой Греции в отличие от древней в традиционной истории рассказывается немного. Известно, что именно она стала основным местом концентрации сил крестоносцев для крестовых походов, при этом длилось все это на протяжении столетий, и крестоносцы организовали там множество средневековых рыцарских государств. А чем жили эти государства между крестовыми походами? На какие средства вообще организовывались войны за Гроб Господень? Война ведь очень дорогое удовольствие. Получается единственное разумное решение – разбой и пиратство, при этом для профессиональных военных, которые ничего больше и не умеют, это более чем естественно. Если к этому добавить, что согласно реконструкции истории по Новой Хронологии сам Иерусалим = Константинополь = Троя = Вавилон = Царьград все один город, т. е. войны шли вокруг него, Христа в это время еще и не было в христианстве, гроб его соответственно никого не мог интересовать, в Европе этого периода христианство вообще не могло прижиться, т. е. эти средневековые рыцари были язычниками, то наиболее рациональным решением будет следующее. Древняя языческая Греция – дубль в истории со средневековой рыцарской языческой Греции. Возникли греческие государства сначала как пиратские базы вблизи морских торговых путей, ведущих к Константинополю. Потом разрослись и возможно объединились в государства, хотя наверняка и объединения практически не было. Сонм греческих богов понятен, это в основном воители, что соответствует главному виду деятельности. Занятия спортом – профессиональная подготовка владения оружием, рукопашного боя, по технике десантирования с корабля на корабль. Между собой они могли изредка воевать, но разве, что делили зоны работы, иногда объединялись, но в основном экономических претензий и симпатий друг к другу у них не было. Византия могла иногда против разбойников посылать

карательные экспедиции. Те прятались от них, иногда отбивались, что в традиционной истории дало дубль в виде грандиозных войн древних греков с персами. Превращение их в христовых воинов – более поздняя фальсификация. Ясно также, что государства, живущие разбоем имеют средства для развития культуры, хотя утверждать, что эта культура была самой передовой наверно было бы чересчур, да и греческие монументальные здания я полагаю более поздними постройками, вероятно, уже христианскими.

Создание русской империи первой половины четырнадцатого века в частности включило в себя разгром этих греческих пиратских государств, просуществовавших несколько столетий, и практически полное искоренение пиратства и прочего разбоя. При этом каких-то громких сражений в истории не зафиксировано, а это подтверждает ту же мысль, что даже государства живущие войной, состоящие сплошь из профессиональных военных, не были достойными противниками русскому Христианскому войску. Отсюда в частности возник ряд исторических и культурных следствий. Лишившись экономической основы своего существования, греческое население занялось тем, чем позволяли природные условия, рыболовством, немного земледелием и скотоводством. Естественно, эти виды деятельности не могли прокормить всю ораву пиратов-«рыцарей», прежде живших разбоем. Поэтому они начали разбегаться по Европе, разнося греческую культуру и традиции: философию, рыцарские турниры, театр, литературу и т. д., создав иллюзию того, что именно Греция была культурным центром мировой цивилизации. Отсюда же и такое хорошее знание в Европе языческой греческой мифологии, философии и литературы.

По крайней мере в традиционной истории, при разрыве почти в два тысячелетия, очень странно выглядела эта осведомленность и необычайное почитание средневековой Христианской европейской культурой именно языческой греческой цивилизации, которая и территориально тоже несколько в стороне от Западной Европы. Книгопечатания ведь в древней Греции не было. Для сравнения давайте взглянем на нашу историю времен Ивана Четвертого (Грозного). Много ли мы об этой истории знаем достоверного, а ведь книги уже печатали, и времени прошло меньше полтысячелетия. Предполагать, что христиане очень берегли античную языческую культуру, тоже нет оснований. К примеру в «Деяниях святых Апостолов» описывается, как христиане устраивали костры из древних священных языческих книг, и это еще на заре Христианства, до введения инквизиции.

Между прочим, когда я в детстве прочел «Фауста» Гете, у меня возникла одна логическая несостыковка, которую я отнес на какое-то свое непонимание текста или дефект переводчика. Гете Троянскую войну относит к средневековому рыцарскому периоду (прямого такого указания в тексте нет, но косвенных, культурно-технических, огромное множество, т. е. это как бы само собой разумеется, в частности, греческого царя Менелая открытым текстом называют пиратом). А это означает, что фальсификация шла не в один этап. Первоначально Троянская война в традиционной трактовке относилась, как и следует это делать, к средневековому периоду. И образованный человек восемнадцатого века (сам Гете и его читатель) это знал, несмотря на идущую работу фальсификаторов. После причисления фальсификаторами средневековых греческих государств к войскам крестоносцев, всплыл вопрос, а почему эта война проходит под знаком язычества, получается, что средневековые греки были язычниками и не могли быть крестоносцами. Чтобы спрятать концы Троянскую войну на всякий случай отодвинули в глубокую древность, создав таким образом исторический дубль.

Честно говоря, на уровне здравого смысла, исходя из возможной практической логики действующих лиц, тех сведений, которые до нас дошли, и предыдущей моей реконструкции, согласно которой к этому моменту в мире просто не было других армий, способных штурмом или осадой брать Константинополь, я бы дал такую реконструкцию событий вокруг Троянской войны. События происходят в начале четырнадцатого века, во время Монгольского завоевания. Перед штурмом Константинополя русские войска, естественно, захватили весь Балканский полуостров. Поскольку не имели здесь своего флота, то предложили грекам участвовать в штурме города, с моря блокировать Константинополь, возможно высадив десант. Город удалось захватить без особых боев, хитростью, проникнув в него через какую-то старую городскую водную коммуникацию, водопровод или канализацию. Лингвистический анализ, как «акведук» мог превратиться в «Троянского коня» сделан авторами «Новой Хронологии». Один из греков, Омер описывает эти события. Сто с лишним лет спустя, во время Крестового похода, бежать вынуждена практически вся знать Греции, в том числе и потомок участника тех событий, называемый в традиционной истории

графом Сент-Омером. Какое-то время спустя, уже в период Реформации, на основании записок его предка делаются произведения, описывающие эти события. Роль русских в них, ставших теперь уже врагами, забывается, и появляется мифологическое произведение по литературному уровню уже гораздо совершеннее, чем первые греческие мифы. Поэтому время появления в Западной Европе первой волны греческой мифологии и культуры – это середина четырнадцатого века, вторая волна эмиграции, уже в конце пятнадцатого – начале шестнадцатого века, вроде бы и Христианская, но одновременно находящаяся к русскому Христианству в оппозиции, потому активно двигавшая языческие идеи и культуру, причем более высокого уровня, чем в первую волну эмиграции. При этом она неплохо ложится на Западно-Европейскую культуру уже подготовленную первой волной эмиграции. Позже в период фальсификации (семнадцатый – восемнадцатый век) вторая волна греческой эмиграции естественным образом по срокам попадает в состав участников Крестовых походов, а еще позже эти походы вообще растягиваются на всю историю средневековых греческих государств.

Все прочие военные версии я отбрасываю, как экономически не обоснованные. Не могут пираты длительной осадой брать огромный город, столицу мира. Осадой берут когда собираются взять его навсегда, установить там свой порядок, заменить власть на свою. А когда речь идет о разовой добыче, это нелогично, экономически не оправданно, да и соотношение сил абсолютно нереальное даже для того, чтобы просто удержать уже захваченный Константинополь под контролем, не говоря уж о захвате его в результате длительного сражения.

Крестовые походы

После Монгольского завоевания Христианство насильственно разносится по всему миру, видимо делаются попытки насильственного крещения, чтобы получить дополнительный механизм послушания завоеванных народов, подобно тому как это получилось на Руси. Однако политика была вполне разумной. Во-первых, если нормально выплачивалась дань, то в экономику совершенно не вмешивались, в вопросах веры и традиций тоже допускали разумную терпимость, чтобы не сильно восстанавливать против себя население. Поэтому во всех уголках мира Христианство приживается, но с учетом своих местных особенностей и традиций, которые очень глубоко сидят в культуре народов и не могут быть изменены никакими указами. Так в Западной Европе это практически повсеместно синтез Христианства и вакхических культов, (следы можно найти в произведениях западной культуры этого и чуть более позднего периода). В Константинополе вариант демократического Древнего Византийского Христианства, идеологически нацеленного на беднейшие, по большей части люмпенизированные слои населения, льстящего этому развращенному сословию. В результате этнический принцип, цементирующий всю империю постепенно начал размываться. На первом этапе он практически не касался самой Руси, но начал затрагивать русские оккупационные части по всему миру и русских наместников. При этом, если принять во внимание, что из-за догматичности и ограниченности простых русских христиан они в большинстве случаев далеко не сразу понимали, что попали в несколько иную христианскую конфессию, лгать не умели, не допускали ее в других, но очень тонкую ложь распознать были не в состоянии, то это процесс начал действовать разлагающе, если не в первых, то последующих поколениях. В этом же направлении должны были влиять нравственная и культурная среда обитания. Особенно это должно было сказываться на рожденных и выросших здесь поколениях, матери которых тоже, как правило, были местными. Поэтому приблизительно через семьдесят лет (~ смены трех поколений) этот процесс должен был зайти в опасную зону и привести к практически полной потере русских национальных корней, попыткам отделения, невыплаты дани и т. д.

Естественной реакцией русского руководства империи на такие тенденции должна была стать карательная экспедиция, возвращающая прежний порядок. При этом за прошедшее столетие идеология Христианского служения русским духовенством тоже развивалась и вероятно, достигло периода своего наивысшего идеологического расцвета и законченности. При этом всем было ясно, что это один из основных факторов, на котором держится империя. Поэтому кроме военной операции необходимо было навести определенный идеологический порядок в среде имперских наместников по всему миру. Таким

образом, экономической целью экспедиции было организовать собираемость налогов, политической – восстановить целостность разрушающейся империи, идеологической – борьба с ересями в рамках Христианства, подрывающими идеологическую основу империи. Вероятно походу предшествовала длительная дипломатическая работа, и решение о самой экспедиции было принято, видимо, с учетом определенных политических и дипломатических реалий. Подготовка велась тайно без раскрытия целей и направления, ушла экспедиция тоже тайно, как бы самовольно. Когда направление первого удара – Константинополь, стало очевидно всем, была объявлена официальная причина – борьба за Гроб Господень. Это и есть истинное начало Крестовых походов, русской экспедиции израильян – слуг ангела смерти (Израил – ангел смерти, мусульм.).

Вероятно только во время этого похода появилось название Иерусалим, в котором явственно присутствует корень «рус». Возможно даже город официально переименовали после взятия. Это является косвенным подтверждением данной реконструкции истории, и в частности указывает на то, что включение в Крестовые походы пиратского греческого периода – есть более поздняя фальсификация, поскольку само понятие Крестовых походов в истории неразрывно связано именно с названием Иерусалим. Первое взятие русскими Константинополя= Царьграда в начале Монгольского завоевания я не включаю в Крестовые походы, поскольку тогда еще не могло быть столь явного идеологического уклона всего завоевания. Другое название, возникшее вероятно в этот период «Станбул»– стан болгар. Таким образом истинное начало Крестовых походов соответствует середине пятнадцатого века и является чисто русской славяно-тюркской экспедицией. В традиционной фальсифицированной исторической картине этому же событию соответствует захват Константинополя турками, хотя откуда они взялись традиционная история скромно умалчивает и впервые упоминает о них только на Балканах. Некоторые традиционные историки согласны с тем, что пришли они из южнорусских степей, но происхождение их там и высокий уровень их военной культуры все равно оставляет серьезные проблемы в этой традиционной реконструкции. В частности очень большой странностью в традиционной истории является факт, что турецкие янычары были христианами (исторический факт, который оказался по ряду исторических причин не вычищенным в традиционной картине фальсификаторами). Вероятно это было изначально «иоаны цари», т. е. русская царская гвардия. (немецкое «рус Иван» и вообще отождествление русских с именем Иоанн, Иван, Ян, Жан и т. д. имеет многовековую традицию кое-где уже забытую). (Аналогично в традиционной истории так же необъяснимо выглядит некий исторический документальный след, о том, что телохранителями у японских императоров были русские, что для центра восточных единоборств более чем странно). Дублем с этих же событий является библейское покорение «Земли Обетованной» Иисусом Наввиным, начавшееся со штурма города Иерихона. В этом описании, как известно, есть тоже немало странностей. В версии Новой Хронологии странностей нет, все логично, вплоть до штурмовых орудий (Иерихонские трубы), от которых рушились стены осажденного города. Дублем с этого же завоевания является война Александра Македонского с Персией.

Приблизительно в это же время был всплеск эпидемий чумы. Во-первых, с этой точки зрения, время достаточно удобное для начала военных действий, когда возможные противники ослаблены и деморализованы, во-вторых, при средневековой логике сам факт такой страшной эпидемии практически однозначно трактовался русской военно-религиозной экспедицией, как наказание за ересь, и в результате, как следствие, технология борьбы с ересью очень похожая на карантинные меры при борьбе с эпидемией чумы, которые были получены экспериментально (все очищение через огонь). Поэтому борьбу с эпидемией можно рассматривать, как эпизод в общей борьбе с ересью.

При сильно монополизированной экономике Константинополя, когда основное население было бедно, вопрос выплаты дани в основном ложился на состоятельное сословие, т. е. жидов. У них был острейший экономический интерес в ослаблении имперской власти, развале империи, поэтому они питали любые варианты, подрывающие эту власть, в том числе и еретические учения. Кроме этого, именно они имели разветвленную финансово-торговую сеть по всей Европе и остальному миру, и достаточные средства для финансирования международного заговора. Отсюда становится ясно, почему основной удар экспедиции был направлен в Константинополь, и почему Крестовые походы преследовали жидов по всей Европе (факт совершенно непонятный в традиционной истории, на который обращает внимание Л. Гумилев, но не берется объяснить даже при его фантазии). В частности именно поэтому русское духовенство официально объявило все ереси этого периода жидовствующими. После Византии карательная экспедиция прокатилась по всей

Европе. Навела там порядок, поставила новых русских наместников, обеспечила собираемость налогов, ввела инквизицию. Позже, после победы Реформации, инквизицию объявили плохой, списав на нее в частности большинство преступлений самих Реформаторов. Инквизицию интересовали только колдуны-антихристиане, в основном жиды, а то что в Германии инквизиция уничтожила всех красивых женщин, обвиняя их в колдовстве, это ужасы придуманные позже Реформаторами.

Период Крестовых походов это массовое переселение целых народов в Европе, во многом определившее ее сегодняшнее лицо. В это время с Руси переместились болгары, угры (венгры), турки (турки). Позже эти народы создали отдельные государства. Во многие районы Европы с Руси направляются русские удельными князьями, причем народу для этого явно не хватает. Процесс продолжается несколько десятилетий. Часть этих списков с отмеряемыми уделами сохранилась. В некоторых случаях географические названия не вызывают разночтений, явно указывая на области далеко отстоящие от Руси. В наиболее опасные районы посылаются более многочисленные контингенты представителей, для иных районов наблюдается явная нехватка кадров. Так основной оккупации подвергаются Византия, Балканы, Пиренеи, несколько меньше Центральная Европа, существенно меньше северо-запад Европы, вероятно, из-за худших природно-климатических условий, бедности и технической отсталости этих районов было мало желающих. Крестовый поход вовсе не затрагивает Скандинавию и Англию. Вероятно он слабо касается Апенинского полуострова, поскольку там был значительный контингент русских еще после Монгольского завоевания (в традиционной истории называемых этрусками), и ереси почти не было.

Согласно реконструкции Новой Хронологии открытие Нового Света приходится на этот же период, при этом имен конкретных руководителей экспедиций не сохранилось, а остались только обобщенные нарицательные имена Христофор Колумб – позднее искажение обобщенного понятия «крестоносец колонист», Кортес – «К+Орт+ес», т. е. ордынец и т. д. Именно поэтому же в традиционной и мифологической истории очень много имен собственных, которые по происхождению явно нарицательные. В частности очень распространено слово «новый», что вполне естественно для периода распространения цивилизации, от которого в разных языках получились Ной, Невий, Нефий, Наввин, Эней и т. д. В принципе такими же нарицательными именами, которые позже превратились в исторические имена собственные этого периода, можно считать, Жанна Д Арк – вероятно Ордынец Иван, Ян Гус – вероятно Казак Иван. (По тюркски каз – гусь, ак – белый. Отсюда казак=гусар, т. е. гусары, конные войска первоначально появившиеся в Венгрии, это есть просто казаки, отсюда гуситские войны). Соответственно в истории, связанной с этими именами, есть два исторических этапа, когда они побеждают, что соответствует периоду Крестовых походов, и в конце они все же погибают, это уже период победившей Реформации, сумевшей в конечном итоге разделаться с ними.

Распад империи

Основной антиимперский центр – Константинополь захвачен, начинаются преследования жидов. В частности, запрещается ростовщичество. Жесткие меры дают положительный эффект, жиды, спасаясь от преследования, разбегаются по всем уголкам империи по своим торговым филиалам. Первый Крестовый поход по Европе длится около тридцати лет. Но он совершенно не захватывает Англию и Швецию, вероятно вообще не касается севера Европы (Голландия, Прибалтика и т. д.). Здесь хуже природно-климатические условия, поэтому низка плотность населения, вероятно еще заметно техническое и культурное отставание, слабее торговля, меньше присутствие жидов, соответственно пока и не развита ересь. Через некоторое время будут новые волны борьбы с ересью, уже из Константинополя, но они опять же в основном будут касаться Южной Европы и частично проникать в центральную ее часть. Именно такая политика в значительной степени и определит окончательное лицо Европы. Наиболее передовые в техническом, экономическом и культурном отношении районы оказались в условиях оккупации, жесткого догматического мышления, тормозящего прогресс, отсутствия экономических свобод, физического преследования жидов. Устремившись в более свободные районы жиды принесли туда с собой инвестиции в экономику, новые технологии, экономическое и культурное оживление. Предполагаю, в частности, что центр изготовления

драгоценностей, а это очень сложные и передовые технологии для того времени, переместился в Амстердам именно тогда, из разгромленного Константинополя. Передовая техника строительства, кораблестроения, иных технологий с юга вероятно тогда же переместилась в эти глухие районы: Англия, Голландия, Швеция. Через некоторое время, порядка двух-трех поколений, это дает свои плоды. Эти районы догоняют по техническому и культурному развитию южные районы Европы. В шестнадцатом веке на севере Европы, вокруг Балтийского моря возникает технический, культурный и экономический центр, способный конкурировать со Средиземноморьем.

Традиционная история предлагает в частности считать, что у скандинавских викингов своя древняя государственность, культура, техника. Что они в течение многих веков наводили ужас на всю Европу, регулярно добирались до Греции, грабили там, принесли государственность на Русь. Поскольку объяснить такое превосходство нечем, то предлагается неустранимость воинов скандинавов. Этого для естественного объяснения, мягко говоря, недостаточно. Мало ли какой туземец будет обладать смелостью, против цивилизации и более высокой техники не погрешь. Поэтому единственное, что пришло на ум фальсификаторам, или точнее тем, кто подчищал за ними «хвосты», это объявит, что скандинавы – искусные мореходы, и их корабли опережали весь остальной мир на несколько столетий, в частности, только они умели ходить против ветра. В тот период, когда фальсифицировалась история, это выглядело разумно, за полтора века и скандинавы и англичане действительно уже стали хорошими мореходами. Но привести хоть какие-то минимальные доводы экономического порядка, объясняющих, как могла цивилизация развиваться в этих районах, неблагоприятных и с природно-климатической точки зрения и отдаленности от иных центров цивилизации, традиционная история не в состоянии. И то, что государственности там тоже неоткуда взяться, я достаточно строго доказал. Да и опережение в технике кораблестроения при разумном анализе, естественно, оказывается мыльным пузырем. Невозможно в этой области что-то сохранить в тайне. Что же они не терпели отдельных поражений, не попадали в плен, не нанимались на службу? И с экономической точки зрения пиратский набег из Скандинавии на Грецию (из варяг в греки) выглядит более чем сомнительно. Поэтому как разовое явление он имеет право на существование, а как система, зафиксированная в истории, – нет.

Приблизительно через семьдесят лет (те же три поколения) после окончания первого Крестового похода, процесс еретического разложения в Европе вновь достигает опасного предела. Но центрами ереси теперь становятся новые районы, не подвергшиеся чистке во время Первого Крестового похода, и куда соответственно, сбежали жиды. В первую очередь это районы Англии, Голландии, Швеции, Прибалтики, вероятно в Казани (другая по происхождению ветвь жидов). По крайней мере других причин для разгрома Казани в правление Ивана Четвертого (Грозного) не видно. На Руси начинается подготовка похода в Западную Европу (к Ливонской войне). Но очередная смута в царской династии полностью ломает эти планы. Жидовствующая ересь проникает в царскую семью, начинается многолетняя кровавая междоусобица с переменным успехом, в результате которой физически устраняется старая ордынская династия, и власть в государстве захватывает новая, прозападная, жидовствующая, династия Романовых. Между прочим, это вероятно, псевдоним, означающий Рим Новый, а не настоящая фамилия. После этого России становится не до наведения порядка в Европе. Там начинается эпоха Реформации, освобождение от господства Руси и русской христианской традиции. Отдельные государства, верные прежним обязательствам, пытаются подавить мятеж. Это Испания, Турция, вероятно Венгрия (гуситские, т. е. гусарские, казачьи войны). Но сил без России не хватает, Реформация побеждает.

Существеннейшим итогом Реформации явилось возникновение по всему миру множества самостоятельных государств, прежде всего в Европе. Но угроза страшного русского нашествия будет висеть над Европой еще минимум два с половиной столетия, определяя в значительной мере политику многих европейских государств. Большинство независимых государств и религиозный центр Западной Европы (Ватикан, вероятно от одного из имен его основателя Батый Хан) сошлись в общем интересе, предотвратить возможность нового русского вторжения. Их усилиями начинается колоссальный совместный труд по фальсификации исторической картины, чтобы стереть из истории существование мировой русской империи, делающей такой поход оправданным. С огромным трудом этот процесс в Европе запускается. Новый, ответный этап идеологической борьбы, развязанной уже Реформацией, костры из старых, опасных, правильно описывающих историю, книг. Но вычистить абсолютно все не

удается. Отдельные протivoестественные несуразности в созданной ими исторической картине все же остаются и до нашего времени, кое-где выявляются в старых произведениях искусства. Многие события, историческую память о которых, не удастся уничтожить, переносятся преднамеренно в глубокую древность, удлиняя, фальсифицируя историю и запутывая всю картину. Я готов поспорить, что в государственных архивах многих Европейских государств, сохранены старые библиотеки, и они до сих пор считаются секретными. Наличие таких библиотек для меня очевидно, например, в Англии и Ватикане, кое-что наверняка сохранено в Швеции. Два века назад они еще были и во многих других странах Западной Европы, но военные и революционные потрясения многие из них уничтожили. На Руси в искажении истории заинтересована новая династия. Ей необходимо доказать свою легитимность, скрыть активное участие в организации смуты и жидовствующих ересей. Для этого полностью переписывается история периода смуты. Потом центр Монгольского завоевания из Руси смещается далеко на восток, делая Россию тоже его жертвой. Процесс целенаправленной фальсификации длится те же самые два с половиной века. Наиболее активно он начинается в правление Петра Первого, когда живых участников тех событий уже не остается, и за работу берутся профессиональные историки, иностранцы. На протяжении ста с лишним лет русские не подпускаются к историческим архивам, собираются и уничтожаются монастырские книги, создаются подложные. Только в середине девятнадцатого века, когда чистка проведена, появляются русские историки, но их удел только строить версии на основе уже фальсифицированной картины, пытаться построить логичную историю на местах оставшихся нелогичностей в глобальном фальсификате. Возможно, что экономико-исторический анализ о начале цивилизации до меня делали и другие, однако этих рассуждений было явно недостаточно, чтобы объявить мировую историческую картину подложной. А вот когда появился системный анализ историко-культурных данных по всему миру, позволяющий сделать подобное утверждение, то мой анализ становится очень веским дополнительным аргументом в его пользу.

После развала мировой империи Романовская Россия оказывается существенно меньше, чем мы ее себе представляем, и в окружении враждебных государств, живущих в прежней традиции и не признающих новой династии. Турция, Астраханское ханство, Донская область, Великая Тартария, включающая Урал и Сибирь (возможно и большую часть современных Соединенных Штатов Америки). Север формально принадлежит Романовым, но там иная традиция, сильны староверы, не признающие новой династии. И на территории Романовской России новая династия не пользуется большим авторитетом. У нее почти нет шансов удержаться. Но вся Европа бережет ее, как зеницу ока, чтобы не позволить восстановлению старой традиции. Первая серьезная проверка на прочность – война с Астраханью, что в традиционной истории названо восстанием Степана Разина. Судя по всему устоять удалось только благодаря помощи наемных иностранных войск, все русские считались ненадежными.

Можно немного пройтись по нелогичностям в русской истории и вокруг нее, многие из которых становятся понятны, с учетом изложенных данных. Почему, к примеру, Петр Первый больше ориентировался на немцев, чем русских, и откуда в русской истории после него сплошное засилье царей и цариц немецкого происхождения? Вся Романовская династия оттуда. Почему он столицу перенес на болота по ближе к границе, в общем-то в опасную зону от Швеции и других европейских государств? Нормальная дипломатическая практика, к примеру, предполагала, что наиболее мощные представительства надо было иметь в ближайших соседних государствах, с которыми недостаточны хорошие отношения, с целью разведки. Петр самое мощное представительство организовал в Голландии, стране далекой и предельно дружественной ему. Он Европы не боялся, а при необходимости рассчитывал на помощь или готовил плацдарм для бегства туда. Он не был по-настоящему русским царем, он был представителем враждебной Руси немецкой династии, со своими корнями и традициями, забравшимся на русский престол. Русских он боялся и ненавидел. Становится понятна жестокость, с которой он подавил бунт стрельцов. Это было не просто выступление недовольных отдельными начальниками или несвоевременной выплатой жалованья, корни бунта были глубже, ответственна и ответная реакция царя. Понятен его конфликт с русским духовенством. Понятно становится его желание максимально поломать русские традиции, в том числе и христианского аскетизма, целенаправленное развращение, спаивание, курение и т. д. До него вино на Руси практически не употреблялось, табак, естественно, тоже (традиции староверов когда то были на всей Руси). Считается, что он очень много сделал для государства Российского. Я это принимаю (с некоторыми оговорками экономического характера). В этот период европейская культура и техника объективно была намного впереди (немалая

заслуга и его предков, что Россия отстала), но он все сделал, чтобы убить душу русского народа, стереть его историю, традиции, культуру. Эти потери серьезнее, чем любые его достижения.

К примеру подарок Петра Третьего и Екатерины Второй, немецкому императору, передача ему захваченной русскими Восточной Пруссии, становится вполне объясним, с учетом открывшихся исторических реалий, а не просто списывается на дурачество царя. Порча отношений с ближайшим союзником и родственником была совсем не нужна при надвигающейся (или планирующейся) войне на Востоке с Великой Тартарией. В традиционной истории это называется восстанием Пугачева, которое случилось уже в правление Екатерины Второй.

И с военной и с политической точки зрения мне совершенно было непонятно наступление Наполеона на Москву в кампании 1812 года. Для достижения его целей куда как естественнее было двинуться на Петербург. Дорога короче, меньше нужно времени, соответственно меньше времени остается противнику на организацию ответных мер, проще снабжение, меньше пришлось бы дробить свою армию на охрану коммуникаций и гарнизоны, наконец более сильное давление на русского царя для заключения в нужный момент мира на выгодных условиях, Питер не сдали бы, как Москву. Тут не спишешь на умственную слабость, этот план принимал гений. До конца я бы не взялся оправдывать это решение Наполеона. Вероятно он все же зарвался, будучи абсолютно уверенным в успехе, не сумев оценить всех реальных возможных ответных шагов, которые и привели его к поражению. Но с учетом вскрытых исторических реалий, частично его логику при принятии такого решения становится проще понять. Естественно, будучи осведомленным о настоящей истории, и нанося удар, он не желал ослаблять позицию русского царя, еще учитывая возможность (и вероятно, переоценивая ее) восстановления прежней династии в России, поэтому больше воевал с Россией, чем с царем Александром из Романовской династии. Эту династию все еще берегала вся Европа. Кроме этого, забравшись на вершину, признанный всеми при жизни гений, Наполеон в это время играл в величие, для его внутреннего самоутверждения в собственном превосходстве было важно покорить именно столицу всего мира. Так же становится понятным, почему Наполеон не попытался заварить смуту на Руси путем отмены крепостного права, что он не мог не оценивать, как определенный военно-политический ход. Если бы это планировалось, то он должен был границу пересекать под лозунгом отмены рабства в Европе. Для представителя революционной Франции это было бы более чем естественно. Война с Александром велась по джентельменски, «удары ниже пояса» не наносились, поэтому его, в частности, раздражали не джентельменские ответные действия, партизанская война и участие в ней крестьян.

История двух старейших этносов

Первый, возникший в истории этнос это Римский (Византийский). Он чисто экономического свойства. Возник стихийно на пересечение торговых путей, благодаря исключительно выгодному географическому положению. Сами римляне выделяли себя из окружающего мира, считая прочих варварами. Основания для этого были. Уровень богатства, развития технологий, общей и правовой культуры у них был выше. Но возникнув стихийно, он продолжал так же стихийно существовать, у него не было поводов заботиться о собственной устойчивости. На первом этапе существования она автоматически обеспечивалась техническим и экономическим превосходством над остальным миром. Но по мере изменения ситуации вокруг, развития техники и культуры у других народов выявилась его слабость, совершенная неспособность противостоять внешнему воздействию.

Сначала он был не в состоянии как то ограничить пиратство, хотя обладал экономическими возможностями несравненно большими, чем греческие государства. Столкновение с русским завоеванием выявило его полную беспомощность, неспособность защищаться. И наконец Крестовый поход уничтожил этот этнос окончательно.

Устойчивость этноса определяется заинтересованностью его жителей в нем, готовностью идти на определенные жертвы ради всего сообщества. Как правило богатейшие сословия, имеющие различные запасные варианты своего экономического благополучия и за пределами рассматриваемого сообщества, не

обладают необходимым патриотизмом. Рисковать жизнью не очень интересно, когда можно сохранить значительную часть своего богатства и продолжать жить припеваючи, даже в случае поражения сообщества. Беднейшей, люмпенизированной части общества на общественные интересы глубоко наплевать, ей нечего терять. Безнадежная нищета развращает хуже богатства. Устойчивость чисто экономического сообщества, без иных связующих элементов, определяет средний класс, все интересы которого находятся внутри сообщества, у которого нет запасных вариантов подобно богатым, и в тоже время достаточное экономическое благополучие в сообществе, ради которого стоит бороться, быть может чем-то жертвовать и даже рисковать жизнью.

Предельно монополизированная экономика древнего Рима (Византии), господство в экономике жидов обеспечило то, что в нем реально в основном и присутствовали только два класса, которые оба не отличались особым патриотизмом. Средний класс был весьма малочислен. Для повышения устойчивости необходим был более нравственный внутриэтнический климат, перераспределение доходов, экономика, позволяющая нормально существовать среднему классу, который и стал бы защищать сообщество в случае военной или иной угрозы. Но возникнув по чисто экономическим основаниям этнос по инерции продолжал существовать в том же режиме и далее. Попытки борьбы с жидовством в результате оказались безрезультатными. Это и предопределило гибель этноса. Кроме этого к слабостям экономических этносов можно отнести и определенную неготовность его членов к неэкономическим методам решения конфликтов, отсутствия в шкале ценностей элементов отличных от корыстных, эгоистичных. Т. е. когда доходит до военного столкновения они гораздо больше ориентированы на то, чтобы откупиться от противника или нанять наемников, чем самим рисковать жизнью.

Полной противоположностью экономическому безнравственному этносу будет этнос, объединенный определенной связующей идеей, которая преобладает над всеми остальными эгоистическими, в том числе личной корыстью, желанием удовольствий, страхом смерти. Самый яркий и наиболее полный пример этого – древнее русское Христианство. Здесь внутриэтническая нравственность доведена практически до своего предела, нравственности муравейника. Естественно, без экономической обоснованности и у такого этноса нет шансов для распространения, но при наличии экономических стимулов, у него в природе нет противников, кроме аналогичной силы. Поэтому то, что древнее Христианство было разнесено Русью по всему миру, исторически совершенно закономерное явление.

фаза формирования его завершается объединением Руси, близких по культуре, традиции, религии, языку государств в одно этнически единое в начале четырнадцатого века. фаза роста – процесс завоевания всего цивилизованного Старого Света Русью–Ордой. Она завершается достижением естественных природных границ. За этим должна последовать перестройка, которая обязана оставить след в истории. Такой след действительно остался. Это внутренняя государственная смута, изменение формы наследования, переход от родовой к чисто семейной. В истории сопровождается грандиозной, не имевшей аналогов до того и долгое время после того, Куликовской битвой в 1380 году. Битва проходила, как обстоятельно доказано авторами Новой Хронологии, на территории современной Москвы на Кулишках (м. Китай-город). В традиционной истории место битвы не обнаружено. Некое, официально признанное поле не подтверждено ни одним объективным доказательством, что там вообще было какое-то крупное сражение, не говоря о конкретном.

После структурной перестройки этнос переходит в инерционную фазу своего существования, когда жизнь продолжается по старой традиции, но в обществе начинаются процессы, готовящие его распад. Характерное время этого этапа, когда общество подходит к опасной черте около 70 лет, что приблизительно соответствует времени смены трех поколений. Причина намечающегося распада этноса в вырождении определенной части руководящей части сообщества, полный или частичный отказ в ее среде от этнического принципа, цементирующего этнос. Как правило, после этого нравственный этнос должен переходить в следующую фазу. Переход должен сопровождаться структурной перестройкой, легко обнаруживаемой в истории.

Крестовый поход, начавшийся в середине пятнадцатого века, упредил этот переход. Он провел чистку в отступившем от этнического принципа правящем сословии русских наместников, заменив их на надежных представителей своего этноса, таким образом омоловив этнос. Этнические процессы как бы отступили на семьдесят лет назад. Но следующие семьдесят лет вновь подводят этнос к

опасной черте. На этот раз из-за смуты в царской династии карательная экспедиция срывается. Этнос, распыленный по всему миру раскалывается и его куски, сильно пораженные ересью в течение некоторого времени поглощаются новыми, чужеродными, молодыми возникшими на этих территориях этносами. Структурная перестройка в Европе, это Реформация, уничтожающая цементирующий этнический принцип старого этноса. После этого его куски начинают выживать по отдельности.

В России это смута в царской династии. По этническим соображениям, она строго говоря, не является обязательной. Все дело в том, что когда мы говорим о самой правящей верхушке, то несмотря на ее принадлежность к той же религиозно-идеологической системе, нравственная идеология этого слоя изначально иная. Здесь всегда живет корысть, как правило в виде властолюбия, честолюбия и т. д. Не будь этого свойства в самом верхнем правящем клане, этот этнос изначально не имел бы стимулов к экспансии на весь остальной мир. Т. е. такая этническая неоднородность есть необходимый элемент для роста этноса, она же создает элемент риска для его существования. Пока вся руководящая прослойка этноса однородна и крепка, любые временные сбои в самом верхнем клане не приводят к распаду этноса, когда же накладываются друг на друга два процесса, разложение, проникшее в правящую прослойку и одновременно кризис в самой династии, то наступает распад. В этой связи становится понятно значение изменения формы наследования, как элемента повышения риска смуты в самой династии. Смута началась из-за появления в царской семье всего одного тайного жидовствующего еретика, специально несущего раскол (действующего по приказу своего клана), жены Ивана Четвертого (Грозного). При родовой, более коллегиальной власти и форме ее наследования, возможность такого влияния со стороны всего одного вражеского агента заметно меньше.

Устойчивость высоконравственного этноса в его цементирующем нравственном этническом принципе, его психологической воспроизводимости внутри сообщества. Но для этого необходимо, во-первых, чтобы уровень жизни членов этноса был выше, чем тех, кто к нему не принадлежит, и уж по крайней мере, не было бы нехваток, ставящих его членов на грань нищеты. Только при таком условии члены этноса могут продолжать догматически, не ставя их под сомнение, на протяжении многих поколений относиться к своим этническим традициям и культуре. Во-вторых, и пониженный внутриэтнический эгоизм и догматичность мышления ведут к определенному техническому застою, так что если не грабить всех прочих, должно неизбежно привести к нарушению предыдущего принципа. Поэтому, третьим необходимым условием является совершенно неэтичное отношение к тем, кто не принадлежит к рассматриваемому этносу. В средневековье это выразилось в том, что было разделение на знать и простолюдинов. Вся знать принадлежала к одному русскому Христианскому этносу, т. е. вся мировая аристократия была с Руси. Постепенный отказ от принципа русского христианского аскетизма, идеологии служения и долга привел к нарушению этнического единства, отказу от связи с Русью, от уплаты дани. Потомки русских ордынских наместников стали королями, герцогами, их поддержала своя знать, потомки русских воинов ордынцев, они превратились в национальные (иногда региональные) аристократические этносы, искусственно удлинившие свою историю и родословные.

В отличие от заключений экономического характера, предлагаемые здесь соображения я не считаю достаточно строгими для однозначных трактовок, однако они могут быть хорошим подспорьем для иллюстрации предлагаемой версии мировой истории, делающей ее понятной на житейском уровне, а стало быть и этнически, поскольку это в значительной мере совпадает. В качестве объекта для анализа меня привлекает одна из маленьких трагедий А. С. Пушкина «Скупой рыцарь». Это короткое произведение замечательно прежде всего с точки зрения описания психологических типов, но известно, что Пушкин сделал его по сюжету более ранней европейской комедии, причем там, естественно, этой психологии и в помине не было, поэтому предлагается рассмотреть событийную часть, отставив в сторону Пушкинскую психологию.

В принципе в этом произведении показан конфликт отцов и детей, и этот конфликт видимо не единственный, а достаточно распространенный, раз он закреплен литературно. Вот эта его распространенность и вызывает определенные размышления. Очень сложно предположить, что к примеру, половина всех баронов определенного поколения вдруг выжила из ума, помешавшись на накоплении золота. Хотелось бы какого-то более естественного объяснения, и я возьму на себя смелость сделать такое предположение, так чтобы конфликт действительно стал распространенным и не требующим

дополнительного условия, что один из его участников свихнулся. А кроме прочего, это мое предположение логично ответит на вопрос, почему в период острейшей идеологической борьбы времен Реформации стало вдруг актуально высмеивание одного из участников этого конфликта.

Старый барон – рыцарь крестоносец, участник крестового похода конца пятнадцатого века, истинный русский богоборец, аскет, служитель долга. Он не скуп, а просто живет в старой русской христианской традиции, он не понимает необходимости развлечений для молодежи и в своем непонимании фанатичен, пытается и сына воспитать в том же духе. Да он собирает золото, оно для него действительно сила, возможность, когда потребуется ситуация, вооружить на него свою дружину, чтобы служить, выполнять свой основной долг, о чем он и заявляет герцогу. Это мы, далекие от того времени, не вникнув в ситуацию, можем подумать, что он, старик, выжив из ума, только себя предлагает герцогу в случае войны. Ясно, что речь идет о том, что барон обязан быть с собственной дружиной, экипированной, вооруженной на его деньги, это его вассальная обязанность, его долг. И то, что его ценили и уважали прежние герцоги, и дед, и отец молодого герцога, полностью подтверждает эту мысль. Для него трата денег на наряды и развлечения – это нарушение своего долга. Молодой барон рожден уже здесь в Западной Европе, рос в новых условиях, оторванный от русских корней и традиций. Он не разгулен, не развратен, он просто нормальный молодой дворянин, подчиняющийся условиям своего времени. Он из-за молодости и разрыва культур не в состоянии понять отца, и единственная версия, которая ему доступна, что отец его скуп. А отец, которому из-за возраста и мудрости следовало бы понять сына, принадлежит к суровым аскетам фанатикам, не умеющим понимать другое мнение, но умеющих только выполнять свой долг и уничтожать инакомыслие силой. То, что сын живет своей отличной жизнью, готов растратить то, что должно служить исполнению долга, для него это непостижимо, это предательство, это покушение на него самого. Старый барон не лжет герцогу, говоря это о сыне, он высказывает свое сокровенное, свою трагедию. Он бы мог высказаться о новых порядках и вообще молодежи, включая самого молодого герцога, но этого он не может опять же из-за своего чувства долга, субординации, поэтому сохраняет почтительность, и только косвенно напоминает молодому герцогу о долге через свою готовность служить. В этом напоминании звучит немой укор молодому герцогу, но тот этого не понимает. Трагедия взаимного непонимания отцов и детей.

Но быть может самое интересное, что в этом конфликте отцов и детей есть третий участник трагедии и очень неслучайный, это жид. Он ссужает молодого барона деньгами и уговаривает отравить отца. Совершенно не подозревая этого, Пушкин в этом миниатюрном произведении показал суть целой эпохи, фазу распада русского христианского этноса, крушение мировой империи, ее главных участников. Конечно конфликт отцов и детей есть продукт разрыва их культур и изменившейся политической и экономической ситуации, но жид, финансирующий заговор, подталкивающий к нему молодое поколение, очень существенный компонент, ускоряющий этнический процесс в фазе нравственного упадка. По произведению Пушкина молодой барон отказался от убийства отца. Но следующее поколение дворян уже будет презирать этих стариков, будет абсолютно безжалостно к ним, их традициям, их непонятному долгу. Они станут объектом насмешек, высмеиваемыми героями комедийных пьес. И история подтверждает это, следующее поколение Западно-Европейских потомков русских рыцарей, христовых воинов, вместе с жидами разрушили Великую (Монгольскую) русскую Христианскую мировую империю. Наверно они также презирали жидов, как и молодой барон, герой художественного произведения, но в плане развала империи их интересы совпали, и они выступили сообща.

Но на этом этническая история не закончилась. У разных осколков русского Христианского этноса была различная судьба. В Западной Европе аристократия со временем ассимилировала внутри «своих» национальных этносов, причем этот процесс ассимиляции происходил, как правило, далеко не безобидно. Часть из них еще больше выродилась, пришла к полному нравственному упадку и была сметена национальными буржуазно-демократическими революциями. В частности становится понятна одна из причин, почему во Франции революционеры с таким удовольствием гильотинировали аристократию. Образованная часть французского общества конца восемнадцатого века еще помнила, что это иностранные интервенты, прижившиеся здесь, предавшие и прежнюю родину и презирающие, грабящие свою новую. Часть осколков, оставшихся в прежней традиции, из-за технического отставания были уничтожены, поглощены более развитыми нациями. Их история была переписана завоевателями, заботящимися о стирании следов русской мировой империи. Значительная часть более отсталых кусков

постепенно поглотилась Романовской Россией, где уничтожение памяти о том, что русские правили миром, а не были скотами, цивилизованными только династией Романовых, уничтожалось тщательнее и злее, чем во всем остальном мире. Испания и Венгрия, проиграв военное столкновение пошли на принятие условий сторонников Реформации, тем более, что их знать при этом получила тоже удлинение своей родовой истории и аристократические привилегии. Только один кусок мировой империи, Турция, сохранил до поры до времени традиции, культуру и память о прежних событиях, но будучи обреченным на техническое и научное отставание, свойственное жестким догматическим системам, оказавшись в условиях мировой изоляции и после длительной военной схватки, ее руководство тоже подписало капитуляцию перед Реформаторами. Мировая история оказалась переписанной.

Возникновение новых этносов

Крестовый поход в значительной мере определил культурно-нравственный и экономический рисунок Европы и всего будущего мира вплоть до настоящего времени. Во-первых, это Западная Европа, центр Реформации. Здесь в результате сложился самый свободный режим, способствующий быстрому развитию экономики. Практически полная свобода, т. е. низкая нравственность в смысле механизмов дележа общественного богатства. Сюда перекочевала большая часть жидов из Константинополя, неся инвестиции и стимулируя перемещение и развитие новых технологий. Здесь же возникли самые нейтральные варианты Христианства, меньше всего вмешивающиеся в частную жизнь людей, позволяющие все, что угодно за плату, и в принципе почти не затрагивающие внутренний мир человека. Здесь в результате всего этого развился и максимальный эгоизм, в свою очередь стимулирующий технический и экономический прогресс, при наименьшей духовности.

Второй культурно-нравственный регион, Православный мир, фактически весь оказался представленным Россией. Здесь в значительной степени сохранились традиции старого русского Христианства, но подвергшиеся очень мощному целенаправленному давлению Западной культуры. Поэтому, с одной стороны, здесь не было технического и культурного отставания от Запада в образованной среде, с другой стороны, беднейшие слои, оторванные от этой западной культуры, в значительной степени сохранили собственные традиции и культуру прежних времен, имеющую элементы архаичности и одновременно черты высокой нравственности. Поэтому народная традиция – жизнь сообща, сильная установка на общественные интересы, общественная дисциплина, как вариант, даже самопожертвование в общественных интересах. Высокая нравственность, низкий эгоизм. Аскетическое, дисциплинирующее Православие. Органическая неприязнь к власти и одновременно сильная подсознательная надежда на доброго царя, оставшаяся с прежних, доромановских, времен. Низкая предпринимательская активность, неумение работать самостоятельно. Широко распространенная безысходность.

Строго говоря, эти особенности русского народа, только отчасти происходят из глубокой древности. Так называемая соборность, жизнь сообща, крестьянская община, а потом колхоз, это не просто русская национальная традиция, на которую упирают славянофилы, а специально создаваемый государством инструмент для взимания сверхвысоких налогов, когда недоимки некоторых, а их всегда много из-за завышенных налогов, покрывают остальные члены общины. Эта форма уравниловки, как и ряд других, отработанных в русской истории, снижает заинтересованность людей в труде, делая его менее эффективным. Во-первых, работа на себя без особого интереса, спустя рукава, потому, что придут «большевики» и произведут продразверстку. Во-вторых, барщина, когда отбываешь повинность, а до результатов труда нет никакого дела. В-третьих, работа на «стройке коммунизма» или на казенном Петровском заводе.

В-четвертых, коллективная ответственность для простых людей при выплате налогов, выполнении повинностей или в бою, и здесь же коллективная бюрократическая безответственность чиновников. Весь этот комплекс вариантов авральной, мобилизационной и одновременно централизованной бюрократической экономики тянется в Русской истории с Петровских времен, создавая своего рода нравственные и культурные русские традиции, указанные выше.

Третья культурно-географическая зона – Исламский мир. Он возник первоначально, как вариант Древнерусского Христианства в его мобилизационной форме, для повышения иммунитета против еретической заразы во время Крестового похода (Второзаконие). Отсюда еще больший аскетизм, воинственность, непримиримость к другим верованиям, предельный догматизм. Его отличия от Древнего Христианства первоначально были вызваны тем, что руководил Крестовым походом представитель кочевой (тюркской) знати, и состав больше был из кочевников. Это определило, в частности, разрешение иметь гаремы, что в общем-то для родовой формы жизни при абсолютной власти главы рода было достаточно естественно. После победы Реформации и прихода на Руси к власти нелегитимной династии, большинство осколков Монгольской империи, особенно где жили кочевники, примкнула к этому, оставшемуся в прежней традиции имперскому центру. Соответственно первоначальный ареал распространения Ислама географически совпал с ландшафтами, подходящим для кочевников. Культурные традиции вышли из родовых отношений и Древнерусского Христианства: еще большая дисциплинированность, чем в Православном мире, очень сильная центральная власть, религия, регулирующая все стороны светской жизни, т. е. гораздо большая регламентация жизни людей, чем в Православии, религиозные государства. Технический прогресс еще медленнее, за счет религиозных ограничений.

Четвертая – Восточная и Юго-Восточная зона Евразии. Это территории, которые к моменту Монгольского завоевания вероятно не имели оформленной государственности (городов). Местные культурные традиции корнями уходят в земледельческую догосударственную эпоху. Минимальный эгоизм, почти полное отсутствие агрессивности. Соответствующие религии: Индуизм, Буддизм, Даосизм, мирно уживающиеся рядом. В человеческой традиции преобладает мирный спокойный индивидуализм свойственный доисторической эпохе, в отличие от агрессивного корыстного индивидуализма Западной Европы. Монгольское завоевание принесло диктуемые устройством общества традиции: дисциплину, послушность властям, определенные тенденции к коллективизму, но большая часть культурных традиций досталась от аборигенов, среди которых завоеватели постепенно ассимилировались.

Победа Реформации приводит к возникновению новых этносов в Европе. В большинстве случаев это происходит далеко не сразу, а спустя некоторое различное время, но все же для возникновения почти всех европейских национальных этносов можно выделить повторяющиеся черты. Первоначально в государстве уживаются два этноса, аристократия – осколок русского древнего Христианского этноса, уже ставшая национальной аристократией с удлинённой фальсифицированной историей родов, удлинённой фальсифицированной историей всей нации и престолоудины, которые постепенно усваивают эту фальсифицированную историю нации, привыкают к ней, начинают мыслить соответствующими категориями. Первый этнос продолжает загнивать, нравственно разлагаться, второй напротив набирается сил, в нем растет самосознание, которое цементирует его в единую общность, что в результате и станет позже этническим принципом, по которому будет происходить деление на свой-чужой.

Как правило, тот или иной кризис, который усугубляет и так обостренное противостояние этих двух этносов, приводит к их последней схватке. Достаточно распространенным, но далеко не обязательным, побочным эффектом этого бывает то, что королям рубят головы. Но неизменным результатом становится то, что аристократическая система управления обществом упраздняется, что означает полное уничтожение осколка русского этноса, и окончательное оформление национального, что соответствует этнической стадии формирования. Устранив прогнившую аристократическую систему управления, общество заменяет ее на новую демократическую, несущую свободу, равенство, братство, и совершенно неожиданно получает не то, чего желали. Начинается необычайный разгул безнравственности, всплеск жидовства, сопровождающийся переделом собственности. Этот период сопряжен с определенным риском дальнейшего существования этноса. Он может распасться на куски, а в случае внешней агрессии вообще исчезнуть, поскольку в руководстве этноса в это время в основном собираются национальные жида, способные только воровать и предавать национальные интересы, у основной массы нации после революционной эйфории наступает период релаксации, происходит опускание рук от полной безысходности. Этнос на это время становится беззащитным. В большей или меньшей степени через это прошли все страны, пережившие в полном объеме буржуазно-демократические революции. Если в такой момент к власти удастся прийти высоконравственной силе, способной навести порядок в стране, то национальный этнос оказывается на нравственном подъеме и, вступая в фазу

Прикладная философия filosoff.org
распространения, может творить чудеса.

Во Франции после революции, разгула безнравственности, к власти пришел национальный герой, установивший диктатуру. Этот результат был поддержан практически всем народом. Нравственность теперь качнулась в другую сторону, произошел резкий подъем национального самосознания (Жидовская власть развращает, а национально патриотическая нравственно поднимает народ). Наполеон исключительного таланта человек, но я не стал бы переоценивать эту сторону дела, потому как в России он в конечном итоге потерпел поражение от среднего военачальника Кутузова. Главное в том, что произошло, была его армия. Встречаясь с соизмеримым по численности противником, он имел уже изначально огромную фору в качестве войска, его коллективности, готовности солдат к самопожертвованию ради общего дела. А талант Наполеона проявлялся в том, что он этой скрытой форой грамотно пользовался. Как только в страну, с уровнем технического развития, соответствующему хорошему западному уровню, вносится повышенная нравственность, сразу становится реальным говорить о мировом господстве.

Но речь может идти только о господстве в Западном мире. Столкновение с Исламским миром или Православным для такого государства чревато, особенно если нет заметного технического превосходства. В России французская армия столкнулась с другой армией, не уступавшей ей по нравственным качествам. Не оказалось той форы, к которой привык Наполеон, и гениальность не помогла. Национал социализм в Германии также внес в технически развитую западную страну высокую национальную нравственность после безнравственности Веймарской республики (опять тот же переходный процесс). Сразу реально возник вопрос о германском мировом господстве. Западная Европа, как и в случае с Наполеоном, почти без сопротивления оказалась побежденной. А противником, способным противостоять нацистской нравственности, оказалась Россия, древний мировой центр нравственности.

«Древнейшая» нация Европы

Первоначальную основу жидов составили, видимо, кочевники семитского (арабского) происхождения, обитавших на пути от Первого Рима (Александрия Египетская) до Второго Рима (Константинополя), и кочевники тюркского происхождения, обитавшие севернее Константинополя. Далее шло чисто профессиональное формирование касты жидов, без учета происхождения, но поскольку родственные отношения в торгово-финансовых делах были основой доверия, к тому же выросла вся эта система из традиций кочевников, то вероятно в Византии должно было сформироваться несколько таких родственных кланов. После того, как жида были вынуждены бежать из Константинополя, большая часть их перебралась в Западную Европу в основном северные ее районы, не попавшие в зону Крестового похода, часть к родственникам тюркам (хазарам). Местные правители принимали их за взятки, льготные кредиты и прочие финансовые услуги, но видимо, страховались на случай возможных разбирательств по этим фактам с руководством империи или карательной экспедиции, или просто ссылались на это. Поэтому держали их в изоляции, по возможности создавая вокруг них атмосферу нетерпимости. Особых трудов для этого не требовалось. Текущая их ростовщическая работа этому сильно способствовала.

С другой стороны, руководящая экономическая верхушка жидов тоже имела плюсы от такой изоляции и отношений близких к родовым в своей среде. Это обеспечивало гораздо большую внутреннюю устойчивость их структурам, что давало заметные плюсы в конкурентной борьбе с другими финансовыми силами. К примеру, сегодня сицилийская мафия, построенная по родовому принципу также имеет некоторые преимущества перед другими. Поэтому жидовское руководство заботилось об обособлении, специально не давая своему контингенту ассимилироваться в среде аборигенов. Для этого нужна была отдельная культовая традиция, а когда появилась возможность, и отдельная нация. В результате они оказались в изоляции и должны были жить обособленно, с собственной созданной инфраструктурой поселений: коммунальные службы, охрана, постоянные дворы, своя прислуга и т. д. Эти рабочие вакансии заполнились частично своими кадрами, а частично, видимо, местными люмпенизированными. Собственно с этого момента можно говорить только о начале формирования еврейской нации в современном понимании этого слова. Но человеческий материал это важнейший

Прикладная философия filosoff.org
компонент, но не единственный для создания нации.

Поскольку жида́ были одной из сторон, победившей в результате Реформации, более того основным ее организаторами и идеологами, то естественно они приняли участие в обсуждении результатов победы и необходимых условий для ее закрепления. Вероятнее всего идея глобального переписывания истории принадлежала им. Это был колоссальный труд, требующий удлинения родословных королей, соответственно удлинение историй их государств. Т. е. все нации как бы делались искусственно из ничего, создавались их вымышленные истории, так чтобы события в них совпадали. Основную техническую часть фальсификации жида́ видимо взяли на себя, по крайней мере, делалась работа наверняка за их счет. Однако для них победа не была полной. Вернуться в Константинополь не представлялось возможным, Турция не была разгромлена и результатов Реформации не признала. Центр Христианства оставался под контролем враждебной силы. Видимо возможные варианты фальсификации обсуждались достаточно долго, при этом каждая из сторон отстаивала вариант, выставляющий ее в наиболее выгодном свете, и одновременно стороны оценивали правдоподобность всей картины в целом. Результатом этих обсуждений и явилась версия известная нам сегодня в качестве традиционной исторической картины. Специально для жида́ была искусственно создана целая нация иудеев, значение этого слова пришлось конечно изменить из «торгаша» в «богослова», со своей древнейшей историей и монотеистической религией, Христос оказался ее представителем, посещающим синагогу, а столица этого вымышленного государства с реальным названием Иерусалим, перекочевала поближе к первоначальной родине жида́. Часть литературы, описывающей историю Руси и Крестового похода, некоторые иные исторические материалы, жида́ присвоили себе, как историю своего народа, перенеся эти события в глубокую древность.

В таком колоссальном труде оказались и накладки, и несостыковки. В частности, так случайно в некоторые редакции Библии попали тексты, вроде приводившегося выше пророчества Даниила (вероятно созданного идеологами Крестового похода), когда Антихрист и иудеи (жида́) оказываются друзьями-единомышленниками. На самом деле здесь нет нелогичности, нелогичность возникла позже, когда в фальсифицированной истории Христианство превратилось в ересь в рамках иудаизма. Первоначально в качестве культовой части новой религии использовалась, вероятно, одна из Христианских ересей, родившихся в Константинополе, но позже она сильно трансформировалась специально, как антипод русскому Христианству, т. е. термин антихрист по отношению к ним вполне содержателен по сути и отнюдь не ругателен. Жид и антихрист фактически синонимы, и они сами изначально этого не скрывали. Что касается языков, то я полагаю, что это были языки, использующиеся для шифровок, которые первоначально применялись в торгово-финансовом бизнесе жида́ми. Это мое достаточно «сырое» соображение основано на двух моментах: острой профессиональной необходимости такой формы общения в этом бизнесе и физиологическом неудобстве для праворукого человеческого существа, а таких гораздо больше половины, писать справа налево. Позже письмо справа налево могло носить и какой-то ритуальный, колдовской характер, что также вполне естественно для антихристиан.

В городах Европы торговля и ремесла существовали тогда в виде профессионально-цеховых объединений со своей этикой и достаточно жесткими уставами. Для выживания профессионально-цехового союза необходим был, во-первых, высокий профессионализм, трудолюбие, усердие, во-вторых, достаточно этические отношения внутри союза и совершенно безжалостные по отношению к остальным. По такому же принципу должны были существовать и жидовские объединения. Т. е. Талмуд, кроме прочего, это своего рода средневековый профессионально-цеховой устав, одновременно решающий, после ее официального оформления, проблему физического выживания изолированной и разбросанной по разным городам и странам нации. В средневековой Европе было немало уставов. Со временем они потеряли свое значение, и пласт, связанной с ними культуры растворился внутри своих наций. Что касается еврейского устава, то ему негде было растворяться, поскольку вся нация жила по нему, и пласт средневековой цеховой культуры, возведенный в ранг национальной доктрины, сохранился в почти нетронутым виде. Отсюда становится понятно происхождение в еврейской культуре повышенного настроения на социальный успех. Во-первых, это средневековые цеховые традиции отношения к делу, дающие трудолюбие и целеустремленность. Большая часть средневековой Европы, за небольшим исключением купцов и ремесленников, еще жила в условиях натурального хозяйства, а евреи все уже жили в условиях рынка. Во-вторых, их национализм, происходящий из той же, узко клановой средневековой торгово-ростовщической культуры, настраивающий на неэтичное отношение к

Прикладная философия filosoff.org

представителям других наций при дележе общественного богатства, и превращающий евреев в исключительно прагматичную эгоистичную нацию. Чисто психологически житейски это выражается в следующем. Перед человеком возникла дилемма, заработать, совершив при этом подлость, или отказаться от этого из этически-моральных соображений. Естественно, в любой нации найдутся и подлецы и порядочные люди, но в среде евреев будет лишним дополнительный мотив, связанный с их культурной националистической талмудистской традицией, навязывающей установку презрения к гоям (не евреям), который будет дополнительно подталкивать их к подлости. Поэтому порядочные евреи в среднем встречаются реже, но при этом заслуживают гораздо большего уважения.

Очень большие деньги это всегда власть, и как всякая власть она борется за усиление своего господства и снижение власти иных сортов, государственной, религиозной и т. д. Сначала жиды, а позже евреи, естественно, пытаются всячески ослабить и подчинить власти денег любую иную власть. Поэтому в их арсенале естественными становятся подкуп, политические убийства, ими специально подкармливаются практически любые заговоры и еретические учения, вносящие раскол в религии. А естественное желание контролировать то, за что платишь деньги, приводит к тому, что и во главе всевозможных заговоров, партий, масонских лож они тоже желают видеть своих людей. Так эта нация на протяжении многих поколений становится самой революционной и больше всех других играющая в тайную власть. А завершается все инерцией устоявшегося поведения и сложным общественным гипнозом, в плену которого находятся и евреи, и предводители других наций, у каждой из которых сложился свой стереотип поведения по национальным вопросам, в частности, еврейскому.

Таким образом, фактически любая нация мира возникла как синтез аборигенов, живших здесь задолго до цивилизации, и русских славяно-тюрков, принесших на эту территорию свою культуру, Христианство, государственность. Евреи – самая молодая, искусственная, полностью фальсифицированная нация, единственная в мире, возникшая как антипод Руси. Хотя ее корни уходят в историю жидов Византии, но реально из всей этой древнейшей культуры вынесено только одно, самое древнее интернациональное звено – голая корысть, предельный эгоизм. Что же касается жидовства, то хотя евреев можно считать основными наследниками этой древней профессиональной касты, но в силу давности и полного тенденциозного переписывания истории этого древнего периода, не оно, а подменяющий его миф больше влияет на их сегодняшнюю культуру, хотя думаю, что в каких-нибудь тайных еврейских объединениях информация о подлинной истории в виде величайшего секрета хранится избранными. Я полагаю, что у них есть своя система хронологии, поскольку торгово-финансовые дела требовали аккуратного ведения и точной датировки, хотя бы для того, что бы знать, как начислять проценты по кредиту. Лично для меня, жидовство понятие интернациональное, присутствующее в любой нации, как крайняя степень человеческого эгоизма не затуманенного никакими этическими нормами. Это свойство человеческого общественного сознания, его дисперсия. В любой нации всегда присутствуют, хоть их очень мало, люди настолько бескорыстные и люди настолько эгоистичные, что никакое бытие и общественное внушение не может поколебать этого их состояния.

Самая «юная» нация Европы

Первые славяно-тюркские города, расположенные на реках бассейна Черного моря возникли вероятно, в десятом веке, практически в след за Константинополем. По крайней мере к его расцвету привели именно они, как северные точки торговых маршрутов, проходящих через Константинополь. Вероятно, из-за близости кочевников, города на Дону, Днепре и Волге должны были возникнуть чуть раньше, чем на Дунае, но это различие в сроках было самым минимальным. Первоначально в городах должна была сложиться демократия. Следы этого можно обнаружить в летописях, где даже в Киев князя приглашали. Чуть позже из-за специфики культурных традиций региона и близости кочевников власть узурпировалась, на Волге этот процесс прошел несколько быстрее. Христианство вероятно принимается в середине тринадцатого века.

Монгольское завоевание начала четырнадцатого века разнесло цивилизацию по всему миру. Фактически за исключение районов вблизи Константинополя, дельты

Нила, бассейна Дуная и отдельных очагов на Средиземноморском побережье, весь мир был нецивилизован, городов почти не было, кое-где были разбросаны деревни. Объединение в империю дает толчок развитию экономики всех районов, но особенно это касается тех, которые оказываются в зоне экономической досягаемости Константинополя на том уровне развития транспортных средств. Именно по этой причине начинает бурно развиваться все Средиземноморье и зона бассейна Дуная. Отстает в развитии север и северо-восток Европы, еще сильнее отстают Китай и Индия.

Технические достижения пятнадцатого века, развитие мореходства, освоение Нового Света приводит к тому, что появляются условия для развития и севера Европы. Первоначально это в основном пиратство на путях, ведущих к Новому Свету, в меньшей степени торговля. Крестовый поход второй половины пятнадцатого века усиливает этот процесс. К семнадцатому веку экономический центр смещается туда. Побеждает Реформация и вместе с ней наступает смута на Руси. Нация, давшая начало мировой цивилизации, оказывается завоеванной путем дворцового переворота. Новая династия заинтересована в искажении истории, уничтожении старых традиций, старого руководящего клана. Начинается целенаправленное привлечение иностранцев из Реформационной Европы, создание нового правящего клана в основном из дворян северо-западной Руси.

При Петре Первом фактически закончено формирование нового дворянского этноса, смешанного по происхождению, но с этнической установкой, поддержки правящей династии на основе культуры Реформационной Европы и полного стирания традиционной культуры Руси. Почти так же как в каждой стране Европы уживались два этноса, местных простолюдинов и аристократии, так же на Руси сложилось два этноса. Фаза роста правящего этноса это постепенное вовлечение в нее всего дворянского сословия России. Старый русский этнос в это время пребывает в состоянии хуже, чем любой покоренный народ, земледельцев делают фактически рабами, бывший правящий слой ставят в положение вынужденного перехода в иной этнос. Особого предательства вроде бы и нет, все идет под лозунгом освоения передовой Европейской культуры. Этот процесс завершается в течение смены двух-трех поколений. Старые традиции сохраняются только в быте и культуре простолюдинов, частично религии.

На религию, как основного носителя старого этнического принципа, оказывается мощное давление. Начало изменений положено расколом, тем, что устранено духовенство, не идущее на компромисс и поставлено новое, готовое к изменениям. С Запада приходит новый идеологический материал, в частности Евангелие. Они внешне не противоречат старому русскому Христианству, поэтому изменения проходят без глобальных потрясений, для нас, живущих три века спустя, практически незаметно, хотя локальных проблем в свое время, видимо, было немало.

Конец восемнадцатого – начало девятнадцатого века ознаменовано тем, что из памяти народной стерты следы старой русской империи и прежних имперских традиций. Аристократический этнос стал един. К середине девятнадцатого века он уже более полагает себя русским, чем западноевропейским, сложилась своя русская культура. Уже возникла общая русская послереформационная героическая история этого и русского народного этноса. В принципе созрели культурно-этнические условия для их объединения. Все дело было за системой управления обществом. Она возникла как экстремальная управленческая система для подавления побежденного этноса (простолюдинов и старой аристократии). Пока существовало какое-то противостояние этносов, эта система действовала и отвечала задачам ее породившим. Отмена крепостного права фактически совершает объединение этносов в единый русский, с пока еще разобщенными культурами и огромным правовым разрывом. Последующие полвека частично стирают культурную грань между частями единого этноса, развитие купечества и буржуазии, рост числа разночинцев, одновременная деградация дворянства приводит к частичному стиранию и правовой грани, однако чиновничья бюрократическая система управления обществом, как остаток прежнего аристократического, иноземного этноса, сохраняется в неизменном виде.

Перегрузка, вызванная содержанием этой чиновничьей бюрократической машины, обостренная войной, толкает Россию в новую смуту. Победа большевиков и приостановление процесса разворовывания страны чиновниками, был вполне закономерный итог небывалого разгула жидовства, захлестнувшего страну. Получив ничем не ограниченную власть, большевики взяли за глобальные изменения в России. На месте двух, почти объединившихся этносов, возник

новый, коммунистический, сметающий остатки своих предшественников. По всей стране уничтожались национальные и православные культурные традиции, насаждались новые, коммунистические. Для внедрения этой программы в жизнь страна была превращена в религиозное государство с главенством коммунистической религии над всеми иными сторонами жизни, включая экономику и политику. Коммунистическое общество, ограничившее эгоизм, повысило нравственность до очень высокого уровня, вернув обществу утраченную устойчивость. Именно такой противник оказался не по силам нацистской Германии. Высокая немецкая национал социалистическая нравственность столкнулась с религиозным государством, с еще большей нравственностью. Немецкую смуту обломала Россия.

Таким образом русская нация самая древняя из всех наций планеты. Она больше других сделала для создания мировой цивилизации, у нее самая длительная и тяжелая судьба. В ней возникали различные этносы, оставляя свой неизгладимый след в истории и культуре. На протяжении веков Россия остается древним нравственным полюсом планеты. Внешние обстоятельства могут этот полюс частично подавлять, но когда возникает критическая ситуация, в мире, как правило, не находится силы, способной этому полюсу противостоять. А отсюда происходит самая страшная беда этой нации, внутренние смуты. Какой бы силы смута не была в другой нации, ее способно относительно быстро погасить окружающее мировое сообщество и вернуть нацию к нормальной жизни. Смуты на Руси это страшно, серьезно, и очень надолго, поскольку русская смута может быть преодолена только внутренними силами. Россия проходит каждую свою смуту от ее зарождения до полного логического завершения. За периодом упадка, отставания, вновь следует подъем, который выводит Россию на первые рубежи в мире, и за все эти упадки, кровавые междоусобицы, и подъемы, достигаемые сверх напряжением сил, платит русский народ.

Две тенденции в развитии цивилизации

Предыдущее изложение должно было привести читателя к мысли, что максимальные свободы, эгоизм и предельная безнравственность при дележе общественного богатства, это объективно наилучшие условия для прогресса экономического, технического, культурного. В частности установление более жесткой власти, повышение нравственности в сообществе, приводит к техническому, экономическому торможению. Однако, если взглянуть на мировую цивилизацию глобально, то картина получится далеко не столь однозначной. Возьмем к примеру расцвет Константинополя в древности. Экономических механизмов для распространения его высокой культуры на более отсталые отдаленные районы нет. У купцов нет экономического интереса отправляться далеко, в малоразвитые районы, поэтому цивилизация в них должна сама достигать относительно высокого уровня и только после этого туда устремится купец. Но даже если цивилизация там появится, то торговля с жидом будет далеко не равноправной, а тормозящей развитие слабо развитого района, в то время как в экономической столице мира богатство будет еще больше возрастать, способствуя дальнейшему разрыву в экономическом развитии.

С этой точки зрения высоконравственный этнос, организованный иной связующей идеей, кроме голой корысти, и скрепленный внутриэтническим единством, оказывается очень полезным для распространения культуры по отсталым районам, чем сильно, вероятно во многие разы, ускоряет развитие всей цивилизации. Кроме этого он выравнивает уровни развития разных районов, что обостряет конкуренцию, обогащает цивилизацию новыми техническими и культурными элементами. При этом выравнивание осуществляется различными, далеко не тривиальными способами. К примеру, введение более нравственного порядка в Константинополе во время Крестового похода ускорило развитие отсталых до того северных районов Европы, которые полтора века спустя стали экономическим центром всего мира. Повышение нравственности системы ведет с одной стороны к торможению технического прогресса, с другой повышает устойчивость сообщества, способность обороняться от внешнего нападения в том числе и экономического.

Эти же два полюса можно выделить и в человеческой природе, что как следствие проявляется в этнических мировых тенденциях. Первым основным стимулом человеческой деятельности является личный эгоизм. Это существенный элемент человеческой сущности, проистекающий из его биологической природы,

созданной естественным отбором. В социальном мире это человеческое свойство превращается в набор корыстных эгоистических устремлений социального порядка, жажда богатства, властолюбие, честолюбие и т. д. При фазе развития человеческой цивилизации, когда природных ресурсов еще на всех хватает, и следовательно, не возникает экономической необходимости сокращения населения, человеческая цивилизация, естественно, должна была пойти по такому пути развития, когда основным мотивом человеческих взаимоотношений должно было стать добровольное непротивление сторон, т. е. взаимный обоюдovýгодный интерес.

Это вообще-то не аксиома. К примеру, при острой нехватке природных ресурсов характер отношений в цивилизации может поменяться, и в более позднее время такая тенденция уже наметилась. Поэтому в частности надо бы очень ценить то, что нам осталось от предков, огромные природные территории, которые в самом недалеком будущем станут основным богатством в мире, и по возможности их сохранить. На этапе становления цивилизации природные ресурсы на душу населения были практически неограничены, поэтому цивилизация должна была зарождаться мирно. В частности, по этой причине я и отметал любые модели первичных сообществ, основанных на прямом насилии. Пока есть пустующие территории, никто не пойдет на менее благоприятный вариант подчинения другому, чем к примеру, спокойная жизнь в одиночку вдали от человеческого сообщества. А это значит, что рабовладельческое общество в этот период невозможно. Естественно, какое-то количество рабов могло быть, но только в таких видах деятельности, где мог быть исключен побег или восстание, как на галере или в каменоломне, чтобы не требовалось большое количество охраны, и вся схема оказывалась экономически оправданной. А таких видов деятельности не так уж много, и основные виды производства того периода, земледелие и скотоводство, к ним не принадлежат. По этой же причине я и исключаю варианты появления государственности за счет прямого стихийного захвата группой людей власти в малом сообществе, не имеющем потребности в такой власти. Как временное явление это может случиться, но такую власть ждет либо бунт, в ходе которого ее перебьют в случае ее малочисленности, либо слишком большие налоги на население, которые разорят его, и сообщество зачахнет и распадется. И только при значительном увеличении сообщества наступает качественный переход, который позволяет власти, которую не любят, оставаться относительно малочисленной, т. е. сравнительно дешевой, и одновременно не позволять организовать бунт против себя всего населения.

Вторым полюсом в человеческой природе, влияющим на эволюцию будет нравственно-психологический. Первоначально он носит вторичный характер, т. е. возникнуть та или иная нравственная установка может только как вариант определенной экономической потребности, но далее после ее возникновения механизм ее общественного самовоспроизводства, и как вариант разрушения, будет лежать уже в области общественной психологии. В общественных отношениях, диктуемых этим полюсом, уже может быть существенный элемент общественного насилия. Но для скорости развития всей цивилизации сочетание этих двух начал объективно способствует мощному ускорению.

Соответственно, с точки зрения этнических подходов, каждый из этих полюсов дает свой тип этноса. Чистый, ничем не сдерживаемый эгоизм, жидовство, дает экономический этнос, не обладающий ни ярко выраженными фазами этнического развития, ни этнической индивидуальностью, ни прочностью всего сообщества. Такое общество, построенное на принципах развития личного эгоизма, изначально индивидуалистично и ничем не сцементировано, кроме сиюминутной выгоды. Любое изменение внешней ситуации может привести к его разрушению. Другой, нравственно психологический полюс, дает второй тип этноса, который имеет ярко выраженные фазы этнического развития. При этом процессы, происходящие в этносе, имеют, естественно, ту же экономическую причину, т. е. в конечном счете проявление человеческого эгоизма, но все общественные процессы происходят со скоростями общественных психологических изменений, поэтому достаточно просто и естественно могут быть сформулированы механизмы динамики таких этносов и скорости происходящих в них процессов. Так для зари цивилизации, характерное время психологических изменений в обществе, при массивированной экономической атаке на представителей этноса, было около семидесяти лет, что соответствует приблизительно смене трех поколений. Для нашего времени, более высокой грамотности, развития средств массовой информации и глобального информационного давления, эти сроки сократились до смены одного поколения, т. е. составляют около двадцати лет, и осязаемые общественно-психологические изменения возможны уже и за половину этого срока.

На заре цивилизации эти два полюса дали два крайних типа этносов. В дальнейшей истории реально имеет место некий их синтез в разной пропорции, однако с характерным преобладанием того или другого начала. Это приводит к тому, что экономический этнос несколько увеличивает свою устойчивость, за счет повышения нравственности, но и нравственные этносы, вынужденные думать о экономическом развитии стимулируют личностный эгоизм, что делает их в экономическом плане более конкурентоспособными.

Общественные установки и личность

Таким образом эгоизм является стимулом для человеческой деятельности. Он же является стимулом для объединения людей в сообщества, пока это выгодно. Он же, если не организовать ему систему сдержек и противовесов, разрушает людское сообщество. Эта система противовесов отработывалась человеческими сообществами методом проб и ошибок на протяжении истории цивилизации и этот процесс продолжается и поныне. К настоящему моменту она сформировалась в виде писаных и неписаных законов общества. Писанные законы, это те, которые составляют правовые нормы каждого государства. Государство же создает механизмы для их выполнения. А неписанные законы составляют пласт в общественном сознании в виде этических (нравственных) норм или морали. Если государство обеспечивает стимул для соблюдения правовых норм, то для соблюдения этически норм стимулов гораздо меньше. Они внедряются в человеческое сознание через воспитание и внушение, а самым сильным возможным стимулом для их соблюдения является отношение окружающих через личное одобрение или осуждение.

В обществе, построенном на натуральном хозяйстве, когда каждый производитель все необходимое для жизни делает сам, общественные отношения достаточно примитивны. Но по мере общественного разделения труда и роста интеграции любой произведенный продукт становится все более и более общественным, и все острее встает вопрос дележа совокупного общественного продукта, производимого человеческим сообществом. Индивидуальным стимулом для участия каждого в этом дележе является личный эгоизм, толкающий на то, чтобы оторвать от общественного пирога как можно больше и любыми доступными средствами. Сдерживающие противовесы, в виде правовых норм, заботятся о том, чтобы сохранить сообщество, и для этого регламентируют вопрос дележа и ограничивают методы, используемые индивидуумами при дележе. Этические нормы в принципе делают то же самое, но в более мягкой форме, которая не подтверждена арбитражными возможностями государства, а как было сказано выше, проявляется только через личное одобрение или осуждение окружающих людей (хотя если говорить о некоторых профессионально цеховых нормах, то их реакция может быть серьезнее государственной).

Таким образом жизнь в человеческом обществе превращается в постоянную бесконечную игру по огромному набору писаных и неписаных правил, призом в которой является удовлетворение личного эгоизма. Каждый волен сам решать, как играть в эту игру. Один играет, соблюдая писанные и неписанные нормы с большим запасом, другой, желая урвать побольше, идет на нарушение неписаных норм, третий, рискуя войти в конфликт с государством, нарушает правовые нормы, но при этом получает сверх долю от общественного пирога. В принципе существуют различные вариации игровой жизненной позиции, например, возможно серьезное нарушение правовых норм, влекущее очень суровое наказание, но при этом строгое соблюдение этических правил своего круга.

Из сказанного напрашивается практическая форма общественного поведения индивидуума, которую вполне можно назвать разумным эгоизмом. Каждый должен быть настолько разумен в проявлении собственного эгоизма, насколько ему в этом позволяет общественная ситуация. Поэтому в обществе вполне естественно возникает норма морали: веди себя по отношению к окружающим так, как ты хотел бы чтобы они поступали по отношению к тебе. И эта норма безусловно должна была бы повсеместно восторжествовать, если бы не ряд элементов общественного устройства, которые зачастую, позволяют переступить через нее. Во-первых, это возможность оставить свои действия в тайне. Например, украсть и не попасться. Во-вторых, это прямое проявление силы, от которого общество не предусмотрело правовой защиты. Например, начальник и подчиненный, богатый и бедный и т. д. В этих случаях право не заступник, а

на мнение окружающих сильному можно и наплевать, особенно, если слабый не из его круга общения и иных интересов. И наконец, в-третьих, неспособность людей реально просчитывать все последствия своих действий. Другими словами в уровне проявления личного эгоизма действует полный аналог рыночного механизма регулирования. Хочешь как можно больше – сам ищи оптимум, как с ценой на продаваемый товар. Назначишь цену ниже – недополучишь прибыли, но заведомо не прогоришь, назначишь цену выше – можешь сгноить товар. Будешь вести себя сдержано – займешь скромное, но устойчивое место под солнцем, запретендуешь на многое – может, повезет, а можешь оказаться у «разбитого корыта».

При общении с другими людьми каждый вольно или невольно оценивает их для определения отношения к ним и формы своего взаимодействия с ними. Ясно, что эти оценки сугубо индивидуальны. Однако и в них возможно на основании изложенного выше внести некоторую относительную объективность. Чтобы сделать процесс оценки более наглядным будем оценивать человека по шкале (числовая ось 0-10), которой я пользовался будучи еще школьником. Логика при введении шкалы была следующая. Основным стимулом для отрицательных дел является человеческий эгоизм. Для эгоистичного человека всегда можно подобрать цену за любое преступление. Заплати достаточно, и он продаст что угодно и кого угодно (философия, что все имеет свою цену). Поведение же человека более чем наполовину определяется мотивацией его поступков, поэтому эгоизм и был оценен чуть выше пяти, числовая ось 0-6. Если первый элемент определяет, что ждать от человека, то вторым важнейшим элементом будет то, каким способом он будет этого добиваться. Используемые методы значат никак не меньше чем половина мотивации поступка, т. е. числовая ось 0-3. Итак коэффициенты в этой шкале были расставлены так: от нуля до шести баллов оценивается эгоистичность человека (конкретные проявления ее: жадность, жлобство, учет интересов других, готовность оказать помощь другим, поделиться и т. д.), 0-предельно эгоистичному человеку, 6-предельно бескорыстному; от нуля до трех баллов оценивалась агрессивность (это совсем не обязательно нападение с оружием, ложь или интрига часто не менее остры, а внутренним проявлением агрессивности можно считать зависть), 0-агрессивному человеку, 3-абсолютно неагрессивному; и только один балл я оставлял на интеллект и всю прочую человеческую культуру (дело в том, что этот остаток не независим от двух основных элементов шкалы, в них уже присутствует приличный вклад и культуры, и интеллекта). Человека, оцененного по этой шкале в диапазоне от 0 до 2, желательно обходить подальше, а если все же жизнь вынуждает к контакту, то не расслабляться с ним никогда и оружие держать наготове, как с диким зверем, даже, если он к вам благоволит, 3-5 это средний человек, с которым можно иметь дело на договорной основе с разумной долей доверия и осторожности, 6-8 хороший человек, на которого можно положиться, и от которого никогда не будет подлости, даже в случае конфликта.

Можно также дать определения некоторым достаточно широко используемым в нашем обществе интуитивным понятиям.

Честность – строгое выполнение принятых на себя, договорных, обязательств (Это и так ясно).

Когда отношения между людьми носят длительный разносторонний характер, то берясь за новое дело, они как правило не оговаривают всех тонкостей своих отношений в нем. Многие подразумеваются на основании предыдущего опыта их совместной работы, так сказать, по умолчанию.

Порядочность – это честность в отношении к своим обязательствам, подразумеваемым по умолчанию между хорошо знакомыми людьми. Между людьми незнакомыми порядочность выражается в честном соблюдении общественных норм этики. Поскольку дисперсия этих понятий может быть велика, и личностные отношения тоже могут толковаться с достаточно большим разбросом оценок, то по настоящему порядочный человек отмеряет себе норму честности в этих вопросах с большим запасом, который заведомо должен удовлетворить оппонента.

Подлость – превышение допустимых по умолчанию пределов в методах решения спорных ситуаций. Это в некоторой мере антипод порядочности.

Совесть – порядочность, мотивацией для которой являются исключительно внутренние человеческие причины, без ориентировки на внешний мир, как мнение о себе окружающих или иной далекий практический интерес.

Счастье – возможность жить по совести. Это определение может показаться спорным, однако, рекомендую не отвергать сгоряча, а дать ему повариться в сознании. Такие не очевидные определения будут и дальше.

История и философия

В принципе настало время вернуться к философии и ответить на вопрос, а зачем собственно в изложении такой объем был отведен истории цивилизации, да при этом еще взята не общепризнанная история, а новая, проблемная, более того, не признаваемая большинством специалистов всего мира.

Во-первых, посмотрим, из каких соображений сегодня господствует традиционная история? Почему Новую Хронологию отвергает большинство специалистов? Первый основной довод это выгода, тот же эгоизм. Пересмотр истории отразится в большей или меньшей степени практически на всех сторонах жизни общества. Это повлияет на политику, национальные отношения, исторические границы, экономику, туризм, религию, науку. Непредсказуемых изменений в мире не хочет в первую очередь тот, кто сегодня у руля, о какой бы области речь не шла, а просчитать все следствия от такого глобального переворота в человеческой культуре практически невозможно. Т. е. противников объективно заинтересованных в том, чтобы не дать победить этой точке зрения больше, чем достаточно. И так, этот пример в очередной раз демонстрирует, что мир отражается в сознании не объективно, а преломляется с учетом корыстности человеческой сущности.

Во-вторых, каков метод познания сегодня в исторической науке?

Догматический. Большинство ученых-историков не владеют научными принципами мышления. Сформулировав их в начале, я в дальнейшем строго следовал им. Мне приходилось строить версии по ходу изложения, но не одного серьезного исторического вывода я не сделал, не обосновав его экономикой и человеческой психологией, т. е. не построив социальной модели происходящего. Зато достаточно основательно разрушил многие догматические версии из традиционной истории, сделав всю традиционную картину весьма сомнительной для здравого смысла. Т. е. я продемонстрировал определенную силу научного подхода. Мало ли, что где то сказано, что было так, и абсолютно все это повторяют. Кроме всего прочего необходима модель событий с понятным механизмом происходящего. И если такой модели построить не удастся, или предлагаемые модели все противоречат здравому смыслу, то такая версия, по крайней мере временно, должна быть отнесена в разряд мифов, степень достоверности которых еще предстоит обсуждать.

В-третьих, поиском смысла жизни занимаются не для того, чтобы сделать публикацию или заработать. Философия это наука исключительно личная, в эту игру играешь сам с собой. Ценнее всего истина. Приводимые доводы и логика должны быть убедительны для себя, а не кого-то постороннего. И эта моя логика, лично для меня, достаточно убедительная, в очередной раз подтвердила, что основным мотивом человеческой деятельности является эгоизм. Традиционная историческая картина этот вопрос основательно запутала бы. Новая Хронология делает историю предельно простой и логичной, полностью соответствующей человеческой природе.

Человеческий эгоизм – это продукт естественного отбора, который развился, как средство выживания биологического вида. Подчиняясь этому естественному для нас требованию инстинкта, мы обеспечиваем дальнейшую жизнь нашему биологическому виду. При переходе к социальным вопросам ничего качественно не меняется. Все общественные механизмы саморегулирования работают на человеческом эгоизме. Эгоизм это двигатель прогресса, технического, научного, социального. Через общественные же механизмы создается и разносторонняя система ограничения человеческого эгоизма в виде религии, нравственности, права. Для их объяснения нет нужды делать какие-то дополнительные предположения об устройстве мира. В мире торжествует эгоизм и атеизм!

Честно говоря на этом можно было бы и закрыть основной вопрос философии. Живи, получай себе удовольствия, избегай страданий, если где-то мимоходом

совершишь что-то общественно значимое, что потомки помянут добрым словом, вообще здорово. Хотя собственно, какое мне дело до потомков, я ведь не буду ни знать ни чувствовать того, что они обо мне думают, да если бы и знал, какое это имеет значение. Пусть сейчас в моей шкале ценностей даже присутствует какой-то элемент внушения, связанный с мнением окружающих обо мне, так это очень просто поправить. Немного самовнушения, и мне на всех глубоко наплевать, а на тех, кого я никогда не увижу, в особенности. И все это можно сделать за самое небольшое удовольствие сегодня. А если предлагается удовольствие побольше, то тогда, «после нас хоть потоп». И для такого эгоизма никаких сдерживающих ограничителей нет. Если при взаимодействии с современниками какие-то общественные механизмы для ограничения эгоизма есть, то при взаимодействии с предками и потомками в рамках такой картины мира его нет. Конечно, спасибо предкам, что они жили, так что и нам осталось кое-что в этом мире, но это совершенно не обязывает меня так же относиться к потомкам. Таким образом истинная нравственность возникает не там, где есть определенные корыстные же мотивы для проявления нравственности (разумный, ограниченный эгоизм), а там, где их нет, при общении с предками, которые уже сошли со сцены, доживая свой век и не имея возможности активно влиять на ситуацию, и с потомками, которые еще не родились, и стало быть тоже ничего не могут противопоставить сегодняшнему эгоизму.

Конечно общество предлагает некоторые социальные психологические решения для обхода этого безнравственного тупика. Одно из решений такое: относись к старикам так, как хотел бы, чтобы в старости относились к тебе. Предполагается, что это через воспитание передастся молодежи, и она будет поступать так же. Психологическое ожидание – вещь имеющая право на существование, но пока это не подкреплено экономическим механизмом, система не будет четко работать. Психология это все же вторичный элемент, закрепляющая то, что создано экономическими условиями. Если экономическая ситуация обязывает, то обычаи предков постепенно выходят из употребления и заменяются на новые.

Биологический естественный отбор, общественные механизмы создают зачатки нравственности, дают определенное ограничение эгоизма, но не могут объяснить наличие нравственного закона внутри нас. Это одно из великих, непонятных и удивительных творений. Его природу надо искать где-то в другом месте, за пределами социальных отношений. Конечно, голос этого нравственного закона в человеческой природе очень слаб, во многих он заглушен другими более сильными чувствами, но в некоторых он прорывается и даже выходит наружу. Кроме этого слабо выраженного экспериментального факта, который в принципе его противники в состоянии оспаривать, есть и еще один, также достаточно слабый психологический довод. Не верится, что столь сложный и древний мир создан только для того, чтобы «венец творения природы» в какой-то момент своего развития до того бы допущался удовольствий, что после него не осталось бы ничего живого. А рост технической мысли уже фактически приблизил нас к этой возможности. У меня нет логических доводов того, что это не так. Просто хочется верить, что все имеет какой-то смысл. Не должна сложнейшая эволюция завершиться тупиком на этапе появления мыслящих существ, когда, кажется, должны наоборот открыться новые возможности. Сегодня я называю это приходом к религиозности от противоположного. Вера в разумность устройства этого мира – это уже религиозность, она возникает не на ровном месте, а по мере познания этого мира, восхищения его глубиной и совершенством.

Полученное выше решение вопроса о смысле жизни не совсем бесполезно, оно реально описывает подход к этому вопросу абсолютного большинства людей, т. е. может пригодиться при моделировании социальных явлений. Хотя лично для меня, такой смысл эквивалентен полному его отсутствию. Наверно найдутся и другие, солидарные со мной в этом, их я и приглашаю, приняв полученный результат к сведению, заняться дальнейшим анализом основного вопроса философии, поиском смысла бытия. Прежде, чем мы сделаем следующий шаг, выясним для себя, какой существенный элемент используемой нами картины мира привел к такому результату. Мы нигде в рассуждениях явно не использовали его, однако неявно он все и определил. Это конечность жизни человека на свете. Т. е. в мире, в котором мы живем, вопрос смысла жизни упирается в грань между жизнью и смертью, а точнее в информацию о том, что там, за этой гранью. Информация из-за этой грани очень скупа, отрывочна, и ее достоверность сложно проверяема. Однако эти сведения собирались людьми на протяжении жизни многих поколений и привели к одному из вариантов систематизации результатов, оформленному в виде религии.

Религия

Основой теории о каком-то продолжении жизни после смерти, является концепция «души», вечной, бессмертной субстанции, истинной сущности человеческого существа. В принципе это единственная по данному вопросу концепция во всех религиях мира. Из этого можно заключить, что либо все религии имеют общие корни, либо, если они пришли к этому независимо, то эта модель достаточно хорошо отражает истинную суть вещей. И в том и другом случае она заслуживает внимания.

Это концепция возникла не сразу, вероятно она развивалась, трансформировалась вместе с человеческой способностью к анализу. И дело вероятно вовсе не в том, что тот кто исследовал этот вопрос, не имел информации для цельного и окончательного изложения этой концепции, скорее всего дело было в общей культуре того общества, в котором это учение излагалось. Вероятно поэтому в разных религиях эта концепция застыла в момент изложения в разных фазах своего логического развития и завершенности.

С точки зрения нашего мира, когда вводится новое понятие, то хотелось бы получить его определение. Дать определение, это значит, найти какой-то более общий класс, в которое оно войдет, а затем указать какие-то дополнительные свойства, позволяющие конкретизировать его в рамках этого класса. Душа не имеет аналогов в нашем мире, поэтому такого определения получить не удастся, и приходится рассматривать его как первичное. Но тогда чтобы хоть как то обсуждать изучаемый объект, надо обозначить его свойства. А свойства всегда проявляются через взаимодействие с другими объектами. Возникает вопрос, с чем душа взаимодействует? Она как-то очень тонко взаимодействует с самим обладателем души, при чем так, что он ее, как правило, не ощущает, и плюс к этому, после физической смерти обладателя души, с Богом, т. е. тоже достаточно неопределенной субстанцией, являющейся какой-то зависящей от религии персонализацией всего мироздания или его части. Т. е. эти две концепции Души и Бога существуют в религии сообща, вместе развиваются, составляя некое концептуальное единство. Исследование этого концептуального единства с точки зрения внутренней логики и непротиворечивости нашему миру может дать некоторую информацию о совершенстве религии и ее возрасте.

С этой точки зрения наименее совершенной, т. е. наиболее древней религией из числа мировых выглядит Ислам. Он совершенно ничего не объясняет о взаимодействии этих двух субстанций. Коран гораздо больше напоминает служебную инструкцию или выступление обвинителя на суде инквизиции, чем философский или научный трактат. Предельный догматизм, полное отсутствие доказательности, отсутствие даже намёка на механизм рассматриваемого взаимодействия. И пока нет и упоминания о нравственности. Суровое, агрессивное к инакомыслию, аскетическое, догматическое учение.

Чуть совершеннее, а следовательно моложе выглядит Христианство. Евангелие уже содержит какую-то минимальную философскую дискуссию, некоторые логичные объяснения, проповедует элементы нравственности, хотя и далеко не последовательно (Нагорная проповедь соседствует с легендой о том, как Иисус засушил смоковницу). Но учение еще остается весьма догматическим, не дающим удовлетворительного объяснения механизма взаимодействия Души и Бога. Идея объективно действующего механизма в философской концепции познания, в обществе, где излагались Евангелие, вероятно, еще не сложилась и потому это взаимодействие носит правовой догматический характер, другого просто и быть не может. И в Коране, и в Евангелие схема одна: за такие-то деяния получишь от Бога одно, за иные деяние – другое. Форме изложения соответствует и терминология: суд, наказание, прощение, свидетельство и т. д. Понятие греха это тоже некое модельное представление, являющееся частью общего правового подхода в религии.

Я не вижу особой нужды даже критиковать этот подход, набор примеров, доводящих такую логику до абсурда может быть бесконечным. Что, к примеру, случается с умершим младенцем? Попадать ему в «гиену огненную» вроде не за что, суд невинного должен оправдать. Но тогда самым большим благодетелем

Прикладная философия filosoff.org
человечества должен стать серийный детоубийца, который отправляет младенцев в Рай до того, как они успели нагрешить.

В религиозной правовой логике есть и иной изъян. Правовая форма отношений предполагает двух субъектов таких отношений, учет интересов обоих. Если Бог как то ограничен, у него есть желания, чувства, интересы, тогда правовая форма отношений с ним имеет смысл, а если он лишен любого из человеческих качеств, то противоестественность договорных отношений с Богом очевидна. Персонафикация Бога, делающая его участником правовых отношений, имеющая место в этих религиях, это часть общего несовершенства философской концепции познания в обществах того периода.

Многие более поздние теологи этих религиозных систем хорошо понимали такую логическую слабость своих учений и пытались ее как-то обойти, создав объективно действующие механизмы, по возможности оставшись в рамках застывших религиозных догм. Некоторые из этих идей исключительно остроумны. Приведу одну из них. Бог есть свет в своем Царстве; и грешники, и праведники, после смерти попадают в Царство Божие, но для праведников этот свет – благодать, а для грешников – огонь пожирающий. Таким образом как бы исчезает понятие наказания и то, что получает грешник и праведник, становится объективным следствием их дел. Хотя строго говоря, этого недостаточно. Получается, что кто-то еще должен вести учет дел каждого, как для суда. То, что получает грешник и праведник, должно быть не следствием их дел, а следствием их сущности, а сущность их должна меняться как результат их дел. Т. е. для логической полноты картины ее необходимо дополнить еще двумя объективными механизмами, действующими в нашем и ином мире: изменения сущности человека под воздействием его собственных дел, и взаимодействия этой сущности с Божественным Светом, так чтобы объяснить существенно разный итог ощущений для грешника и праведника.

Качественный скачок от правовых отношений к объективно действующим механизмам происходит в восточных религиозных системах. И существенный элемент в этом процессе теория перевоплощения душ или реинкарнация. Одновременно с этим исчезает и персонафикация Бога, которая становится ненужной после ухода от правовых отношений. Бог превращается в первотворца, абсолюта, принцип, или отождествляется со всей природой. А процесс взаимодействия его с душой становится объективно действующим природным (или Божественным, что то же самое) механизмом. Вероятно первый такой шаг, еще не достаточно разработанный во всех деталях делается в Буддизме и Даосизме. Т. е. эти религии концептуально совершеннее Христианства с Исламом и стало быть моложе. А следующий шаг делается в еще более молодых религиозных системах, Индуизме и Дзен Буддизме, где эта концепция получает дальнейшее развитие.

Из этих рассуждений напрашивается по крайней мере два вывода. Во-первых, более совершенные концепции смысла бытия следует искать в Восточных религиозных системах. Во-вторых, в истории полностью отсутствует ясность по вопросу происхождения и истинного возраста религий. Поэтому для начала рассмотрим традиционную историческую хронологию.

Первая половина (-2000 -1500) второго тысячелетия до н. э. – приход арийцев в Индию.

12 в. до н. э. – События, изложенные в Махабхарате, написание Махабхараты, создание Вед. Жизнь Моисея, исход евреев из Египта, создание еврейского государства.

6 в. до н. э. – расцвет еврейского государства, окончательная редакция Библии. Жизнь Будды, возникновение и распространение буддизма, окончательная редакция Махабхараты. Жизнь Лао-Цзы, возникновение Даосизма в Китае.

2 в. до н. э. – написание сутр Патанджали (учебник раджа йоги).

1 в. н. э. – жизнь Иисуса Христа, создание Евангелие, появление христианства.

3 в. н. э. – жизнь Бодхидхармы, приход буддизма в Китай.

4 в. н. э. – победа христианства в Римской (Италия) империи.

7 в. н. э. – жизнь Мухаммада, написание Корана, распространение Ислама.

8–9 в. н. э. – жизнь Шанкары, научное мировоззрение в Индии. Расцвет Дзен-буддизма в Китае. Расцвет суфизма в исламском мире.

10 в. н. э. – крещение Руси.

13 в. н. э. – принятие Ислама Ордой.

16–17 в. н. э. – возникновение научного мировоззрения в Европе.

Традиционная история соответственно так распределяет религии по возрасту.

1. Иудаизм ранее 12 в. до н. э.

2. Индуизм 12 в. до н. э.

3. Даосизм – сам по себе, Буддизм – ересь в рамках индуизма 6 в. до н. э.

4. Христианство – ересь в рамках иудаизма 1 в.

5. Ислам сам по себе 7 в.

Сделанный выше анализ расставляет религии по возрасту практически в обратном порядке, чем предлагает традиционная история. Конечно возможно предположение, что мой анализ тенденциозен, или не учитывает что-то существенное. Поэтому укажу еще на некоторые противоестественности в традиционной исторической картине. Если учесть, что все религии согласно традиционной истории возникали в местах географически расположенных достаточно близко (исключая даосизм), то вполне естественно предположение, что создатели новой религии были знакомы с ее предшественниками и более молодое учение концептуально должно быть совершеннее, чем раннее. Не может, скажем, ересь победить ортодоксальное учение, если она хуже. За последним стоит развитая социальная система с храмами, привычкой населения, традиции, штат служителей, поддержка властей. Чтобы перебороть все это ересь должна дать что-то настолько важное, чтобы существенная часть населения отказалась от традиций предков, пошла на конфликт со служителями культа. Поэтому какое-то колоссальное преимущество ереси перед основным учением просто обязано быть. Что касаясь независимого более молодого учения, эта тенденция будет менее жесткая, однако все равно обязана проследиваться.

С этой точки зрения взглянем на некоторые нелогичности в традиционной исторической картине. Таких аномалий на уровне моей эрудиции, явно противоречащих здравому смыслу, можно указать несколько. Во-первых это Христианство и религиозные системы Индии. Чудеса, совершаемые Христом, трактуются не иначе, как доказательства его божественности. Но за два века до него в Индии уже существуют учебники, в которых не просто описываются аналогичные и более впечатляющие чудеса, но и дается система упражнений, как этих способностей достичь. Эти территории отстоят друг от друга не более, чем на месяц пути. Поэтому предположить, что между ними полностью отсутствовали контакты, было бы неестественно.

Между прочим есть теории и неплохо аргументированные, согласно которым Христос учился в Индии. Семнадцатилетний разрыв в его биографии это допускает. Тогда неизбежно должен возникнуть вопрос, а где в его учении следы реинкарнации. И существует вполне убедительный ответ, что некий вселенский собор в Риме, который решал, какие Евангелие считать каноническими, принял в частности решение признать теорию перевоплощений еретической и полностью исключить из Христианства. Хотя разумных объяснений для такого решения отцов церкви, пока учение не было канонизировано, я не нахожу.

В традиционной истории я не вижу разумных объяснений и достаточно большому набору данных, связывающих Христа с понятием Царь Иудейский. Объяснения, даваемые в Евангелие по этому поводу, малоубедительны. Большое количество произведений искусства указывает на то, что действия происходят в царских палатах, а не хлеву или ночлежках для нищих. Возникает ощущение каких-то изменений и подтасовок в этом вопросе, причем весьма недавних (времена написания полотен, т. е. семнадцатый – восемнадцатый век), а не уходящих в глубокую древность.

Другим фактом непонятым в традиционной истории будет распространение Ислама на территориях, где уже много веков было Христианство. Особых преимуществ Ислама перед Христианством не видно. Тогда становится непонятно как Ислам вытеснил Христианство, даже если предположить, что это делалось силой. В Коране на Ису (Иисуса) дается много ссылок как на великого пророка, поэтому было бы очень странно, если последователи Иисуса подвергались в тот период гонениям со стороны мусульман.

Раз уж зашла речь о ссылках в Коране на других пророков, то в этой связи мне совершенно непонятно, почему ссылок на Мусу (Библ. Моисей) во много раз больше, чем на Ису. Хотя временной разрыв с первым составляет почти две тысячи лет, а со вторым втрое меньше. Из этого факта гораздо естественнее было бы считать Мусу ближе к времени создания Корана, чем Ису.

На уровне здравого смысла лично мне непонятно, как вообще может возникнуть мировая религия при жизни ее основателя. Должно смениться минимум несколько поколений, чтобы придать событиям легендарный характер, чтобы появились новые поколения, уже воспитанные в новой традиции, потому что зрелые люди просто так по ходу жизни крайне редко меняют свои убеждения, тем более в средние века, когда отношение к религии было иное, нежели сейчас. С этой точки зрения несколько странно выглядят Ислам и Буддизм.

В истории Ислама этот психологический феномен не имеет разумного объяснения. А в истории Буддизма этот факт находит какое-то относительно логичное обоснование, которое я приведу ниже.

Достигнув просветления в возрасте около сорока лет и постигнув истинный смысл всего, Шакия Муни (Будда) начинает набирать себе приверженцев. При этом метод, которым он действует очень специфичен и характерен, по-видимому, только для Индии с ее культурой и традициями. Он не апеллирует к толпе, подобно Христу, а использует уже сложившуюся систему поклонения местным святым. Приходя в новый район, он находит здесь ключевого мудреца, устраивает с ним научный философский диспут и доказывает свое превосходство. В результате мудрец, искренний и настоящий искатель истины, признает себя учеником Будды, автоматически переводя в режим поклонения Будде всю свою паству. Так путешествуя много лет, пройдя пешком всю Индию, Будда успевает заложить основы мировой религии еще при жизни. Психологически это несколько напоминает сказку, особенно если чуть подробнее начинаешь вникать в индийские традиции, где заниматься духовными вопросами разрешено было только наследственной варне (касте) брахманов, но все же как то условно принять можно.

Гораздо менее постижима для меня личность Шанкары. С этим мыслителем связано очень много. Во-первых, он изложил индуистское учение с позиции уже явно научного мировоззрения, которое в Европе должно будет сложиться спустя почти тысячелетие. Во-вторых, с его именем связываются самые крупные достижения в Раджа йоге. И наконец, в-третьих, то, что сделал Будда за пятнадцать веков до него, он повторил, но на этот раз будучи сторонником индуизма, и борясь с буддизмом. Отсутствие в Индии философской школы буддизма, хотя храмы и религия есть, связано с его именем. При всем этом по одним источникам он умер в возрасте двадцати девяти лет, а по другим в тридцать два. Если принять во внимание, что пешком пройти Индию, выполняя работу аналогичную Будде, нужно никак не меньше пяти лет, а разумная цифра по моему около десяти, то начал он свою социальную работу, будучи очень молодым, но имея за собой серьезные научные результаты. Гениальный математик в возрасте двадцати пяти лет, это относительно реально, гениальный физик в этом возрасте уже менее вероятно, но гениальный философ, достигший больших высот в двадцать пять, – это полный абсурд, нонсенс, какими бы задатками он ни обладал, и к какой бы школе ни принадлежал. Для философа двадцать пять – это возраст младенца, в котором все только начинается, потому что в философии работа идет на неформализованном, зачастую интуитивном поле, где передать знания молодому ученику, пусть и талантливому, крайне сложно, и философ должен интуитивно, через собственный жизненный опыт, прочувствовать основные аспекты человеческой жизни, понять, что такое юность и зрелость, хотя бы ощутить дыхание старости и т. д. Минимальный возраст для серьезного философа – это тридцать лет. С этой точки зрения Христос реальнее, он начал свои проповеди именно в этом возрасте.

И наконец последнее. Как могло быть, что Индия, имея научную культуру, опережающую Европу почти на тысячелетие, пусть даже в этой культуре был

явный сдвиг в сторону созерцания и философии, могла технически отставать от Европы. Европейская история показывает, что наука и техника достаточно сильно связаны во многих аспектах, и их влияние далеко не одностороннее. Древнему Китаю, думаю, именно из-за этой нелогичности, приписываются многие научно-технические достижения, но это только усугубляет противоестественность всей картины в целом. Набор предложенных выше примеров, явно выходящих за пределы здравого смысла, вызывал у меня многолетнее желание получить разумные объяснения.

Предлагаю свое видение исторической картины возникновения религий в рамках концепции Новой хронологии.

Практически повсеместно в мире господствуют вакхические культы. 1053 год рождения основного прототипа Христа Григория Гильденбранта, ставшего позже правителем Константинополя. В конце одиннадцатого века происходят события с его участием, давшие начало Христианской легенде. Через несколько десятилетий эти события обрастают легендарным ореолом в беднейшей среде населения Константинополя. Светская и духовная власть в городе считают целесообразным обожествить народного героя – царя Константинополя, который ради бедных боролся с богатыми. При этом культ, который он проповедовал, «Царства божьего после смерти», очень дешев, не требует новых храмов и иных вложений, и дает дополнительный механизм управления беднейшим сословием. В конце двенадцатого века Христианство становится государственной религией Византии.

Через торговые связи Христианство распространяется по многим районам мира, но не приживается, поскольку не может выиграть спор с вакхическими культами. Только на Руси с абсолютной властью князей происходит насильственное крещение приблизительно в середине тринадцатого века. Несколько поколений спустя Христианство становится собственной религией Руси, ее внутренней идеологией. Но идеологически это несколько иное Христианство, чем в Византии. На Руси это суровое аскетическое учение о долге и служении, ради Царства Божия в мире ином. Это русское Христианство и разносится насильно по всему миру во время Монгольского завоевания в четырнадцатом веке.

В Константинополе постепенно развиваются различные ответвления Византийского Христианства. В одном из таких учений Манихействе, получило дальнейшее развитие концепция души и возможность ее переселения. Одновременно возникают и другие течения в Христианстве, прежде всего делающие упор на непротивление, ненасилие и т. д. Т. е. такие элементы Христианского учения, которые могли бы действовать разлагающе в военном отношении на суровое русское Христианство. Увидев в этих еретических учениях опасность, Русь объявляет их жидовствующими (идущими от жидов) и отправляет в середине пятнадцатого века в Константинополь, а позже и в другие районы мира, карательную экспедицию, Крестовый поход. Карательная экспедиция идеологически подготовлена, для нее написаны специальные идеологические (Второзаконие, позже перешедшее в Ислам) и санитарные инструкции по борьбе с ересью и чумой, которая трактуется, как наказание за ересь. В частности, иконоборчество в Византии, это результат этих инструкций, один из критериев отличия ереси, согласно инструкции. Из разгромленного Константинополя еретические учения разносятся спасающимися жидами по всему миру.

В шестнадцатом веке в Европе новый всплеск жидовствующей ереси и антиимперских настроений. Во второй половине шестнадцатого века на Руси начинается длительная смута, в результате которой к власти приходит новая династия Романовых, связанная с жидовствующими еретиками из Западной Европы. В Западной Европе побеждает Реформация. Ее пытаются подавить Испания, Турция, Венгрия, т. е. провинции империи, где сильны имперские настроения, но без самой Руси они терпят поражение. Страны победительницы, религиозный центр Западной Европы Ватикан и жиды – византийские эмигранты, как основные организаторы победы, заботясь о закреплении ее результатов и желая навсегда исключить восстановление мировой русской империи принимают решение фальсифицировать многие вопросы истории, географии и религии, чтобы устранить юридические основы для восстановления империи. В этом с ними солидарна новая правящая династия России. Она является проводником решений Реформации на Руси. Фальсификация представляет собой длительный, многоэтапный процесс, решение по каждому этапу принималось отдельно, уже в меняющейся политической и религиозной ситуации.

Великая фальсификация

Работа по фальсификации, проделанная после Реформации была настолько глобальна, что очень сложно представить, что нашелся гений, способный сходу разработать такой проект и представить на утверждение собрания заинтересованных сторон. Кроме всего прочего, интересы участников этого фальсификата были настолько разнородны, что прийти к консенсусу по всему комплексу вопросов по итогам такого фальсификата, причем весьма тяжело просчитываемым, им было видимо крайне сложно. Поэтому попытаемся хоть как-то понять логику его участников и смоделировать этот процесс, уже зная многие его итоги.

Во второй половине шестнадцатого века разворачивается процесс отделения государств Западной Европы от империи. Он начинается сложной борьбой внутри этих государств, в результате которой побеждают партии еретиков, физически устраняющие своих противников. Я к примеру, совершенно неуверен, что во время Варфоломеевской ночи во Франции громили именно еретиков, а не наоборот. На уровне здравого смысла, без серьезной аналитики, мне представляется это еретическим переворотом, организованным правящей династией. В результате этого переворота была разгромлена южная партия, где сильны были имперские настроения. А много лет спустя после этой победы понятия переиначили, и южан стали называть еретиками. У победившей стороны всегда есть возможность потом поправить официальную историю. В Англии тоже побеждает ересь, при этом королевская династия насильственно прерывается. Церковный раскол (реально он происходил при Петре Первом. Именно его многие староверы считали основным антихристом. 1652 год, это только начало) на Руси это в принципе победа еретиков над старым ортодоксальным Христианством, и старая ордынская династия в результате борьбы тоже устраняется физически.

Вероятно в других странах Европы, и возможно всего мира, проходили сходные процессы. Происходили они очень жестоко, через борьбу за власть различных группировок, и с переменным успехом. Победа новых сил в ряде государств в значительной степени оказалась обусловленной финансовой поддержкой жидов. Мнение народа в этих разборках было гораздо менее существенно. А вот подкуп сильных политических фигур, оплата наемных убийств и т. д. вероятнее всего и решили исход этой борьбы, победили деньги.

Итак основные участники заговора понятны. Во-первых, это правители государств, пришедшие к власти в результате борьбы, либо правящие династии, признавшие ересь. У них реальная сила и власть внутри своих государств, но они опасаются, что через некоторое время Россия сможет восстановиться и пересмотреть итоги, возникшие к этому моменту. Возможно у них есть территориальные претензии к соседям, но сейчас не до них, и они отодвигаются на второй план. Важнейшим участником заговора является западный религиозный центр, Ватикан. У него очень высокий статус, но в основном созданный ролью Христианства в империи благодаря Руси. С одной стороны хотелось бы самостоятельности, независимости от Руси, а с другой, пропадет реальная силовая поддержка. Собственной силы у Ватикана нет, поэтому занять имперскую позицию он не может, но в нем очень заинтересованы остальные участники заговора, поэтому можно торговаться. И есть еще один участник заговора, это финансовые круги Европы, в основном жиды. Они могут быть даже непосредственно и не участвовать, но имеют возможность влиять на всех других участников переговоров, и их мнение по многим вопросам было достаточно весомым, но все же нерешающим. Главное слово было за правителями государств. Вероятно Романовы участвуют в этом процессе в конце шестнадцатого века тайно, а после 1612 года уже как правящая династия России. От позиции русского руководства зависит очень многое, но оно очень заинтересовано в финансовой поддержке из Европы и силовой, если возникнет необходимость. Основной противник Сияющая Порты (Турция), не признавшая итогов Реформации. Против нее складывается Европейская коалиция.

Но в этом противостоянии возникают серьезные трудности разного порядка из-за того, что Константинополь крупнейший мировой экономический центр, древняя столица Римской империи, исторический центр возникновения Христианства, центр вновь возникающего ответвления Христианства (позже Ислам). Военное противостояние тоже далеко не простое, поскольку военная

мощь Турции значительно превосходит любого из участников антитурецкой коалиции. Поэтому каждый из них, проявляет осторожность, ему не хочется принимать на себя основной удар. Коалиция осуществляет многоплановый бойкот своего противника. Поскольку противостояние крайне тяжелое, то хороши любые методы, но такие, чтобы любому участнику коалиции по возможности сохранить политические и дипломатические нормы, не вызвав гнева противника именно в свой адрес. Так возникает серия таких тонких осторожных юридических дипломатических шагов, причем абсолютно безопасных для участников коалиции. Они решают создать серию географических дублей с регалией Сияющей Порты и ее столицы Константинополя. Так на Пиренейском полуострове крошечному захолустью дается статус самостоятельного государства и название Португалия (вероятно это название совпадает с тем, как официально именовалась в то время Турция). Населенному пункту вблизи Ватикана присваивается одно из имен бывшей столицы мира, Рим. Крошечному арабскому поселению вблизи Мертвого моря присваивается имя Иерусалим. Формально обвинить участников коалиции абсолютно не в чем, во-первых, они то вообще ни причем, а во-вторых, и власть этих дублей тоже вроде бы ничего плохого не делает, какое нравится название, такое и дает, себе же, а не другому, и ни для кого это не оскорбительно.

Но результатом этих шагов становится преднамеренная юридическая и дипломатическая путаница, максимально принижающая статус Сияющей Порты. Во всех публикациях и переписке между участниками коалиции, чтобы «не вносить путаницы», «только из этих соображений», решено Португалией называть новое государство, а великую империю Турцией, по названию ее жителей (тюрки или турки, тут уж ошибки или двусмысленности быть не может). Название Рим использовать только по отношению к новому городу в Италии, Иерусалим новому городу у Мертвого моря, а столицу Турции именовать Стамбул, самое неизвестное, но зато однозначное название. Наверно при общении с самой Турцией такая терминология не использовалась, дабы не вызвать гнев султана, но этих отношений было гораздо меньше. Поэтому новая терминология постепенно приживается и закрепляется в европейском сознании. Вероятнее всего последующие шаги на этом этапе и не планировались, но по прошествии заметного срока, когда новая географическая терминология прижилась, стало возможно создавать дополнительную юридическую и дипломатическую путаницу, позволяющую нарушать прежние договоры с Турцией. К примеру, какой-то новый договор с Португалией мог отменить какие-то пункты прежнего договора с Сияющей Портой. Естественно, эти шаги опять же делались очень осторожно, когда для них созревала экономическая и военная ситуация, но фактически появлялась юридическая возможность в одностороннем порядке рвать любой прежний договор с Турцией и при этом сохранять видимость дипломатичности.

Первые удачные шаги по созданию дублей, накопленный в этой области опыт, начало колониальной политики странами коалиции по отношению к отсталым осколкам монгольской империи приводит к мысли создать дубль для центра новой религии, которая начала складываться во время Крестового похода и оказалась достаточно широко распространена на территориях кочевников. Это учение приписывается правителю крохотного арабского поселения Медина. Учения как такового и нет. Использованы уже имеющиеся материалы, причем не философского или религиозного содержания, а вероятнее всего служебный городской архив, содержащий, свод светских норм и правил жизни (гражданский кодекс), который использовался в суде, старые протоколы инквизиций, текст Второго закона, данного руководителем Крестового похода и т. д. Наверно текст редактировался, но вряд ли очень сильно. Дубль «лепился» на скорую руку. В (исламском) мире никто «нового» учения не заметил, во-первых, потому что ничего нового там не было, во-вторых, наказывать тех, кто это учение якобы излагал тоже было абсолютно не за что. А определенные ссылки на новую религию и ее центр делаются в Европе и ее колониях. Но эти ссылки опять же очень осторожные.

Небольшие, пока еще косвенные, плоды от этих шагов пожинают и жида. После работы по началу фальсификации столицы мира Рима и центра возникновения Христианства Иерусалима всплыл вопрос, а как назывались жители тех районов, где происходили события, поскольку Рим и Иерусалим теперь разделились. Тексты всех Евангелий однозначно отвечают на него, что события происходили в земле иудейской, среди народа иудейского в Римской империи. Из-за этого пришлось землю иудейскую (торговую), т. е. просто город превратить в государство Иудею, а его жителей, т. е. горожан, превратить в соответствующую нацию. Эта нация, естественно, еще была без корней, истории, религии. Никто конечно не поднимал шума по этим поводам. Если даже в какой-то научной богословской среде и возникли соответствующие вопросы,

то компетентные органы все разъясняли, и вопросы снимались без излишнего шума. Началось привыкание европейцев и к этой новой нации, в среде которой якобы жил Христос.

Качественный прорыв в этой истории наступает видимо после окончательного безальтернативного закрепления династии Романовых на русском престоле. Я полагаю такой исторической вехой победу над Разиным (воевода Астраханского государства). В традиционной истории об этой четырехлетней войне с «беглыми крестьянами» и «казаками-разбойниками» известно очень мало, поскольку сохранились только документы стороны победительницы, т. е. Романовых, и небольшое количество «копий» с грамот Разина. В частности из этих копий следует некий, очень непонятный в рамках традиционной истории, идеологический лозунг, известный еще из школьного курса истории, под которым воевали разинцы: «за царя против бояр». Чтобы понять этот лозунг приходится дополнять его очень искусными психологическими построениями, несколько противоречащими здравому смыслу, что казаки и крестьяне верили царю и считали, что его обманывают бояре и чуть ли не держат род домашним арестом. В рамках Новой Хронологии этот лозунг вполне объясним. Всю московскую власть того периода, включая и династию Романовых, разинцы считали боярами, узурпировавшими власть, а в качестве законного царя, вероятно, предлагали альтернативную фигуру из княжеской ордынской династии, стоящую в династийной иерархии на много ступеней выше простых бояр Романовых. Настоящее имя этого более законного царя, естественно, в романовских документах не сохранилось.

Чтобы понять как, кем и когда принималось решение о фальсификации истории, хорошо бы разобраться в политической ситуации того периода. Попробуем хотя бы на уровне здравого смысла восстановить основные интересы сторон. Во-первых, ключевой стороной в этом вопросе является Россия. Без ее согласия этот фальсификат принципиально был невозможен. В России хранились документы о всех государственных назначениях в империи, начиная с пятнадцатого века. Т. е. по каждой Европейской династии было известно кто есть кто. Поэтому попробуем понять позицию Романовых, исходя из здравого смысла.

Забравшись на русский престол, они, вероятно, как-то полностью или частично оплатил свои долги тем западноевропейским силам, которые им в этом помогли, но у каждого интерес все равно свой. Поэтому оказавшись на вершине власти, думаю, они рассматривали варианты сохранения мировой империи. Но чтобы восстановить ее, надо было для начала хотя бы стабилизировать ситуацию на Руси, объединиться, устранить все последствия смуты, восстановить полноценный контакт с Турцией, и только после этого пытаться что-то делать в Европе. Наверняка такие попытки были, и вероятно, очень серьезные. Но, видимо, дипломатия оказалась безуспешной. Осколки империи, оставшиеся в прежней традиции, с Романовыми не договорились. Во-первых, они не признавали этой династии, во-вторых, считали, ее ненадежным партнером, одновременно торгуящимся и с Западом. Очень может быть, что Западная дипломатия тоже внесла свою лепту в срыв таких переговоров, путем подбрасывания сторонам необходимой информации и дезинформации. Война с Астраханью видимо явилось окончательным итогом этих зашедших в тупик переговоров. Европа спасла Романовых. Во-первых, победа была одержана только с помощью иностранных войск, все свои были ненадежны, во-вторых, вероятно, Запад как-то сумел удержать Турцию от поддержки Астрахани.

Потеряв полностью надежду на свое признание, а также поняв, что сидят на пороховой бочке, Романовы (Федор Алексеевич) окончательно отказались от этой идеи и решили получше закрепиться на русском престоле. Династийные вопросы вышли на первый план, кроме этого наверно постоянно висели вопросы о долгах Европе, в том числе и за поддержку против Разина. Ясно, что идеи фальсификации могли обсуждаться и раньше, но решение Романовыми принимается вероятно около 1680 года. Первым и решающим началом этого мирового процесса становится отмена местничества в России 12 января 1682 года и сожжение разрядных книг, содержащих историю всех государственных назначений в империи и замена их новыми подложными, где европейские назначения уже полностью отсутствуют. Думаю, что Запад хорошо заплатил Романовым за это, может быть списал долги за поддержку в войне и т. д. Только после этого у Западной Европы оказываются развязанными руки. Теперь Западная Европа и Романовы становятся полностью союзниками в этом вопросе.

Вероятно, в течение одного-двух последующих десятилетий Европа, сговорившись, вычищает основные следы мировой империи. К примеру, с

главного венского собора св. Стефана убрали звезду с полумесяцем в 1686 году. В принципе в Европе все за. Королям удлиняют родословные. Не могли же многие из них из ниоткуда появиться во второй половине пятнадцатого века уже с организованными государственными структурами. Потом это же делает вся аристократия. Историю семнадцатого века не трогают. Шестнадцатый век изменяют, но главное редактируют суть многих исторических событий. К примеру, войну сохраняют, поскольку в ней участвовали реальные предки нынешней аристократии, а кто с кем воевал и по какому поводу, полностью переписывают. Пятнадцатый правят радикально. При этом прежние, уже прижившиеся, за многие десятилетия фальсификаты, тоже вплетаются в общую историческую канву, поскольку Турция еще остается противником номер один и все равно не признает этой фальсификации.

Этот процесс далеко не прост. Государства существуют в окружении друг друга, поэтому события должны состыковываться. Многие из них могут в дальнейшем влиять на территориальные претензии друг к другу, династийные вопросы и т. д. Поэтому вся эта таким образом утрясенная между заинтересованными сторонами история Европы должна уместиться в сроки от Рождества Христова до текущего момента (~680 лет, при достоверной династийной истории последних 200 лет). Кроме всего прочего все это должно согласоваться с существованием Римской империи со столицей Римом вблизи Ватикана, и настолько огромной, что Иерусалим на берегу Мертвого моря его провинция. Получается, что почти все города Европы, существовавшие в это время, должны были в эту империю входить. Кроме этого нужна была история того, как за эти же века эта империя распалась. Задача стала невыполнимой. И отцы фальсификации принимают решение, которое по их мнению является наиболее простым, – удлинить историю. Для этого есть очень простая техническая возможность. На большинстве документов дата записывалась так, латинское I, что означало от Рождества Христова, а далее шла дата. Решено было эту первую букву считать арабской цифрой один. История христианской цивилизации искусственно удлинилась на 1053 года. Места во времени стало хватать на все проблемы, наоборот в истории образовалось слишком много пустот.

Вероятно в общих чертах, но учитывая многие существенные для политики и истории подробности, эта версия истории была создана в течение двух-трех десятилетий. Т. е. к 1720 году она скорее всего была опубликована. Профессиональные европейские историки, посвященные в суть проблемы, ее не критиковали, зато были публикации не посвященных непрофессионалов. Одним из них был величайший физик Исаак Ньютон (1643–1727). Из временных рамок предложенной реконструкции истории я могу строго утверждать, что растянутая история явилась не результатом случайной ошибки из-за неправильной прочтения учеными – историками дат на документах, а спланированной фальсификацией. Эта моя уверенность основана на том, что сама эта хронология приписывается ученым историкам Иосифу Скалигеру (1540–1609) и Дионисию Петавиусу (1583–1652). Поскольку время фальсификации по моей реконструкции не могло быть ранее 1680 года, напрашиваются два возможных варианта событий. Либо двум действительно существовавшим добросовестным и авторитетным ученым фальсификаторами приписаны публикации, либо сами эти личности являются полностью вымышленными. Поэтому называть традиционную хронологию именами этих ученых можно только условно по причине неизвестности действительных фальсификаторов. Но вероятно их имена должны всплыть в последующих, уже более радикальных публикациях по этой хронологии, вероятно в самом конце семнадцатого – начале восемнадцатого века. Заказчики понятны. Их имена история сохранила. Это все правящие династии Европы и руководство Ватикана указанного периода.

Изменение истории и географии привело к тому, что во-первых, потребовалось делать историю иудейской нации, во-вторых, переписывать Евангелие с измененной географией, а заодно и иудейской родословной Христа, естественно, исчезло его царское происхождение, поскольку тут с вымышленной династией было бы сложнее. Наличие в тексте Евангелие даже минимального намек на еврейские корни, еврейскую культуру, еврейскую религию уже однозначно доказывает, что данное Евангелие редактировалось в конце семнадцатого века. Т. е. с исторической точки зрения, только Евангелия, не содержащие этих элементов, исторически более достоверны, все остальные тенденциозно перерабатывались. Как показывают математико-статистические исследования авторов Новой Хронологии, практически вся библейская история, это дубль с истории Руси до великой смуты. Исход из Египта и покорение земли обетованной это дубль с Крестового похода. Отсюда в частности становится понятно, почему ссылок в Коране на Мусу во много раз больше чем

на Ису. Муса это руководитель Крестового похода, и фактически является основателем ответвления Христианства, которое позже стало Исламом. История династии Габсбургов – дубль с истории русской ордынской династии. История древнего Рима – серия дублей уже с истории Габсбургов. В начале восемнадцатого века до языческой Греции у историков еще не дошли руки, она ведь к Христианству не имела такого же важного отношения, как Рим и Иерусалим. Поэтому еще Гете во второй половине восемнадцатого века относит Троянскую войну к средневековому периоду, но позже такие несостыковки вычищаются на протяжении двух последующих веков. При этом основная масса более поздних ученых искренне заблуждалась и пыталась в рамках навязанной хронологии вносить локальные исправления, чтобы сделать историю логичной. Большая часть литературы, трактующая историю по-другому уничтожается по всему миру в начале восемнадцатого века, остатки позже, на протяжении еще двух веков.

Возраст религиозных учений

Первые дубли фальсификаты, Рим, Иерусалим, Португалия, вероятно, самые ранние, предположительно самое начало семнадцатого века. Кастилия является аналогичным дублем с Руси (см. договор о разделе мира между Португалией и Кастилией), а это значит, что эти дубли, вероятно, делались до победы Романовых. Коран, представляет собой уже технически более сложную фальсификацию, на которую требовалось время. Я предполагаю дату запуска этой фальсификации чуть позже 1622 года. Основное летосчисление во всем мире, в том числе и том, который позже стал Исламским, в это время было от Рождества Христова. Поэтому Коран вероятно был создан около 622 года. Но поскольку этот фальсификат претендовал на статус новой независимой религии, то соответственно дата была написана без латинской буквы I. Вероятно, позже эта дата в чистом виде и была использована в истории Ислама. Однако реальные исторические корни Ислама происходят из Древнего русского Христианства, слабо измененным вариантом которого можно считать старообрядчество. При этом Ислам по духу, вероятно, гораздо ближе к первоначальному русскому Христианству, чем современное Православие, не говоря уж о Западных христианских конфессиях.

Чуть моложе Евангелие. Вероятно его окончательные редакции делались в конце семнадцатого – начале восемнадцатого века. Работа над этим фальсификатом велась более тщательно, кроме всего прочего, недостатка в библиографическом философском материале, берущим свое начало еще из двенадцатого века, уже не было. Причем именно в это время уже происходил существенный сдвиг в сторону научного мировоззрения, что и проявилось в чуть более развитой культуре изложения Евангелие. Вероятно в это время ученые, занимавшиеся этим вопросом, уже понимали слабость правового подхода в религии, и докладывая ситуацию отцам церкви, могли заострить внимание на этом вопросе и обсуждать возможность внесения идеи реинкарнации в Евангелие. Думаю, что по чисто политическим соображениям руководство Ватикана отвергло эту идею, считая, что столь революционный шаг в религии вызовет дополнительные проблемы, совершенно ненужные в тот период. Канонизация Евангелий произошла по результатам этой работы, соответственно в протоколах заседаний могли быть и следы обсуждения идеи реинкарнации.

Реальный возраст Православия проистекает из истории старообрядчества, самой древней в мире религиозной конфессии уцелевшей к настоящему моменту, и элементов Христианства, принесенных из Западной Европы уже в восемнадцатом веке. Религиозный раскол в середине семнадцатого века ничего качественно не поменял. Сейчас сложно судить о том, что в действительности поменялось в русском Христианстве в ходе церковной реформы, поскольку следы конфликта позже могли быть стерты. Вероятнее всего это был некоторый умеренный тест династией Романовых (Алексей Михайлович) церковного руководства на готовность к серьезным изменениям под их диктовку. В результате этого остались только лояльные к светской власти, готовые практически к любому сотрудничеству руководители церкви. И только после этого стали возможны серьезные изменения. В правление Петра Первого стали уничтожаться старые церковные книги, и на смену им пошел фальсифицированный идеологический христианский материал из Западной Европы. Это привело к новой волне церковного раскола, но она как бы явилась продолжением предыдущего этапа и потому оказался незаметной в истории, хотя в этот период фактически

произошла смена идеологии русского Христианства. Традиции, обрядовая часть, общий дух в значительной степени остался от прежнего периода, но на протяжении восемнадцатого века они постепенно менялись в соответствии с новыми идеологическими христианскими установками. Культ Царства Божия после смерти, заменился на культ любви.

Некоторые соображения мне хотелось бы высказать о наиболее легендарной личности в истории Православия, Сергии Радонежском. Я не вижу оснований подвергать ее сомнению. Вероятнее всего основатель монастыря, рядом с которым позже возник город Сергиев Посад, реально существовал. Очень похоже на правду, что он благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву, послал с ним двух своих монахов Пересвета и Ослябу. Это тем более естественно, что столица государства в то время был Ярославль, а битва проходила на территории современной Москвы. Сергиев Посад и Радонеж как раз и расположены на пути от Ярославля в Москву. Однако я позволю себе усомниться в качествах, приписываемых Сергию Радонежскому, и прежде всего любви к ближнему и необычайной демократичности. Не было этого в старом русском Христианстве. Тем более такими качествами не мог обладать настоятель монастыря. Это обязан был быть суровый аскет, фанатик, служитель культа смерти, идеологии служения и долга, не допускающий даже мысли о демократии. Вероятнее всего современный образ Сергия Радонежского возник существенно позже, не раньше девятнадцатого века, списанный, как вариант, с Серафима Соровского, что соответствует уже совершенно другому Христианству.

Соответственно, в старом русском Христианстве, подобно Исламу, не разрешалось изображение людей, т. е. современные иконы появились не раньше семнадцатого века. Следовательно русский иконописец Андрей Рублев, современник Куликовской битвы, является либо вымышленным лицом, либо более поздним живописцем, отнесенным в ранние времена. Соответственно, все легенды о чудотворных иконах Божьих матерей, которые обращали вспять вражеские войска, возникли не раньше восемнадцатого века.

В отличие от исторических событий в семнадцатом веке в Европе, которые уже достаточно надежно зафиксированы, история Востока покрыта тайной. Традиционная история о китайских императорах сообщает, что с приходом каждого нового из них к власти история редактировалась. Если это соответствует истине только отчасти, то и тогда вопрос достоверности реконструируемой истории будет оставаться под вопросом. Приблизительно сходная картина будет и с Индией. Поскольку истории этих государств фальсификаторы растянули на тысячелетия, то заполнили образовавшиеся пустоты весьма свободным образом. Отличить правду от вымысла крайне сложно, и надежных исторических ориентиров в традиционной истории практически нет.

С различной степенью достоверности и как результат предыдущего анализа известно следующее. До монгольского завоевания в Индии господствовали вакхические культы. Многие из них были еще широко распространены вплоть до двадцатого века. В четырнадцатом веке во время монгольского завоевания в Индию и Китай было принесено русское Христианство и государственность. В пятнадцатом веке сюда могли быть занесены различные христианские ереси из Константинополя в результате Крестового похода. Манихейство идеологически близко к религиям, считающимся местными в Индии и Китае. В Индии большая часть населения сегодня исповедует различные варианты индуизма, меньшая часть Буддизм, однако до самого недавнего времени Дели (столица Индии) было султанатом и руководство страны исповедовало Ислам. Традиционная история объясняет этот факт дворцовым переворотом, устроенным мусульманскими рабами гвардейцами. Мне в это верится с трудом. Приблизительно с семнадцатого века до почти середины двадцатого Индия была колонией Англии. Традиционная история считает, что до того она была колонией Португалии, причем в какой степени, остается не совсем ясно.

В рамках предлагаемой реконструкции мировой истории, история Индии мне представляется так. Четырнадцатый век, это Монгольское завоевание, оно же завоевание Великих Моголов, оно же приход арийцев в Индию. Но население относительно слабо воспринимает Христианство, большая его часть продолжает придерживаться вакхических культов. Пятнадцатый век, Крестовый поход, который доходит и до Индии. Вся аристократия Индии уже исповедует Христианство, которое после Крестового похода постепенно переходит в Ислам. Большая часть населения еще продолжает пребывать в смешанной христианско-вакхической традиции. События, происходящие в империи здесь также известны, как и по всему миру. Многие из них, позже преобразившись с учетом местных традиций и легендарных наслоений дадут свой эпос. Некоторые

Прикладная философия filosoff.org
предположения о параллелизме с русской историей я выскажу ниже.

Развитие восточных религий Буддизма и Даосизма связано вероятно с началом колониальной политики Англии, которая вытесняет Сияющую Порту (а не Пиренейскую Португалию) из Индии, как и из многих других районов (та самая преднамеренная путаница, на которую теперь попадают современные исследователи). Дели остается султанатом, но благодаря колонизаторам, с целью ослабления Ислама и забывания русского Христианства, специально создаются условия для свободного развития альтернативных религий. В принципе и до того в традиции Индии была максимальная веротерпимость (общая культура, характерная для догосударственного периода и благодаря обилию нецивилизованных районов при благодатном климате). С приходом Христианства и особенно Крестового похода, эта веротерпимость заметно уменьшается. Английские колонизаторы «приносят духовную свободу». Вероятно с их помощью и при непосредственном участии ученых Запада начинается распространение новых вероисповеданий.

Может показаться, что обнаружив следы фальсификации организованной с помощью стран участниц Реформации в Христианстве и Исламе, я теперь в силу психологической инерции пытаюсь подобное распространить и на другие религии. Это нормальное психологическое явление, попытка мыслить по аналогии. В частности, что касается авторов Новой Хронологии, то подобное явление я отношу к ним, например, в части, где они дают свою версию происхождения евреев от монгольской империи. Найдя свою жилу, они по инерции пытаются все объяснить из нее. Это явный перебор. Моя версия принципиально отличается. Но дело не только в этом. Наше расхождение по казалось бы не очень принципиальному вопросу, как происхождение одной нации, приводит и к более серьезным расхождениям, которые зачастую покоятся всего на значении одного слова. Из разного, с наших точек зрения, происхождения еврейской нации, следует разное отношение к еврейским идеологическим материалам. Мое доверие к текстам, ставшим еврейскими, более осторожное, чем у авторов Новой Хронологии, поскольку с моей точки зрения они проходили более основательную правку, чем иные. Так в частности они утверждают, что слово «иудей» имеет явно положительный смысл. А я утверждаю, что этого не может быть. Даже если отвлечься от кому-то неочевидной связи со словом «жид», то со словом «иуда» эта связь очевидна всем, и не может оно в Христианстве иметь положительного смысла. Это поздняя фальсификация, подмена значения слова, которое оказалось невозможно выбросить из христианской легенды.

Аналогично для слова «израильтяне» авторы Новой Хронологии используют значение «богоборцы», вероятно еврейского происхождения. И хотя оно вполне прилично вписывается в версию применительно к участникам Крестового похода, лично мне кажется естественнее другое его значение, происходящее от мусульманского «Израил» – ангел смерти. (Между прочим, из реконструированной истории следует, что мусульманские источники вообще обязаны заслуживать большего доверия, чем христианские и тем более еврейские). Само древнее русское Христианство это культ Царства Божия после смерти, ангел смерти должен в нем быть одним из наиболее почитаемых. Тем более, все еретики тоже были христианами и тоже верили в Бога. Израильтяне или слуги ангела смерти, это как раз и подчеркнет различие между ортодоксальным русским Христианством, его передовым ударным отрядом, и всеми христианскими ересями того периода. В частности психологически становится понятно, почему среди староверов на Руси самосожжение было очень распространено после раскола. С точки зрения нашей сегодняшней культуры, это дикость, а с их, вполне естественный шаг, и руководители общин, организовывавшие самосожжение скорее всего не были провокаторами, которые сами избегали смерти, как их пытаются представить идеологические противники. Естественно, для еврейской версии такое значение этого слова «израильтяне» не подходило, оно ведь остро подчеркивало отличие господствующей ветви Христианства от прочих. Поэтому у евреев этот смысл в результате фальсификации заменился на менее конкретный, «богоборцы». А в результате использования фальсифицированного значения двух слов авторы Новой Хронологии делают с моей точки зрения уже достаточно принципиальный неверный вывод о разделении властей в Руси-Орде на военное сословие израильтян и сословие священников – иудеев. Княжеская власть изначально была абсолютной, разделения никогда не было. Все легенды об отлучении королей от церкви имеют место только в фальсифицированной истории.

Честно говоря, у меня нет даже минимальных доказательств того, что расцвет Восточных религиозных систем связан с вмешательством Запада, и в

большинстве случаев, конкретно, с англичанами. Просто я на их месте действовал бы именно так, а считать тех политиков глупее себя у меня нет ни малейших оснований. Скорее даже наоборот они имели больше конкретной информации, которая должна бы была подтолкнуть их к подобным шагам, и были профессионалами своего дела с накопленным опытом фальшивок и разоблачения на религиозной почве (разделяй и властвуй). Думаю, что вообще возникновение различных «древних» религий связано с колониальной политикой, и места их появления как правило там, где проявляла активность англичане. Вероятнее всего, ученые, занимавшиеся этими вопросами были честными энтузиастами своего дела, находившими в местных условиях какие-то следы философских течений, а потом уже сами достраивали версии с учетом своей научной европейской культуры и избытка восторженности. Возвращаясь в Европу они и создавали образцы философской мысли, которой вероятнее всего не было в первоисточниках, которыми они пользовались. Именно отсюда в Европе колоссальный интерес и даже увлечение Восточной культурой, возникшие в конце восемнадцатого века, и продолжающиеся в какой-то степени до сих пор. Научная атеистическая мысль ограничена в своих возможностях значительным скепсисом. Религиозная Западная мысль зажата канонизированными догмами. И только Восточная религиозная мысль оказалась свободной от этих недостатков, причем значительно дополненная европейской научной культурой. А шел весь этот процесс, целенаправленно управляемый политиками, привлекающими в колонии нужных ученых, и давая им соответствующие возможности для работы. Возможно, кто-то из добросовестных ученых иногда делал «не совсем верные выводы», обнаруживая где-то следы русского или турецкого присутствия. Но тогда его осторожно поправляли, объясняя его патриотический долг. Одновременно с этим шел и процесс европеизации местной колониальной аристократии, которая в результате, через некоторое время, не уступала по культуре европейцам. Основная масса образцов культуры своих стран, в том числе и философской, была чуть позже создана ими. В частности Вивекананду я отношу к этому слою.

В результате более ранние Восточные религиозные системы Буддизм и Даосизм можно видимо отнести к концу семнадцатого века. Т. е. по возрасту это соответствует времени последней редакции Евангелий. Но в отличие от Запада здесь был сделан шаг к теории перевоплощений и соответственно Бог из персоны, участника правовых отношений, превратился в принцип, абсолют, часть мироздания. Вероятно основным прототипом Будды является царь Иван Четвертый, ушедший от дел и ставший нищим Василием Блаженным. По крайней мере я не знаю других сходных фактов, которые могли бы служить прототипом для превращение принца Гаутама в нищего Шакья Муни. Шанкара – более поздний дубль с самого Будды. Вероятно, Махабхарата это дубль с Куликовской битвы. В самом названии Маха-Бхарата, присутствует корень близкий к корню ОРДа; главный герой ее Арджуна в имени явно содержит корень почти ОРД, т. е. ордынец; бой происходит на поле Курукшетр; что неплохо перекликается с Куликовым полем; война-междоусобица между близкими родственниками, что соответствует версии о истинной причине Куликовской битвы; описываемый масштаб соответствует мировым событиям; само поле в Индии не найдено.

Заключительный взгляд на историю

Мы закончили краткую реконструкцию истории цивилизации и религиозно-философской мысли. Новая Хронология сжала историю цивилизации до одного тысячелетия. Предлагаю отвлечься от привычного нашего воспитания в духе традиционной истории и той модели истории, которая предложена здесь, и бросить на две картины общий беспристрастный взгляд. Взглянем на развитие техники. Ясно, что в этой области обязана наблюдаться определенная логическая монотонность. Технический скачок за последние абсолютно достоверные с этой точки зрения два века мы видим, и предположение, что несколько тысячелетий до того человечество пребывало в умственной спячке, выглядит довольно странно. Но самое странное здесь то, что как нам предлагает считать традиционные историки, спячки то в общем не было. Еще несколько тысяч лет назад люди совершали чудеса изобретательности, можно сказать, гениальности. Я к примеру и сегодня, при нашем уровне культуры, чисто технически не взялся бы построить аналог египетской пирамиды из цельных обтесанных глыб, как нам описывает этот процесс традиционная история. Изготовление таких блоков в каменоломнях технически возможно, хотя и не просто. Доставка таких по размеру и объему блоков к месту

строительства даже сегодня крайне сложный и дорогостоящий технический процесс. В древности он был просто невозможен. Но самое главное, что эти блоки достаточно мягкие. Если блок из твердого материала такого веса и размера сегодня хоть с трудом, но может быть транспортирован, то мягкий блок, готовый рассыпаться от приложенных к нему усилий, я не вижу принципиальных способов даже на современном уровне техники транспортировать, а потом поднять на свою позицию в пирамиде. То, что экономически задача такого строительства непосильна для всей экономики древнего Египта, это и так очевидно. Поэтому вариант того, что много тысяч лет наши предки пребывали в умственной спячке уже выглядит странно, но еще страннее выглядит то, что они проявляя чудеса технической изобретательности, ухитрились все же несколько тысяч лет оставаться на уровне каменного века.

Новая Хронология все эти и аналогичные логические проблемы снимает. Конечно она требует принять одно, очень сильное условие, к которому большинство из нас психологически не готово, что при переходе от средних веков к новому времени, вся историческая картина была фальсифицирована. На уровне здравого смысла очень сложно допустить, что этот процесс прошел как-то слаженно в разных странах по всему миру. Но никто и не утверждает, что он прошел очень слаженно, если за три века еще не все его следы уничтожены и согласованы. А нам, живущим в эпоху перемен, когда вскрываются многие тайны и совершенно по иному расставляются многие акценты, сам бог велел уже привыкнуть, что ради политики возможна любая ложь. По крайней мере, официально объявить черное белым и заставить все население, и средства массовой информации, и прочие печатные источники хором это повторять, – в тоталитарной системе решается запросто. Думать, что такая психологическая и силовая обработка только изобретение двадцатого века, большевиков или национал-социалистов, это детская наивность. В эту игру человечество играет с самого рождения. А после того, как мы психологически будем готовы к такому варианту в истории, можно уже вновь более скептически и аккуратно взглянуть на два предлагаемых нам варианта истории, традиционной длинной и новой краткой. При беспристрастном сравнении (когда у нас нет корыстного интереса в том или ином варианте) итог для умеющего думать человека не вызывает ни малейших сомнений. При этом, если авторы Новой Хронологии в основном пошли по пути сбора астрономических данных, культурно-исторического материала и математико-статистических расчетов, которые помогают косвенно разрушить традиционную версию и опять же косвенно подтвердить их новую (косвенно, потому, что существует гораздо большее количество аналогичных материалов, решающих противоположную задачу). То мои модельные рассуждения для раннего этапа цивилизации, являются прямым и независимым научным методом доказательства истинности предлагаемой исторической картины, не имеющим даже близких по уровню аналогов, защищающих традиционную историческую картину. И вся история становится простой, логичной и понятной.

Между прочим, сейчас идет тысячный год от Рождества Христова (в форме записи, принятой до семнадцатого века I = 1000. Если латинскую букву I заменить на тысячу и прибавить к остальной, цифровой дате, мы попадем в наше фальсифицированное летосчисление). Т. е. в районе предстоящего нового года с 2000 в 2001 год предстоят крупнейшие христианские праздники, тысячелетие со дня рождения Христа, и окончание первого тысячелетия, начало второго тысячелетия от Рождества Христова.

Йога

Один из выводов, сделанных выше состоял в том, что хорошие философские ответы имеет смысл искать в достаточно молодых Восточных системах. С одной стороны испытываешь определенное разочарование, когда приходишь к логическому выводу, что Даосизм, Буддизм, Йога, Веды имеют не многотысячелетнюю традицию, а всего-то насчитывают несколько веков и во многом происходят от нашего же русского, или византийского Христианства, но с другой стороны, становится понятна и высокая научная культура этих учений при традиции, измеряемой все же столетиями, что лично для меня добавляет им авторитета. Со своей сегодняшней позиции в один ряд я ставлю три относительно независимых системы: Йогу, Дзен-буддизм, Суфизм. В них достаточно много общего и во многом равный уровень, но есть и определенные отличия, связанные с исторической, географической и культурной спецификой.

В Йоге из-за большей веротерпимости Индии сильнее развита философия, в Суфизме из-за большей дисциплины и меньшей свободы, присущих Исламу, сильнее развита практика, в Дзене из-за географической удаленности и определенной исторической изолированности сложилась более цельная культура. Первое, что мне попало в 1980 г. из этой области были популярные лекции Вивекананды по йоге. Культура изложения, набор обсуждаемых проблем, тип мышления идеально совпали с моими потребностями того времени. Именно йогу я и возьму за основу, дополняя по необходимости элементами двух других учений. Ниже я приведу выдержки из лекций Вивекананды, по возможности сохранив его логику.

– На страницах истории, начиная с древнейших ее летописей, встречаются рассказы о разных необыкновенных явлениях и случаях, которым люди были очевидцами. И в поздние времена, даже среди обществ, просвещенных ярким светом новейшей науки, нет недостатка в свидетелях, удостоверяющих действительность таких же явлений. Огромная масса подобных рассказов не заслуживает доверия, как исходящая от людей невежественных, суеверных и лживых; так называемые чудеса во многих случаях были поддельны. Но не было ли между ними настоящих чудес, послуживших образцами для подделки? Поверхностные ученые, неспособные объяснить различные необыкновенные психические явления, стараются игнорировать самое их существование. Но отворачиваться от чего-нибудь без надлежащего исследования еще не признак беспристрастного научного ума; и такие люди заслуживают большего порицания, чем люди, думающие, что их молитвы исполняются одним или несколькими существами, обитающими над облаками, или верящие, что своими молитвами они могут побудить такие существа изменить ход мировых событий. Последним может служить извинением их невежество или ложная система воспитания, вследствие которой они с детства привыкли во всем полагаться на помощь таких существ, и эта привычка стала частью их врожденной природы; у первых же нет и такого оправдания.

В течение тысячелетий упомянутые явления исследовались, изучались и приводились в систему; было подвергнуто тщательному анализу все, что послужило основанием к развитию в человеке религиозности, и в результате получилась Раджа Йога.

– Все наши знания основаны на опыте. То, что называется выводным знанием, в котором мы идем путем заключений от менее общего к более общему, или от общего к частному, имеет своим базисом опыт. Положения так называемых точных наук легко признаются верными потому, что всякий приглашается проверить их личным опытом. В каждой точной науке есть основание, известное всему человечеству, так что каждый может судить о верности или ошибочности делаемых из него заключений. Теперь является вопрос: ну а религия имеет она такое основание или нет? На этот вопрос мне приходится отвечать и утвердительно и отрицательно. Религии, как им учат вообще во всем мире, основаны на предании и вере и в большинстве случаев состоят только из разных теорий, которые, в свою очередь, основаны на вере, и не могут привести никаких доказательств. Но при всем том я должен сказать, что опытное основание для всеобщей религиозной веры все же существует, и именно из него вытекают все различные теории и все изменяющиеся идеи разных сект в разных странах.

Если обратиться к источнику христианства, то вы найдете, что в основании его лежит опыт: Христос говорил, что видел Бога, его ученики говорили, что чувствовали Бога, и т. д. Подобным образом в Буддизме имеется опыт Будды. То же самое у индугов: в их книге авторы, называемые Риши, или мудрецы, заявляют, что они путем опыта добыли истины, которые проповедают.

Из приведенных примеров ясно, что религии мира основаны на единственном всемирно вечном основании всех наших знаний – на прямом опыте. Но в большинстве религий, особенно позднейшего времени, мы находим странное утверждение, что такой опыт был возможен только для немногих людей бывших первыми исследователями религий, настоящему же времени такой опыт якобы недоступен, и поэтому теперь мы должны принимать религию на веру. Я решительно отрицаю это.

Если в этом мире, в какой бы то ни было отрасли знания, был наблюдаем какой-нибудь факт, то необходимо следует, что наблюдение этого факта было возможно миллион раз раньше и может повторяться бесконечное число раз в будущем. Однообразие есть строгий закон природы.

Учителя науки Йоги поэтому и заявляют, что не только религия не основана исключительно на опыте древних времен, но что ни один человек не может быть религиозным, если сам личным опытом не познает истины своих религиозных воззрений. Йога есть наука, которая учит нас достигнуть такого опытного знания.

Какое право имеет человек говорить, что имеет душу, если он ее не чувствует, или что есть Бог, если он Его не видит? Если Бог есть мы должны видеть Его; если душа есть, мы должны ощущать ее, иначе лучше не верить. Лучше быть открытым атеистом, чем лицемером. Согласно современному взгляду «ученых», религия и метафизика – вздор; полуобразованные же думают, что эти вещи сами по себе не имеют реального основания, а польза их состоит только в том, что они служат могущественною побудительною причиною для человека делать добро другим.

Мы не можем порицать их за то, что они держатся таких взглядов, так как знаем, что все, чему учат этих людей, это верить в вечно бессмысленно повторяемые слова, не имеющие никакого внутреннего содержания. Но человек нуждается в истине, ему необходимо убедиться в ней лично, овладеть ею, удостовериться в ней, чувствовать ее в глубине своего сердца. Только тогда, заявляют Веды, исчезнут все сомнения, рассеется всякая темнота, и все кривое выпрямится. Вы, дети бессмертия, живущие как здесь, так и в высочайших сферах! Путь найден; есть путь из этого мрака, и он состоит в познании Того, кто выше всякого мрака, и другого пути нет.

Наука Раджа Йога предлагает человечеству практический и научно выработанный метод убедиться в этой истине. Но каждая наука имеет свой метод исследования. Раджа Йога прежде всего имеет в виду дать человеку средства для наблюдения внутренних состояний; орудие для этого – сам разум. Это единственный источник знания, находящийся в нашем распоряжении. Обратитесь сознание как бы внутрь, задержать его там, и затем сосредоточить все его силы и направить их на самое сознание, чтобы оно могло узнать свою собственную природу, анализировать самое себя, – дело очень трудное. Тем не менее это единственный путь сколько-нибудь научно подойти к предмету.

Какая польза в таком знании? Прежде всего знание само по себе есть высшая награда за труд, употребленный для его достижения, а затем есть и огромная польза. Это знание уничтожит все наши страдания.

Существует только один метод приобрести это знание – это сосредоточение. Конечно легче сосредоточивать внимание на внешних предметах, но где дело идет о религии, психологии или метафизике, там субъект и объект – одно. Силы ума должны быть сосредоточены и обращены на него самого; и как темные места обнаруживают свои тайны при проникающих лучах солнца, так этот сосредоточенный ум проникнет в свои собственные самые сокровенные тайники. Так мы подойдем к основанию веры, источнику чистой, истинной религии. Мы увидим сами, имеем ли мы душу, продолжается ли жизнь пять минут или вечность, есть ли во вселенной БОГ или нет. Это то, чему научит нас Раджа Йога. Она никогда не спрашивает нас, какая наша религия: деисты ли мы или атеисты, христиане, евреи или буддисты. Мы – человеческие существа, и этого довольно. Каждое человеческое существо имеет право искать религию, каждое человеческое существо имеет право ставить вопрос «почему?» и возможность разрешить его, если только даст себе труд заняться им.

Итак, мы видим, что для изучения Раджа Йоги нет надобности ни в каком доверии или вере. Она сама учит нас: не верьте ничему, в чем сами не убедились. Истина для поддержания себя не требует никаких подпорок.

– Приведенные выдержки из введения в Раджа Йогу Вивеканады дают представление о подходах, используемых в этом учении. Далее я дам самый поверхностный обзор Раджа Йоги с моей привязкой к нашему привычному миру.

Итак Раджа Йога это наука о происхождении религиозности человека. Люди, достигшие в ней успеха, строят свою картину мира, несколько отличающуюся от сегодняшней общепринятой. Поэтому разговор надо начать прежде всего с уточнения картины мира согласно данным этой науки.

Раджа Йога утверждает, что в природе существуют явления грубые, и тонкие. Тонкие – причина, а грубые – следствия. Наши органы чувств дают нам информацию только о грубых явлениях, тонкие же ими не фиксируются. К тонким субстанциям относится, прежде всего, тонкая материя, называемая Акаша, из

которой происходят все другие более грубые виды материи, от мысли, которая согласно Раджа Йоге материальна, до грубой физической материи. Во-вторых энергия, называемая Прана, при посредстве которой происходят все процессы во вселенной. Любое проявление энергии в природе, от грубой физической силы до энергии разума, есть проявление Праны.

Мне не хотелось бы сейчас обсуждать, насколько такая модель согласуется с современными представлениями естественных наук. В науке достаточно часто применяются, так называемые, феноменологические модели, которые могут даже противоречить основным научным воззрениям своего времени, но для определенного класса задач давать вполне точное решение. Например, задачи по теплопроводности часто решаются методами, развитыми на основе теории теплорода, тепловой жидкости, хотя сейчас это теория уже давно отброшена, как ошибочная. Я мог бы попытаться навести определенное соответствие терминологии и моделей современной науки с принятыми в Йоге, но не вижу в этом нужды, а предлагаю относиться к предложенной модели, как к феноменологической, которая быть может и не впишется сходу в общую теорию поля, но даст очень хороший практический результат в своей области и некоторых смежных.

Во-первых, йог ставит себе задачу достигнуть такого утонченного восприятия, чтобы начать чувствовать тонкие явления, во-вторых, научиться управлять непосредственно Праной. Первым этапом в этом должно стать умение чувствовать отдельные этапы ощущений. Йог хочет чувствовать отдельно, как возникает ощущение во внешних датчиках органов чувств, как оно передается в соответствующий участок мозга, как затем сознание воспринимает его в образной форме, и как все это взаимодействует с душой. А научившись тонкому восприятию постепенно найти и возможность влиять на тонкие процессы, т. е. овладеть управлением Праной.

Раджа Йога делится на восемь ступеней. Первая, Яма, – непричинение вреда, правдивость, неприисвоение чужого, воздержание и неприятие каких бы то ни было подарков.

Следующая, Нияма, – чистота, довольство, укрощение страстей, размышление и предание себя на волю Божию.

Далее идут Асана, или положение тела, Пранаяма, Прадьяхара, или направление сознания внутрь, Дхарана или сосредоточение, Дхияна, или созерцание, и Самадхи, или сверхсознательность.

Чтобы неподготовленный читатель хотя бы отдаленно понял о чем идет речь, перейдем к более привычным данным. Практическим известным, не вписывающимся в традиционную науку, проявлением Праны может быть биоэнергетика. Управление психической или нервной энергией используют многие целители. Таких данных во все времена было более, чем достаточно, и значительная часть этих врачей действительно оказывали людям помощь, при чем именно биоэнергетически, а не внушением. Христос, в частности, исцелял биоэнергетически. Научиться на примитивном уровне управлять психической энергией не так уж сложно каждому, это не очень высокий уровень.

Вторым достаточно распространенным проявлением экстрасенсорики является умение предсказывать, что-то находить, ясновидение, диагностика болезней и т. д. Сегодня существует множество различных теорий феноменологического уровня, употребляющих новомодные слова, типа информационные поля, для объяснения подобных фактов и способностей. Научиться некоторым азам экстрасенсорики способен опять же каждый и за очень короткое время. Другое дело, что браться за это просто, так сгоряча, я бы не рекомендовал, потому что возможны не совсем предсказуемые последствия такого умения.

После этих дополнительных замечаний можно перейти к некоторым объяснениям, причем начать их лучше будет с предпоследней ступени. В мире есть что-то, что сознательно делается, контролируется кем-то, и то, что случается. Если мы рассмотрим выстрел из лука, то он состоит из двух частей. Сначала это процесс натяжения тетивы, прицеливание. Это стрелок «делает», сознательно контролирует. После спуска стрела летит сама, и для стрелка, все что следует за этим является волей случая, оно «случается». Стрела может долететь в цель, а может отклониться под случайным порывом ветра, у стрелка уже нет возможности на что-то повлиять. Любое оккультное действие (магия, колдовство, управление биоэнергией, получение видений, молитва о чем-то практическом и т. д.) состоит из двух частей. Концентрация на цели, и

созерцание достигнутого результата. Прицеливание и спуск стрелы. «Делание» и «неделание». Дхарана и Дхияна (по-японски Дзен). Из сегодняшнего распространенного лексикона наиболее употребительной будет пара: «концентрация» и «медитация». Что такое концентрация и так более или менее ясно. А слово медитация имеет два перевода на русский язык, созерцание и размышление. Для начала примем во внимание только первое значение.

Итак стали понятны две ступени в Раджа Йоге. От овладения каждой из них зависит успех. Дхарана нужна для того, чтобы уметь точно прицелиться. Во время концентрации в сознании должна быть только одна мысль, одна цель, иначе выстрел получится непонятно куда. Одно практическое определение в этой связи. Сила воли – способность к концентрации. В оккультном смысле – это умение оставлять в сознании на какое-то время всего одну идею. В житейском – умение отвлечься от посторонних возмущающих факторов и строго действовать с единственной целью, подчинив все свои действия только ей. Эти два определения хорошо согласуются и дополняют друг друга.

Практически та же задача стоит и во время медитации. В сознании не должно появляться посторонних мыслей. Любая такая мысль будет иметь тоже влияние, что и случайный порыв ветра на летящую стрелу. Но только теперь в сознании должна быть пустота, только созерцание достигнутого результата.

В этой связи для достижения результата в Дхаране и Дхияне становится понятна ступень Прадьяхара. Она состоит в успокоении сознания, в умении отключать его от внешних мешающих и отвлекающих факторов.

Ступень Пранаямы связана с дыханием, ее цель на первом этапе, пока не развита сверхчувствительность синхронизовать свои усилия в этом направлении с дыханием. Управление движением легких, это тоже проявление Праны. При этом это проявление периодическое, то расслабление, то напряжение. Если правильно синхронизовать (заставить работать в едином ритме) дыхание и сознание, то через некоторое время тренировок, начнут развиваться экстрасенсорные способности. Пранаяма – первые практические упражнения в этом направлении. Для тех, кто знаком с радиотехникой, понятной аналогией будет работа синхронного детектора. Если считать, что в человеческом теле постоянно течет огромное количество переменных нервных токов, направленных совершенно разными способами и разных по величине, то синхронизация с дыханием позволяет выделить из этого шума сигнал, отвечающий за управление легкими. Отношение сигнал-шум всей системы в этом случае может быть повышено во много раз, что и даст необходимую чувствительность на фоне шумов (других нервных токов).

Значение ступени Асана, занимающейся позой, тоже понятна. Неудобная, неестественная, ухудшающая кровоснабжение или не позволяющая расслабиться поза может стать препятствием для концентрации и особенно медитации. Любое неудобство, напряжение мышц – это отвлекающий фактор, посторонняя мысль. Концентрация может сопровождаться физическим напряжением, иногда это даже полезно синхронизовать для усиления эффекта, а медитация должна проводиться в предельно расслабленном состоянии. Чем сильнее расслабление, тем лучше может быть достигаемый результат.

Можно достигать гораздо большего эффекта расслабления, если перед этим дать усиленную физическую нагрузку. После нагрузки наступает естественная релаксация организма, которая и позволяет достичь большего расслабления. На этом эффекте основана техника динамической медитации, известная как танец дервиша. Во время танца дервиш концентрируется на одной цели. Достигнув пика физического и мысленного напряжения, падает расслабленный.

Магия

Для магии и колдовства часто применяются наркотики. Во-первых, некоторые из них позволяют лучше сконцентрироваться, но самое главное они лучше позволяют расслабиться, отключиться от всего постороннего для медитации. Идеальным вариантом для медитации является клиническая смерть, или состояния близкие к ней. В этом случае достигается полное расслабление, прекращаются посторонние движения Праны в организме, т. е. уменьшаются шумы. У многих, перенесших клиническую смерть, спонтанно развиваются

экстрасенсорные способности. Некоторые галлюциногены своим эффектом обязаны тому, что они воздействуют на сердечно-сосудистую систему, приводя к эффекту близкому к клинической смерти, что приводит к медитации с видениями.

Оказывается в нашей жизни магия распространена гораздо шире, чем это может показаться на первый взгляд. В принципе любое сильное желание, за которым следует расслабление, это магия. Человек выплескивает часть своей нервной энергии, но таким образом создает предпосылки к тому, чтобы его желание исполнилось. Чем сильнее концентрация и чем глубже достигаемое расслабление, тем больше нервной энергии тратится на достижение желаемого результата, и тем сильнее эффект от такой магии. То, что большинство людей не способно к настоящей концентрации (слабая воля) и расслаблению, это своего рода защитный механизм для общества и для них самих. Во-первых, потери нервной энергии не бесследны для организма, ее недостаток приводит к заболеваниям и даже смерти, а во-вторых, какое-нибудь сильное отрицательное чувство типа зависти или ненависти может нанести далеко не безобидный удар по объекту этого чувства. Отсюда становятся понятны две первые ступени йоги, Яма и Нияма. Это своего рода техника безопасности для себя и окружающих, когдаходишь в мир мощных энергий, каковым и является оккультный мир.

На казалось бы очень простой вопрос, как мы мыслим, едва ли большинство сумеет дать хоть какой-то разумный ответ. Сам процесс мышления для нас естественен и привычен, мы этим постоянно занимаемся в жизни, а дать приемлемое объяснение механизма этого явления не так уж просто. По некоторым теориям мысли генерируются в мозгу на основе уже имеющейся там информации, некоторые теории, в том числе и Раджа Йога, утверждают, что мозг только приемник, улавливающий мысли, которые существуют в пространстве идей. Не будем сейчас этого обсуждать, но чисто практически я могу утверждать, и каждый умеющий думать это может проверить практически, понаблюдав за собой со стороны, следующее: все виды мышления можно очень грубо разделить на два типа. Во-первых, это мышление чиновника. Когда перед чиновником возникает вопрос, то он перебирает в уме имеющиеся приказы и инструкции, и выдает свой ответ. Чиновничье мышление – простой перебор возможных ответов из числа предварительно в него заложенных. Второй крайний полюс – это мышление творческой личности, при этом не важно, в какой области эта личность трудится. Мышление это рождение идей новых, забытых старых, создание по аналогии с чем-то и т. д., в общем поиск идет по бесконечному полю возможностей. Эти мысли создаются только в режиме медитации. Они как бы приходят в пустое, подготовленное для улавливания их сознание. Реально в большинстве случаев практическое мышление человека состоит из смеси в разной пропорции этих двух типов мышления: чиновничьего и медитации.

Предположим стоит научная задача. Человек изучает все условия задачи, настраивается на данную научную тему, вспоминая что-то и т. д. Это этап концентрации или прицеливания. После этого следует момент очень короткого расслабления, медитации или спуска стрелы. И в сознании появляется некоторая идея. Она может быть сразу настолько плохой, что отбрасывается автоматически (стрела ведь не всегда попадает в цель, особенно если стрелок не мастер), а может быть сходу и похожей на правду. Тогда сознание переводится в режим чиновничьего, и предложенное решение проверяется на пригодность. Если оно оказалось нормальным, то все здорово, задача решена. Если же нет, то процесс прицеливания (дхарана) осуществляется заново с последующей медитацией, и так пока задача не решится, либо процесс не будет прерван волевым путем.

Таким образом, способности к творческому труду состоят в умении концентрироваться на задаче, а главное в умении медитировать, т. е. расслабиться после этапа концентрации, оставив сознание пустым. Продуктивность интеллектуальной творческой работы определяется эффективным временем медитации, хотя оно реально составляет всего доли секунды. Тот, кто умеет делать это лучше, будет достигать результата быстрее, и ему потребуется меньше циклов, состоящих из концентрации, которая в основном и дает затрату времени и сил, и медитации. Тот, кто специально обучен концентрации и медитации, может быть намного продуктивнее в интеллектуальном творческом труде. Таким образом творческое мышление это магия, и становится понятно второе значение слова медитация.

Секс это тоже магия. Половой акт состоит из этапа сильного физического и

эмоционального напряжения, за которым следует глубокое расслабление, т. е. уже физиологически заложен механизм, идеально подходящий под магические действия. Все определяется только тем, на чем концентрируются половые партнеры. В зависимости от этого возможна магия как примитивная эгоистическая так и очень возвышенная. В зависимости от этого и чувство любви может носить совершенно различный характер.

Такая особенная физиологическая близость полового акта к магии очень давно сделала его частью магических обрядов, различных культов, колдовства и т. д. Если концентрироваться не на сексе, а на специальной магической задаче, то это может давать очень даже результативную магию, в том числе и в случаях, когда применяют ее люди специально не обученные. Отсюда становится понятно повсеместное распространение вакхических культов. Такая магия действительно влияет на урожаи, приплод скота и т. д., причем эффект магии значительно усиливается от коллективной магии, синхронной концентрации и медитации большой группы людей. Таким образом, древние храмы со жрецами и жрицами любви и вакхические культы по своему происхождению далеко не тождественны публичным домам и современным групповухам.

Для магии, необходим достаточный запас психической энергии, поэтому надо беречь ее, особенно перед совершением магических действий. Христианские посты представляют собой именно такое сбережение психической энергии (есть только легко усваиваемую пищу, воздерживаться от секса, не употреблять алкоголь, вести сдержанный образ жизни без развлечений, т. е. сильных эмоций). Если исходить из того, что в христианстве непрофессиональной магии как таковой в общем-то нет, (хотя магия присутствует, например, в молебнах о дожде) т. е. обычным прихожанам эта подготовка ни к чему, то можно практически однозначно утверждать, что это пережиток вакхических культов, в которых участвовало все население, почему собственно поститься обязывали всех, а не только священнослужителей. Здесь, вероятно, сработал один из методов идеологической борьбы, когда новая вера включила в себя старые обрядовые элементы, придав им иной смысловой оттенок. В частности Великий пост и следующий за ним праздник Пасхи, в общем то самый большой праздник христианства, очень хорошо вписываются в этот переход из природно-вакхических традиций. Во-первых, Пасха по времени приходится на период оживления природы, цветения растений, т. е. ключевые слова для обозначения этого процесса – воскресение, начало новой жизни и т. д. Эти ключевые слова и вошли в христианскую легенду, их постарались сохранить, только придав им иной смысл, чтобы не было резкого культурного переворота в сознании людей. Во-вторых, именно в этот период, видимо, закладывается урожай, т. е. время Пасхи идеально для магии повышения урожая, и великий пост для всех людей перед этим – накопление психической энергии для коллективной магии. В частности, если эта логическая реконструкция верна, то можно ориентировочно указать и широту района зарождения праздника Пасхи с действующими сегодня в христианстве сроками. Это Европа, широта севера Черноморского побережья. Для более южных районов, как например Палестина, он бы должен быть раньше, а для широты Москвы позже. Данные рассуждения лишней раз показывают фальсифицированный характер еврейской легенды, связывающая этот праздник с исходом евреев из Египта. Ну с какой стати не природный праздник вычислять с расчетными сложностями, привязываясь к каким-то природным явлениям? Даже если само празднуемое событие произошло до изобретения календаря, то после его введения дата праздника обязана была застыть. А это значит, что связанные с этим праздником природные традиции были очень сильны и долго сохранялись уже и после введения Христианства. Там, где дата праздника не так крепко привязана к природным явлениям, она застыла в календаре, хотя перед этими праздниками, как к примеру, Рождество, тоже есть пост, т. е. наследие вакхических культов.

Сделанный выше обзор показывает, что в нашем обычном мире магия достаточно распространена, и она не замечается в силу ее обыденности. Список при желании можно было бы продолжить, например, очень разноплановая магия возможна во сне, но я ограничусь последним примером. Смерть это тоже магия. Физиологически переход от жизни к смерти заканчивается глубочайшей медитацией, по крайней мере в течение нескольких минут состояния клинической смерти, пока еще в организме не начались необратимые процессы. Поэтому, если умирающий сконцентрировался на какой-то идее, то она превращается в его последнюю волю, имеющую очень большую силу для выполнения. Вот почему, умирающий, во всех религиях, должен уйти из этого мира примерный со всеми.

В заключение несколько поясняющих слов надо сказать и о черной магии. Чисто

Прикладная философия filosofff.org

технически это стандартная магия, концентрация, переходящая в медитацию, но использующая одну особенность сознания. В своем обычном состоянии человеческое сознание в состоянии одновременно поверхностно обрабатывать несколько каналов информации, например, читать книгу и одновременно, «краем уха», улавливать шумы, доносящиеся с улицы и от соседей. Сознание настроено так, что эти шумы практически не отвлекают, но если вдруг там случается что-то существенное, какое-то изменение, то внимание само автоматически переключается на это. Такая способность сознания нормальный продукт естественного отбора. Охотник или объект охоты в лесу должен одновременно улавливать огромное количество информации от почти всех своих органов чувств, формируя таким образом картину ситуации в которой он находится. Такая особенность сознания очень мешает концентрации и медитации. Способность к концентрации на чем-то одном значительно возрастает, если сознание вывести из его обычного состояния (по К. Кастанеде это значит сдвинуть точку сборки). Таких факторов, которые выводят человека из нормального состояния и повышают способность к концентрации можно предложить несколько, как правило это различные варианты шока, например, сильный испуг. Это также могут быть какие-то действия, идущие в разрез с его глубинными моральными или иными установками, то что он сам должен расценивать как кощунство, святотатство или иной страшный грех. Это путь к магии тех, кто не желает долго ей учиться, а хочет быстро добиться магических способностей любой ценой, чтобы использовать их в корыстных целях. Так возникают всевозможные культы поклонения сатане, ритуалы на кладбищах, с принесением человеческих жертв (здесь и ужас и кощунство одновременно), сексуальными извращениями и т. д. Инквизиция преследовала сексуальные извращения, считая их связанными с колдовством, по-видимому, в тайных жидовских антихристианских организациях сексуальные извращения и ритуальные убийства действительно были широко распространены. Кое-что из этого арсенала использовалось и в вакхических культах. В частности кара постигла Содом и Гоморру согласно библейской легенде за сексуальные извращения.

Йога о главном вопросе философии

Расширив картину мира, включив в нее и оккультный мир, мы тем не менее пока ни сколько не преуспели в решении основного вопроса философии. Например К. Кастанеда, один из современных популяризаторов магии, читается сначала с увлечением, а потом все больше и больше начинает надоедать своим однообразием, и у читателя на первый план выходит недоумение, а зачем собственно все это нагромождено. Вся его философия может быть сведена к утверждению, что этот мир очень непрост, в нем много интересного и необычного, но почему он такой и для чего живет в нем человек, сказать ничего определенного нельзя. За всей системой, которую он преподносит, стоит некоторая мудрость, явно превышающая бытовой атеистический уровень среднего человека, но не способная дать в общечеловеческую копилку философского знания чего-то существенного.

Йога утверждает, что ответы по основному вопросу философии в пределах нормального человеческого опыта и логики получить невозможно. Некоторым косвенным подтверждением этому может служить и изложенное выше. Ответы можно получить но только, достигнув последней ступени Йоги. Вот что пишет по этому поводу Вивекананда.

– Поле разума узко и ограничено малым кругом, за который не может выйти рассудок. Всякая попытка идти дальше невозможна. Тем не менее за этим кругом рассудка лежит все то, что человечество считает самым важным: бессмертна ли душа; есть ли Бог; есть ли высший разум, управляющий всей вселенной. Рассудок говорит, что он агностик и не знает – да или нет. Однако эти вопросы так важны для нас! Без прямого ответа на них человеческая жизнь невозможна. Все наши этические теории, все наши нравственные положения, все, что есть хорошего и великого в человеческой природе, – все это вылилось из ответов, полученных из-за пределов этого круга.

Вся этика может быть выражена в одном слове «несебялюбие». Но где польза от моего несебялюбия? Если пользой считается наибольшее количество счастья, моя польза заключается в том, чтобы быть эгоистом. В чем же ответ? Ответ же

в том, что этот мир есть только капля в бесконечном океане, одно звено в бесконечной цепи. Но откуда те, кто проповедует несебялюбие, добыли эту идею? Мы знаем, что она явилась у них не инстинктивно и не рассудком. Изучая историю, мы находим один общий факт, признаваемый всеми великими учителями религии, каких когда-либо имел мир: все они заявляли, что получали эти истины свыше, только многие из них не знали, в каком состоянии они получали их. Йога утверждает, что все они правы, утверждая, что эти знания не есть продукт их собственного размышления, и вместе с тем объясняет, что эти знания получились не от кого-то другого, а из глубины их самих.

Йога учит, что сознание само имеет высшую сравнительно с рассудком форму сверхсознательного состояния, и что когда сознание достигает этого высшего состояния, тогда человек становится обладателем знания выше, чем рассудочное, обладателем метафизического знания, которое выше всякого физического знания. Чтобы разобраться в той массе несообразностей, которая называется человеческой жизнью, нам необходимо возвыситься над своим рассудком, но мы должны делать это научно, медленно, правильно упражняясь и отбросив всякое суеверие. Приниматься за это следует совершенно так же, как и за всякую другую науку: мы должны принять за основание рассудок и следовать за ним до тех пор, пока он будет вести нас, а когда рассудка окажется недостаточно, он сам укажет нам путь к высшему уровню. Поэтому каждый раз, как вы слышите, что человек говорит: «На меня нашло вдохновение» – и затем болтает неразумный вздор, не обращайтесь на него внимания. Потому, что три состояния сознания, несознательное, сознательное и сверхсознательное принадлежат одному и тому же сознанию, и одно никогда не противоречит другому. Итак, когда бы вы не повстречались с диким утверждением, которое противоречит человеческому рассудку и здравому смыслу, отвергайте его без всякой боязни, потому, что настоящее вдохновение никогда не противоречит рассудку, но только дополняет его. Великий пророк сказал: «Я пришел не разрушить, но дополнить».

Все различные ступени Йоги имеют целью привести нас к сверхсознательному состоянию, или самадхи. Вдохновение в такой же мере свойственно каждой человеческой натуре, как оно было свойственно древним пророкам. Эти пророки не были исключением, они были только великие Йоги. Они достигли сверхсознательности, но каждый может достигнуть того же. И это не только возможно, но каждый человек обязан стремиться достигнуть такого состояния, и в этом и состоит религия. Опыт есть единственный наш учитель. Мы можем толковать и рассуждать всю нашу жизнь и никогда не поймем ни одного слова истины, пока сами не убедимся в ней опытом.

– Когда посредством предварительных упражнений наше сознание укрепится и будет вполне подчинено нам, и мы приобретем способность тонкого восприятия, тогда следует перейти к упражнению сознания в созерцании. Созерцание должно иметь своим предметом сначала грубые явления, а затем медленно подниматься к более и более тонким, пока не станет беспредметным: сначала оно должно быть направлено на восприятие внешних причин ощущений, потом – внутренних движений и затем – реакции сознания. Когда оно достигнет познания внешних причин ощущений как таковых, оно приобретет способность видеть все тонкие материальные тела и формы. Достигнув способности воспринимать внутренние движения как таковые, оно будет в состоянии управлять всеми умственными волнами в себе и в других. А когда оно сделается способным воспринимать умственную реакцию как таковую, Йог приобретает знание всего, так как всякий чувственный предмет и всякая мысль есть результат этой реакции. Тогда он как бы увидит настоящие основания своего сознания и станет полным его властелином. Йог приобретет разные сверхъестественные способности. Если он достаточно тверд, чтобы отречься от пользования этими способностями, он достигнет совершенного подавления волн в океане сознания. Тогда величие его души, не затемненное никакими развлечением сознания или движениями тела, воссияет в полном блеске, и Йог увидит наконец себя, каков он есть и каким всегда был, – всеведущим, бессмертным и вездесущим. Когда же цель будет достигнута, прекратятся все горести, исчезнут все страдания, последствия поступков будут уничтожены, и душа сделается свободною навеки.

Сформулирую в общих чертах существенные с моей точки зрения элементы картины мира, предлагаемой этой философской системой.

Существует бесконечная, вездесущая, неизменная во времени нематериальная субстанция, в которой содержится полная информация о всем нашем мире, каждой его самой микроскопической частице, любом кванте энергии, прошлом и будущем, и еще, возможно, о том, что находится за пределами нашего мира. Эта субстанция может быть названа информационным полем или пространством, как мы далее ее иногда и будем называть, но без материального носителя. Она не принадлежит нашему миру и не может быть адекватно описана в его даже наиболее первичных понятиях как пространство, время, изменение, причина-следствие и т. д., но имеет связь и взаимодействует с каждым объектом этого мира, живым, неживым, гигантским или относящимся к микромиру. Взаимодействие состоит в получении объектом информации из этой субстанции. Но для того, чтобы ее получить надо уметь эту информацию усваивать, т. е. обладать инструментом для ее использования. В частности, живые объекты имеют доступ к информации по управлению энергетическими потоками в пределах своих физиологических и биологических потребностей и возможностей. Любая живая клетка имеет доступ к соответствующей информации по управлению энергетическими потоками, определяющими ее биохимию. При этом, если что-то в среде обитания клетки меняется, соответственно что-то меняется и в самой клетке, и она перенастраивается на другую информацию, что в результате меняет происходящие в ней процессы. Такая регулирующая цепочка – продукт естественного отбора.

Мозг представляет собой многоклеточный прибор, в котором меняется состояние клеток и соответственно изменяется считываемая информация. Он условно может быть разбит на множество относительно независимых считывающих блоков. Например есть физиологические блоки, которые получают через нервы информацию о состоянии соответствующих им органов чувств: сердца, печени, почек и т. д. Эта нервно-импульсная информация определяет состояние соответствующих нервных клеток в мозгу, и соответственно информацию, которую они прочтут с информационного поля и передадут обратно в виде управляющих нервных импульсов на соответствующий им орган. Все это имеет место помимо того, что каждая клетка физиологического органа тоже напрямую связана с информационным полем по своим внутренним вопросам. Такая модель управления физиологическими органами, между прочим, неплохо объясняет тот факт, что при травме мозга, определенного физиологического центра, его функции могут взять на себя другие участки мозга, переучившись. А это значит, что управляющая информация хранится не в клетках (нейронах) соответствующего участка мозга, а где-то еще. Отсюда, в частности, становятся понятны огромные ресурсы памяти и вычислительные мощности нашего биологического нейрокомпьютера.

Нервные импульсы от органов чувств воздействуют на клетки мозга соответствующих участков, задавая их состояние. Это состояние определяет информацию, которую считают эти участки мозга из информационного поля, а в результате получают образы зрительные, слуховые, обонятельные и т. д., соответствующие раздражению органов чувств и символы мышления существа, которому эти органы чувств принадлежат.

Символика мышления – это некий набор штампов или шаблонов, по которому происходит упорядочение получаемой информации. Это биологический механизм, сформировавшийся как продукт естественного отбора, позволяющий быстрее обрабатывать полезную информацию и отбрасывать бесполезную, которая не укладывается в определенные рамки. Такое упорядочение информации относится, как к простейшим случаям, которое делает, например, насекомое, так и к сложным научным теориям. Просто существенно различается объем и качество упорядоченной информации. Символика мышления, это во-первых, те категории, которыми существо мыслит. Это могут например быть зрительные образы, обонятельные, слуховые, если речь идет о человеке, то вообще могут быть абстрактные символы или понятия и т. д. Во-вторых, даже для образов, соответствующих определенному органу чувств, возможно упорядочивание информации разными способами. Если мы к примеру говорим о зрительных образах, то при идентификации объекта используются размеры, общие контуры предмета, средние детали, мелкие детали, цветовая гамма и т. д. У каждого существа, даже в пределах одного биологического вида, своя более или менее специфическая система группировки информации. Эта система, естественно, тоже информация, хранящаяся в информационном поле. Информация, которая не упорядочивается по привычному шаблону, не переводится на привычный язык образов и отсеивается мозгом, как шум.

Центров, которыми мы «думаем», в мозгу тоже несколько. Обычно человек в жизни пользуется только двумя, самыми медленными из них, первым – интеллектуальным и вторым – моторным. Первый центр самый медленный из всех, и наиболее подконтрольный. Это центр чиновничьего мышления. Им мы осуществляем перебор возможных вариантов. Этот центр отвечает за ввод-вывод медленной наиболее абстрактной информации, во время разговора, чтения и т. д. Второй центр в несколько раз быстрее. Он менее подконтролен, и программируется при помощи первого. Когда мы чему-то обучаемся, мы пользуемся первым центром. При этом программируется второй. Научившись, мы многим своим умением пользуемся автоматически, не задумываясь. Мы например не думаем, как поставить ногу во время ходьбы, или как делать жевательные движения во время еды, это делается автоматически, подсознательно. За такого сорта умение отвечает второй центр. При этом ему подконтрольны отнюдь не только самые примитивные действия, но при достаточном навыке и многие интеллектуальные. Например, шахматы блиц (пять или менее минут на всю партию) играют этим центром, а длинная партия – интеллектуальным. И качество игры быстрой партии не сильно уступает качеству длинной.

Работа мозга организована так, что каждый более медленный центр имеет приоритет над быстрым. Если в работу по вопросу, над которым уже работает быстрый центр включается медленный, то быстрый центр блокируется, и заставить его вновь работать не всегда просто, поскольку, чем быстрее центр, тем менее он подконтролен. Если во время длинной шахматной партии игрок попадает в цейтнот (нехватка времени), то качество игры резко падает, хотя быструю партию он, как правило, в состоянии играть и быстрее и лучше. Это связано с тем, что после длительной работы интеллектуального центра не удастся быстро включить моторный, а интеллектуальный при нехватке времени дает и меньшую скорость и более низкое качество игры.

Кроме двух рассмотренных у человека есть еще несколько интеллектуальных и моторных центров (всего два типа). Каждый последующий во много раз мощнее и быстрее однотипного предыдущего, а потому способен расшифровывать и усваивать его информацию, но зато требует гораздо больше нервной энергии при работе. Какова совместимость центров мышления разных людей? Во-первых, совместимость тем лучше, чем выше номер центров мышления, поскольку растет их мощность и быстроедействие, т. е. способность к расшифровке чужой информации; во-вторых, чем больше похожи друг на друга люди в смысле типа мышления; и наконец, в-третьих, чем информация ближе к биологической, тем более однотипны символики и кодировки ее у разных людей, а чем сильнее в ней социальный уклон, тем больше ее индивидуальность и стало быть хуже совместимость. Первым центром практически невозможно прочесть чужую информацию. Вторым можно улавливать наиболее простую, близкую к биологической, типа эмоций, простых чувств, да и то при сильной схожести людей, как например, в случае однойцовых близнецов. Следующие центры делают возможным усвоение чужой информации у похожих людей, а более высокие у всех. Таким образом телепатия возможна, но с учетом сделанных оговорок.

В обычной жизни работа других центров мышления, кроме первых двух, не заметна. Она в виде редких всплесков озарения проявляется в творческой работе. Второе ее проявление это сны. Многие наверно испытывали, что во сне скорость мышления иногда очень сильно возрастает. Известно много случаев, когда человека будило что-то, звук или прикосновение, и за время пробуждения он успевал во сне прожить целую жизнь, в конце которой был этот самый звук или прикосновение, его разбудившее. Причина того, что мы не помним многих своих снов, в том, что их информация шла из центров выше второго и не всегда запоминается медленными центрами.

Творчество

В принципе предложенная модель позволяет на многие вопросы из нашей жизни и культуры взглянуть более конструктивно, получить какие-то интересные объяснения и выводы. Чтобы проиллюстрировать такую возможность, я чуть подробнее остановлюсь на человеческой способности творить. Творчество автоматически подразумевает создание чего-то нового, т. е. чиновничье мышление для этого не подходит по определению, творчество это магия, и следовательно продукт деятельности центров мышления выше второго. Эта

способность происходит из простейшей, к примеру, бытовой деятельности. Если человек делает, что-то понятное, привычное, то у него есть программа действий, и ему достаточно двух первых центров мышления. Но как только ситуация заставляет заняться чем-то новым, не совсем привычным, начинается, пусть и примитивный, процесс творчества, когда человек делает шаги на основе интуиции. Поэтому в большей или меньшей степени творчески мыслить, т. е. заставлять работать центры мышления выше второго, способны все человеческие существа.

В этой связи немного остановимся на технике стимулирования такой работы. Это в общем-то непросто. Желание через волевое усилие над собой, собраться, сосредоточиться, и творчески поработать – абсурдно. Такое волевое усилие делается через первый интеллектуальный центр, который будучи активно включен, блокирует высшие центры. Поскольку творчество это магия, то для достижения творческого состояния годится весь спектр приемов, подходящих для магии, в том числе и черной. Поэтому становится понятно, почему спивались или скатывались до наркомании многие творческие люди, почему некоторые из них занимались сексуальными извращениями. Если опять вспомнить «Маленькие трагедии» Пушкина и рассуждение о совместимости гения и злодейства, то мой ответ будет положительный. Гений и злодейство очень даже совместимы, более того, для некоторых типов, извращения, насилие и садизм, – способ перейти в творческое состояние. Конечно есть примеры личностей, которые умели достигать этого благодаря йогической практике, как Рерих или Тагоры, из которых наиболее известен Рабиндранат. Но это в общем-то экзотика. А основная масса простых творческих личностей довольствуется доступным им набором приемов, среди которых слабые наркотики типа алкоголя или курева занимают далеко не последнее место, но чуть подробнее остановимся на иных.

Во-первых, необходимо отключить центр чиновничьего мышления, во-вторых, заставить моторный заниматься простым, однообразным, почти физиологическим делом, желательно приятным, чтобы создать условия психологического комфорта, расслабленности. Таким делом может быть прогулка, небольшая физическая нагрузка типа бега трусцой или катания на велосипеде, у многих мыслительный процесс стимулируется едой. Именно так же физиологически действует и процесс речи. Когда начинаешь что-то вслух излагать, то и мысли лучше «приходят» в голову, в частности, этим отчасти объясняется привычка мысленного проговаривания, так называемого внутреннего диалога. Многие работники высокоинтеллектуального труда «любят» заниматься каким-то очень примитивным интеллектуальным занятием, к примеру, раскладывать несложные пасьянсы или разгадывать кроссворды. При достаточном навыке моторный центр выполняет эту несложную интеллектуальную работу, что служит хорошим фоном для медитации. Практически так же может действовать любая развлекательная программа, в которую не погружаешься. Это может быть и телевизор, и чтение, и что угодно другое, но оно должно быть как бы фоном для основной умственной деятельности, создавать психологический комфорт и не увлекать.

Чтобы перейти к дальнейшему изложению, сформулирую полную цепочку творческого процесса.

Внешний мир Идея Творческий результат Проверка Внешний мир

Внешний мир

Начинается все с внешнего мира. Он дает основание, исходный материал, толчок и стимул для всего творческого процесса. После этого следует идея. Далее, оформление идеи в форму, пригодную для усвоения внешним миром. Потом проверка полученного результата, на его адекватность внешнему миру. И только после этого выдача окончательного творческого результата внешнему миру. В полном объеме такая схема реализуется крайне редко, в жизни мы, как правило, имеем усеченные варианты. Однако каждый этап имеет свое значение и его отсутствие в том или ином случае приводит к ущербу всего процесса творчества. Без идеи и ее оформления в виде социально усваиваемого продукта, остальной мир никогда и не узнал бы об акте творчества. А форма этого готового продукта может быть самой различной, но обязательно удобной для общественного потребления, от просто высказанной вслух мысли в присутствии других, до более сложного объекта, как художественное полотно, литературное произведение, научная теория, оформленное изобретение и т. д.

Следующим существенным элементом творчества является проверка полученного результата на соответствие внешнему миру. Иногда, как будет показано ниже, это процесс не тривиальный, но даже в относительно простых случаях, когда это делается на основании формальной логики при помощи первого центра мышления, этому надо учиться, и далеко не каждый им владеет. Тот, кто этого не умеет, иногда может выдавать очень интересные идеи, нестандартные решения, но иногда и полнейший бред, при этом сам он, как правило, не в состоянии будет отличить одно от другого. Т. е. процесс формальной проверки не самый сложный, но необходимый элемент творчества, которым по-настоящему владеют далеко не все. В частности такой социальный феномен, который получил название «женской логики», состоит в следующем. Женская «любовь» к разговорам это физиологический продукт естественного отбора. Поэтому это достаточно любимое, а следовательно, психологически комфортное занятие, и приводит к рождению мыслей, которые тут же и высказываются. Теперь бы хорошо остановиться, проверить их корректность, совместимость одной с другой, но выясняется, что этому не совсем обучены, а к тому же очень не хочется прерывать приятный процесс говорения. В чем-то сходная картина имеет место в областях человеческой культуры, где формальная проверка невозможна или затруднена. В первую очередь это относится к различной творческой гуманитарной работе, к примеру, искусству. Процесс творчества здесь физиологически ни чем не отличается от любого творческого процесса. А при проверке в значительной мере отсутствуют объективные критерии, и стало быть возможен полный субъективизм, приход к единому мнению затруднен, более того, он зачастую конфликтен и болезнен. Поэтому, во-первых, большая часть этого контингента не обучена проверке, во-вторых, очень неохотно ей занимается, потому как из комфортного творческого состояния приходится переходить в существенно дискомфортное, в-третьих, здесь гораздо сложнее выявлять шарлатанов. Отсюда возникает множество социальных последствий. Частые ссоры, переходящие в распад, в творческих коллективах. Сильное влияние на популярные виды искусства, моды и временных тенденций, большой процент бездарей, повышенная роль имиджмейкеров и т. д. Достаточно высокий процент среди некоторых профессиональных творческих групп как бы расслабленных, инфантильных людей, не от мира сего, которые почти постоянно пребывают в состоянии отключенного первого центра. И это не придури, а форма существования в процессе творчества, которая из-за отсутствия производственной необходимости возвращения в реальный мир, т. е. перехода в состояние проверки, оказывается практически постоянной. Попытки заставить таких людей тянуть рутину, примитивную однообразную или просто требующую мелочной конкретности работу, будут болезненны для них, и самое главное, абсолютно бесперспективны.

В видах деятельности, где форма изложения творческого результата более формализована, а это относится к технике и особенно к математизированным областям знания, методы проверки лучше отработаны. Творческих личностей опять же немного, как и везде, но зато квалифицированно оценить уже полученный результат, способен почти каждый, работающий здесь. И идеальным инструментом для этого является математика. Однако и здесь люди зачастую трудятся сообща, осуществляя некоторое разделение труда. Один творит, дугой за ним формализует работу, включая проверку. Безусловно первый способен выполнить и вторую часть, но если это не было бы выгодно обоим, то такие творческие коллективы не складывались бы. Для личности, способной творить, тянуть рутину – тяжкое наказание, и она охотно идет на такое разделение труда. Творческий режим существования гораздо комфортнее, нежели обыденный. Наличие отработанной культуры формального изложения результатов деятельности, хорошо приспособленной для последующей проверки и использования, приводят к существенно иной научной культуре именно в этой среде. Поэтому, в частности, есть очень серьезная доля истины в утверждении, что в любой науке, науки ровно столько, сколько в ней математики. Именно в этих областях человеческого знания и сложился в первую очередь тот подход, который я в начале книги назвал научным. Естественно, его далеко не всегда удается перенести на все области человеческого творчества, но если за какую-либо науку, в которой пока еще не очень прижился научный подход, как к примеру философия или история, берутся люди с физико-математической культурой, то вероятность научного прорыва серьезно возрастает. Именно такой результат получился у авторов Новой Хронологии. И одна из причин, кроме социальных, уже указанных выше, почему их результаты отвергаются учеными-историками, состоит в том, что основная масса этих ученых пока еще не владеет научным методом мышления, а остается на позициях догматизма. Поэтому в условиях наличия противоречащих друг другу исторических материалов, ученые-историки видимо полагают, что вопрос установления истины будет решаться голосованием в их среде. Именно по этим

причинам и я адресую эту свою работу к соответствующему контингенту, который способен относительно легко воспринимать новые идеи и работать с ними, а не тем, кого целый год большая толпа хором должна уговаривать (общественный гипноз, а не логика).

Творческий процесс по реконструкции истории, в условиях, когда возможна преднамеренная фальсификация, исторические материалы разрознены, зачастую противоречивы, особое значение и наибольшая сложность ложатся на этап проверки сформулированной идеи. Если в частности говорить о Новой Хронологии, то основная концепция сформулирована. Над ее оформлением пришлось творчески основательно поработать. Но далее, когда устанавливаются детали истории, выбор вариантов в каждом конкретном случае невелик. Наиболее творческим процессом становится не высказывание идеи, а ее проверка. Проверка превращается в сложную медитацию над идеей по поводу ее совместимости со всем историческим материалом, причем с учетом возможности его искажения, т. е. учет конкретных политических интересов и технической возможности для фальсификации, учет экономики, психологии и т. д. Из-за обилия фактического материала, нехватки времени, а может быть и умения, именно это не всегда делают авторы Новой Хронологии. Отсюда и набор наших расхождений в реконструкции истории. К примеру, они считают, что Христианство в Византии возникло до Христа, Крестовые походы начались еще при его жизни. Я допускаю это как вариант, но моя реконструкция представляется более логичной с множества точек зрения. Аналогично, вероятно, используя еврейские источники, они переносят слова «иудеи» на русскую почву, что психологически очень сложно смоделировать, т. к. слово «иуда» в русском языке не могло никогда иметь положительного значения. Т. е. в процессе этой реконструкции надо было выбрать психологически и технически оптимальный вариант для фальсификации, чтобы потом правильно реконструировать историю. Я таким вариантом посчитал еврейскую фальсификацию значения одного слова, которое невозможно было выкинуть из легенды, а по версии авторов Новой Хронологии, надо пренебречь отрицательным значением в Христианстве слова «иуда» и в древние времена, и в наше, не заметить определенного родства со словом «жид», причем употреблявшегося официально в резко отрицательном смысле, и назвать словом «иудеи» очень уважаемое сословие на Руси. Естественно, исходя из экономии мышления моя версия гораздо предпочтительнее, хотя она все равно остается только версией. Вполне может быть, что откроются новые данные, которые заставят и меня пересмотреть ее.

Наиболее сложной для творчества областью знания является философия. Во-первых, здесь наивысший уровень обобщения, и потому медитация должна идти по существованию более широкому полю, чем в любой конкретной области знания. Во-вторых, определение, даваемые здесь, зачастую, являются первичными, что крайне осложняет процесс формализации, и по этому поводу приходится делать очень значительные дополнительные усилия. В-третьих, после того как некоторая формализация проведена, в части теории или хотя бы в одном определении, проверка в отличие от математизированных наук не становится формальной, а по сложности превосходит проверку при реконструкции истории. Она осуществляется опять же через медитацию по предельно широкому полю, на корректность, внутреннюю непротиворечивость, предельные переходы, контр-примеры и т. д. А это в принципе становится возможно, только если предмет размышления хорошо формализован, поэтому в этой области человеческого знания научная культура становится нужна как нигде. Т. е. существенным критерием качества философской работы является качество ее формализации, культура изложения, и следовательно доходчивость и простота. Если результат не может быть объяснен «на пальцах», то что-то не так, либо результат плох, либо тот кто излагает, недостаточно сам в нем разобрался. К философии это относится больше, чем к любой другой науке, поскольку из-за ее первичности автор работы отвечает за все. Если результат сложно понимаем, как у немецких классических философов, это значит, что первичный базис философом выбран неудачно! А из-за этого философия перестает быть массовой наукой, хотя по своей сути это самая жизненная, самая прикладная из всех наук.

Теория перевоплощений

Итак мы подошли к одному из основных вопросов, что такое Я? Можно

отождествлять себя с собственным телом. Чуть более интеллектуальному существу естественнее будет отождествить себя с суммой всех своих мыслей, впечатлений, воспоминаний, своей личной историей и т. д. Исходя из модели, предложенной выше, еще более естественно будет отождествить себя со всей информацией, к которой существо когда-либо имело доступ, не только мозг, но каждая клетка организма. Блок этой информации – это соответственно индивидуальная душа материального объекта, которая есть и у человека, и у животного, и одноклеточного организма, и даже у неживого предмета. Все информационное поле это соответственно Мировая Душа или Святой Дух.

Далеко не вся информация персональной души доступна сознательному восприятию. Например, недоступна практически вся бессознательная информация, отвечающая за физиологию. Это защитный механизм, закрывающий доступ к сознательному управлению физиологией, что в большинстве случаев могло бы быть разрушительным для организма. Если когда-то, например, во сне, был доступ к информации одного из быстрых центров, то пока человек не научится управлять работой этого центра, эта информация также будет для него недоступной.

Развитие организма животного происходит из одной клетки. В первый момент после своего появления (от слияния половых клеток) она получает доступ к информации, и с этого момента развитие организма идет по уже определенной программе, состоящей из последовательных блоков информации, к которым развивающийся организм получает доступ, поскольку каждая последующая информация определяется состоянием организма на тот момент, а состояние организма предыдущей информацией. Поэтому по одной и той же программе могут развиваться разные организмы, если их первоначальные клетки были генетически похожи и какие-то еще дополнительные условия (расположение планет, циклы Земли, Луны или что-то иное) определили их первоначальное обращение к одной и той же информации.

Если исчезает (умирает) физический объект, то его персональная душа, как блок упорядоченной информации, естественно, сохраняется, душа бессмертна. Если вновь родившийся организм, точнее его первая клетка, в силу своей генетической схожести и дополнительных природных факторов получит доступ к информации, к которой в свое аналогичное время имел его предшественник, то программы их биологического развития будут тождественны. В результате новое существо будет с очень похожим мозгом, и следовательно, оно будет иметь доступ ко всему блоку информации своего предшественника и воспринимать его как свой собственный. Однако в силу различия социальных условий жизни системы символик будут различны, и информация первого центра мышления не будет усвоена. Част информации второго центра будет усваиваться и влиять на подсознательном уровне, облегчая обучение многим вещам, но получить полный доступ к информации своего предшественника (вспомнить свои прежние перевоплощения) новый хозяин сможет только при помощи следующих центров мышления. Естественно, что после этого, он начинает себя отождествлять со всеми своими ощущениями, в том числе и принадлежащими жизням в другом физическом теле. Человек, овладевший всеми своими центрами мышления, получает доступ ко всей информации Мировой Души, прошлому и будущему, в том числе и власть над всеми энергетическими потоками во вселенной, и он будет отождествлять себя со всем миром. Это состояние Бога.

После того, как сформулированы существенные элементы картины мира, перейдем к практическим выводам. Во-первых, это касается экспериментальной проверки предложенной модели. Система не призывает чему-либо верить на слово, она предлагает систему упражнений, которая позволит во всем убедиться лично. Никто не заставляет этому верить, но если у Вас есть достаточные побудительные причины и необходимая сила воли, это можно проверить экспериментально. Сразу оговорюсь, что это не просто система упражнений, а образ жизни, и времени, и сил на ее реализацию надо потратить больше, чем в свое время потребовалось на достижение Северного полюса. Любому человеку сложно без веры произвести столь кардинальные изменения в своей жизни. Поэтому, хотя формально все вроде бы и честно, практически – не совсем. Чтобы сделать систему психологически более корректной, она дополняется описанием промежуточных результатов, каждый из которых сам является достаточным вознаграждением за проделанный труд, а также может служить дополнительным подтверждением верности всей системы и психологически стимулировать ее дальнейшую реализацию.

Во-вторых, предложенная модель очень просто и естественно дает объяснения по центральному вопросу первой части этой публикации, о природе

нравственности. Все знание, о котором идет речь, связано с работой центров мышления выше второго. Но для их работы надо научиться выключать хотя бы на время два первых центра. Отключить первый центр относительно просто, надо выключить внутренний диалог, т. е. мысленное проговаривание того, о чем думаешь. На этом в частности основана техника скорочтения. При прекращении мысленного проговаривания читаемого текста начинается чтение вторым центром, который в несколько раз быстрее первого. Но при этом не всякая информация может усваиваться этим центром мышления.

Отключить второй центр, существенно сложнее. Во-первых, надо прекратить все занятия, которые мы делаем автоматически, т. е. принять позу поудобнее и расслабиться. Но среди них все равно останется одно – дыхание. Поэтому дыхательными упражнениями приходится еще специально заниматься, чтобы научиться усыплять второй моторный центр, продолжая при этом дышать. В принципе, простейшие, почти физиологические действия, типа дыхания или спокойной ходьбы являются относительно слабой помехой, основная проблема состоит в том, что этот центр запрограммирован на эгоизм. Главная задача сознания в социуме – обеспечить интересы своего хозяина. Это продукт естественного отбора и социального воспитания с самого раннего детства. Поэтому, когда на время сознание освобождается от всех сиюминутных дел, начинают всплывать мысли, связанные с собственным эго: планы, переживания, зависть, обиды и т. д., и приостановить этот процесс почти невозможно. От этого частично можно освободиться, заставив второй центр заниматься физиологией типа дыхания, но по большому счету решение одно – перепрограммировать этот центр, освободиться от эгоизма. Строго говоря, есть еще решения. Во-первых, это повреждение первых двух центров. При инсульте, например, это возможно самопроизвольно. Временная блокировка этих центров возможна при отравлении алкоголем, токсинами или наркотиками, но это вредно для мозга. Во-вторых, это методы шока, о которых упоминалось выше в связи с магией. Но эти методы, позволив подняться выше второго центра мышления, полностью закрывают доступ к дальнейшему движению, потому что на следующем этапе препятствием становится уже само желание пользоваться открывающимися возможностями.

Но продолжать жить и полностью избавиться от эгоизма невозможно. Человеку необходимо кормиться, одеваться, иметь хоть какое-то жилье, поэтому и возникает множество решений, призванных обмануть второй центр. Наиболее распространенное из них – это поклонение Богу. В йоге такой путь называется Бхакти. Бхакт все свои дела посвящает Богу, все свои мысли, чувства, желания относит на счет Бога, за собой оставляет только одно, чувство безграничной любви к Богу, которое его переполняет. Любая настоящая религия – это путь Бхакти. Другой путь, называемый Джнана, состоит в стремлении познания. Постичь этот мир, себя, смысл бытия и т. д. Если эти задачи стоят перед человеком на первом плане, вытеснив все эгоистические побуждения, то задача перепрограммирования второго центра решена, эти задачи не доставят пищи для его работы, поскольку центр моторный а не интеллектуальный.

О пути, Раджа йоги, научного психологического самопознания, мы выше уже говорили. Отметим только, что кроме сохранения психической энергии, необходимой для работы центров мышления, ступени Яма и Нияма выполняют еще и функцию перепрограммирования второго, моторного, центра, подавление эгоизма.

Самый, казалось бы, противоестественный из возможных путей подавления эгоизма, это путь называемый Карма йогой. Это путь для тех, кто живет в социуме, т. е. вольно или невольно участвует в дележе общественного пирога. Отказаться от участия в этом дележе – значит обречь на голодную смерть себя и своих близких, участвовать – значит подчинить свои действия корысти, т. е. эгоизму. Карма-Йога предлагает несколько уловок для обмана своего сознания. Одна из них это материально обеспечивать себя и семью не из корысти, а из чувства долга.

Чуть подробнее остановимся на теории Кармы, потому, что это понятие уже достаточно широко проникло в наш мир и в смыслах весьма далеких от первоначального. Наиболее распространенное, бытующее сегодня в России, с подачи всяких оккультных группок, школ, центров, это чуть ли не предписанная судьба, то, что с человеком должно случиться, чего ему не избежать, расплата за его грехи и грехи его предков, в том числе и в прежних жизнях. А кроме этого еще находятся «специалисты», готовые, естественно, за плату помочь исправить плохую Карму, избежать того, что ею предначертано. Большая часть этого – невежественный вздор, противоречащий

Прикладная философия filosoff.org
как природе, так и самой теории Кармы.

Согласно этой теории весь мир управляется тремя природными началами, называемыми гунами: Тамас – центробежные силы, Раджас – центростремительные, Саттва – равновесие, баланс сил. Они проявляются в разных видах во всех природных явлениях, но если говорить о человеческой природе, то здесь они предстают в виде: Тамас олицетворяет собой лень, тупость, невежество; Раджас – деловая активность, вызванная корыстными побуждениями; Саттва – спокойствие, уравновешенность, мудрость. Каждый человек есть смесь этих трех начал в разной пропорции. Первоначально в человеке преобладает Тамас, потом постепенно, через механизмы этого мира, вовлекающие человека в свой водоворот, Тамас вытесняется Раджасом. Но по мере жизни приходит понимание, что вся погоня за удовольствиями это бессмысленная суета. И в человеке постепенно начинает преобладать Саттва. Человек начинает свой путь из состояния покоя и приходит к нему же, но на другом качественном уровне. Первоначально это был покой камня, а в конце пути это покой мудреца, постигшего суть мира и вышедшего из его круговорота.

Этот мир – сложная машина, которая сама, через свои внутренние механизмы, втягивает нас в свою работу до тех пор, пока мы всему не обучимся и не выйдем из нее. Источником энергии и мерилom нашей подготовленности является эгоизм. Первоначально мы приходим в этот мир абсолютно неразвитыми, еще не осознающими даже собственного я, но постепенно, сначала через самые основные биологические потребности, а потом через систему удовольствия-неудовольствия мир вовлекает нас в свой механизм, развивая наше эго. Невежда думает, что он трудится в этом мире, изменяя его. На самом деле у этого мира нет другого предназначения, кроме как наше обучение, поэтому любая работа в этом мире, это только работа над собой. Если он и меняется то только так, чтобы лучше способствовать нашему здесь обучению. Цель обучения – через развитие эго прийти к освобождению от него, и в результате стать свободным от этого мира.

Основное значение слова карма – работа. Любое наше действие в мире, любая мысль, чувство, переживание оставляет след в нашей душе. В теории Кармы речь идет о душевной работе. Каждый человек должен пройти определенное обучение. И когда говорится, что у человека определенная карма, это только означает, что он находится на определенной стадии развития и до окончания курса обучения ему предстоит совершить еще определенную душевную работу. Добро и зло, радость и страдание, любовь и ненависть это только человеческие понятия, абстрактные образы, термины, обозначающие нечто, оставляющее след в душе. Этот мир не плохой и не хороший, не злой и не добрый, он идеальный с точки зрения нашего душевного развития. Вроде бы мы все брошены в одинаковый круговорот этого мира, но каждый находит здесь задачи по своему кармическому уровню. Один борется за власть, переживает, страдает от неудач и радуется победам, а другой проходит по жизни, даже мысленно ни разу не примерив на себя это занятие. Кто-то всю жизнь может страдать из-за психологических проблем в семейной жизни, а у другого все складывается как нельзя лучше и вроде бы без каких-то усилий с его стороны. Это можно отнести на случайное везение или попадание в определенные жизненные условия, но если разобраться поаккуратнее, то все дело окажется в самих людях, в их культурном, интеллектуальном, нравственном уровне, что является следствием их кармического возраста. Более зрелому в кармическом отношении человеку это обучение ни к чему, он все это уже проходил (быть может в прошлых жизнях), и даже если подобие этой проблемы возникнет перед ним, то он решит ее мимоходом, не задумываясь и не переживая, а другому еще предстоит обучение, и задачи по его уровню сами находят его в этом гениально устроенном мире. Перед ним быть может только мелькнет призрак этой задачи, но он сам все так закрутит, что увянет в ней основательно.

Существует очень распространенное суеверие, что пока что-то важное планируемое, ожидаемое еще точно не произошло, то лучше об этом не говорить, лишний раз не обсуждать, и не планировать, поскольку можно сглазить. Во всем этом деле есть только одно «но». Это психологическое наблюдение сбывается не всегда, но настолько часто и с совершенно разными людьми, что похоже, что за этим суеверием все же что-то есть. С точки зрения теории Кармы получается вполне приличное объяснение механизма этого «суеверия». Когда человек очень эмоционально переживает то, что только еще должно случиться, то этим он уже выполняет соответствующую эмоциональную работу, и надобность в том, чтобы это случилось уже отпадает, поскольку соответствующая «кармическая работа» уже совершена. Сам процесс

эмоционального переживания планируемого события сопровождается выбросом нервной энергии, которая оказывается направленной на то, чтобы отменить это планируемое событие. Такая направленность этого нервного импульса – природный кармический механизм. В частности, это одна из проблем обучения магии. Очень сильное желание чего-то может приводить как раз к противоположному эффекту – отменять то, что желаешь.

Путь Кармы самый естественный с точки зрения нашей обычной жизни путь. Мы совершаем его помимо нашей воли. Мы живем в социуме, радуемся, страдаем, совершаем поступки и при этом переживаем, эмоционально проживаем то, что происходит с нами и вокруг нас. С точки зрения совершенствования души только это переживание и существенно. Просто большинство людей устроено так, что всерьез думать и переживать они начнут только тогда, когда их вынудит ситуация, да и думает большинство не перед тем как сделать дело, а после этого, в основном выдумывая себе оправдания и подводя логическую базу под свои действия задним числом. Но есть какой-то процент людей, которые не нуждаются в том, чтобы их подпихивали в развитии, и им не нужны конкретные поступки, для того, чтобы они начали думать и переживать по их поводу. Для тех, кто без этого способен проводить внутри себя духовную работу без внешних стимулов и объектов, кто умеет мыслить не только конкретными категориями, но и абстрактными, тому подходит путь Джнаны. Для тех, кто все свои душевные переживания может связать с чем-то не связанным с жизнью в этом социальном мире, подходит путь Бхакти. А тому, кто достаточно много времени из своей жизни способен тратить на саморазвитие – путь Раджи. В жизни, конкретный путь каждого человека – некий синтез их всех, просто преобладают какие-то элементы, характерные для данного человека в зависимости от его психологических особенностей, уровня культуры, интеллекта, среды обитания и т. д.

Если в теории Кармы отбросить претензию на глобальное философское обобщение в части касающейся гун, и чисто практически подходить к оценке человека через пропорцию в нем трех качеств: невежества, деловой активности и мудрости, то, в моем понимании, получится очень приличная практическая модель, хорошо соответствующая этапам взросления человека, которой я тоже иногда пользовался при оценке людей, с которыми приходилось иметь дело. Это всего лишь чуть иной базис для практической, социальной оценки личности, чем я давал в начале книги. В чем-то лучше один базис, в чем-то – другой. А практическая, прикладная суть теории Кармы состоит как раз в таком устройстве нашего мира, что будучи все помещенными в него, мы сами находим себе задачи в зависимости от нашего кармического уровня. Этот социально-психологический феномен интуитивно понятен, поскольку все отношения в этом мире возникают как некий баланс сил, и абсолютной жесткой детерминированности (предопределенности) в этом вопросе нет. Если у человека, к примеру, избыточный эгоизм, то он найдет в мире задачу по своему уровню, либо эквивалентный или более сильный эгоизм, обращенный против него, либо наоборот, пустоту перед собой, которая доведет его до состояния понимания, что он оказался в вакууме из-за своего избыточного эгоизма, либо какой-то иной отклик. И каким окажется этот ответ внешнего мира, зависит от множества случайных с точки зрения самого этого человека факторов.

Духовность

Вся наша жизнь проходит в различных ограничивающих рамках. Мы ограничены законами природы, своими физическими возможностями, нас ограничивают различные обстоятельства, нас ограничивают законы общества и т. д. Куда не ткнешься, везде встречаешь препятствия, границы. Вся наша жизнь – сплошная борьба с преодолением препятствий, борьба за свободу. Биологическая эволюция, это развитие различных свойств и способностей, снимающих те или иные природные ограничения, т. е. повышение свободы. Вся мировая цивилизация – это движение по пути освобождения человека в физическом мире от различных ограничений. Холод, голод, болезни, старость, земное притяжение, сила мышц, острота зрения и т. д., все это ограничивает свободу человека. Человечество борется с этими ограничениями, пытаясь расширить свободу. Жизнь в физическом теле, это ограничение жизни биологическими границами. Попытка выйти за это ограничение это тоже поиск свободы. В общественных отношениях свобода – независимость от других, и это тоже

Но специфика нашего мира состоит в том, что добавляя свободы человеку, мир отнимает свободу в чем-то другом. Что такое, к примеру, деньги? Деньги – это свобода, различные возможности. Эту истину лучше других наверно понимают те, у кого их мало, когда не хватает на еду, одежду, жилье, медицинское обслуживание, не говоря уж об отдыхе и развлечениях. Но вместе со свободой, которую дают деньги, общество создает и цепь, приковывающую человека к этому миру: его зависимость от цивилизации, жесточайшую потребность для него добывать эти деньги. За свободу в одном, приходится платить ее отсутствием в чем-то другом. Это закон нашего мира, внутреннее неустранимое противоречие. Полная свобода может быть только при освобождении от этого противоречивого мира. Но освободиться от мира, оставшись в нем, быть его частью, а не полностью исчезнуть, это может означать только одно, стать властелином этого мира, т. е. получить доступ ко всей информации о нем и власть над всеми энергетическими потоками в нем, осознать себя в качестве Мировой Души. Это называется духовным освобождением.

В принципе, вопросы касающиеся Души изначально относятся к религии, поэтому духовность как бы прерогатива религии. Однако все мы в этом мире движемся к одной цели – духовному освобождению. Независимо от того, хотим мы этого или нет, понимаем или нет, цель у всех одна – осознание себя в качестве Мировой Души. Каждый находится на своем этапе этого пути. Основной наш помощник в этом процессе – этот мир, в котором все мы живем. У него нет другого предназначения, кроме как помочь нам пройти по пути от полного невежества до света абсолютного знания. Мир – это тренажерный зал, в котором все мы проходим тренировки. На темном, неосознанном этапе пути, он через свои механизмы создает для нас какие-то цели, ориентиры, стремясь к которым, мы совершаем поступательное движение. Подавляющая масса людей пребывает еще в темноте, но помещенные в этот мир, участвуют во взаимном тренировочном процессе, осуществляя каждый в отдельности движение вперед. И каждый наш шаг в этом мире оставляет след в душе. Поэтому отделить духовное от недуховного можно только чисто условно.

Эту условную грань можно провести по отношению к этому миру. Мир – это машина, которая втягивает человека внутрь и удерживает там, пока он не освободится. Каждый человек проходит часть пути, в которой мир затягивает его все сильнее, – это материализм. Но по мере развития и самоосознания человек начинает мало-помалу освобождаться от этого мира, постепенно постигая его суть, Мировую Душу. Это идеализм, начало духовного пути. Но путь еще не стал полностью духовным. Человек еще может совершать шаги и обратно внутрь мировой машины. Духовность человека тем выше, чем больше его путь направлен на освобождение от этого мира. Эгоизм удерживает человека внутри. Потакание своему эгоизму – это движение внутрь. Нравственность – это ограничение эгоизма, шаг к свободе. Нравственно то, что незгоистично, бескорыстно. Корысть безнравственна. Духовность начинается с нравственности.

Но то, куда движется человек, зависит не только от него самого, но и от мировой машины, которая его держит, и прежде всего от общества. Взглянув на русскую историю, теперь можно сказать, что это такое, святость, духовность Руси. Прежде всего, это древнейший в мире полюс нравственности, где она впервые сложилась в государственном масштабе, как господствующая общественная идеология, просуществовала много веков. И хотя эта нравственность была во многом ограниченной, неполной, но она заложила фундамент в народные традиции, культуру: самопожертвование ради общественных потребностей, готовность уйти из этого мира ради иных, духовных ценностей (самосожжение староверов).

В восемнадцатом веке на смену Древнему русскому Христианству пришла новая идеология христианской любви. Эта идеология была создана на Западе, но оказалось, что она гораздо лучше легла на подготовленную нравственную почву русского Православия, чем на развитый эгоизм Запада. Одновременно с этим, начиная с династии Романовых и до наших дней, в России сложилась власть, чуждая народу, в гораздо большей степени, чем в других государствах. Поэтому святость Руси, это не какое-то мифическое загадочное свойство, а в первую очередь, постоянная из века в век организация общества, которая отторгается значительной его частью. При чем среди тех, кто уходит от мира велик контингент, способных к духовному развитию, движению по одному или нескольким из четырех возможных путей: Бхакти, Джнана, Раджа, Карма. В

России прошлого века велик был процент отшельников-старцев, которые своим присутствием создавали в стране климат особой духовности. Есть даже легенда, подтвержденная большим количеством косвенных данных, что в старцы ушел царь Александр Первый. Большевики создали режим насилия и террора, прижали церковь, уничтожили старчество. Исключив в России возможность для духовного пути Бхакти, они одновременно с этим создали серьезные предпосылки для распространения пути Джнаны и Кармы. С одной стороны возможность практически для всех получить бесплатное образование, широкий доступ к культуре и знаниям, с другой – уравниловка в плане доходов, режим лжи и насилия. Думающая, творческая часть интеллигенции в значительной степени отвергала созданный коммунистами социум. Одни становились десидентами, другие всю энергию направляли на любимое хобби, третьи начинали заниматься поисками смысла бытия, духовным совершенствованием, при чем это шло, как правило, мимо религии.

Если говорить о духовном пути, то можно выделить два типа ухода от мира. Малый уход, когда человек забирается в глушь, физически устраняется от мира, от его суеты и борьбы, становится отшельником, старцем или уходит в монастырь. Большой уход – внутренний, когда человек остается в мире, участвует в его суете, но внутренне ни к чему не привязан, спокоен и бескорыстен. Этот большой уход почти не заметен постороннему взгляду, внешне человек практически не отличается от окружающих, делает, что и все. Большой уход гораздо сложнее, но он проще реализуем в условиях тоталитарного режима, следящего за любым инакомыслием. В заключение темы можно дать интересное определение понятия интеллигентности. Человек тем интеллигентнее, чем меньше физического, культурного и интеллектуального пространства он занимает. Очень неожиданное определение, но при внимательном рассмотрении оно становится вполне понятным, и подходящим под наше русское житейское понимание интеллигентности.

Заключение

Количество абсолютно новых для подавляющего большинства читателей идей, которые я попытался уместить в эту часть книги, постоянно ставило передо мной дилемму, объяснять подробнее, больше приводить выводов и результатов или сдерживать себя, оставляя читателю возможность в случае возникновения интереса выступить соавтором. В первом случае объем мог запросто вырасти раз в двадцать, и я рисковал отпугнуть им думающую часть читателей. Я вынужденно пошел по второму пути. Излагал предельно, как мне кажется, кратко, обрывая мысли и безжалостно убирая тривиальные выводы и все, что, в случае интереса, способен логически получить из написанного думающий читатель. Естественно, так я теряю другую, очень значительную часть читательской массы, но издержки здесь неизбежны. Все же несколько достаточно разрозненных выводов, которые в неразвернутой форме присутствуют в предыдущем изложении, я сформулирую чуть подробнее.

Идея переделать этот мир абсурдна. Он совершенен, и идеально подходит под ту цель, для которой создан. Реформаторы пытаются поправить его, улучшить, но делается это из каких-то своих соображений, ничего общего не имеющих с его истинным предназначением. А его назначение – наилучшим образом в любой момент обеспечивать наше движение к свету. И мир сам изменяется по своим очень сложным и тонким законам, чтобы лучше отвечать этой своей задаче. Во-вторых, в мире нет ничего плохого и ненужного. Все, что здесь присутствует – это наши учителя. Если это человек, то он и сам проходит обучение здесь, и является учителем, для тех, на кого он как то влияет. Поэтому не должно быть отрицательных (да и положительных) эмоций по отношению к кому то бы ни было. Идеал – это спокойное созерцательное состояние. Этому и надо учиться. Если он достигнут в полной мере, то обучение закончилось, поскольку созерцание не оставляет следа в душе.

Хотя при объяснении технологии борьбы с эгоизмом я пользовался терминологией «обмануть» сознание или второй центр, но практически это означает, по настоящему стать бескорыстным, поскольку со своим сознанием надо быть честным до конца. Эта игра, в которую каждый играет только сам с собой, здесь не надо притворяться, стараться кому то понравиться. Основная проблема в том, что жизнь оставляет у человека и жизненные потребности и обязательства перед другими в этом мире. И это очень непростая внутренняя

работа, сложный самоанализ, позволяющий отличить, например, исполнение долга от проявления личного эгоизма. Где то в глубине может сидеть эгоистическое стремление, а сознание будет усиленно подсовывать объяснение, что все делается из чувства долга. И привести какие-то формальные критерии для отличия одного от другого невозможно, поскольку сознание вполне может в виде самообмана потом подсовывать выполнение этих критериев. Оценка своего состояния, в конечном счете, будет делаться интуитивно.

Важным принципом устройства этого мира, является то, что мы никому и ничем не можем помочь. Каждый в этом мире проходит весь путь сам, сам отработывает свою Карму. Делая что-то в мире мы помогаем только себе, отработываем свою Карму, но никак не можем повлиять на Карму других. Но может быть можно хотя бы давать знание? Дать то его можно, но сможет ли его взять тот, кому оно дается. Все определяется его уровнем. Если его кармический уровень таков, что он уже отработал стоящую перед ним задачу, быть может в прошлых жизнях, т. е. внутри него это знание уже есть, то тогда небольшая подсказка поможет, и после нее проблема решится очень легко. А если знания внутри нет, то можно расшибиться от желания его передать, а набивать шишки каждому придется самому и в полном объеме. При этом тот, кому знание дается, будет понимать слова, их смысл, но ему все это будет казаться неубедительным или неважным. Если делаются предупреждения и предостережения, то он может переоценивать себя, считая, что все держит под контролем и т. д. Т. е. сознание само найдет логичный способ отмахнуться от предлагаемого знания.

Подобных ошибок каждый из нас делает немало, но ошибки, во многих случаях являются лучшими учителями, чем успехи. Я, к примеру, в самом начале своих занятий Раджа йогой, желая быстрее достигнуть практических результатов, переусердствовал с некоторыми упражнениями, о которых предупреждалось, что они могут повредить сердечно-сосудистой системе при превышении рекомендованных норм. Предупреждение я воспринял, но посчитал свою эрудицию по части физиологии выше, чем у того, кто это предупреждение делал, и надеялся, что сумею вовремя почувствовать возникающие тенденции и остановиться, если будет необходимость. А на деле результат получился несколько хуже, чем планировалось.

Другим принципиальным вопросом, который стал передо мной на каком-то этапе было пользование открывающимися сверхъестественными способностями. Среди них есть достаточно скромные в плане духовного развития, но позволяющие при желании и умении зарабатывать на их эксплуатации. Сознание подсовывало вроде бы очень логичное решение. Надо пользоваться этим, зарабатывать, экономить время, которое тратится на добывание средств на существование, а освободившееся время посвятить занятиям для достижения быстрых результатов. Погоня за быстрыми результатами одна из самых больших ловушек на этом пути.

Другая логическая ловушка это в предназначении ступеней Ямы и Ниямы. Во-первых, в них можно упражняться до бесконечности и все равно не достигнуть потолка. С первым, интеллектуальным, центром все относительно просто, пришел к логическому выводу – вот оно и перепрограммирование, а перепрограммировать второй, моторный, куда сложнее. К примеру, элементарное срабатывание инстинкта самосохранения – это уже хоть малая, но капля в программировании эгоизма. А полностью давить инстинкт самосохранения в себе нельзя, попадешь под машину или упадешь с балкона. Поэтому встает очень непростой вопрос, когда можно начинать всерьез переходить к другим ступеням, и сознание подсовывает очень логичные варианты обоснования полностью проигнорировать нравственные ступени.

В этой связи лично у меня был очередной повод для восхищения эти миром, его способностью меняться, чтобы создать каждому оптимальные условия для совершенствования. В коммунистические времена я совершил некий уход от мира, нечто среднее между малым уходом и большим, ближе к малому. Забился на работу в научно-исследовательский институт. Шел небольшой, но гарантированный заработок, да еще и за работу, доставляющую удовольствие. Для себя принял однозначное решение: никакой карьеры, защит диссертаций, хотя выполняемые работы давали такую возможность, никакого участия в дележе премий и т. д. В дополнение ко всему система очень способствовала в упражнении Ямой и Ниямой. Способов унижить человека коммунистическая чиновничья бюрократическая система имела в своем арсенале достаточно, даже если и максимально уходишь от нее, тем, что ничего для себя не добиваешься.

Но как показал мой последующий самоанализ, совершенствоваться было еще

куда. Начало реформ (1991–1992 г) привело к тому, что мой малый уход от мира благополучно завершился, тем что доходов перестало хватать даже на еду. Направление науки, которым я занимался, полностью рухнуло, в это же время без работы осталась жена, все сбережения сгорели. Пришлось сходу, без подготовки, без денег вгрызаться в неустойчивую рыночную ситуацию. Через два года полной безысходности и редких проблесков надежды, немного повезло, и удалось создать кое-что свое, и это при том, что по сравнению с большинством населения страны я имел очень приличную фору в интеллекте, научно-технической и экономической эрудиции и опыт игрока. На жизнь стало хватать, но ностальгия по коммунистическим спокойным временам осталась. Теперь малый уход стал невозможен. Мир организовал для меня задачу большого ухода: жить в жестком несбалансированном рынке, торговаться за каждую копейку, и при этом оставаться бескорыстным; жить во время, когда в бизнесе со всех сторон окружают воры и проходимцы, просчитывать возможные варианты мошенничества, и при этом как бы наблюдать за всем происходящим со стороны, не погружаясь в это; общаться с чиновниками, все мысли которых направлены на то, как залезть к тебе в карман за взяткой, и при этом не питать к ним отвращения; видеть, что сделал со страной Ельцин со своими подручными, и при этом не испытывать к нему ни ненависти, ни безразличности; наблюдать, как умирает Россия, и не испытывать желания как-то вмешаться, считая наш мир идеально организованным. Видимо, и сегодня научился я еще далеко не всему, раз написал эту книгу, вторая часть которой в некоторой степени коснется вопроса, как еще можно попытаться спасти страну, хотя шансов уже почти нет. По моим оценкам Россия обречена. За времена характерные для этнических изменений (еще осталось около десяти лет) мы необратимо придем к Латиноамериканскому варианту, а анализ расклада сил показывает, что свернуть с этого пути практически невозможно.

То, что я изложил, ни в коей мере не является истиной в последней инстанции, хотя бы потому, что истины в природе вообще не существует. Истина может быть или не быть только в рамках модели. А любая модель это всегда только какое-то приближение к реальности. Насколько она хороша, каждый решает сам, особенно в вопросах, где погрешность модели не может быть формально рассчитана, а определяется на личностном интуитивном уровне.

Часть 2

Вместо введения

Один из основных практических принципов первой части можно сформулировать так: «Не так важно что делать, как то, с какими мыслями и чувствами это делать». Т. е. вопрос формирования сознания один из ключевых в практической философии. Анализ проблем, возникающих на стыке: социального устройства мира, человеческого бытия и человеческого сознания, будет основной темой дальнейшего изложения, на примере нашей истории. Побочным продуктом этого анализа, будут некоторые социальные теории. Они, и это вполне нормально, могут быть использованы кем-то. Однако надо отдавать себе отчет, что все эти изыскания затрагивают лишь верхнюю часть «айсберга» устройства нашего мира, который слишком сложен, чтобы я взял на себя смелость что-то совершенно определенное утверждать и прогнозировать в случае его изменения. Более того, из изложенного в первой части ясно, что единственным благом для человека в этом мире я считаю внутреннее совершенствование, а все остальное, удовольствие и неудовольствие, добро и зло, только лишь инструменты в этом процессе, которые создает для нас этот гениально устроенный мир, изменяющийся по своим сложным законам. Поэтому я просто считаю своим долгом вбросить в наше общество некоторые идеи, многие из которых к настоящему моменту еще аргументировано не высказаны, а уж оно пусть само, в соответствии со своей Кармой, решает, что с этими идеями делать, использовать их или не заметить.

Не смотря на то, что прошло уже несколько лет с начала рыночных реформ в России, я постоянно убеждаюсь, что значительная масса людей до сих пор не понимает, что это такое. И это касается не только обывателей, но и людей занимающихся политикой на самом разном уровне. В дальнейшем изложении я буду ссылаться на некоторые свойства рынка, поэтому, придется, хотя бы поверхностно, объяснить, что это такое.

Представим, что встретились два субъекта. Один желает продать нечто, второй это приобрести, и нет никаких иных факторов, кроме их экономического интереса у одного – купить как можно дешевле, а у другого – продать как можно дороже, влияющих на совершение этой сделки и ее цену. Тогда либо сделка состоится, если субъекты сумели договориться о цене, устраивающую обе стороны, либо нет. Теперь усложним модель тем, что торгующих субъектов будет много, покупающих много, и товаров и их типов тоже много, т. е. у любого субъекта будет разнообразный выбор. Это и будет рынок, точнее, идеальная его модель. Таким образом, рынок – это совокупность добровольных отношений, возникающих в процессе купли-продажи между продавцами и покупателями, в условиях множества продавцов, множества покупателей, множества товаров и их типов, и наличии в обращении всеобщего эквивалента ценности – денег.

Естественно, возможны всяческие усеченные варианты рынка, когда что-то в нем не так, или нет денег (натуральный обмен), или на какой-то вид товара всего один продавец, или товар является запрещенным, и торговля им не будет полностью свободной и т. д. Некоторые из этих вариантов ниже тоже будут рассмотрены. В обществе, достигшем достаточно высокого уровня развития, когда все участвуют в общественном разделении труда, и государство не ограничивает необходимые для возникновения рыночных отношений свободы, эти отношения возникают самопроизвольно, и в них участвует все население. Все являются покупателями, и все сами чем-то должны торговать, а товарами являются любые произведенные или добытые предметы, финансовые ресурсы, услуги, знания, информация, идеи, изобретения, способности что-то делать, имя, торговая марка и т. д., т. е. все, что обладает для кого-то потребительской ценностью и не может быть взято бесплатно.

Субъекты рынка, вступая в отношения друг с другом, имеют конечной целью проведение сделки. Суть любой рыночной сделки в изменении права собственности по отношению к объекту, выступающему товаром. Продавец добровольно прекращает свое право собственности по отношению к товару, а покупатель приобретает это право за плату, которая является договорной ценой товара. Таким образом, при наличии у продавца желания продать товар, а у покупателя желания купить, цена товара является свободным параметром, через обсуждение которого и решится, состоится сделка или нет. Рассмотрим механизм формирования цены на рынке.

При сложившейся системе общественного разделения труда, рыночных отношений и денежного обращения, каждый покупатель владеет абстрактным мышлением настолько, что способен для себя определить наивысшую цену, которую он готов заплатить за интересующий его товар. У каждого потенциального покупателя свои потребности и своя экономическая ситуация, вынуждающая его покупать товар, поэтому соответственно у каждого будет и своя эта наивысшая цена. Построим функцию распределения покупательского спроса. По оси ординат (Y) будем откладывать цену товара, а по оси абсцисс (X) количество покупателей, готовых купить товар по этой цене. Эта функция покупательского спроса будет во всей области интересующих нас значений неотрицательной и не возрастающей, т. е. практически везде монотонно убывающей. По цене ноль, т. е. бесплатно, товар готовы взять все потенциальные покупатели, а по мере повышения цены часть их будет постепенно отпадать, пока при некоторой цене покупателей вообще не останется.

Если исходить из того, что все продавцы намерены распродать свой товар и при этом желают получить за него как можно больше, то цена может быть определена из функции распределения спроса. Значение функции $Y(X=$ количество товара) даст цену, установившуюся на товар по результатам торгов. Исходя из свойства монотонного убывания этой функции, получаем, что с увеличением количества предлагаемого на продажу товара, при неизменном спросе, рыночная цена на товар будет падать. При уменьшении количества предлагаемого товара, цена будет расти. Если теперь при неизменном предложении товара на него

уменьшился спрос, по сложившейся рыночной цене, то это эквивалентно возникновению избытка товара на рынке, т. е. должно приводить к снижению цены, а увеличение спроса, соответственно, к повышению цены. На этом свойстве рыночной цены – изменяться в зависимости от предложения и спроса на товар, возникают регулирующие свойства рынка, которые автоматически, без какого-то дополнительного вмешательства, позволяют сбалансировать практически все вопросы в экономике.

Рассмотрим несколько простейших примеров, чтобы почувствовать эти регулирующие свойства рынка. Пусть в каком-то районе неурожай сельскохозяйственного продукта. Нехватка продукта на рынке приведет к тому, что цена на него поднимется. Часть продавцов из соседних районов, где цены остались на прежнем уровне, желая дополнительно заработать, начнут продавать этот товар в районе с повышенной ценой, этим увеличат предложение, снизят цену до среднерыночного уровня и устранят при этом дефицит.

Пусть возникла потребность в специалистах какой-то профессии. Из-за их нехватки наниматели начнут переманивать их друг у друга более высокой зарплатой, т. е. нехватка товара приведет к повышению цены на него. В результате молодые люди, решающие какую выбрать профессию, более охотно будут обучаться именно этой. Соответственно их сюда устремится больше, предложение товара на рынке увеличится, и цена на него вернется до среднерыночной цены на рабочую силу соответствующего уровня квалификации. Рынок выравнивает цены и устраняет дефицит или избыток.

Пусть на предприятии за счет изобретения или лучшей организации труда удалось снизить себестоимость производства товара. Это предприятие получит больше прибыли, у него будут большие возможности для расширения, увеличения объема выпуска. Во-первых, из-за увеличения объема предложения товара цена на него пойдет вниз, во-вторых, более передовое предприятие будет получать большую прибыль, а более отсталые, имеющие прежнюю себестоимость производства начнут нести убытки. Рынок стимулирует тех, кто лучше работает, расширяя их доходы и укрепляя положение в экономике.

Пусть из-за изменения экономической ситуации появляется повышенный спрос на какой-то товар. При прежнем предложении цена на него начнет расти, увеличив прибыль при его производстве. Становится выгодно вкладывать деньги в расширение производства этого товара. Тот, кто опередит других в этой гонке получит большую прибыль, потому что по мере роста предложения, цена на товар, а вместе с ней и доходность от вложения денег, начнут возвращаться к своему прежнему равновесному состоянию. Итак, во-первых, рынок автоматически устраняет дефицит, во-вторых, выравнивает прибыль на единицу вложений в различных сферах деятельности, в-третьих, стимулирует наиболее грамотного и оперативного управленца, который умеет быстрее других перестраиваться, или предвидеть ситуацию. Такой руководитель будет получать большую прибыль, соответственно иметь большие возможности для расширения своего экономического влияния в обществе, наконец ему более охотно будут доверять свои средства кредиторы и инвесторы, во много раз усиливая этот эффект. Т. е. карьера руководителя обеспечивается его талантами через объективные механизмы, а неталантливый руководитель, неся убытки через те же рыночные механизмы будет терять свое влияние в экономике.

Качественный скачок в возможностях рыночного регулирования произошел после введения механизма акционирования. Прецеденты совместной собственности или долевого участия в бизнесе, естественно, были и раньше, но создание открытых акционерных обществ, когда владельцы паев в совместном бизнесе ничего не знают друг о друге и своими паями распоряжаются, ни с кем не согласовывая, открыл новые возможности рынка. Чувствительным элементом в этом процессе является цена акций. Каждый владелец акций покупает их с целью получения дохода, а доходность от любого вложения капитала, если отвлечься от возможного риска, посреднических услуг и прочих индивидуальных особенностей, как было показано выше, одна и та же для всего рынка. Таким образом, прибыль предприятия, которую выплачивают акционерам в виде дивидендов, приходящаяся на одну акцию, отнесенная к средней доходности любых акций на рынке и даст рыночную цену акции.

Экономическое состояние любого предприятия отслеживается очень многим людьми: директорами и сотрудниками предприятия, деловыми партнерами, акционерами, аналитиками, работающими на рынке и т. д. Каждый из них, почувствовав какую-то тенденцию или предвидя ситуацию, может отреагировать

путем покупки или продажи акций этого предприятия. Симптомы могут быть самого разного свойства: заключение выгодного большого контракта предприятием или наоборот потеря заказа, проблемы на рынке сырья или его удешевление, появление на рынке нового товара-конкурента, изношенное оборудование на предприятии, грозящее авариями, неудачное руководство или наоборот появление нового талантливого руководителя, политическая ситуация, погодные условия, виды на урожай, возможность забастовок и т. д., т. е. такой спектр вопросов, который один человек отследить просто не в состоянии. Тот, кто почувствовал надвигающееся изменение ситуации, исходя из своего интереса, отреагирует, создав дополнительный спрос или предложение на акции этого предприятия. А это повлечет за собой изменение их цены, которое увидят все заинтересованные лица и начнут уже более внимательно анализировать ситуацию, чтобы самим принять решение по покупке-продаже акций или срочному собрании акционеров для отчета директоров предприятия. В общем-то очевидно, что наиболее эффективно предприятие работает непосредственно под руководством хозяина. Доверять свои капиталы другому – всегда сопряжено с дополнительным риском. Это соответственно снижает возможность инвестиций. Открытые акционерные общества заметно устранили этот риск, тем, что предприятие оказывается под пристальным вниманием огромного числа людей, которые сразу же дадут другим знать, через цену акций, что ситуация меняется.

Поскольку цена акций изменяется, то на этих изменениях можно зарабатывать, если правильно их предугадывать, покупать акции, когда они дешевы и продавать, когда подорожают. Такая деятельность называется спекуляцией. Соответственно, спекулянт (*speculation* – рассуждение) это не ругательство, а вполне достойное занятие, т. е. аналитик. Если какие-то акции растут их надо покупать, как только начинают падать – избавляться от них. Главное – уметь отличить тенденцию изменения цены от случайного толчка, в этом и состоит искусство спекуляции. Между прочим, своими действиями спекулянт уменьшает колебания цен, стабилизируя их. Когда цены минимальны, он покупает акции, создавая дополнительный спрос и соответственно, повышая цену. Когда цены максимальны, он продает, увеличивая предложение, т. е. понижая цену. Спекулировать можно не только акциями, но и любым другим товаром, где возможны прогнозируемые колебания цен. И во всех случаях, пока действуют регулирующие свойства рынка, спекулянт выравнивает цены, уменьшая их колебания, т. е. стабилизирует рынок.

Рынок через свои механизмы регулирует и более сложные общественные процессы, в частности, распределение богатства в обществе. Каждому уровню капитала в обществе можно предложить набор различных видов деятельности, и этот набор, как правило, не очень велик. Представим, что в обществе в силу каких-то предыдущих процессов набралось слишком много людей с некоторым капиталом. Каждый из них организует бизнес, соответствующий этому уровню капитала в надежде получить доход. Но в результате предложение, которое создадут эти предприниматели на рынке будет превышать рыночный спрос (именно в этом смысле и предполагалось, что их слишком много). Цена на их товары и услуги упадет при оставшихся на прежнем уровне издержках, т. е. прибыль будет меньше, или даже вообще бизнес станет убыточным. В результате часть из них разорится, оказавшись на ином, меньшем, уровне капитала, а те которые выстояли и не закрылись постепенно вернуться к нормальному состоянию бизнеса, когда их прибыль будет соответствовать среднерыночной, поскольку предложение и спрос придут в состояние нормального баланса.

Аналогично решается и обратная задача. Пусть прибыль в некотором виде бизнеса выше среднерыночной. По рыночным нормам вполне естественно, чтобы в эту нишу устремились бы предприниматели. Но пусть богатство в обществе распределено так, что людей с капиталом, достаточным для организации этого бизнеса мало. Тогда в эту нишу устремится капиталист с меньшим капиталом, а недостающий капитал он должен будет получить в виде кредита в банке. Поскольку прибыль в этом бизнесе будет выше среднерыночной, то он будет именно брать кредит, а не привлекать инвестиции, достаточно легко рассчитается с кредитом после начала работы и превратится в капиталиста с более высоким уровнем капитала. Таким образом рынок оптимально распределяет богатство в обществе, соответствующее уровню развития техники, общему достатку общества, уровню культуры населения и т. д. В частности, по рыночным нормам более мелкий капитал дает большую прибыль на единицу вложений, чем крупный, поскольку более оперативен, и ближе к потребителю, т. е. он лучше реагирует на требования рынка, в нем меньше накладные расходы, отсутствуют громоздкие управляющие структуры, которые как правило, далеки от совершенства.

Список возможностей рынка по автоматическому регулированию можно продолжать и дальше, но приведенные примеры дают уже достаточное представление, чтобы подвести итог. Рынок – это гениальная идея Господа Бога по автоматическому регулированию экономических процессов в обществе. Во-первых, гениальность этого творения проявляется в том, что никто из людей, участвующих в рыночных процессах не думает об обществе, стране и т. д., каждый из них думает только о своем корыстном интересе, а это автоматически получается наиболее выгодно для общества. Во-вторых, рыночная система управления экономикой организована так, что в ней задействовано огромное количество людей, и интеллект каждого участвует в этом процессе управления. Биржа, т. е. место где идут торги, является тем учреждением, которое реально управляет всей экономикой. И она представляет из себя мощнейший компьютер, состоящий из отдельных «компьютеров», людей, играющих на бирже. При этом каждый такой «компьютер» решает свою задачу параллельно с другими, и это разбиение общей задачи управления экономикой на огромное число параллельных задач – достижение рынка.

Работоспособность рынка

Однако для нормальной работы рынка, чтобы не пропадали его регулирующие свойства, требуется ряд условий, которые подразумевались, но явно не были оговорены. Рассмотрим некоторые из них.

Только в самых простейших рыночных сделках возможно совмещение всех ее пунктов во времени и пространстве. В большинстве же случаев такое совмещение не возможно и не только по техническим причинам, а принципиально. К примеру, кредитование, это сделка, которая по своей сути обязательно растянута по времени. Получение кредита в один момент, а возврат – в другой. В связи с этим возникает вопрос, что заставляет одну из сторон выполнять невыгодную ей часть сделки после того, как выгодная для нее часть уже выполнена, скажем, возвращать кредит? По рыночным нормам есть всего один ответ: выгода. Стороны должны быть поставлены в такие условия, чтобы каждой из них было гораздо выгоднее честно выполнить весь договор полностью, чем уклониться от части невыгодных пунктов. Таким образом, необходимым условием для многих сделок становится дополнительный участник, который выступит гарантом, что сделка будет выполнена сторонами в полном объеме, в соответствии с договором. Аналогичная ситуация возникает, к примеру, в части обеспечения свобод для субъектов рынка. Что бы обеспечить максимальные свободы всем, их в частности, необходимо ограничить в части возможного воздействия на других. Такую функцию по поддержанию рынка берет на себя государство, тем что создает и обеспечивает правовое пространство с соответствующими законами, системой поддержания и гарантии законности, арбитража и судопроизводства, судебного исполнения. Без этого комплекса рынок принципиально не может существовать. Его отсутствие приведет, во-первых, к существенному сужению возможных рыночных отношений, а во-вторых, поскольку рынок создает спрос, то предложение все равно возникнет, и эту, изначально государственную нишу, заполнит криминал, со своими существенными особенностями работы.

Итак, правовое пространство с равенством субъектов перед законом, абсолютной властью закона и системой поддержания этой власти, это не праздное желание кого-либо, не забота о человеке или его правах, это неперемное условие для нормальной работы рынка, основа нормального экономического существования рыночного общества. Теперь немного обсудим требования к этому правовому и экономическому пространству, опять же исходя только лишь из необходимости нормальной работы рынка. С одной стороны, как мы уже установили, необходимо серьезное присутствие государства в рыночных отношениях, а с другой должен существовать определенный набор свобод, которые государство не только не должно ограничивать, а напротив, законодательно гарантировать. Во-первых, это свобода рыночной цены, во-вторых, свобода перемещений, получения и распространения рыночной информации, единство рыночного и правового пространства, в-третьих, это гарантии субъектам рынка в части всеобщего эквивалента ценности, денег. Набор условий, которые учитывают различные нюансы рыночных отношений в условиях конкретных, политических, исторических, географических и прочих реалий нашего мира, можно было бы продолжить. Но главное, что все так

называемые буржуазные свободы это не прихоть, не требование морали, а всего лишь необходимое условие для нормального функционирования рынка. Нормального – в смысле его автоматических регулирующих свойств.

Кроме названных выше существуют и иные препятствия для нормальной работы рынка. Эти препятствия возникают как чисто экономические, но основаны на тех или иных граничных условиях, которые могут приводить при их достижении к неидеальности рынка. Одним из них является монополия. Представим, что в некотором районе все продавцы определенного товара объединились в одно предприятие, монополию. Это предприятие подобрало момент так, что по чисто техническим причинам доставка этого товара из соседних районов стала невозможна, и выставило его на продажу по значительно завышенной цене. Если товар является предметом важной необходимости для потребителей, то функция распределения его спроса будет такой, что даже при значительном увеличении цены, спрос будет падать незначительно, т. е. даст продавцу большую прибыль. Монополист использует возникшую систему, когда регулирующие свойства рынка из-за каких-то граничных условий портятся, или даже сам специально портит их, и на этом получает сверхприбыль. В результате исчезает одно из регулирующих свойств рынка, корыстный интерес субъекта рынка становится не благотворным для общества, а вредным для него.

Другим характерным примером, приводившим к кризисам в буржуазных обществах прошлого века, будет ограниченность денежной массы. Представим, что в силу какой-то деловой потребности, а быть может специально задуманной игры на повышение, несколько крупных коммерческих банков страны начали придерживать наличные. Почувствовав тенденцию нехватки денег, которая начнет проявляться в различных аспектах повседневной жизни, население начнет делать то же, откладывать наличность в «чулок» на черный день. В очень многих экономических играх на бирже, для мелкого игрока лучшей стратегией бывает следовать за мощным лидером, делать то же, что и он. Приблизительно такая же схема стихийно будет складываться и здесь. А в результате, из обращения будет выведена значительная часть наличной денежной массы. Начнется ее нехватка. Для видов бизнеса, где приостановка дел сопряжена с огромными убытками, чтобы избежать этого управляющий будет в погоне за сбором оборотных средств идти на снижение цены своего товара, может быть будет вынужден что-то срочно по дешевке продавать, например акции своего предприятия, пытаться взять кредит под существенно более высокие проценты и т. д. В принципе для тех кто задумывал такую игру настало время передела собственности. Они могут начать извлекать законсервированные денежные средства и скупать то, что хотели, раздавать кредиты под завышенные проценты и т. д. Но поскольку в игру по накоплению денег включилось все население, то даже возвращение в оборот денежной массы крупных банков может не вернуть экономику в норму. Начнется то, что называлось кризисом перепроизводства, определенный экономический коллапс.

Аналогичных примеров можно привести много. Все они возникают, когда портятся те или иные регулирующие свойства рынка за счет отклонения его от идеальности. А неидеальность всегда возникает на тех или иных граничных условиях, которые могут быть самого различного свойства: географические, природно-климатические, сырьевые, финансовые, политические и т. д. Большую часть влияния этих граничных условий на рынок также можно устранить путем государственного регулирования. Этот процесс во всем мире в государствах с рыночной экономикой активно пошел в двадцатом веке в виде создания антимонопольного законодательства. Это развивающийся и очень сложный раздел права, поскольку в антимонопольном законодательстве нужно уметь уловить исключительно тонкую грань между необходимым ограничением свобод для рыночных субъектов, и одновременно эти ограничения не должны сильно портить рынок отсутствием свобод в других аспектах рынка. Т. е. плюсы от уменьшения свобод должны перевешивать возникающие минусы, а это требует исключительно тонкого анализа, в части степени ограничения тех или иных свобод. В частности по первому примеру такое ограничение рыночных свобод, устраняющее негативные последствия, достигается тем, что государство не регистрирует такое предприятие, когда в одно сливаются все, устраняя таким образом конкуренцию. А во втором случае, для устранения негативных последствий полезной становится небольшая инфляция, т. е. государственная печать небезопасных денег, чтобы они потихоньку обесценивались, что делает невыгодным их откладывание в чулок, и одновременно с этим, инфляция должна быть невелика, чтобы не портить другие аспекты рыночных отношений.

Налоги

С древности в процессе жизнедеятельности любого общества возникают определенные потери и затраты самого разного свойства помимо воли членов этого общества. Это могут быть стихийные бедствия, пожары, воровство и разбой, военное нападение соседей, конфликты между членами общества, заболевания, несчастные случаи и т. д. В принципе эти потери ложатся экономическим или иным бременем на все общество или часть его членов. В большинстве случаев оказывается экономически выгодно всем членам общества делать некие целевые отчисления, чтобы уменьшить риск от этих потерь. К примеру, для уменьшения воровства и разбоя имеет смысл создать специальную службу, полицию (городскую стражу). В результате затраты на ее содержание сторицей окупятся экономией на потерях от преступности. Затраты на постройку, поддержание и охрану городских стен сэкономят значительно большие возможные потери от налетов крупных банд разбойников или военных вторжений соседей. Затраты на создание противопожарной службы будут тоже гораздо меньше возможных потерь от предотвращенных или вовремя затушенных пожаров. Затраты на санитарные работы, вывоз мусора гораздо больше сэкономят на предотвращенных эпидемиях и т. д. Так возникает естественный механизм по сбору налогов. Члены общества сознательно идут на добровольные отчисления, уменьшая таким образом суммарные потери. Если все не планируемые экономические и прочие потери считать тоже частью обобщенных налогов на общество, то вводя налоги для целевого использования, общество пытается уменьшить итоговую сумму обобщенных налогов. Т. е. общественные налоги и повинности возникают и в значительной степени существуют в дальнейшем, как добровольный общественный инструмент минимизации обобщенных налогов. Беря на себя функцию по поддержанию рыночных отношений, государство тоже несет при этом определенные издержки, которые должны также покрываться за счет субъектов рынка, в виде налогов. Назначение и принцип формирования этих налогов тот же, что и прочих, обеспечение минимума обобщенных налогов в своей области.

Распоряжается налогами власть. Соответственно, выборы избирателями власти, которая в своей программе обещает использование собранных налогов, оптимально с точки зрения потребностей общества, это и есть система саморегуляции общества, настройка на минимум обобщенных налогов, причем и в таких областях, где формальная оценка в денежном выражении затруднена или невозможна вовсе. К примеру, сколько стоит потеря близких, здоровья, или смерть? Какая-то оценка здесь тоже конечно возможна, но она будет сугубо субъективной и кроме того, даже для одного и того же человека, переменной и зависящей от множества факторов. Механизм выборной власти позволяет системе перестраиваться в соответствии с изменяющимися условиями и изменяющейся общественной шкалой ценностей.

Таким образом, комплекс буржуазных демократических общественных норм: рынок, буржуазное право, демократическая выборная власть, независимые от власти средства массовой информации, это саморегулирующаяся общественная система, автоматически настраивающаяся на минимум обобщенных налогов. Если каким-то образом испортить этот саморегулирующийся комплекс, к примеру, исключить одну из степеней свободы всей системы, то способность к саморегуляции частично или полностью пропадет и обобщенные налоги возрастут, общественные потери станут больше. При чем эти потери, входящие в обобщенные налоги могут быть самого различного свойства: эпидемии, преступность, коррупция, неэффективное управление, бюрократия, военные потери и т. д. Если рассматривать вариант идеального рынка как норму, то получение кем-то монопольных сверх прибылей, это тоже своего рода обобщенный налог на общество.

Самое главное в рынке

Современные общества, в том числе и рыночные, в значительной степени утратили понимание того, о чем будет сказано ниже. Многие вопросы они решают, исходя из совершенно иных постулатов. Иногда это дает неплохое совпадение с истинной причиной, иногда не очень. Тот, кто понимает и правильно использует те, несложные истины, которые я сформулирую в этой

Прикладная философия filosoff.org
главе, будет иметь преимущество перед остальным миром, соответственно у него будет возможность развиваться чуть быстрее других, более осмысленно проводить преобразования. Для нашего общества, которое этими истинами никогда и не обладало, они сегодня особенно актуальны.

Главным действующим субъектом рыночной экономики является предприниматель. Регулирующие свойства рынка действуют только благодаря ему, его инициативе, энергии. А стимулирует эту энергию его корыстный интерес, получаемая прибыль.

В процессе предпринимательской деятельности возникают планируемые и случайные потери, приходится делать целевые отчисления в интересах всего общества. Для предпринимателя все эти расходы представляют некие обобщенные налоги, соответствующие уменьшающие его прибыль, его корыстный интерес, т. е. то, что стимулирует его энергию по реагированию на меняющуюся рыночную ситуацию. Если обобщенные налоги будут отбирать у предпринимателя всю прибыль, то регулирующие свойства рынка полностью пропадут.

Любое реагирование на изменение рыночной ситуации предпринимателем состоит, во-первых, из его работы, затрат времени, энергии, сил, нервных нагрузок, связанных с возможным риском, во-вторых, из сделанных затрат на перестройку своего бизнеса. Компенсацией всех этих затрат должна стать получаемая прибыль. Если ее не получается, то у предпринимателя и не будет стимула реагировать на меняющуюся рыночную ситуацию, не будет и регулирования экономики. Чем большая доля прибыли будет оставаться предпринимателю, тем лучше будут регулирующие свойства рынка, тем он будет идеальнее, тем быстрее предприниматель будет реагировать на самые минимальные изменения рыночной ситуации.

Основная цель организации рыночного общества – оставить предпринимателю, т. е. тому кто реагирует на изменение экономической ситуации, как можно большую долю прибыли. Именно это делает рынок работоспособным, т. е. автоматически регулирующим экономику общества. Вся организация рыночных обществ состоит в умении минимизировать обобщенные налоги, чтобы больше оставалось предпринимателю. Весь комплекс буржуазных норм и демократических свобод, уровня налогов, гражданское, уголовное, уголовно-процессуальное право и т. д. все это только элементы настроенные и самонастраивающиеся на то, чтобы сделать рынок как можно более идеальным, т. е. с минимальными обобщенными налогами на предпринимателя.

История и экономическая эффективность

Крайней альтернативой подобной организации общества будет иная, с полностью устраненными элементами саморегуляции. Во-первых, жесткая невыборная власть, во-вторых, отсутствие каких-то свобод и прав человека, в-третьих, жесткие фиксированные цены или даже пайковая распределительная система. Варианты такой системы опробовались в двадцатом веке в России, Китае и еще ряде социалистических государств Востока. В принципе такая тоталитарная система тоже ориентирована на минимизацию потерь, т. е. обобщенных налогов, но в условиях войны, а не мирной жизни. Во время войны, когда потери идут на уровне множества человеческих жизней, разрушения и отбирания друг у друга целых экономических регионов и т. д. учет экономических интересов индивидуума не оправдан. Чтобы система эффективно работала интерес индивидуума должен быть на уровне его физического выживания, т. е. жесткий диктат системы с ответственностью индивидуума по законам военного времени, чуть что не так – трибунал. Выборность власти это тоже слабость и элемент повышенного риска в случае войны. Работа карательных органов с явным перебором, это тоже экономически оправдано. Грубо говоря, арифметика такая. Если эффективно работающий шпион может нанести военный ущерб в размере десяти тысяч человек, то с точки зрения системы оправдано на всякий случай убрать (отправить в лагерь) сотню подозреваемых, в которую этот шпион наверняка входит, и так спасти десять тысяч. При более или менее равном техническом уровне и обеспечении ресурсами, у демократической системы в принципе нет шансов при военном столкновении с тоталитарной, и наоборот, у тоталитарной нет ни малейших шансов в длительном мирном экономическом соревновании с демократической. Каждая из них ориентирована на наибольшую эффективность, т. е. минимальные потери, в области деятельности, для

которой она предназначена. В истории бывали смешанные варианты, которые брали часть элементов от демократического общества, часть от тоталитарного. Соответственно, этот промежуточный вариант использовал свойства двух систем, но эффект получался частичный, поскольку не достигалась минимизация обобщенных налогов ни в случае войны ни в случае мира, но система становилась относительно конкурентоспособной с предельными вариантами. С учетом изложенного можно вновь вернуться к исторической теме.

Первоначально города-государства возникают стихийно, т. е. демократически на добровольной основе. Это соответствует демократическому обществу с минимизированными обобщенными налогами для мирного существования. Такой стихийный механизм формирования первой государственности естественен, и потому его работоспособность не вызывает сомнений. Для сравнения рассмотрим механизм возникновения государственности в результате прямого насилия, когда малая группа людей силой захватывает власть в малом сообществе, навязывая свою волю большинству силой оружия. Такой механизм к качеству основного предлагает нам традиционная история. В принципе он имеет право на существование, однако такое сообщество не будет устойчивым. Во-первых, оно оказывается не готово к войне, поскольку в нем будут очень сильные внутренние противоречия, которые не позволят в случае необходимости вооружить все население сообщества, да и отлучаться правящей верхушке для ведения войны на чужой территории тоже становится рискованно. Во-вторых, такое сообщество не готово и к мирному экономическому соревнованию с соседним сообществом, рассчитанным на мир. Обобщенные налоги в демократическом обществе будут меньше, т. е. себестоимость товаров ниже. Экономический спор насильственное общество проиграет мирному соседу сначала экономически, потом демографически, а в дальнейшем и технически. Таким образом, этот механизм возникновения государственности реально оказывается неработоспособным. Цивилизация, государственность стихийно могла возникать только на основе добровольности.

Экономических стимулов у первых городов для ухода от демократии нет, такая система наиболее рациональна для них. Особенности возникают у городов, расположенных в зоне обитания кочевников. При соизмеримой численности города и крупного рода для безопасности города возникает определенная угроза, что заставляет городское сообщество частично уходить от демократии. Сообщество перестраивается так, чтобы по возможности минимизировать потери и в случае военного столкновения. Рынок сохраняется, чтобы в экономическом соревновании (а оно постоянно идет через торговлю) остаться на плаву, но власть постепенно узурпируется князьями и начинает передаваться по наследству. Обобщенные налоги возрастают, абсолютная власть князя дороже. Такое полутоталитарное сообщество будет иметь тенденцию к экономическому отставанию от демократического, однако для возникновения реального экономического разрыва, в технических условиях древности, нужны времена порядка смены нескольких поколений. За меньшие времена оно успеет организовать для войны, создать армию и военным путем подчинить себе демократические сообщества, обложив их данью.

В результате завоевания возникает общество, в котором власть держится на прямом насилии. Выше я утверждал, что подобная система оказывается неустойчивой для малых сообществ. Здесь тоже будет неустойчивость, однако картина несколько иная. Во-первых, такая система не будет экономически соревноваться с демократическими сообществами, поскольку их просто не осталось, их все покорили и обложили данью. Во-вторых, такая система гораздо лучше защищена и от бунта, который в малом сообществе организуется существенно проще, а здесь при том же соотношении угнетателей и угнетенных, но общей численности во много раз больше, угнетенным организовать становится существенно сложнее, в то время как угнетатели изначально хорошо организованы в военном отношении. Но все же элемент риска, связанный с бунтом присутствует. Поэтому через времена порядка смены нескольких поколений, угнетенные колонии организуются по образу и подобию угнетателей. Наместники угнетателей превращаются в местных королей, военно-технические и организационные элементы тоже полностью усваиваются, система частично перестраивается на режим минимизации обобщенных налогов в случае войны. Когда в метрополии возникает дезорганизуемая смута, случается бунт, который завершается победой колоний. Неустойчивость проявляется и приводит к развалу системы за времена жизни нескольких поколений. Это то эффективное время, которое потребовалось колониям для организации бунта. В малом сообществе, построенном на прямом насилии, это произошло бы гораздо быстрее.

Освободившись от власти монгольской империи государства Западной Европы по мере возможности начинают возвращаться к демократии, чтобы уменьшить обобщенные налоги. Местная королевская власть и система организации общества, которая в значительной степени была ориентирована на уменьшение обобщенных налогов в случае войны, перестают быть нужными. Общества возвращаются к демократическому устройству, минимизирующему обобщенные налоги в условиях мирного существования.

Если в Западной Европе, после военной победы в борьбе с империей произошла консолидация местных этносов и все общества нацелились на мирное существование, что в конечном итоге и привело к ненужности надстройки в виде монархий, то в России возникает несколько иная система. Приход к власти династии Романовых наоборот разделяет общество на два враждебных этноса. Военизированная государственность в России становится потребностью не с целью войны с внешними противниками, хотя частично и с ними, если иметь в виду осколки России, оставшиеся в прежней традиции. Но главное, эта военизированная тоталитарная система управления становится необходимой для осуществления прямого насилия над враждебной частью общества внутри страны. Приблизительно в течение столетия дворянский этнос объединяется, противостояние частично устраняется, но с простолюдными оно сохраняется и дальше. Такой формы противостояния в виде официального рабства трудящейся массы не было нигде в мире. Это тоталитарная система с отсутствием в значительной степени рыночных отношений, наследственной монархией, отсутствием буржуазных свобод, и сверхвысокими налогами. Крепостное право это и форма взимания налогов и завышенная величина налогов одновременно.

В мировой истории в очередной раз возникла неустойчивая государственная система, основанная на прямом насилии меньшинства над трудящимся большинством. Такая система неустойчива в случае войны и неконкурентоспособна в мирном соревновании с демократическими государствами Западной Европы. Почему же существует Россия? Экономическое соревнование Западу она проигрывает, но за счет гораздо больших ресурсов: территории, населения, природных богатств, ей удается поддерживать соизмеримый военный и экономический потенциал с отдельными странами Западной Европы, каждая из которых гораздо меньше. Это спасает ее от судьбы более отсталых осколков империи, расположенных на Востоке. Кроме прочего Западные политики берегут династию Романовых, опасаясь в случае ее падения непредсказуемых политических катаклизмов мирового масштаба, и этот фактор в значительной степени довлеет над всей европейской политикой. Другой элемент неустойчивости это возможные народные бунты. И тут опять же сказывается колоссальный размер России. При том же соотношении угнетателей и угнетенных в малой стране вероятность победного бунта высока. Здесь же фактор огромной территории и численности приводит к тому, что масштабное восстание не удастся организовать, а отдельные очаги его давятся в зародыше хорошо организованной военной силой угнетателей. Т. е. колоссальный имперский размер России оказывает влияние на общественное устройство, позволяя создать более жесткие формы угнетения и соответственно, общественного противостояния.

Как романовская Россия в это время воюет? Собственная внутренняя неустойчивость в войне с Астраханью (Разин) – основной определяющий фактор. Поэтому она с огромным трудом и помощью Западной Европы побеждает в этой войне. Следующие войны Петра Первого с Турцией и Швецией. С Турцией поражение, а со Швецией решающая победа в Полтавском сражении, на которое Карл Двенадцатый, вероятно, из-за полной недооценки противника, пришел с измотанным, многократно уступающим по численности войском, без артиллерии и боеприпасов. Чтобы проиграть это сражение, Петр Первый должен был проявить чудеса изобретательности. Боеспособность русского войска пока еще оставляет желать лучшего из-за той же внутренней неустойчивости, но введение профессиональной, поставленной на полное государственное довольствие армии, частично устраняет этот фактор, тем, что солдаты хоть и набираются из угнетенного сословия, но оказываются полностью оторванными от него и его интересов. Именно по этой причине стрелецкое войско, которое по своей экономической организации всегда оказывалось в народной гуще, ни в коей мере не могло удовлетворить Петра Первого. Последующие войны России не имеют к политической системе существенного отношения. Они ведутся относительно малочисленной профессиональной армией, соответствующей европейскому уровню. Технически более отсталых к этому времени турок чаще побеждают, с Европейскими армиями такого явного превосходства нет. Определенное культурно-этническое противостояние солдат и офицеров в русской армии снижает ее боевые качества, однако это в значительной степени

Последняя победа Романовской России над технически равным противником – в наполеоновских войнах. Строго говоря, военной победы не было. Россия выстояла, не дала себя разгромить, так сказать разошлась в ничью, показала всей Европе, что есть сила способная противостоять Франции, а после этого Наполеон проиграл, оказавшись в одиночку против всей Европы. Хотя ничья с таким противником почетнее многих других побед. Далее начинается цепь поражений. В девятнадцатом веке фактически произошло объединение нации, из двух враждебных этносов сложился один, национальный, внутренние противоречия значительно спали. Нравственные качества русского солдата, способность к перенапряжению сил и самопожертвованию ради общего дела, как правило, выше чем у остальных, тем не менее сплошные поражения. Основная проблема в неадекватности системы организации общества, ее управленческого аппарата.

После отмены крепостного права, фактического создания единой нации, Россия подобно странам Запада пошла по пути мирного развития. Это означает, что для полного соответствия этой цели в стране должны были возникнуть рыночные отношения, демократические свободы, выборная власть, свобода слова, чиновничий аппарат, соответствующий этим реалиям и т. д. Это позволило бы стране минимизировать обобщенные налоги и за счет ряда преимуществ догнать и даже перегнать остальные государства. Однако минимизации налогов не происходит. Во-первых, сохраняется монархия с чиновничьим аппаратом, сложившимся в эпоху силового подавления трудящегося сословия. Эта система громоздка, неповоротлива, враждебна большинству населения страны, имеет явно завышенные полномочия, и даже речи не идет о том, чтобы ее удешевить. Т. е. официальные налоги остаются явно завышенными. Кроме прочего эта система управления обществом очень далека от совершенства и на этих ее несовершенствах: неповоротливости и бюрократичности, коррупции и воровстве, злоупотреблениях, полном отсутствии у большинства чиновников патриотизма возникают дополнительные обобщенные налоги в виде потерь. Система в результате оказывается неконкурентоспособной с государствами с оптимальными налогами для мирной экономики. Из-за этого же сохраняются элементы системы по взиманию сверх высоких налогов, вроде крестьянской общины, что тормозит развитие рынка, цензура, мощный, а значит дорогой, аппарат подавления, и т. д. Таким образом, основная проблема России этого периода в конечном счете – завышенные обобщенные налоги из-за неэффективной системы управления обществом, не настроенной на мирное существование.

В течение полвека складывается достаточно развитый рынок. Аграрная реформа разрушает крестьянскую общину, устраняя таким образом тормозящий рыночные отношения оставшийся механизм взимания сверхвысоких налогов. Под давлением Запада начинает меняться форма власти, создается орган представительной власти, Дума (России дали кредиты только после этого). Однако основная проблема, это чиновничий аппарат. К его перестройке можно приступить только после устранения монархии. Таким образом февральская революция это объективно прогрессивный шаг в этом процессе, который устранил неэффективную форму власти и позволял перейти к окончательной минимизации обобщенного налогообложения в России, рассчитанного на мирное существование. Для этого нужны были времена порядка смены одного поколения. История такого времени буржуазному правительству не отпустила.

Субъективные российские особенности этого периода, рассмотренные выше, дополнились рядом общемировых проблем. Первая из них, это монополизация экономики. К созданию антимонопольного законодательства буржуазные общества преступят позже, в основном после Великой депрессии и Второй Мировой войны, а в этот период, монополизация, кризисы перепроизводства и прочие экономические проблемы – общая болезнь рыночных обществ. Таким образом на экономику страны ложатся дополнительные обобщенные налоги монопольного происхождения. Военные расходы в Японскую войну 1905 года и Первую Мировую войну, тоже дополнительная нагрузка на общество. Но в России эта нагрузка усугубляется потерями от чиновничьего аппарата. Естественно, в любой стране этот аппарат всегда далек от совершенства, но Российский, по размаху злоупотреблений и неэффективности превосходил все остальные страны. В результате этот набор обобщенных налогов привел к тому, что значительная часть населения страны оказалась на грани физического выживания. Общество потеряло устойчивость.

Когда демократическое общество живущее по законам, минимизирующим обобщенные налоги в мирное время, втягивается в глобальную войну, требующую

от него полного напряжения сил, то чтобы выжить, оно обязано по возможности перестроиться на систему, минимизирующую обобщенные налоги в военное время. Этот набор требований к системе изложен выше. Первое требование это жесткая централизованная, предпочтительно военизированная власть, отменяющая все демократические свободы, т. е. диктатура. Второе требование, как факторов повышения устойчивости, это создание распределительной системы предметов первой необходимости: еды, одежды, жилья, топлива. На языке первой части книги, повышение нравственности общественной системы, которую реализовать опять же может только сильная власть. Это стало насущнейшей потребностью для Российского общества, потерявшего устойчивость во время Первой Мировой войны. Вероятно, Временное правительство обсуждало подобные шаги, но не решилось на это и не поддержало подобной инициативы генерала Корнилова. В результате к власти пришла сила, которая единственная в стране, еще задолго до этих событий была ориентирована на установление диктатуры.

Нерыночные государства

К военной диктатуре большевики стремились давно, с этого и начали свои шаги. Второй решительный шаг, это введение распределительной системы на продукты питания. Но для этого их надо было отобрать у производителя. Возможно, другие бы силы, приди они к власти, и пытались это сделать как-то более законно, продумали бы систему долговых обязательств и гарантий для тех, у кого отбирались продукты питания. Но большевики этого не умели, не понимали, что это нужно, и наконец, их долговым обязательствам вряд ли бы кто поверил. Самое естественное из таких обязательств, деньги, напечатанные Керенским, обесценивались очень быстро, т. е. прецедент обмана уже был, причем власти легитимной, а о чем тогда можно говорить с преступниками, захватившими власть незаконно, и вероятнее всего, ненадолго. Поэтому продразверстка была самым крутым и реально единственным решением. Любая бы власть, которая попыталась бы играть в законность и демократию, не устояла бы на той грани, до которой было доведено общество. И так большевики довели нравственность системы до предела. Но этим шагом, они довели обобщенные налоги на производителя до максимума, полностью уничтожили его интерес что-либо производить. Через два года страна оказалась на грани голодной смерти. Чтобы выжить пришлось вернуться к рынку хотя бы по продуктам питания и товарам ширпотреба.

После закрепления у власти, и нескольких лет экономической передышки, за которые рынок сам восстановил порушенное хозяйство, коммунисты переводят страну в режим мобилизационной экономики, нацеленной на войну. В отличие от полутоталитарных режимов прошлого, которые возникали больше по необходимости, здесь впервые в мировой истории осознанно строилось общество предназначенное только для войны. Можно дискутировать на тему, кто начал Вторую Мировую войну, кто начал первым между собой, СССР или Германия, но очевидно, что экономика СССР не была приспособлена к мирному соревнованию с рыночными государствами. Система была нацелена на минимальные обобщенные налоги в случае войны, а не мирной жизни. Можно конечно предполагать, что это было сделано, чтобы защищаться от внешней угрозы. Но какому рыночному государству, рассчитанному на мирную жизнь, придет на ум воевать с вооруженным до зубов противником, при том неспособным выстоять в мирном соревновании. Самое естественное для мирных рыночных государств, это создать систему военного сдерживания, не позволяющего развязать войну, и предоставить такого монстра самому себе, пока он не рухнет в мирной жизни под тяжестью своих непомерно раздутых обобщенных налогов. Именно это и случилось за время порядка смены двух поколений, после Второй Мировой войны. Во время же войны такое милитаристское государство оживает, начинается подъем, несмотря на все военные потери и издержки, а мирная жизнь, особенно когда приходится соревноваться с рыночными государствами, его убивает.

В след за СССР в мире возникает еще группа милитаристских государств. Основная причина их появления в экономическом кризисе рыночной экономики тридцатых годов. В Германии это усугубилось к тому же результатами Первой Мировой войны, нагрузившим экономику страны дополнительными обобщенными налогами. Рынок при повышенных налогах становится неустойчив, стремится к коллапсу. Недовольство обездоленных готово сбросить слабую демократическую власть. Возникает естественная потребность в сильной власти, но она стоит

дороже. Даже частичный уход от рынка еще более увеличит обобщенные налоги, т. е. сделает страну и народ еще беднее. У Германии не осталось вариантов, кроме превращения в милитаристское государство, нацеленное на пересмотр итогов Первой мировой войны, что потребовало нового выбора: коммунисты или национал-социалисты. За национал-социализм проголосовали крупные промышленники, которых не устраивала коммунистическая национализация их собственности. Большие деньги решили спор в пользу национал социализма.

Причину победы СССР во Второй мировой войне в двух словах не сформулировать. Здесь сказался целый комплекс: фактор территории с возможностью партизанской войны в России, запас природных ресурсов, что Германия все же оказалась вынужденной воевать на два фронта, объективно существенно лучшая подготовленность СССР в военном отношении (к примеру, перед началом войны СССР имел многократное превосходство в танках и артиллерии, численности парашютно-десантных войск, реактивные минометы и т. д.), погодные условия и лучшая подготовленность СССР к холодам после финской кампании и т. д. Но с точки зрения рассматриваемой темы хотелось бы отметить следующую причину. Национал-социалисты все же гораздо бережнее относились к своим ресурсам, что есть признак общей рыночной культуры. Германия проиграла войну, т. е. потеряла все, но при этом ее людские потери все равно в несколько раз меньше, чем у СССР. Рынок, с его культурой бережливости ресурсов, в условиях войны на уничтожение, – элемент слабости. Коммунисты, когда речь шла о выживании всей системы, гораздо лучше мобилизовали людей на смерть ради системы, и вероятно в решающий момент это принесло перелом в ходе войны. А когда война затянулась, то уже сказались прочие факторы, территории, природных ресурсов, второго фронта и т. д. Т. е. не жалеть ресурсы, добиваться победы любой ценой, это умение в конечном итоге лучше минимизирует потери, потому что самая большая потеря это поражение в войне на уничтожение. Режим Сталина был более людоедским по отношению к своим, но это и значит, что он лучше ориентирован на глобальную войну, чем режим Гитлера, в котором еще частично сохранились рыночные, общечеловеческие ценности. Этот вывод имеет и второе численное подтверждение. Количество «ошибочно» репрессированных в СССР было неизмеримо больше, чем в нацистской Германии (обобщенные налоги мирного времени были выше). Советский Союз в сороковые годы – логический предел милитаристского государства. Национал социалистическая Германия до этого предела чуть не дотянула, сохранив рыночные элементы, т. е. чуть лучше подходила для мирной жизни, но чуть хуже для войны.

Типы государств

В заключение темы рынка и общественных систем, по разному минимизирующих обобщенные налоги, можно выделить четыре основных типа государств. Во-первых, это развитые рыночные государства. Государственная система ориентирована на обеспечение идеальности рынка, активно развивается антимонопольное законодательство, т. е. обобщенные налоги минимальны, репрессивный аппарат практически не нужен. Государства имеют положительный внешнеторговый баланс, т. е. богатеют, ввозят в основном сырье, а вывозят трудоемкие, наукоемкие и прочие высокотехнологичные продукты. Имеют достаточно устойчивый внутренний рынок и в основном ориентированы на него. Главным экономическим богатством этих государств являются развитые технологии. А основным элементом этих технологий являются люди, специалисты своего дела. Отсюда рыночное распределение доходов. Самое дорогое в процессе производства является, как правило, не оборудование, не его амортизация, не капитал, а труд специалиста. Соответственно, рыночное распределение богатства в обществе приводит к тому, что основу общества составляет так называемый средний класс. Такое общество социально устойчиво, поскольку средний класс удовлетворен существующим положением вещей, богатейшую часть общества такое положение тоже в принципе устраивает, беднейшая люмпенизированная прослойка, которая может быть недовольна, невелика и существенного социального значения не имеет.

Эти общества имеют армии, как правило небольшие, мобильные, современные, хорошо оснащенные. Отношение к войнам исключительно, как к экономическим предприятиям. Создание в определенных зонах благоприятных для себя экономических условий, защита своих экономических интересов, сдерживание тоталитарных военизированных государств. Естественно, ни о какой

порядочности в отношениях с другими государствами речь не идет. Армии наряду с экономическим давлением используются для обеспечения неравноправных торговых и прочих отношений с более слабыми государствами. По этой причине война с аналогичным противником практически исключена, поскольку экономически не оправдана. В военном отношении эти государства тоже относительно устойчивы, поскольку в глобальной войне основу их армии составит достаточно патриотичный средний класс, однако самой большой опасностью для себя полагают мощные милитаристские государства, которые отстают экономически, и в результате, чтобы не проиграть соревнование, ориентированы на войну. Не смотря на свою патриотичность, средний класс слишком благополучен и потому очень неохотно будет рисковать жизнью или просто терпеть лишения военного времени, которых не избежать в случае серьезной войны. Поэтому к войне без потерь, с экономически и технически более отсталым противником, население в основном относится положительно, но войны с потерями боится, как огня.

Второй тип – это экономически более отсталое рыночное государство. Оно имеет шансы догнать развитые, но есть набор объективных причин, препятствующих этому. Во-первых, внешняя торговля такого государства менее благоприятна, и внешнеторговый баланс, как правило, отрицательный, что приводит к обеднению всего государства. Во-вторых, основными вывозимыми продуктами являются такие, в которых вклад, дающий доход трудящейся массе, существенно меньше, чем в постиндустриальных обществах высокоразвитых рыночных государств. Т. е. средний класс этих государств в основном занят менее технологичным и интеллектуальным трудом, а потому его уровень жизни существенно ниже. Бедная прослойка тоже больше. А в результате такое общество оказывается менее устойчиво. В нем выше уровень преступности, как правило, имеются политические экстремистские течения левого или правого толка, рынок тоже менее устойчив, поскольку из-за бедности общества некоторые виды бизнеса, процветающие в благополучных обществах, здесь оказываются невыгодными. Для поддержания стабильности нужен более мощный правоохранительный и репрессивный аппарат.

Вообще, чиновничий аппарат из-за своей величины и общей бедности общества, оказывается более склонен к злоупотреблениям. Функции армии несколько иные, чем в развитых странах. Во-первых, это основной фактор урегулирования спорных политических и территориальных вопросов с аналогичными государствами, т. е. армия не дает такой же экономической отдачи, как у развитых государств, что также увеличивает обобщенные налоги. Во-вторых, армия в значительной степени становится ориентирована на сохранение политической стабильности в обществе. Т. е. обобщенные налоги значительно выше, чем в развитых рыночных государствах. Поэтому преодолеть отставание от развитых стран без серьезной целенаправленной политики государства вообще невозможно.

Третий тип государства получается, как правило, из слаборазвитого рыночного, когда дела становятся совсем плохи. Экономические проблемы, обнищание среднего класса, злоупотребления чиновничьего аппарата, усиление экстремизма приводят к политической нестабильности и необходимости установления военной диктатуры. Возникает милитаристское государство, решающее только задачу внутренней стабильности. Такое государство имеет обобщенные налоги такие же большие, как и милитаристское государство, нацеленное на внешнюю экспансию, однако из-за внутренней неустойчивости оно не готово поправить свои дела за счет агрессии. Поэтому у такого государства в принципе нет возможности догнать более развитые. Оно обречено на хроническое отставание, увеличение внешнего долга и военно-диктаторские режимы, которые, естественно, будут устанавливаться и поддерживаться внешним кредитором. Поскольку внешний кредитор совершенно не заинтересован в изменении этого состояния, то соответственно будут выбираться только диктаторы, сохраняющие экономическую зависимость от них.

И четвертый, последний тип государства, это милитаристское, нацеленное на войну с внешним противником, планирующее таким образом поправить свои внутренние проблемы или решить какие-то политические задачи. А внутренние проблемы непременно есть, поскольку обобщенные налоги в таком обществе выше, чем в мирных демократических государствах, да и к числу наиболее развитых государств такое общество тоже принадлежать не может, иначе бы ему наиболее выгодно было жить по мирным демократическим рыночным нормам.

Практически любое государство, за очень редким исключением, не принадлежит в чистом виде к определенному типу из перечисленных выше. Даже многие

государства, явно входящие в первую группу, содержат, хоть и в незначительной степени, элементы всех прочих. Преобладающий тип определяет экономику и политику, но историческое прошлое, традиции, культура накладывают дополнительный определенный отпечаток, в котором содержатся элементы, присущие другим типам государств. Государство переходного периода отличается тем, что в нем, как правило, нет одного преобладающего типа, почти в равной степени присутствуют, по крайней мере, два. Политическая система и регулирующие функции государства должны быть направлены на то, чтобы из этих типов постепенно начал преобладать тот, к которому общество сознательно стремится.

В 1917 году экономическая ситуация в России привела к объективной необходимости установления в стране государства третьего типа. Альтернативы не было. Легитимные власти оказались к этому неспособны, потому на себя эту функцию взяли большевики. Страна стабилизировалась политически, и даже сумела разобраться со многими внешними проблемами, т. е. в государственной системе проявился четвертый тип. Но одновременно с этим в России того периода присутствовали элементы и двух первых типов. Рыночная культура, традиции, умение населения работать в рыночных условиях, в чем-то экономическая отсталость и одновременно с этим во многих областях высокое техническое развитие. Безусловно, третий тип государства реально не соответствовал ни традициям, ни культуре, ни экономическому состоянию России того периода. Потребность в нем была только, как временное явление на момент острейшего экономического кризиса, обостренного войной. Поэтому, как только политический кризис был преодолен, наметилась потребность в переходе к чему-то промежуточному между первым и вторым типом, т. е. рынку.

Объективную потребность общество может выражать различными способами. В некоторых случаях, это может быть бунт, в некоторых – рост преступности и иных незаконных действий. При очень сильной тоталитарной власти, наиболее естественная форма протеста на личностном законном уровне – перестать работать из-за отсутствия стимула. На примитивную работу, типа рытья окопов, власть в состоянии мобилизовать трудовую армию и приставить надсмотрщиков с оружием, для более сложной нужна и более серьезная система организации, и время на ее создание. Чтобы не умереть с голоду страна начала восстанавливать производство с учетом своих способностей, т. е. используя элементы государств первого и второго типа, которые были в ее культуре. После того, как экономический кризис был преодолен, опасность голодной смерти отступила, встал вопрос куда двигаться. Страна пребывала явно в переходном состоянии, когда в государственном устройстве присутствовали все четыре типа. Политическое руководство сознательно выбрало четвертый тип государства, агрессивного милитаристского, и начало целенаправленно уничтожать элементы двух первых, рыночных. Чтобы пресечь в зародыше общественный протест, пришлось сохранять элементы государства третьего типа, но очень скоро потребность в этом была ликвидирована. Советский Союз превратился в мощнейшее милитаристское государство мира.

Во время Первой Мировой войны Германия подошла почти к такому же кризису, как и Россия. Отсутствие в стране силы, аналогичной большевикам, в принципе отрицающей хоть какие-то общечеловеческие ценности, т. е. готовых на установление самой жесточайшей диктатуры, привело к тому, что революционеры не смогли удержаться у власти. По результатам войны Германия оказалась буржуазной демократической республикой. Безусловно в ее культуре присутствовали элементы государства первого типа, т. е. она была одним из самых передовых государств, но общий мировой экономический кризис рыночного хозяйства, усугубленный поражением в войне, загнал ее во второй тип с неустойчивым рынком. Безусловно в культуре, традиции, экономике, совсем недавней истории еще присутствовали элементы милитаристского государства (четвертого типа), поправляющего свои дела за счет войны. Третий тип тоже присутствовал после недавнего подавления левых и правых революций. Страна пребывала в неустойчивом переходном периоде, требовалось определиться.

Решение было принято из политических соображений с учетом униженного национального достоинства немецкой нации. У власти оказались националисты. Интернационалисты, т. е. признававшие политическое лидерство СССР в борьбе за мировое господство, проиграли. Страна начала целеустремленно переходить в четвертый, агрессивный милитаристский тип. Третий тип отпал после подавления всех противников национальной идеи, евреев и верхушки коммунистов. Рядовые коммунисты очень легко перешли в новую веру, реально не сильно отличающуюся от коммунистической. Внешние займы и доход от ограбления евреев на время оживил экономику. Когда эти средства иссякли,

началось планомерное подавление свободного рынка, чтобы освобождающиеся ресурсы направлять в милитаризованную часть экономики. На дальнейшие подготовительные шаги времени и возможности у Германии не осталось. Чтобы довести степень милитаризации до уровня СССР, т. е. в мирных условиях платить колоссальные обобщенные налоги, нужны были природные и людские ресурсы, как у России, но не у Германии. Исчерпав все свои внутренние и заемные ресурсы, Германия начала войну. Не сделай она этого, то рухнула бы в течение ближайших месяцев, поскольку для бедной ресурсами страны и такой уровень обобщенных налогов был непосилен.

Сегодня Россия тоже находится в неустойчивом переходном состоянии. В ее общественном устройстве присутствуют в заметной степени элементы всех типов государств, от первого до четвертого. Поэтому объективно до сих пор сохраняется теоретическая возможность для России попасть в любую из перечисленных групп, а вот какие тенденции сегодня преобладают, куда мы движемся, и как эти перспективы корректировать, рассмотрим далее.

Экономика СССР

Устранив частную собственность на средства производства, исключив стихию рынка и одновременно лишившись всех его регулирующих возможностей, коммунистическое общество возложило эти функции на чиновников, которые решали, что производить, в каких количествах, по какой цене продавать, сколько платить рабочим и служащим, какой должна быть денежная масса в государстве, какое, сколько и где строить жилье, сколько народу принимать в высшие учебные заведения, как кому одеваться, какие читать книги и какую музыку слушать и т. д., все это принималось через сложную систему согласований и доводилось до Советского общества в виде законов, указов, постановлений, ведомственных инструкций и прочих нормативных документов.

Отсутствие рыночных регулировок в Советском обществе неизбежно должно было привести к краху всей экономики, если не принять ряд специальных управленческих мер, так сказать, не «подставить подпорки». Во-первых, это экономические связи с внешним миром. Поскольку цены в СССР устанавливались не экономическими механизмами, а чиновником, то они обязаны были хотя бы иногда отличаться от мировых рыночных, которые имеют свойство колебаться в зависимости от множества рыночных факторов. Если рыночная цена на внешнем рынке чуть выше, то весь данный товар может уйти за рубеж, создав дефицит в стране. Настроились на определенные объемы поставок товара за границу, но там цена чуть качнулась вниз, и весь товар сгниет на складах. Т. е. играть по рыночным правилам только наполовину, когда все вокруг играет по ним всерьез, это значит разориться. В результате, чтобы предотвратить это пришлось ввести монополию внешней торговли, и страна практически выпала из мировой экономической рыночной интеграции.

Поскольку номенклатура и объемы производства в стране определялись не рынком, а чиновником, который, естественно, не в состоянии был столь же оперативно реагировать на изменение ситуации, то это неизбежно приводило к дефициту одних товаров и избытку других, что влекло за собой отдельный процесс распределения недостающего и избыточного. Одних денег оказывалось недостаточно, для регулирования этого вопроса приходилось вводить некое дополнительное приложение, называемый фондами, и распределение этих фондов шло опять же по воле чиновников. К дефицитным фондируемым позициям насильно в «нагрузку» давались неликвиды, т. е. те, которых был избыток.

Национализация всех предприятий, возникновение фактически единого хозяина для всех производств приводит к государственной монополии. Конкуренции нет. В условиях такого монополизма предприятия могли сколь угодно высоко поднимать цены на свою продукцию, для этого необходимо было только убедить вышестоящего чиновника в реальности этой цены. Рыночных механизмов регулирования нет, поэтому остается единственный относительно корректный способ – через величину затрат. Поэтому их становится выгодно завышать. А в величину затрат уже входит цена комплектующих, которую предыдущий монополист тоже поднял, на сколько сумел. Таким образом вся государственная экономика начинает работать по завышенным ценам, которые растут, как снежный ком, обеспечивая инфляцию. Но цены на товары ширпотреба и особенно продукты питания необходимо держать на одном уровне, хотя бы из

Прикладная философия filosoff.org

политических соображений. А это означает ограничение денежной массы на руках у населения. Т. е. помимо денег приходится вводить дополнительное приложение к ним, разрешающее выплачивать наличные деньги людям, это фонд зарплаты и штатное расписание предприятия, отдельно регулируемых чиновниками, что приводит к фактическому возникновению нескольких независимых валют в стране: безналичного рубля, для расчета между предприятиями, наличного, для населения, и фондов, которые становятся тоже своего рода валютой. Безналичный рубль достаточно быстро обесценивается, а наличный удерживают дополнительными подпорками. Но полностью его удержать невозможно, поскольку количество денежной массы, которое может находиться у населения определяет чиновник по данным статистики, о том сколько товаров ширпотреба произведено для населения. Но значительная часть этих товаров не пользуется спросом и гниет на складах, из-за низкого качества или раздутой цены (это не учитывая приписок, воровства, порчи и т. д.), а предназначенная для них денежная масса находится на руках у населения, и используется для покупки других товаров, которых не хватает. Поэтому в стране была скрытая инфляция. Цены почти не росли, а все мало-мальски нужное людям оказывалось дефицитом, и на руках у населения скапливались значительные суммы, которые не чем было отоварить. При этом развивалась спекуляция, способность добыть дефицит по чиновничьей (заниженной) цене и перепродать дороже по рыночной. Такая спекуляция уже отличается от рыночной, рассмотренной выше, и она совсем не благотворна для общества.

Специальные меры по ограничению денежной массы, находящейся на руках у населения, состояли в ограничении заработной платы, для всех слоев населения. Потому практически у всех зарплата отличалась слабо. Однако это соотношение не отражало фактического соотношения уровней жизни. Реально на них влияла возможность доступа к дефициту. Простые трудящиеся существенный отрезок своей жизни проводили в очередях за товарами среднего качества, а избранные имели доступ к товарам качеством заметно выше и по тем же стандартным ценам, или даже дешевле. Особую статью составляло бесплатное распределение материальных ценностей: квартиры, дачи, путевки в санатории и т. д. Естественно, этот дележ шел в зависимости от социального положения, особенно это касалось качества распределяемых ценностей. Что касалось высокопоставленных чиновников, то их официальная зарплата тоже была не столь уж высока, но зато им полагался штат прислуги, начиная от персонального автомобиля с шофером, ведомственные дачи с обслуживающим персоналом и т. д., т. е. льготы раздавались опять же не деньгами. Практически действовало узаконенное неравенство людей, начиная от поведения на шоссе и заканчивая ответственностью перед законом, указывая этим на определенное сходство с феодальной системой. Дефицитом, естественно, были не только нормальные товары ширпотреба, но и любые услуги нормального качества. Система имела значительный крен в сторону натурального хозяйства, когда рынок и общественное разделение труда отсутствует, и каждый вынужден больше полагаться на себя, чем надеяться на услуги сервиса. Это тоже указывает на определенное сходство с феодальной системой, но если в средневековые рыночные отношения были ограничены низким уровнем развития техники, то в СССР низким уровнем развития социальных отношений, когда рынок искусственно сдерживался.

Марксизм

В человеческой культуре и истории есть учение, которое по последствиям для мирового сообщества соизмеримо с мировыми религиями, а если говорить о новейшей истории, то, вероятно, превосходит их. Марксизм теоретически предсказывал неизбежность гибели буржуазного, другими словами рыночного, общества. И хотя исторический опыт последнего десятилетия демонстрирует кризис и фактический крах коммунистической идеологии, желательнее все же понять, какова доля истины в этой теории, поскольку объектом изучения было рыночное общество, и просто пренебрегать накопленным аналитическим и практическим опытом, даже и негативным, по крайней мере, непрактично.

Честно говоря, для меня эта тема полностью исчерпана более двадцати лет назад, когда я достаточно вдумчиво разобрался в марксизме. Это учение откровенно слабое, во многом непоследовательное, противоречивое, не выдерживающее добросовестной научной критики, и думаю, что у него не было ни малейших шансов остаться в человеческой культуре в виде философской

системы, если бы оно не было внедрено на значительной части планеты силой оружия. Однако сегодня в нашем посткоммунистическом обществе около четверти населения голосует за возврат идеалов марксизма-ленинизма, один из наиболее влиятельных сегодня и грамотных политиков, не принадлежащих к компартии, Е. М. Примаков, совершенно не стыдясь этого, называет себя марксистом, поэтому я вынужден хотя бы кратко восстановить в памяти некоторые из своих прежних критических рассуждений, чтобы по возможности разрушить связанный с марксизмом миф.

Буржуазное право развивается и формируется, в значительной степени исходя из нравственных буржуазных норм. Однако, когда ситуация потребовала, общество из соображений целесообразности оказалось готово перешагнуть через некоторые такие догмы. Это одно из доказательств того, что рыночное общество регулирует буржуазное право именно так чтобы минимизировать обобщенные налоги, а не исходя из каких-то догм. Антимонопольное законодательство пошло на ограничение буржуазных свобод, чтобы уменьшить обобщенные налоги монопольного свойства, и обеспечить устойчивость рынка. В частности таким же достижением можно считать прогрессивное налогообложение. С точки зрения буржуазных норм прошлого века это нарушение равенства, более того ударяющее по наиболее обеспеченным, которые являются хозяевами жизни, и тем не менее буржуазное право на это идет. Этот мир устроен так, что для нормального существования всемерно поощряется эгоизм, но для обеспечения устойчивости вводятся и ограничения на него, т. е. повышается нравственность, и общество эту оптимальную грань ищет в процессе своего развития.

Борцы с капиталистической эксплуатацией прошлого века даже и представить себе не могли, что буржуазное право дойдет до ограничения доходов наиболее богатых. Они стремились гораздо радикальнее повысить нравственность социальной системы, не понимая, что в этом мире за все приходится платить. Сегодня, с нашим историческим опытом мы знаем, что бездумное повышение нравственности в системе распределения, практически неизбежно приводит к страшной безнравственности в других аспектах человеческого бытия, кровавому насилию, жестокости, попранию всех общечеловеческих ценностей. Поэтому, во-первых, учение Маркса содержало в себе теоретическое обоснование и моральное оправдание негативных сторон революционного процесса, что вполне позволяет заклеить его позором с точки зрения морали, особенно сейчас, когда можно подвести итоги страшных результатов его деятельности. Во-вторых, в научном плане проще всего, не вникая в суть, навесить на марксизм ярлык устарелости, он же был верен в прошлом веке, и совершенно не годится для современного буржуазного общества.

Однако, не все в марксизме неверно, более того, кое-что из него вполне можно использовать, причем, как это ни странно, для анализа социалистического общества. Я проделал это, будучи студентом, когда государственная система все равно заставляла «учить» марксизм. По фактам критического осмысления марксизма и применения его аппарата к анализу советского общества я имел небольшое разбирательство с чекистами, которое закончилось ничем. Мне даже дали закончить институт, поскольку какого-то конструктива я не предлагал, агитации и пропаганды не вел, да и к этим изысканиям, на момент разбирательства, уже утратил полный интерес, для себя лично поставив на марксизме крест. Однако, при анализе современности, которая выросла из социалистического прошлого, придется использовать элементы этого моего «марксистского» анализа. Поэтому предлагаю коротко критически пройти по марксистскому учению, чтобы отсечь рациональную часть от некорректной. Причем в критическом анализе я намерен придерживаться только уровня знаний прошлого века, чтобы потом еще иметь возможность оценить причины, по которым это учение все же прижилось.

Ошибки марксистской философии

В марксизме есть вполне корректный в научном отношении раздел, об общественно-экономической формации, где вводятся два ключевых понятия, базиса и надстройки. В базис включают различные элементы, существенные для процесса производства. К надстройке относят все остальные социальные институты, не вошедшие в базис. Утверждается, что базис сам по себе устойчив, т. е. он сам себя должен воспроизводить в процессе

функционирования. Это значит, что со временем одних людей на производстве сменяют другие, но опыт и знания сохраняются и передаются, стареющая техника заменяется новой, но собственником ее остается тот же кто и был раньше, и отношения между людьми в процессе производства, т. е. способ дележа произведенного продукта сохраняется в прежнем виде. Элементы надстройки формируются на основе базиса и носят вторичный характер, т. е. являются функцией базиса. Я последнее утверждение делал бы несколько осторожнее, поскольку четкую грань между базисом и надстройкой провести едва ли удастся (буржуазное право это элемент базиса или надстройки?), да и влияние в природе редко бывает односторонним, но в целом такая модель с разумной степенью точности вполне корректна.

Марксизм, полагаясь на классическую историю утверждает, что бывают следующие формации: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. Для начала повнимательнее рассмотрим рабовладельческую формацию. Основным орудием труда в ней считался раб, и основная масса совокупного общественного продукта создавалась трудом рабов (если бы это было не так, то не было бы оснований называть эту формацию рабовладельческой). Соответственно, раб является частью базиса. А теперь вспомним откуда брались рабы согласно классической истории. Таких источников назывались три. Во-первых, войны, во-вторых, пиратство, и только в третьих, как самый малочисленный, дети рабов. Получается, что рабы в основном добывались на стороне, т. е. орудия труда не воспроизводились в пределах своего базиса, и стало быть рабовладение не является общественно-экономической формацией в рамках данных определений. Можно конечно возразить, что для марксизма эта ошибка не имеет существенного значения, он в основном посвящен переходу от капиталистической к коммунистической формации. Однако и здесь не все так гладко. Ниже я намерен относительно строго доказать, что то, что коммунисты называли коммунистической формацией, на самом деле было вариантом феодальной, а это уж ошибка посерьезнее, она касается основной темы марксизма.

Раз уж речь зашла о рабовладении, то на некоторое время отвлечемся от марксизма и вернемся просто к классической истории Римской империи. Во-первых, в этой империи большая часть совокупного продукта создавалась трудом рабов. При этом известно, что рабский труд весьма неэффективен. Чтобы прокормить всех римлян и еще наемную римскую армию, количество римских рабов должно было быть гораздо больше (вероятно в десятки раз) численности римлян и этой армии. Если бы рабам создали нормальные условия существования, чтобы они самовоспроизводились, то это уже было бы не рабовладение, а феодализм. Но утверждается, что это было именно рабовладение, рабы были дешевы, соответственно, их не берегли, дешевле было купить новых, которых в изобилии поставляла постоянно воюющая армия. Т. е. поток рабов в империю был выше возможного их естественного воспроизводства, по крайней мере, в разы, в противном случае цены бы так не отличались, и рабов бы выгодно было беречь, давать им самовоспроизводиться. Т. е. приток рабов в империю в течение двадцати лет (время смены одного поколения) в десятки, а то и сотни, раз превосходил численность римлян и их наемников. А ведь в такое рабство, когда человек обречен на очень скорую смерть от истощения и издевательства, охотно не идут, за свободу будут драться всерьез. Т. е. в бою будет погибать больше, чем попадать в рабство, по крайней мере, это касается мужчин. В результате создается впечатление, что вокруг империи были понастроены инкубаторы по выращиванию рабов. Иначе пришлось бы признать, что Рим вел войны с многими противниками с общей численностью населения в сотни, а то и тысячи, раз превосходящими численность римлян вместе с их наемной армией. Далее эту логику можно не продолжать. Она приводит к абсурду и с военной точки зрения, и с демографической, и экономической. И этот абсурд согласно классической истории длился не двадцать, не сорок лет, а более тысячи, т. е. установилось некое длительное равновесие. Т. е. чуть более углубленный анализ показывает, что рабовладельческая Римская империя, в том виде, как ее рисует классическая история, не имела права на существование. К этому же выводу выше мы уже приходили из других соображений. На этом завершим исторический экскурс и перейдем к основной теме марксизма.

Основополагающий экономико-философский труд К. Маркса «Капитал», и развитая там теория прибавочной стоимости, которая является краеугольным камнем в теории революционной перестройки мира. На первых, приблизительно тридцати, страницах «Капитала» К. Маркс с огромными сложностями вводит постулат, что товары обмениваются в соответствии с общественно необходимым количеством труда (неким средним, определяемым уровнем развития производительных сил на

Прикладная философия filosoff.org
рассматриваемый момент), затраченным на их изготовление. Далее путем логики и небольшого передергивания, состоящего в том, что под трудом он понимает только одну из его частей – процесс работы рабочего, участвующего в производстве, но исключая труд всех других его участников: инженера-разработчика, менеджера-рыночника, организатора производства, он делает вывод, что капиталист обкрадывает рабочего, присваивая себе так называемую прибавочную стоимость, которая создалась в процессе труда.

Если бы К. Маркс был последовательным грамотным философом, то такой вывод обязан был бы его, по крайней мере, насторожить. Он на основе капиталистического базиса создал надстроечный элемент, теорию, которая этот базис отвергает. Он попытался в рамках буржуазной морали, ее основного элемента, святой частной собственности, раскритиковать буржуазный способ производства, найти в нем вора, т. е. продемонстрировал непонимание «марксистского» понятия общественно экономической формации и соотношения в нем ролей базиса и надстройки. Те, кто не очень понимает марксистскую диалектику (а это весьма распространено, потому, что она, в конечном итоге, превратилась в способ прятать логические ошибки), могли бы возразить мне, что капиталистический способ производства должен сам готовить свое отрицание, и эта теория и является элементом такого отрицания. Я согласен, с тем, что капитализм может готовить теории, отрицающие его, но эти теории должны опираться на иные моральные постулаты, некапиталистического базиса, он же в качестве отправной точки для критики взял основную моральную норму рынка, право собственности. Получается, что либо надстройка не соответствует базису, либо в дальнейшей теории будут логические ошибки. Но философская непоследовательность, как я отмечал выше, это повод не для отрицания экономической теории, а только лишь для более критического, настороженного отношения к ней, к чему и перейдем далее. Мое отношение к этому вопросу уже высказано выше, я считаю понятие общественно-экономической формации с ее основными элементами относительно корректным, значит логическая ошибка дальше.

Постулат, о том, что товары обмениваются только по количеству вложенного в них труда неверен, и К. Маркс это отлично понимал. В своей работе «Критика Готской программы», где авторы программы пытались ввести эквивалентный марксистскому постулат, что источником всякого богатства является труд, К. Маркс раскритиковал, указывая, что источником богатства является не только труд, но и природа.

Чтобы сделать эквивалентность очевидной, построим цепочку логически эквивалентных утверждений. 1. Товары обмениваются по количеству вложенного в них труда (марксистская формула). 2. Мерой ценности товара является только вложенный в него труд. 3. Источником ценности товара является только вложенный в него труд. 4. Источником всякой ценности, которая предназначена для продажи или обмена, является только труд. 5. Источником любого богатства является труд (формула Готской программы, раскритикованная Марксом). Исходя из этого вся социальная философия К. Маркса может быть сведена к следующей логической формуле. Поскольку источником всякого богатства является труд, а в процессе своего функционирования капитал возрастает, следовательно он «ворует» труд рабочего, и эту несправедливость надо устранить.

Какой бы должна быть, например, цена на нефть, если бы верным оказался постулат К. Маркса? Он сам чувствовал шаткость своей теории в ее основах, и пытаясь спасти ее, в «Капитале» поверхностно тенденциозно рассмотрел вопрос формирования цены на золото. В цену золота он включил работу всех золотоискателей, в том числе и неудачников, которые его не нашли. Золотоискателей неудачников К. Маркс, видимо, считает за обворованных рабочих, поскольку их труд тоже вошел в насчитанную им (К. Марксом) стоимость золота, хотя видно невооруженным глазом, что они предприниматели, занимающиеся рискованным бизнесом. Другими словами К. Маркс непоследовательный философ, не желающий честно применять свои же теории, и хоть и претендующий на ученость, но реально представляющий собой образец очень низкой научной культуры.

Но может быть в его революционной теории что-то рациональное все же есть?

Добросовестный научный подход к этой проблеме, видимо, должен состоять в том, что опираясь на точные данные другой области знания, экономики, построить модель политэкономическую, честно оговорив сделанные допущения и приближения, чтобы потом пользоваться теорией в рамках введенных

Чтобы организовать производство необходимо закупить много разного товара: экономический расчет всего проекта (бизнес-план), проект или технологическую карту изготавливаемого товара, кредит в виде оборудования, несколько компонентов сырья и энергии, рабочую силу, денежный кредит для оплаты этих товаров. Любой из перечисленных элементов на рынке представлен в виде товара. Достать можно все, на что существует спрос, но за все надо платить рыночную цену. После того, как производство заработало, надо организовать сбыт своего товара по рыночной цене и рассчитаться с кредиторами. На рынке нет ничего фиксированного, цены на все возникают как результат баланса. По каждому виду товара равновесие устанавливается не мгновенно а за некоторое характерное время, при чем этих времен может быть несколько. Возьмем к примеру рабочую силу. Неквалифицированная рабочая сила может перетекать с одной скоростью. Переход же специалиста связан с переучиванием, получением навыков. А высококвалифицированный специалист готовится много лет в учебных заведениях и потом в процессе работы. То же самое с товарами. Дополнительное производство примитивного товара, в случае его нехватки на рынке, может быть организовано очень быстро, а сложный технологичный товар потребует большего времени для увеличения объема выпуска. Все предыдущие рассуждения шли в предположении неизменности функции спроса, но она также меняется со своими специфическими характерными временами. Поэтому умение спрогнозировать рыночную ситуацию наверное самый сложный элемент в предпринимательстве.

Теперь зададимся принципиальным с точки зрения марксизма вопросом, на каком этапе производства товара возникает прибыль, т. е. то ради чего вообще затевается деятельность. Если по К. Марксу, то это происходит в процессе работы наемного рабочего. Я, честно говоря, для такого утверждения ни вижу никаких оснований. Прибыль возникает благодаря оптимальному соотношению, согласованности во времени и пространстве всех компонентов, часть из которых была до труда рабочего, часть во время, часть позже. Купите сырье чуть дороже, заплатите за энергию чуть больше, продайте свой товар ниже рыночной цены, просрочьте срок реализации товара из-за неорганизованного сбыта, наймите рабочих, не умеющих работать, неграмотного инженера или управляющего вора, менеджера неправильно спрогнозовавшего рыночную ситуацию на все компоненты и готовую продукцию, организуйте бизнес в сфере, где и так избыток предложения, и достаточно одной из этих причин, чтобы производство стало убыточным. Но К. Маркс в силу своего подхода, абсолютизирующего труд рабочего, считает этот компонент в любом бизнесе основным, и все что остается у предпринимателя после оплаты рабочей силы, т. е. зарплаты рабочего, полагает украденным у рабочего. Вот на этом практическом выводе и покоится весь марксизм.

При каких условиях та модель, которую мы построили на основе рыночного механизма регулирования, перейдет в модель К. Маркса? При условиях, когда можно пренебречь ролью инженера, т. е. выпускается самый примитивный товар; когда можно пренебречь ролью менеджера-рыночника, т. е. все изменения на рынке, типа функции спроса, происходят гораздо медленнее, чем там устанавливается равновесие по любому параметру, в данном случае конкретно по перетеканию рабочей силы, чтобы за равный труд платили одинаково, т. е. предполагается самый примитивный неквалифицированный труд; когда в качестве сырья используются только некоторые виды его, которые не содержат вклада природы в его цену; в случае, когда не нужно никакого оборудования, или оно настолько примитивно, что лепится бесплатно из подручного материала и т. д. Другими словами модель К. Маркса построена для наиболее примитивных производств, свойственных раннему средневековью, да и то с некоторыми грубыми допущениями, не позволяющим обобщить эту модель на случай всех производств. Такая модель совершенно непригодна даже по отношению к капиталистическому производству восемнадцатого – девятнадцатого веков, не говоря о более позднем времени. И кроме того, и невооруженным глазом видно, что в таком примитивном производстве организатор действительно не нужен, его можно исключить. Вот на основании такой вульгарной модели К. Маркс и делает обобщение, предлагает вообще исключить из производства его организатора, хозяина. К чему это приводит в экономике, мы знаем лучше других, испытали на себе.

Итак, первое, что приходится признать неверным в марксизме, это обоснование того, что хозяин, организатор дела, не нужен, можно очень хорошо обойтись без него. Второе, это моральное обоснование того, что его можно ограбить, поскольку все это вроде как бы и не его, а наворовано у рабочих. Есть и

третий существенный элемент, который тоже больше представляется выдаванием желаемого за действительность, чем результатом аккуратного анализа. Это обоснование революционности рабочего класса, т. е. готовности решать спор преступными, экстремистскими методами. Из чего оно складывается?

Во-первых, из так называемой антагонистичности противоречий между рабочим и его нанимателем, по-марксистски – трудом и капиталом. Это противоречие носит приблизительно такой же характер, как между покупателем, пришедшим за покупкой, и продавцом, торгующим на рынке. Каждый заинтересован в совершении сделки, каждый хочет провести ее с выгодой для себя, но я совершенно не вижу оснований для того, чтобы одна из сторон прибегла к насильственным незаконным методам воздействия на другую сторону, хотя противоречия между ними будут существовать, пока они вступают в отношения, т. е. вечно. Следовательно, эти противоречия с полным основанием по-марксистски можно назвать антагонистическими. Во-вторых, это марксистский тезис о постоянном обнищании рабочего класса. Каких-то серьезных логических доводов в его пользу привести вообще невозможно, разве что сослаться на какие-то отрезки в истории, когда это действительно имело место. Таким образом, неверной в марксизме оказывается его квинтэссенция, теория неизбежности революционного преобразования мира. А среди некоторых предварительных результатов есть вполне корректные, которыми при случае даже можно будет воспользоваться.

Теория К. Маркса в серьезных научных кругах естественно не могла быть принята по указанным выше причинам, однако она прижилась в среде революционеров. Во-первых, она согласовывалась с их устремлениями, т. е. хорошо ложилась на подсознательные установки и потому воспринималась не достаточно критично. Во-вторых, вся эта среда состояла из людей малограмотных, в лучшем случае это были недоучившиеся студенты, выгнанные за неуспеваемость, или заочники, а в худшем рабочие, не имевшие и среднего образования. О научной культуре тут даже речь не могла идти, поэтому К. Маркс представлялся им гением. А в-третьих, этот контингент больше хотел действовать, достигать практического результата, пожинать плоды успеха, чем думать и работать.

Марксизм-ленинизм

Культурный и общеобразовательный уровень Ленина ниже, чем у К. Маркса. О его научном уровне я и не говорю. Он даже не в состоянии был понять, что такое рынок в плане саморегулирования в обществе. Заметив тенденцию к концентрации и монополизации капитала, он не сумел провести простейший анализ, позволяющий понять, насколько это разрушительно для экономики, и решил ускоренно провести эту концентрацию в масштабах всей страны, посчитав, что за этой тенденцией будущее. То, от чего весь капиталистический мир усиленно уходит путем создания антимонопольного законодательства для сохранения возможности саморегулирования, вождь мирового пролетариата, в силу полной экономической некомпетентности и общей низкой культуры, считал фактором повышения производительности труда.

Его философская социальная позиция, это вульгарный прагматизм. Весь научный философский ленинизм может быть сведен к простой формуле: смотри кому это выгодно. Если это выгодно ему, то все здорово, если нет, он начинал браниться. Поэтому большая часть его работ это злое брызганье слюной в адрес оппонентов. И это совсем не удивительно. Высшее образование у него заочное, юридическое, т. е. основной способ мышления догматический, с элементами игрового, в чем он как раз совершенно не преуспел. Особой склонности к анализу и самоанализу никогда не наблюдалось, зато потрясающе сильная воля маньяка-шизофреника, сумевшего всю свою жизнь посвятить одной цели и подчинять гипнабельных людей, увлекаая их за собой. Ленинская естественнонаучная философия тоже предельно проста, и является прямым продолжением его социальной философии. Это полное оголтелое отрицание всего, что лежит за пределами самых очевидных бесспорных экспериментальных данных. Т. е. сложные психические явления, магия, религия, а отсюда и нравственность, гуманизм и прочие общечеловеческие ценности по Ленину это поповщина и мракобесие. Т. е. ленинизм – это философия неграмотных, голодных, и потому злых, тех, у кого основная забота как прокормиться, кому по жизни не до философствования. Отсюда и уровень ленинской философии.

После победы большевиков, когда у них появилась возможность привлечь к работе над марксистско-ленинской философией действительно умных и грамотных людей, создалась реальная возможность спасти учение, сделать его жизнеспособным, сохранив при этом догмы. Однако после победы 1917 года марксизм-ленинизм поднимается в виде революционного знамени над головой и доступ к нему тщательно охраняется придворной околонаучной братией, опирающейся на государственный репрессивный аппарат. Поскольку это знамя являлось существенным элементом политики, то нормальная научная критика по отношению к нему была невозможна, по крайней мере опасна для жизни, и все штатные придворные должности, дающие доступ к этому знамени, распределены между революционерами – недоучками. Поэтому изначально слабое учение застывает в виде догмы, остающимся таким и по сей день.

И для простых людей, и правящей верхушки это догматическое учение превращается в критерий проверки «свой-чужой». Если говоришь «правильными» лозунгами и штампами, то ты свой, а если не скрываешь своего отрицательного или хотя бы критического отношения к учению, то ты явный враг народа. Таким образом Марксизм-ленинизм становится не просто учением, а превращается в принцип этнического деления на «свой-чужой». По этому принципу идет отбор, физически уничтожаются «неверные». Реально что-то делать в соответствии с этим учением было невозможно, а транслировать его лозунги и штампы становится атрибутом лояльности к системе, поэтому в государстве начинает работать двойной стандарт.

Марксизм ко всем религиям относился отрицательно, но без особой неприязни и агрессивности, просто, как многие научные системы своего времени к догматическим. Ленинизм же в своей неприязни переходит в неприкрытую ненависть. Причин для этого было много. Во-первых, гуманистические Христианские заповеди – преграда на пути революции и террора, во-вторых, религия такой элемент надстройки, который всегда заботится о стабилизации общества, и поддерживает практически любую власть, в третьих, это идеологический противник, который влияет на умы именно простого малограмотного народа и т. д. Поэтому марксизм-ленинизм всегда был в конфронтации со всеми религиозными системами, активно борясь с ними. Но любая религия содержит в себе существенный социальный элемент это морально-этические нормы. Отвергнув все религии, марксизм-ленинизм вынужден был нравственный вакуум заполнить своей системой, позаимствованной в Христианстве, которую называли Моральным кодексом строителя коммунизма.

Весь разобранный выше спектр свойств марксизма-ленинизма позволяет в социальном плане поставить его в один ряд с религиями. Господствующий принцип мышления – догматический. Подобно любой религии он включил в себя морально-этические нормы. Как и любая религия он стал важным критерием этнического деления по принципу «свой-чужой». Как и большинство религий мира он фанатично агрессивен по отношению к иным религиям. Каждая религия заботится о создании возможности для паствы отправлять свой культ. Коммунистическая религия в этом плане тоже ни чем не отличается, кроме более тоталитарного подхода. Вместо постройки молельных домов, она вынесла отправление своих культов на производство, куда заблаговременно загнала всех потенциальных прихожан, а надзирать за ними приставила производственные партийные организации. Коммунистическая религия вмешивалась во все, преобладала над экономикой, политикой, культурой, литературой и искусством, наукой, личной жизнью людей и т. д. После победы Октябрьской революции Россия фактически перестала быть светским и стала религиозным государством. Именно такой противник оказался не по зубам нацистской Германии. Высокая национал социалистическая нравственность столкнулась с еще более высокой нравственностью религиозного государства.

Однако у марксизма-ленинизма есть принципиальное отличие от религий. Основным элементом всех религий является духовность. В силу своего атеизма марксизм-ленинизм отверг эту сторону дела, признав таким образом свою бездуховность. Кроме этого атеизм не может дать в нравственном плане никаких иных ориентиров, кроме эгоизма, что привело в результате к двойному стандарту в коммунистическом обществе, «Христианские заповеди» для масс, и ничем не сдерживаемый эгоизм, жидовство для избранных. А это, в итоге, обеспечило очень короткую жизнь коммунистического этноса. Если ближайший его аналог, Ислам, в возрасте пятисот лет остается этнически действенной системой, то марксизм-ленинизм безнадежно состарился всего за семьдесят лет. Отсутствие для руководства страны нравственных, духовных, культурных и национальных ориентиров привело к чрезмерной концентрации жидов в правящем

Прикладная философия filosoff.org
сословье, и разрушению страны, начиная с инерционной этнической фазы (Брежнев), небывальными темпами, что во-первых, подорвало ее экономический потенциал, а во-вторых, полностью отвратило массы от господствующего учения и лживого руководства, с его двойной моралью.

Марксистская партия

Что такое ленинская партия нового типа известно из истории КПСС. Изначально она строилась, как централизованная партия с жесткой дисциплиной и сильным профессиональным ядром единомышленников и коллегиальным руководством в ЦК. Идеино она сложилась из марксизма и народничества и потому, в основном исповедовала жесткие экстремистские методы борьбы, не гнушаясь явных преступлений. Этим в основном и объясняется организационная структура партии. Она обязана была пребывать в эмиграции и подполье, потому как поставила себя вне закона, отбросив все моральные религиозные и гуманистические нормы. Т. е. ее организационная структура явилась непосредственным следствием исповедуемых методов работы, а отнюдь не гениальности Ленина.

Партия декларировала, что она выражает интересы рабочего класса. Наверно, делалось это достаточно искренне. Просто социал-демократы на основе своего учения (марксизма) «лучше» самих рабочих знали, что им бедолагам-рабочим нужно. Но слабое учение больше выдавало желаемое за действительность, чем отражало истинную суть. Поэтому рабочие не очень поддерживали социал-демократов. В самые лучшие времена до революции РСДРП насчитывала до двадцати тысяч человек. При этом большую часть составляли не большевики, а сторонники экономических методов борьбы. Основная масса нормальных людей не любит экстремистов, и тем более, мало кто из пролетариев желал становиться пушечным мясом для кучки фанатиков, а большевистский устав и программа именно это и предполагали. В результате партия большевиков изначально была и оставалась на протяжении всей своей дореволюционной истории партией заговорщиков, не пользующейся поддержкой в народе. Ее вожди видели это и любой ценой желали изменить положение, были готовы заключить союз с кем угодно, поддерживать кого угодно, лишь бы расширить социальную базу для своей партии. Они пытались войти в профсоюзы, поддерживали все виды местного национализма, метались между легальными формами борьбы и своими привычными, то участвовали в выборах в Думу, то бойкотировали их, шли на союз с любыми силами, в том числе и с немцами во время войны, продавая национальные интересы. Все безрезультатно. Социальной базой партии реально оставалась часть еврейского националистического движения, из которого она и выросла, кучка экстремистски настроенной жаждущей власти интеллигенции по большей части еврейской национальности, а в качестве исполнителей, небольшое число распропагандированных пролетариев и бандитов кавказских национальностей.

Но партия накопила опыт работы в экстремальных условиях. Подобралась компания вождей не отягощенных никакими моральными нормами и человеческими слабостями типа любви или жалости, готовых пойти на любую ложь, союз с кем угодно, любое преступление. Партия научилась защищаться и атаковать экстремистскими методами, физически уничтожать противников, выявлять и уничтожать колеблющихся, провокаторов и прочие «слабые звенья» внутри себя, т. е. самоочищаться и возрождаться по своему образу и подобию. Если бы история развивалась более монотонно, без глобальных потрясений и социальных катаклизмов, эта наука никогда бы не пригодилась, но...

Качественный переход произошел на четвертый год войны, после февральской революции. Измученные войной трудящиеся, уставшие от нищеты, лживых обещаний и призывов потерпеть до победного конца, постепенно притерпелись к смертям и силовым методам решения политических споров. Огромная масса людей, привыкшая решать проблемы с оружием в руках, раньше не переносившая экстремистов, сейчас стала относиться к ним более сдержанно и привычно. И в этих условиях достаточно было одного лозунга, причем именно лозунга, а не реальной программы, который поддерживался значительной частью населения: «Долой войну», чтобы партия заговорщиков начала получать массовую поддержку. За несколько месяцев ее численность выросла в шесть раз, и она сумела получить большинство в Советах Петрограда и Москвы. Это случилось на короткое мгновение, но это была партия действия, и она мгновенно

Прикладная философия filosoff.org
воспользовалась представившейся возможностью, захватила власть в стране. Состоявшиеся чуть позже выборы в Учредительное собрание, показали, что другой такой возможности большевикам уже никогда бы не представилось.

А после этого заработала практическая «наука побеждать». Привлечь как можно больше союзников, хотя бы на первый момент. Нашлось две «умные» партии, анархисты и левые эсеры. Глобальные популистские шаги в рамках всей страны: декреты о мире и земле, главное – удержать власть. Необходимо создать в стране хаос, развалить все государственные структуры и срочно создать свои, их заменяющие. В условиях всеобщего развала оправданы экстремистские методы создания новых структур и уничтожения конкурирующих. К таким экстремальным условиям партия большевиков оказалась подготовленной лучше других, а при наличии в ее руках власти, очень скоро оторвалась в этой гонке от всех возможных конкурентов. Постепенно в партию пошел народ пограмотнее и поумнее, потому, что теперь можно было не только стать пушечным мясом, но и ухватить привилегии от власти. Партия власти всегда способна иметь союзников, измеряемых процентами от населения страны.

После победы в гражданской войне, когда стало ясно, что большевики у власти достаточно надолго, их партия стала партией власти, проводящей четкую кадровую политику. Посты начальников любого ранга должны были занимать члены партии. Таким образом через некоторое время партия почти полностью поглотила чиновничий аппарат и имела некоторую поддержку в виде партийной прослойки в трудящейся массе. Чьи интересы она в этот период выражала? Крестьяне получили раскулачивание, насильственный сбор всех в колхозы, с последующим крепостным правом, плюс к этому налоги на личные доходы, превышающие налогооблагаемую базу. Рабочие в городе жили лучше. Однако доходы были тоже весьма скромны, жилищные условия в большинстве случаев плохие, и система труда близкая к крепостному праву. И только среда чиновников была относительно дифференцирована. Мелкие чиновники имели еще весьма незначительные привилегии перед трудящейся массой, на следующих ступенях эти привилегии возрастали, а наиболее высокопоставленные жили уже в совершенно иных условиях. Поэтому возникает первое впечатление, что коммунистическая партия выражала интересы высокопоставленного чиновничества. Точнее ответить на этот вопрос позволяет политэкономия.

Политэкономия

Большая часть цивилизованного мира не знает такой науки и хорошо обходится без нее. В тех же странах, где эта наука культивировалась, почему-то неважно обстоит дело и с экономикой, и с политикой. Является ли это случайным совпадением или закономерным следствием, разберем ниже, начав с некоторых аспектов политики.

Один из основных вопросов политики – борьба за власть. Декларируя те или иные политические цели, выдвигая программу, политик предлагает обществу своего рода товар, потенциальным покупателем которого является все население. Поэтому умение понять, что нужно людям и соответственно, создать продукт, пользующийся спросом, – естественное требование рынка, в данном случае политического. Соответственно, в политике вопрос анализа расклада сил и интересов в обществе возникает постоянно. При этом в принципе не удастся достигнуть высокой точности анализа. Слишком много случайных, сиюминутных факторов влияет на мнение даже одного человека по тому или иному спорному вопросу. Когда же речь идет о значительных массах людей, то включаются еще дополнительные, общественно-психологические факторы. Задача усложняется, и результат становится еще более непредсказуемым.

Однако, в обществе, как правило, все же удастся выделить достаточно большие группы, имеющие по ключевым для политики вопросам совпадающее мнение. Некий водораздел общественного мнения может проходить по проблемам национальным, расовым, территориально-географическим, профессиональным и т. д. Политэкономия в качестве ключевого раздела общественных интересов предлагает считать имущественный вопрос, конкретно, отношение к собственности на средства производства. Насколько такое деление правомочно?

Из всей теории марксизма, когда основные результаты специально подгонялись под желаемый итог, следовало, что такое разделение общества на

имущественные классы, с явно полярными политическими интересами, одно из самых лучших для буржуазного общества. Вероятно, это все же не совсем так. Во-первых, мы уже видели, что при определении интересов рабочего класса, марксизм больше ориентировался на свои революционные желания, чем реалии жизни, во-вторых, такое деление на классы изначально содержит в себе большую погрешность. К примеру, в рабочий класс, в соответствии с марксистским определением попадают инженер, врач и юрист, без собственной частной практики, научный работник, преподаватель и т. д. Другим элементом, сильно ухудшающим модель, является то, что марксизм предполагает определенное внутриклассовое единство интересов, целей и методов решения своих проблем. Но поскольку в единую группу попадают люмпен-пролетарий, рабочий без квалификации, квалифицированный рабочий, рабочий-мастер экстра класса, «способный подковать блоху», батрак, интеллигенты из предыдущего примера и т. д., то это единство становится более чем сомнительным.

При таком аналитическом делении общества существенен также вопрос, когда проводится эта оценка. Если речь идет о том, как люди проголосуют на выборах, или по какую сторону баррикад окажутся в случае гражданской войны, то результат будет один. На него в частности может очень серьезно влиять непосредственный подкуп или массивная информационная атака накануне такого возможного противостояния. А если речь идет о социальных тенденциях, проходящих за значительные времена, когда мнение отдельного человека ни чего всерьез не решает, никто им специально не занимается, то это будет более чистый результат, с меньшей погрешностью.

Однако, поскольку в этой области вообще точность оценок невелика, то марксистский способ аналитического разделения общества оказывается вполне приемлем, но только лишь для сильно поляризованных по уровню жизни обществ. Для Западной Европы это имело место в девятнадцатом веке, для России еще и начале двадцатого. Двадцатый век для развитых рыночных государств ознаменовался развитием новых технологий, возникновением антимонопольного законодательства, и как результат, оживлением рынка, мелкого и среднего бизнеса, общего подъема уровня жизни среднего класса. Марксистский классовый анализ, упрощенный по своей сути, стал неприемлем. Но он может давать неплохой результат для более бедных обществ, и лучше подходит к анализу социальных тенденций, чем к обществу противостоянию, поэтому вполне годится для анализа Советского общества, которое строилось в значительной степени под влиянием идеологии марксизма, было и остается весьма бедным, и в котором до последнего времени практически не было выраженного политического противостояния, поскольку рынок отсутствовал, в том числе и политический, вместе с рыночными попытками осознанно влиять на противостоящие стороны.

Согласно тому, что говорилось в коммунистических учебниках политэкономии социализма, в СССР было два дружественных класса, рабочих и крестьян, а также интеллигенция, называемая не классом, а прослойкой. Исходя из марксизма, это полнейшая чушь. В марксистской политэкономии главный вопрос – это отношение к собственности на средства производства. В СССР декларировалась общенародная собственность, иногда это понятие путалось с государственной, но к вопросу о собственности декларации не имеет прямого отношения. Юридически право собственности состоит, как минимум, из трех компонентов: владения, пользования, распоряжения. И для огромного завода, и для крохотного предприятия можно было выделить группу чиновников, включающую директора с его замами, плюс к этому нескольких вышестоящих чиновников, а также партийных функционеров, которые сообща осуществляли все три названные функции по отношению к рассматриваемому предприятию. Что такое «владение» в данном случае? Это управление охраной, пропускным режимом на территорию, защита от любого субъекта, пожелавшего оспаривать право собственности на этот объект. «Пользование» – это использование возможностей этого предприятия, распоряжение его продукцией, извлечение его функциональных возможностей и прибыли, назначение руководителей и их подотчетность. «Распоряжение» – это принятие решение о строительстве предприятия, реконструкции, закрытии, расширении или перепрофилировании, продаже его оборудования, списании оборудования и т. д. Все эти права находились в руках названных чиновников, либо делегировались их приказами нижестоящим.

Таким образом, строго по Марксу, в СССР господствующим классом, являвшимся собственником средств производства, был класс государственных чиновников. Система была запутанной тем, что каждый чиновник был назначаемым лицом, т. е. над ним было начальство, которое при желании могло его заменить, он

не мог передать свое право собственности по наследству и т. д. Но это как раз и подтверждает сказанное. Собственником средств производства являлся именно класс чиновников, а не отдельные лица этого класса. А право наследования этой привилегии, принадлежности к господствующему классу, хоть и не было формально узаконено, но выполнялось не менее строго через иные механизмы. Кроме господствующего класса был другой, лишенный средств производства, – трудящиеся. Он был гораздо многочисленнее и разнороднее, существенно различался по уровню жизни, условиям труда, образованию и культуре. Государство декларировало право собственности на средства производства для части трудящихся – колхозного крестьянства, но практически это не выполнялось. Права собственности в большей мере оставались у чиновников. Руководитель предприятия реально назначался райкомом партии, и отчитывался больше перед ним, чем перед общим собранием колхоза, а райком в большинстве случаев еще и указывал, что и когда сеять, как поступать с урожаем, какую его часть сдавать государству и по каким ценам и т. д. Таким образом только формальное владение оставалось за колхозниками, которое при государственной необходимости тоже легко нарушалось, а большая часть прав пользования и распоряжения оставалась за государственными чиновниками и партийными функционерами, которые, естественно, входили в класс госчиновников. Т. е. Советское общество было классовым, с двумя основными классами. Господствующим, был класс государственных чиновников, вторым был класс трудящихся. Правящая коммунистическая партия в СССР выражала интересы господствующего класса, ее функционеры сами были частью чиновничьего аппарата. Поскольку общество было бедно и политически не поляризовано, т. е. классовые противоречия скрыты от подавляющего большинства угнетенного класса, то эта модель неплохо отражает реальность и может быть использовано для анализа общественных тенденций.

Политический рынок

Товаром на политическом рынке является политический курс. Для потребления этого товара необходимо время. Поэтому, после того, как общество сделало свой выбор, оно на определенное или неопределенное время вынуждено довольствоваться сделанным приобретением, до следующей подобной «покупки». В тоталитарных обществах это время определяется временем существования политического режима или продолжительностью жизни диктатора, в демократических регламентировано законом. Общество заинтересовано в том, чтобы иметь возможность как можно чаще корректировать политический курс, во-первых, для того, чтобы реагировать на изменения ситуации, во-вторых, чтобы быстрее исправить ошибку в случае неудачного выбора, в-третьих, чтобы заставить того, кто пришел к власти больше думать о своих избирателях. Однако другой механизм не позволяет сделать это время слишком коротким. Во-первых, понятие политического курса предполагает его растянутость во времени, т. е. реализовать курс и оценить его адекватность можно только за какое-то время. Во-вторых, один человек, даже оказавшись на вершине политической структуры, как правило, ничего не в состоянии изменить в одиночку. Он приводит за собой команду, которая должна будет войти в руководство управленческой структуры общества, подчинить структуру продекларированным в избирательной программе целям и методам. В-третьих, такая смена политического руководства не очень дешевая операция.

Естественно, работа и содержание всего этого политического механизма обходится обществу недешево. Во-первых, затраты на выборные компании, во-вторых, содержание нескольких таких команд в обществе, в-третьих, потери за время межвластия, когда старая команда ушла, а новая еще не вошла в курс дел. Все это входит в обобщенные налоги. Спрашивается, за что рыночное общество, минимизирующее обобщенные налоги, согласно нести такую нагрузку, каких более крупных потерь избегает оно при помощи этого механизма?

Когда руководитель любого вида деятельности формирует свою команду, он решает ряд стандартных задач. Во-первых, заботится об устойчивости создаваемой системы, чтобы в команде не было потенциальных предателей, готовых продать интересы команды, и революционеров, желающих поменять руководителя, во-вторых, команда должна быть работоспособной с профессиональной и игровой точек зрения. Эти два требования взаимнопротиворечивы. Очень талантливый в профессиональном и игровом отношении сотрудник становится опасным конкурентом в плане возможного

переворота. И наоборот, туповатый и лично преданный, как правило, профессионально плох, практически бесполезен в плане разработки нестандартных игровых шагов, просчета возможных интриг противников и вообще является слабым звеном, которое могут использовать конкуренты. Однако, рынок, необходимость конкурировать с другими командами, вынуждает руководителя проходить по этой тонкой грани между двумя противоречивыми требованиями. Одновременно это и механизм отбора руководителей в плане интеллектуальной и профессиональной подготовки. Плохой по каким-то параметрам руководитель либо не создаст нормальной команды, выдающей качественный продукт для продажи, либо будет сменен более талантливым сотрудником.

Монополизм на политическом рынке, когда отсутствует конкуренция, приводит к исчезновению одной из тенденций при подборе сотрудников. Гораздо больший уклон в отборе делается на первую часть, внутрикомандной устойчивости, а вторая, в большинстве случаев, за малым исключением острой профессиональной необходимости, перестает кого-то интересовать. Поэтому в результате исчезает механизм рыночного отбора руководителя, формируется упрощенный механизм подбора сотрудников и создания различных структур. Личная преданность и угождение вышестоящему начальнику, при постоянной, но очень глубоко спрятанной готовности подсадить его. Подбор подчиненных только преданных, глупее себя, чтобы не переиграли в подходящий момент. Профессиональные качества не имеют существенного значения. Карьера делается на родственных связях, за счет преданности начальству, которое тащит «своих» людей за собой, и благодаря владению интригой, в худшем значении этого слова, когда существенным элементом ее становится предательство.

Характерным примером монополизированного политического рынка будет Советское общество, в котором страной на протяжении десятилетий, до своей физической смерти, управляли старые марзматики. Но это только вершина айсберга, проблема гораздо серьезнее. Хотя интрига в какой-то мере и стимулирует развитие хитрости и игрового интеллекта, однако в целом, такой усеченный механизм кадрового отбора в чиновничьих структурах с неизбежностью приводил к интеллектуальному и профессиональному «вырождению» всего класса чиновников Советского общества. Т. е. шло планомерное вырождение, деградация всей управленческой среды. Результаты этого больше проявлялись в партийных структурах, меньше в тех, где определенный профессионализм все же требовался.

Таким образом, умственная профессиональная и нравственная деградация всего класса советских чиновников, на протяжении времени активной жизни нескольких поколений, привела к острейшей нехватке просто средних нормальных кадров в этой среде, не говоря уж о талантливых людях. Неудивительно поэтому, что сегодня в политике, весь предоставляемый нам выбор лежит в диапазоне от плохих вариантов до очень плохих, и в интеллектуальном, и профессиональном, и нравственном отношении. И исключений нет, им просто не от куда взяться, поскольку в дополнение к хорошему лидеру, быть может случайно все же возникшему, нужна еще и соответствующая команда, а вероятность стечения обстоятельств, когда в этой среде появляется целая группа приличных людей уже вообще ничтожна. Последствия этого социально-этнического механизма мы будем пожинать еще, как минимум, лет тридцать, и в следствие его все это время будет сохраняться высокая вероятность полного распада России.

Класс чиновников

Россия это древний мировой центр самодержавия. Здесь изначально наиболее сильная по сравнению со всем остальным миром государственная власть, которая больше других вмешивается в жизнь человека, регламентирует ее. Петр Первый, позаимствовав организацию чиновничьей системы в Европе, из-за фактического раздела страны на два враждебных лагеря, дополнил ее необходимыми элементами подавления враждебного этноса, большей властью и жестокостью. Такой подход, при экстремальном состоянии государства, почти гражданской войны, оставлял исполнителям его воли неограниченные возможности. Созданная им чиновничья система просуществовала двести лет с незначительными изменениями, на протяжении почти всей своей истории сохраняя эти черты. Однако после того, как произошло объединение

дворянского этноса, необходимость в его подавлении отпала, и господствующий класс помещиков получил значительные права и свободы. Однако функция подавления трудящейся массы осталась, что и обеспечило сохранность чиновничьей системы в почти неизменном виде на многие годы. Поскольку класс помещиков обладал существенными привилегиями и был достаточно независим от чиновника, вопрос об улучшении чиновничьей машины очень остро не стоял. Человек же простого происхождения оказывался перед чиновником совершенно беззащитным, но на общем фоне эти отношения не играли решающей роли, поскольку практически всем производством в стране руководил помещик.

Ситуация начала меняться к середине девятнадцатого века по мере демократизации жизни, развития торговли и промышленного производства. С отменой крепостного права класс помещиков стал терять экономическую роль в жизни страны. Теперь возможности чиновника влиять на экономику возросли, поскольку новые экономические субъекты в большинстве своем были из простого сословия и не обладали дворянскими привилегиями. Кроме этого устаревшая громоздкая, неповоротливая государственная машина очень способствовала различным злоупотреблениям, особенно в условиях военных поставок. Назрела острая экономическая необходимость ее модернизации.

В этой связи февральская революция 1917 года была объективно прогрессивной революцией. К власти пришли промышленники, т. е. люди заинтересованные в улучшении государственной машины, которые непременно решили бы вопрос о ее удешевлении и как можно меньшем негативном влиянии на экономику. Октябрьская революция, с этой точки зрения, была предельно реакционным событием, поскольку вместо того, чтобы улучшать государственную машину и снижать ее бремя на экономику, восстановила централизованную чиновничью систему, значительно ухудшила ее, сделав более жестокой и бюрократической да к тому же малограмотной, и полностью подчинила ей всю экономику. Форма собственности в государстве и система управления обществом вернулась к уровню феодального общества начала восемнадцатого века.

Когда устанавливается диктатура с распределительной системой, естественно, рынок прекращается. В условиях военного времени все это оправдано, как вынужденная временная мера. Поэтому даже после захвата большевиками власти и установления военной диктатуры гражданская война была совсем не обязательна. Если бы они продекларировали временность этих мер, предложили бы систему долговых обязательств или других компенсаций тем, кого вынужденно экспроприировали, общество могло бы сохранить единство. Но это означало сохранение собственности в неизменном или почти неизменном виде и рыночных отношений, т. е. узаконенного неравенства, что противоречило марксизму, и потому вообще не рассматривалось коммунистическими вождями в качестве возможности. Они рвались к власти не для улучшения ситуации в России, а чтобы проводить в жизнь свои теории в мировом масштабе. Лапотная Россия с ее экономикой их мало интересовала, ей вообще была уготована судьба сгореть в качестве запала в мировой революции. Т. е. гражданская война явилась не следствием Октябрьской революции, большинству людей мало дела до того, кто там конкретно у власти, а следствием глобального передела собственности.

Изменение формы собственности на средства производства, которую провели большевики, оставили единственную возможность для управления экономикой, подчинить ее государственной чиновничьей машине. Запрет частной собственности определил классовый состав Советского общества, господствующий – класс чиновников, второй – класс трудящихся. Оба эти класса были сильно неоднородны и по своему составу и по фактическому положению в социальной иерархии. При чем ситуация менялась с течением времени. Предметом дальнейшего обсуждения будет система управления Советским обществом или положение внутри класса чиновников.

После победы большевиков в стране и руководстве идет несколько процессов. Во-первых, надежды коммунистических вождей на скорую мировую революцию несколько остыли, и часть из них, в частности Ленин, пришли к пониманию, что надо начинать заниматься Россией, ее экономикой. Последние годы жизни Ленина наверно были очень тяжелые, когда начал осознавать, какого уродливого монстра он создал. О раскаянии вряд ли могла идти речь, не тот тип, но понимание было, это видно из его последних работ. С подачи Ленина в стране был введен рынок, хотя это противоречило всем идеологическим установкам. Во-вторых, людоедский чекистский аппарат, развивший свой аппетит во время войны, постоянно требовал новых жертв, и надо было решать, что с ним делать.

В-третьих, начинался послевоенный период борьбы за власть в руководстве. Итог этих процессов известен. Сталин сумел подчинить себе репрессивный аппарат, разными способами убрал всех своих конкурентов, часть из которых по первоначальному рейтингу заметно его превосходили, полностью свернул рынок, и начал обустривать российскую жизнь административными методами, с самым непосредственным участием в этом процессе репрессивных органов, для чего даже увеличил их.

Причин, по которым победу в борьбе за власть одержал Сталин, можно назвать несколько. Во-первых, это неправильная оценка другими коммунистическими вождями перспектив мировой революции, почему более ценными считали для себя должности в интернациональных структурах, сказывалась очередная неправильная марксистская оценка революционности рабочего класса. Этой же ошибкой, в частности, можно объяснить поражение Тухачевского в Польской кампании. Во-вторых, при борьбе за власть в верхах, контроль над армией оказывался менее существенен в расстановке сил, чем контроль над партийным и чекистским аппаратом, особенно при условии, что сама армия еще с Гражданской войны очень жестко изнутри контролировалась особыми отделами.

В-третьих, при всем их невежестве, коммунистические вожди евреи, были творческими, талантливыми людьми, с теоретическим уклоном, неспособными тянуть нудный воз рутины, Сталин напротив, серый, безграмотный, без малейшей искры творческого таланта, не уклонялся от кропотливой работы, и одновременно с этим не рассматривался ими в качестве конкурента. Пост партийного секретаря не был престижным, чтобы за него шел спор, но как выяснилось позже, оказался ключевым при перестановке партийных и чекистских кадров для ползучего переворота. Очень может быть, что определенные опасения были. Но если Ленин, будучи все же натурой творческой, привыкшей к спорам, позволяя людям своего круга и уровня иметь собственное мнение, а также прощал инакомыслие ближайших друзей-сторонников из-за острой нехватки кадров, и ничто не указывало до поры до времени на изменение этой традиции, то Сталин, в принципе неспособный на честную дискуссию, решал вопросы по-иному, тем более, что такой острой нехватки кадров, после стабилизации власти, уже не было.

Завершив подавление политических конкурентов Сталина, нэпманов и раскулачивание крестьян, репрессивный аппарат остался без серьезной работы. В нем постоянно шла внутренняя борьба, но этого было явно недостаточно. Основным объектом пристального контроля оказываются все руководящие кадры страны самого разного уровня, другими словами весь чиновничий аппарат. У чекистов появляется и другая серьезная работа – организация дешевого рабского труда заключенных. Т. е. репрессивный аппарат становится существеннейшей частью производительных сил страны, обеспечивающий эффективную работу управленческих структур, и дающий рабочую силу для тяжелого физического труда. Позже Л. П. Берия сумеет организовать и творческий труд за колючей проволокой. Созданная таким образом экстремальная мобилизационная экономика позволили в кратчайшие сроки, хотя и со значительными потерями, организовать производство, дающее вал. Тяжелая промышленность, созданная в период правления Сталина, позволила стране по инерции просуществовать еще пятьдесят лет и не рухнуть, хотя система управления полностью потеряла эффективность.

В этот период в стране реально был один хозяин, практически император. Свое ближайшее окружение, он специально подобрал глупее себя, с явными пороками типа пьянства, которые поддерживал. Так он обезопасил себя от переворота и одновременно получил помощников, точных исполнителей своей воли, которым в значительной степени доверял. Вот эта предельно ограниченная элита в тот момент была хозяевами страны. Естественно, под ними была огромная чиновничья машина с делегированными ей полномочиями, но только в пределах выполнения воли элиты. Высокопоставленные чиновники из этой машины были нормально обеспечены, но практически не имели своей воли в принятии любого решения и тем более, не имели доли в дележе национального богатства, да и никогда не были уверены, что ночью за ними не придут.

Основная руководящая идея Сталина – мировое господство. Зачем ему это было нужно? Насколько я смог разобраться, у него была одна страсть, болезненное честолюбие, выросшее из детского комплекса неполноценности. Маниакальное стремление к власти это только средство для удовлетворения честолюбия. Во всем остальном он был аскет, по крайней мере, заставлял себя таковым быть во имя одной цели, т. е. проявлял колоссальную силу воли, свойственную, как

правило, не совсем психически нормальным. Этим же честолюбием на основе комплекса неполноценности объясняется и его мстительность. Были уничтожены все, кто когда-то был выше его по рейтингу в партии или был свидетелем того, как более талантливые своими действиями, хотя бы косвенно, указывали Сталину на его интеллектуальное место в их среде. Диагноз, паранойя, насколько мне известно, поставил ему Бехтерев, поплатившись за это жизнью.

После смерти Сталина следует последовательная серия демократизаций общества, связанная с борьбой за власть. Первый этап 1953 год, когда был нанесен удар по репрессивному аппарату, и весь народ, но больше всего это касалось чиновничества, вышли из под его повседневной опеки. Этот удар нанесли ближайшие сторонники Сталина, понимающие, что они будут первыми в предстоящей чистке. Сегодня всплывают мнения, что Берия был очень хороший организатор, он курировал фактически все оборонные отрасли промышленности, т. е. ракетные и ядерные, где мы сумели опередить весь мир. Что он, в отличие от прочих, как раз спас многих талантливых людей, дав им возможность хоть за колючей проволокой но работать на оборону страны. Я не вижу в этом заслуги или особого организационного таланта. В той обстановке Берия как раз было выгодно любого нужного человека, если он отказывался добровольно, объявить врагом народа и таким образом получить в полное свое распоряжение, чтобы тот не имел возможности думать ни о зарплате, ни аморальности создания оружия массового поражения. Другими словами, Берия для решения оборонных задач имел в своем распоряжении весь промышленный потенциал страны и весь интеллектуальный. А нужных людей «спасал», просто как нормальный хозяин бережет свои ресурсы. Честно говоря, у меня нет никаких данных, чтобы объективно оценить интеллектуальный уровень Берия, кроме двух косвенных, во-первых, что он был одним из ближайших людей окружения Сталина, т. е. обязан был быть глупее его самого, и во-вторых, что он, имея в своем распоряжении аппарат государственной безопасности, все же исхитрился проиграть интригу абсолютно тупой, бездарной компании.

Вторым важным результатом этого этапа демократизации было раскрепощение деревни, отмена налогов. Не думаю что товарищ Маленков, Каганович, Хрущев и другие хоть немного думали о простых людях, народ как был для верхних чиновников быдлом, так и остается им до сих пор. К примеру в 1954 году проводились испытания ядерного оружия на мирных жителях в Оренбургской области. Вероятнее всего, дальше удерживать деревню в состоянии крепостного права при ослабленном репрессивном аппарате было просто невозможно. Через несколько лет после этого стало ясно, что Сталин полностью разрушил село, изменив жизненный уклад и чрезмерно черпая из него ресурсы. Страна, которая раньше вывозила продовольствие, начала входить в полосу его нехватки.

Второй этап демократизации начался на Двадцатом съезде КПСС. Борясь со своими бывшими соратниками за власть, Н. С. Хрущев осудил массовые репрессии и тоталитарные методы управления. Опираясь на недовольство репрессированных и остальных чиновников, живших в страхе под этой системой, он повышал свой рейтинг в скоротечной съездовской схватке за власть. Теперь в соответствии с его декларацией, круг хозяев страны расширялся. Вместо десятка избранных теперь, с отменой репрессий, страха перед ними и расширением полномочий на местах, в него начинали входить с разной долей участия многие тысячи крупных чиновников страны, которые раньше, в лучшем случае, принимали участие во владении средствами производства, а сейчас получали доли в пользовании и распоряжении ими.

Но полагаю, что, разыгрывая интригу и решая в ее ходе свои тактические задачи, Хрущев сам не понял истинного социального значения своих действий, по крайней мере, последующие его шаги это показали, а также проявил глупость и некомпетентность практически во всем, включая интригу. Во-первых, он так и не спустил достаточно полномочий в нижние слои чиновничьей машины, обманув ожидания. Во-вторых, на каком-то этапе получив информацию о том, что слишком много народу кормится с подсобных хозяйств, а не работает на социалистическом производстве, урезал землю в личном пользовании, чем окончательно добил сельское хозяйство, и организовал в стране голод. Выступивших с демонстрациями рабочих, расстрелял и репрессировал в лучших ленинско-сталинских традициях, в очередной раз показав, что простые люди, для крупных советских чиновников, – мусор. В-третьих, наметившейся демократизацией и свободой слова настраивал против себя всех крупных чиновников, включая ближайшее окружение, которое, естественно, было в большей или меньшей степени причастно к сталинским репрессиям.

Таким образом, Хрущев исхитрился настроить против себя все слои населения, да и интриган он был более чем посредственный. К примеру, Сталин в свое время пришел к власти, по крайней мере внешне, абсолютно легитимно, он сделал себя преемником обожествленного после смерти Ленина. Его соратников он медленно переиграл, в частности, чтобы не нарушить легитимности, не расправился с Троцким, а выдворил его. Поэтому Сталин был законным хозяином, и при этом, все равно никогда не забывал заботиться о своей безопасности. Хрущев же нарушил легитимность, развенчав предшественника и снизив таким образом свою устойчивость на вершине, участвовал в разгроме руководства госбезопасности, настроил против себя армию, тем что провел сокращение и убрал, после того, как тот стал не нужен, Жукова, пользовавшегося огромным авторитетом, и тем не менее, в принципе не имея опоры ни в одном социальном слое, ни одном ведомстве, влияющем на расклад сил во внутренней борьбе, позволял себе легкомысленно относиться к возможному перевороту. Чудом было бы, если бы он сумел удержаться у власти. Хрущев успел запустить несколько механизмов, улучшающих положение в стране: массовое строительство жилья (хрущевки) и продажу природных богатств за рубеж, что подняло уровень жизни в стране, но воспользоваться этим уже не успел. Завершение второго этапа демократизации проходило под руководством Брежнева. Здесь абсолютно четко можно увидеть классовый подход в проводимых преобразованиях. Во-первых, было доделано то, что в свое время продекларировал, не сделал Хрущев, предоставлены необходимые свободы начальникам разного уровня на местах. Теперь действительными хозяевами страны стали чиновники до уровня руководителей предприятий и их замов включительно. Наметившаяся при Хрущеве демократизация некоторых сторон жизни общества постепенно отмерла, за политику почти не сажали, но прятали в дома умалишенных. Подсобные хозяйства не восстановили, но закупка продовольствия за рубежом за нефть и в долг устранила опасность голода, создав постоянно растущий долг и зависимость СССР от Запада. Максимально была реабилитирована деятельность Сталина, соответственно и всех еще здравствующих начальников, причастных к сталинским репрессиям.

На примере четырех сменявших друг друга руководителей страны видна строго монотонная динамика вырождения Советского чиновничества. На смену хоть и невежественному в научном плане, но относительно образованному и даже в чем-то талантливому человеку с огромной силой воли и целеустремленностью приходит малограмотный, во многом примитивный, но хитрый, трудоспособный и не менее целеустремленный. Второго сменяет третий, абсолютная посредственность, игравший при втором роль шута, во многом являвшийся таковым в действительности. Уже нет ни ума, ни талантов, ни хитрости, ни силы воли его предшественников, осталось еще небольшое желание что-то делать в стране, и некоторые подвиги удаются. Но на смену этому приходит четвертый, сытый самодовольный барин с ярко выраженными признаками слабоумия, не способный ни на что, ни во что не вникающий и ничего не желающий, кроме своих личных игрушек. Именно такой устраивает класс чиновников, не мешает им начать процесс разворовывания страны, который к концу правления Брежнева достигает катастрофических масштабов. Еще по инерции работают правоохранительные органы и государственная безопасность, созданные при Сталине, иногда давая по рукам слишком зарвавшимся, но все чаще их одергивают, поскольку в игре оказываются слишком высокие фигуры. Естественно, ни о каком перевороте речь не идет. Брежнев это национальный герой класса чиновников. В нем поддерживают жизнь столько, сколько позволяет медицинская наука, это идеал чиновничьей верховной власти, максимально делегировавшей им права в государственной или общенародной собственности.

Что мог в этих условиях сделать Андропов своими методами? Практически ничего. Чиновник сидящий на своем месте озабочен всего двумя проблемами: забраться выше или, по крайней мере, не упасть ниже, и как можно больше перекачать из собственности к которой он причастен, но не является единственным полноправным владельцем, в свою полноценную, личную собственность. Изменить правила игры Андропов не мог, это бы означало государственный переворот с переделом собственности и подавлением господствующего класса, а для этого не было ни социальной опоры, ни личной энергии и здоровья, ни понимания социальных процессов, идущих в стране. Рецидив сталинизма не мог пройти (ниже я докажу это), для этого не было подходящих кадров даже в его ведомстве. А любой половинчатый вариант мог дать только ничтожный временный успех, поскольку система была неустойчива. Она была неустойчива экономически, поскольку отсутствие реального хозяина делало производство совершенно неэффективным. Она была неустойчива социально. Трудящиеся не были довольны уравниловкой, прожиточным минимумом,

Прикладная философия filosoff.org
жизнью в очередях, дефицитом всего самого необходимого, палочной системой управления. Серьезных выступлений не было, поскольку никто не предлагал достойного конструктива, и система госбезопасности работала еще заметно лучше всего остального в стране. Но социально система была неустойчива и с точки зрения господствующего класса. Если сами чиновники, прошедшие воспитание в сталинско-хрущевский период были более чем удовлетворены, то их наследники совершенно не желали наследовать только хорошие возможности для делания чиновничьей карьеры, и потом провести всю жизнь в полусогнутом, не очень устойчивом, состоянии перед вышестоящим чиновником. Они желали быть настоящими полноценными хозяевами. Вся система требовала перемен.

Перестройка

В обществе глобальные перемены достигаются двумя способами, революционными, когда существенные общественные параметры, например собственность, меняются скачком, вопреки интересам относительно большей части общества, и эволюционным, путем постепенных реформ и преобразований, с возможным гашением недовольства и компенсациями обиженным. Первый путь влечет за собой гражданскую войну с морем крови, потом кровавые разборки в лагере победителей, а далее период диктатуры на время порядка жизни одного поколения, для всеобщего привыкания к новым условиям. Путь эволюции для всех психически нормальных людей предпочтительнее, но надо понять хотя бы простейшие общие принципы проведения реформ, чтобы не наломать дров.

При ремонте любого сложного агрегата прежде проводят диагностику, чтобы точно понять, что неисправно, затем, переходя непосредственно к ремонту, заботятся, чтобы он случайно не заработал или не покатился в процессе ремонта, т. е. его надо выключить и получше закрепить. Очень полезно бывает, снимая, разбирая или заменяя какой-то узел, четко представлять, как все хотя бы вернуть в исходное состояние. Ремонт желательно делать постепенно, один узел за другим, а не все сразу, и после ремонта очередного узла проверять, что получилось. Задача сразу значительно усложняется, если ремонт надо проводить на работающем агрегате, и ремонтируемая часть тоже находится в движении. Во-первых, в этом случае необходимо принять особые меры по технике безопасности, во-вторых, необходим очень четкий расчет, каких узлов и деталей, особенно движущихся, коснется разборка или переделка ремонтируемого, в-третьих, продумать систему поддержки и страховки, может быть принудительной фиксации этих узлов, особенно в случае возникновения аварийной ситуации. Эти простейшие принципы очевидны любому мало-мальски технически грамотному человеку. А теперь, понимая, что общество представляет из себя устройство неизмеримо более сложное, чем любой технический агрегат, и совсем остановить его функционирование невозможно даже в случае надвигающейся катастрофы, взглянем на действия реформатора М. С. Горбачева.

Что он хотел изменить, сам не знал. Что хотел получить в результате, тоже не знал. Какой рубеж и в каких вопросах нельзя было переходить ни в коем случае, не наметил. Сделал несколько сумбурных и бессмысленных с точки зрения дальнейшего пробных шагов, организовал «пьянству бой» и позволил пенсионерам дополнительно зарабатывать. Не получив положительного результата, но и ничего сильно не поломав на этих пробных шагах, ввел свободу слова, создал представительную власть, а также хоть и в усеченном виде разрешил частную собственность. Одновременно с этим безответственно отнесся к начинающимся националистическим выступлениям, чем фактически затормозил четвертый существенный общественный процесс. Каждый из этих четырех шагов достаточно серьезен, чтобы их все вводить одновременно, а если добавить к этому, что работоспособной модели общества у него не было, и он даже отдаленно не мог просчитать результаты по каждому из них, то по всем одновременно, тем более. Смоделируем то, что не смог или не захотел бывший руководитель государства. Внимание, естественно, в первую очередь, будем обращать на негативные следствия.

Начнем с частной собственности. Этим шагом были выбиты подпорки, поддерживающие нерыночную экономику. Негосударственное предприятие само решает какую часть своих доходов перекачивать из безналичных расчетов в наличные деньги. Заказчиками в большинстве случаев выступали государственные предприятия с ограниченным фондом зарплаты и сильно

раздутым оборотом безналичных денег, которые часто не знали куда девать. Так возник канал перекачки безналичных денег в наличные. Итог – инфляция, первоначально скрытая, но выражающаяся в том, что в дефицит попало абсолютно все, что представляло ценность и можно было надолго складировать. По продуктам питания это сахар. Естественно, что продельвать это в объемах, существенных для всей страны, могли только чиновники, в распоряжении которых были огромные безналичные суммы. Вторым механизмом обогащения избранных за счет всей страны было получение возможности выхода на внешний рынок. Возник канал связывающий наш внутренний рынок с ценами, установленными на нем чиновниками, и внешним с рыночными ценами. К нам хлынул поток ширпотреба и оргтехники, а от нас цветные металлы, продукция химкомбинатов, вооружение и т. д. За один оборот прибыль превышала многие сотни и даже тысячи процентов. Кто-то (как правило, дети крупных чиновников) получал сверхприбыль, которой могли бы позавидовать торговцы наркотиками, а возникала она за счет обескровливания тяжелой промышленности, и потери обороноспособности страны. Список можно бы продолжить, но и названного достаточно, чтобы понять как потрудился на свой класс Горбачев, позволив использовать чиновничье право «распоряжения» для «законного» перекачивания того, что официально числилось общенародным, в личные карманы.

«Национализм» считался негативным явлением в соответствии со штампами, перешедшими к нам из коммунистической идеологии, официально провозглашавшей своей позицией по национальному вопросу интернационализм. И чтобы безусловно придать национализму отрицательный оттенок, коммунистическая идеология, как обязательный атрибут, присоединяла к нему агрессивность к другим нациям и народам. Далее я буду использовать понятие национализма исключительно, как элемент общественного или личного сознания, в котором национальные особенности, интересы, культура, традиции и т. д. занимают важное место в шкале ценностей, без приписывания ему обязательной агрессивности по отношению к другим. Исходя из этого, никакого негативного смысла я в это понятие вкладывать не буду, считая национализм одним из достаточно широко распространенных сегодня принципов этнического деления на свой и чужой, наряду с прочими, как к примеру религия, государство, язык и т. д. Однако, с точки зрения рассматриваемых событий, нас скорее будут интересовать негативные проявления этого явления, сопутствующие ему.

Честно говоря, мне приходилось встречать людей, которые хаяли все свое национальное, но как правило, они были либо не совсем здоровыми психически, либо на поверку оказывались все же представителями другой национальности. Т. е. любовь к своей национальной культуре, истории, традициям, образу жизни, характерным национальным привычкам в большей или меньшей степени присуща всем людям. Даже если человеку не все национальное нравится, но он осознанно причисляет себя к своей нации, внутренне ощущая при этом некое единство с другими людьми своей нации, то может считаться националистом. Поскольку многие национальные особенности и привычки входят в сознание людей с раннего детства и закрепляются многолетним общественным гипнозом и самогипнозом, то отклонение от них у других народов может вызывать негативное восприятие, в том числе и подсознательное, неосознанное. Но в подавляющем большинстве случаев для зрелых людей это негативное отношение, если и есть, носит исключительно несущественный характер, и может быть поводом, максимум, для безобидных насмешек в отношении хороших знакомых, о которых известно, что они относятся к этому вопросу так же, но не более того. Сильное раздражение может вызывать любое негативное выступление, например грубая ругань, в адрес целой нации или исторические воспоминания о национальных конфликтах и победах одной из сторон, актах национального геноцида и т. д., но опять же, зрелые люди, особенно контактирующие с людьми других национальностей, это хорошо понимают и не позволяют себе, за исключением случаев эмоционального срыва, либо запланированной провокации.

И тем не менее конфликты на национальной почве являются исключительно распространенными. Причина в том, что национальные конфликты никогда не возникают стихийно, самопроизвольно, как чисто национальные. В основе их всегда лежат какие-то иные интересы, и стороны создающие конфликт, специально провоцируют и раздувают в нем национальный характер, чтобы либо привлечь таким образом больше конкретных союзников, либо сделать пламя конфликта незатухающим. Таким образом, если мы говорим о многонациональном государстве, каким был СССР, а сегодня Россия, то национальные конфликты являются симптомом того, что в обществе обострились какие-то иные противоречия, поляризовались какие-то интересы, и люди решают свои задачи на националистической волне. Набор возможных причин очевиден, и он

практически полностью задействован в рассматриваемых событиях: во-первых, это интерес местных властей получить большую долю в местных собственности и доходах, за счет уменьшения доли или полного исключения центра. Во-вторых, для чиновника в нормальной, стандартной ситуации его действия, доля в доходах, собственности и т. д. регламентированы вышестоящими. Нештатная ситуация, напротив, открывает широкие возможности для использования в своих интересах имеющихся в его распоряжении административных и силовых, начальнических возможностей, и ограничиваются возможности вышестоящих по контролю.

В-третьих, в конфликтах заинтересованы любые преступные элементы, поскольку в это время становятся не до них, и возможности для своих преступных деяний у них резко возрастают. Наконец, в-четвертых, в конфликтах могут быть заинтересованы третьи лица, либо желающие ослабить противоборствующие стороны, создать между ними экономические барьеры, либо поставщики вооружения и т. п.

В силу изложенного реально существует единственный способ погасить межнациональный конфликт – это сила. Конфликт силой должен быть приостановлен, а затем уже в зависимости от множества факторов следует стабилизация ситуации тем или иным методом. Наиболее гуманный и в интересах всех сторон – равноправный диалог, это оставляет большие шансы для сохранения мира в дальнейшем. Договориться можно всегда, потому, что природа конфликта всегда кроется в каких-то иных интересах, лежащих за пределами национального вопроса. Именно по этой причине стабилизация практически никогда не может наступить, если конфликт силой не погашен, а стороны сели за стол переговоров. Договаривающиеся стороны будут спекулировать национальными вопросами, преследуя совершенно иные цели, которые зачастую невозможно честно высказать, чтобы не лишиться поддержки своей национальной команды, участвующей в военном конфликте. Первый межнациональный конфликт в СССР этого периода – нагорный Карабах. Горбачев обязан был его потушить самым решительным образом, тем более, что правовая база для этого была, силы были. Сохраняя свой имидж гуманиста и поборника прав человека, он пустил все это на самотек, в результате продемонстрировал слабость власти и спровоцировал следующие националистические выступления. Основное назначение власти защищать, границы, завоевания, политическое и экономическое влияние, образ жизни, людей и т. д., т. е. все, что представляет ценность и принадлежит стране или ее гражданам. Поэтому власть может иметь многие другие недостатки, но в принципе не имеет право быть слабой и безвольной, это самое большое государственное преступление. В нескольких следующих конфликтах была применена сила. Горбачев откrestился от этого, свалив всю вину на исполнителей, таким образом продемонстрировал свою позицию невмешательства, ослабил силовые ведомства и лишился в будущем их поддержки. Власть в СССР действительно стала слабой.

Наверно, свобода слова сама по себе, это здорово. В СССР любой, самый дряной копировально-множительный аппарат был под пристальным наблюдением чекистов, в то время, как за границей такие автоматы могли стоять в залах ожидания на вокзалах. Копируй что хочешь, только деньги плати. Один уже этот симптом показывал, насколько неблагоприятно обстояли у нас дела. Свобода слова – это признак силы, уверенности, благополучия, и наоборот. Одно дело, было ввести ее в СССР, когда была сильная власть, сильный строй, отсутствовали реальные механизмы по внесению смуты, для того, чтобы иметь возможность в результате нормальной дискуссии выработать программу, и другое дело, когда в стране фактически с подачи руководителя государства начало складываться безвластие, одновременно возникли и не встретили отпора достаточно мощные силы: мафиозные, экономические (вместе с частной собственностью возникли и соответствующие интересы), националистические-сепаратистские и т. д. «Свобода слова» это кроме всего прочего еще и мощное оружие, и важно в чьих оно руках. Когда это свобода только для тех, кто взялся раскачивать наш общий корабль, в надежде заняться мародерством на тонущем корабле в момент крушения без капитана, уклоняющегося от своих обязанностей, то лучше, чтоб ее не было. Хотя, объективно, это то немногое полезное, что сделал Горбачев.

Организация в СССР относительно реальной, а не фиктивной, как прежде, представительной власти, в которой Горбачев позаботился о гарантированном большинстве, это больше отрицательный шаг, чем положительный. Собери он, действительно демократический орган, способный что-то решать, многое могло быть по-другому. А в результате получили неприятие его всем населением страны, тиражирование представительной власти по республикам в надежде

что-то решить на республиканском уровне, т. е. усилил центробежные тенденции в обществе, и мощную трибуну для тех, кто жаждал развала СССР, что быстро стало превращаться в реальность.

Михаил Сергеевич Горбачев лично мне по человечески симпатичен. Он не очень корыстен, по крайней мере для коммунистического чиновника, и практически не агрессивен (смотри мою шкалу в первой части). Но как бы любой из нас оценил хирурга, который во-первых, абсолютно не подготовлен профессионально, во-вторых, падает в обморок при виде крови, и не смотря на это, берется оперировать больного? Это профессиональная непригодность, более того преступная безответственность, влекущая неизмеримо тяжкие последствия. Насколько же прогнила советская чиновничья машина, если дала такой сбой, выпустила наверх относительно приличного человека, но не обладающего ни волей, ни смелостью. О безответственности и безграмотности я не говорю, это как раз естественно для всей выродившейся Советской чиновничьей среды. При этом его воли и решительности хватило на то, чтобы добраться до верха, запустить процессы перестройки, суметь добиться согласия на это от чиновничьей верхушки и из-за мягкотелости и нерешительности выпасть из государственной машины, когда стало понятно, что начались разрушительные процессы и надо срочно принимать решительные меры.

Я позволю себе одно, вроде бы и постороннее, предположение о механизме происшедшего, однако достаточно емко иллюстрирующее степень деградации коммунистической чиновничьей машины в случае его соответствия действительности. Полагаю, что всем происшедшим мы на девяносто девять процентов обязаны мадам Горбачевой. Мягкотелый, нерешительный муж, обладающий единственным достоинством как политик, умением говорить долго ни о чем и обо всем сразу, и в результате никогда не сказать внятно ни «да», ни «нет», толкаемый волей исключительно честолюбивой жены, оказывается на вершине чиновничьей пирамиды и в угоду ее честолюбию затевает эпохальные преобразования. Когда ситуация заходит в фазу, что женских мозгов и решительности уже явно не достаточно, они сообща выходят из игры, бросив страну в агонию, но сохранив лицо приличных людей. Вот Ельцин – закономерная пятая, считая от Ленина, фигура в ряду руководителей государства, на правление которых приходятся характерные эпохи. Здесь чиновничья машина отработала четко, без сбоя, в соответствии со своим уровнем развития и потребностями. После Брежнева, с Андроповым система чуть качнулась к сталинизму, затем с Черненко опять вернулась к брежневскому состоянию, с Горбачевым качнулась к либерализму, но затем отыграла назад к состоянию, которое требовало время. Переходный процесс в системе управления сопровождался небольшими колебаниями пока не вышел на оптимум, соответствующий ее истинному уровню.

Итоги перестройки

Решающий перелом, полный выход ситуации из под контроля Горбачева произошел на съезде депутатов РСФСР, когда председателем был избран Ельцин. Глубочайшим заблуждением было бы думать, что там был спор между коммунистами и демократами. Подавляющее большинство депутатов были членами КПСС, а демократов, которые понимали, что такое демократия хотя бы на уровне моего ликбеза, там вероятно не было вовсе. Шел принципиальный спор между старой партийной, чиновничьей номенклатурой, секретарями обкомов с их сторонниками с одной стороны, которых устраивало существующее положение вещей, и номенклатурой, стоящей на одну-две ступени ниже в чиновничьей иерархии, которые жаждали более теплого места под солнцем не завтра, когда освободятся вакансии, а сегодня за счет нового тура дележа богатств страны. Победу с незначительным преимуществом одержали последние. Почему? Да потому, что сторонники старой номенклатуры не очень решительно были настроены. После длительного ничейного результата, который не устраивал никого из депутатов, поскольку реально лишил власти весь представительный орган, часть из них пошла на компромисс и проголосовала за Ельцина, понимая, что в предстоящем дележе они тоже будут одними из первых. Фигура опального экс-секретаря обкома КПСС их вполне устраивала, во-первых, в силу классового подхода, от своего ждать больших неожиданностей, т. е. классового социального переворота, не приходилось, во-вторых, он своими предыдущими шагами (сначала просил прощения в КПСС, чтобы реабилитировали, потом демонстративно, когда это стало выгодно, выходил из нее) ясно дал

понять, что очень хочет власти и отработает на тех, кто ему эту власть даст, не считаясь с издержками.

После избрания Ельцина на съезде депутатов и позже, после всенародного избрания его президентом, в РСФСР сложилось двоевластие. Всесоюзная чиновничья машина продолжала действовать, она была сформирована и отлажена, более того, все реальные рычаги власти и финансовые потоки контролировались и управлялись этой машиной. Аналогичную Российскую машину еще предстояло создать при определенной нехватке на это средств, а затем оттеснить от кормушки Союзную. Намечалась долгая и упорная борьба. При мягкотелости и нерешительности Горбачева, не смотря на огромную фору, победа в ней вероятнее всего осталась бы за Ельциным, но процесс затянулся бы на годы. Ельцин активно включился в борьбу, разъезжая по России и ведя торг с местными властями. Известная его формула: «берите самостоятельности, сколько сможете», означала: переходите под мою юрисдикцию, я за ценой не постою. В борьбе за власть издержки его действительно не интересовали. Но любой местной власти, во-первых, рискованно было проявлять определенность, события могли повернуться по-разному, во-вторых, в личном плане самое выгодное было иметь над собой двоевластие, и каждую из властей мягко шантажировать переходом на сторону другой. Поэтому, думаю, что везде он получал уклончивые ответы типа: «Да конечно, я полностью за тебя, всей душой, полностью поддерживаю, но...», и это «но...» все реально оставляло по-старому. Поэтому насущнейшей задачей для Ельцина стало обрушить Союзную вертикаль власти, т. е. развалить СССР.

Союзниками в этом вопросе оказались Прибалтийские республики. Меня поразило с какой легкостью Ельцин сдал русских, живущих в Прибалтике, подписав соответствующие договоры. Издержки его действительно не интересовали. Если до этого он в значительной степени ассоциировался у меня с Брежневым, в общем то не вредным для страны человеком, разве, что семья – преступники, так это вполне естественно для всей выродившейся высшей Советской чиновничьей среды. То этот факт показал, что речь идет уже о другом качественном уровне, здесь можно было ожидать любого преступления против страны и ее народа ради личной выгоды, и дальнейшие события не заставили себя долго ждать. И это в общем то естественно. Расстояние между Ельциным и Брежневым как раз около двадцати пяти лет, т. е. Ельцин по возрасту принадлежит к следующему поколению, стало быть соответствует уже следующему этапу нравственного и интеллектуального вырождения чиновничьей элиты СССР.

Горбачев же в это время сделал важный для судьбы страны ход. Референдум о сохранении СССР. Его последующие шаги показали, что он абсолютно не понимал, что делал. Это был предварительный ход, который в зависимости от продолжения мог быть очень полезным, бессмысленным или, как оказалось в результате, вредной провокацией. Формальная бессмысленность этого шага очевидна. К примеру, какое собственно имело бы значение, что даже весь СССР высказался за сохранение целостности государства, если бы основная часть населения маленькой республики проголосовала бы за отделение, при наличии в Союзном законодательстве у республики такого права. Поэтому политическое значение этого шага могло быть только одно. Совершить логическое передергивание, опираясь на результаты референдума ввести в стране режим, который подавил бы нарастающие разрушительные процессы. В этом смысле ГКЧП был абсолютно закономерным продолжением общесоюзного референдума.

Но как показали дальнейшие действия, Горбачев совершенно не планировал решительных шагов, хотя это можно было спрогнозировать и так, просто исходя из его неспособности на это. И так, не планируя решительных шагов, а рассчитывая только на уговоры, но проводя референдум, Горбачев фактически делал бессмысленные сумбурные шаги в своем стиле, хотя в общем-то пока безобидные. Явной ошибки он не совершал, и противостояние с Ельциным обещало затянуться. Исход его неожиданно решила прогнившая чиновничья машина, ее руководящий контингент, неспособный просчитать даже элементарную тактику, не говоря о более сложных вещах. Поддавшись на провокационный результат Горбачевского референдума (зачем спрашивается Горбачев проводил его, если не собирался опираться на его результаты), она напряглась, пытаясь жестко взять под контроль ситуацию и сама рухнула от перенапряжения. Естественно, Ельцин сразу подобрал упавшую без борьбы к нему в руки власть.

Побочным эффектом этих событий явился развал СССР. Именно в результате его мы имеем и имеем сегодня множество дополнительных проблем: войны в Средней Азии и Закавказье, Приднестровье, развал армии, вынужденной уходить с

прежних мест дислокации, раздел армии и Черноморского флота, Чечня, сепаратизм в других бывших автономных республиках, терроризм, исламский фундаментализм, реально проникающий сегодня в Россию, НАТО, подступающее к границам, отсутствие собственного космодрома и т. д. Даже ситуация в Югославии вероятнее всего развивалась бы по другому сценарию, если бы сохранился, пусть в усеченном виде, СССР (СНГ). Я не говорю о том, какой вред нанесен этим развалом другим республикам бывшего СССР. Если у Прибалтийских республик определенный экономический резон в отделении был, поскольку уменьшение размеров и исключение над собой огромной чиновничьей Союзной машины позволяло гораздо быстрее и эффективнее проводить рыночные реформы, то раздел России, Украины, Белоруссии и Казахстана это противоестественный шаг во всех отношениях: экономическом, военно-политическом, историческом, культурном, демографическом и т. д.

Чтобы понять механизм происшедшего придется вернуться к вопросу о национализме. Сам национализм не требовал безусловного раздела СССР, потому, что большинству республик это было экономически невыгодно, и национального угнетения со стороны русских в СССР не было, но он всегда был существенным компонентом в местном раскладе политических сил. Разыгрывая националистическую карту, оппозиция могла, получив значительную поддержку населения, успешно бороться за власть, а спровоцировать националистическое выступление всегда не сложно, чуть-чуть лжи, тенденциозно подобранных фактов и т. д. Такую возможность, естественно, постоянно приходится учитывать действующей местной власти, и в условиях слабого центра начинать маневрировать, и столбить за собой право на националистические выступления, чтобы выбить возможный козырь из рук оппозиции. Такие процессы шли везде, но только в Прибалтике национализм разыгрывался всерьез для отделения. Но одно дело оставаться в составе СССР, эта позиция позволяет оставлять за собой право на умеренно националистические выступления, и другое дело подписывать новый договор. Здесь все козыри по использованию национализма автоматически переходят к оппозиции. Поэтому в Беловежскую пушу смогли явиться только представители республик, где национализм по отношению к русским не имел заметного значения в борьбе за власть. Даже Назарбаев, практически безальтернативная политическая фигура в местном раскладе сил, не мог себе этого позволить.

Итак, после предварительного анализа можно подвести итоги: подготовительную работу по развалу СССР провел в основном Горбачев, роль Ельцина здесь гораздо меньше, но завершающую точку, которая не диктовалась никакими иными условиями, поставил Ельцин после неудачного августовского путча 1991 года. Решающим шагом стала полная ликвидация Союзной вертикали власти, устранение с политической сцены президента СССР, и самое главное – запрет КПСС, последнего элемента цементирующего эту империю, связывающую воедино центр с местными национальными элитами и оппозициями. Выполняя социальный заказ сил, приведших его к власти, Ельцин убрал подальше от кормушки конкурентов, союзную номенклатуру. Запрещать КПСС в тот момент было величайшим преступлением против России. Необходимо было сохранить и КПСС, и Союзные органы власти, и президента М. С. Горбачева, как достаточно влиятельную политическую фигуру. Все реальные рычаги власти они потеряли после путча де-факто, этот процесс необходимо было только оформить де-юре. Конечно это потребовало бы определенной работы, но борьбы уже не было бы. При этом даже не обязательно было просчитывать последствия, а просто исходить из общего принципа, что всегда выгоднее из противника получить контролируемого зависимого союзника, чем добывать его.

Следующим преступным деянием вновь испеченной власти стала чиновничья приватизация. Пресловутый чубайсовский ваучер это только вершина айсберга. Он никогда не играл и не мог сыграть ошутимой роли в приватизации, которая реально шла по совершенно иным механизмам. Простейшим доказательством этого будет та реальная рыночная цена ваучера, по которой его можно было сдать перекупщикам. Она составляла пятнадцать-двадцать килограммов сливочного масла, т. е. была много меньше средней месячной зарплаты одного человека до перестройки. Рынок не делает праздных заявлений, а отражает истинное положение вещей. Верхушка чиновничьей машины присвоила себе то, что ранее номинально числилось общенародным, т. е. ограбила окончательно весь народ.

В процессе приватизации в чиновничьей среде произошло значительное расслоение по уровню приобретенного и обострение противоречий в ходе дележа. Одно из таких серьезных противоречий возникло между исполнительной властью, обладающей неизмеримо большими возможностями по части приватизации и законодательной, которая привела Ельцина к власти, обеспечила начало

процесса дележа, но получила в итоге гораздо меньше. Противостояние двух одинаково легитимных ветвей власти закончилось новым преступлением Ельцина – нарушением действовавшей конституции, нарушением клятвы президента действовать в ее рамках, вооруженным разгоном парламента с человеческими жертвами. Этот факт ознаменовал собой изменение позиции российского «гаранта законности», от общего выражения интересов класса чиновников он перешел к явному представлению интересов узкой его группы, более других наворовавших в ходе приватизации, кого сегодня средства массовой информации называют олигархами. Я, исходя из аналогии с реконструированной в первой части этой публикации историей Римской (Византийской) империи, предпочел бы называть их жидами. В очередной раз повторюсь, что никакого национального оттенка в этот термин я не вкладываю, а то, что среди жидов оказывается много евреев предлагаю считать «случайностью», подробно разобранный в первой части.

Причина такого поворота Ельцина в том, что в условиях обострившихся противоречий среди чиновников всем не угодишь, а в глазах простого народа он давно превратился в символ разворовывания страны. Поэтому его дальнейшее пребывание у власти начинает требовать очень больших денег и полного контроля над средствами массовой информации, и результатом этого стала его дружба с жидами. Он, используя свои властные возможности, обеспечивает им доходы, они поддерживают его во власти. То, что сегодня очень значительный контингент избирателей на выборах поддерживает партию власти, хотя жизнь все ухудшается, заслуга именно средств массовой информации, монополизированных жидами.

Одним из результатов такой дружбы и его предыдущими политическими шагами стала война в Чечне, позже распространившаяся и на другие регионы России. Во-первых, как было сказано выше, сама ситуация в Чечне могла возникнуть только после развала СССР, когда из глубинной территории она превратилась в пограничную. Из средств массовой информации сегодня становится известно, что многих главных чеченских террористов готовили наши спецслужбы, в частности для войны в Абхазии. Во-вторых, призывы Ельцина брать самостоятельности, как можно больше, вывод оттуда войск и фактическое вооружение чеченских формирований. В-третьих, попустительство чеченской преступности и геноцида против русских на чеченской территории, торговля чеченской нефтью, накопление ими огромных средств, достаточных для вооружения. В этих операциях некоторые жиды тоже получили свою долю от торговли чеченской нефтью и оружием, а также от финансовых чеченских преступных махинаций.

В-четвертых, последняя возможность прихлопнуть это преступно-террористическое гнездо законно и не противопоставляя Чечню и остальную Россию, была после разгона президентом Чечни Дудаевым в начале 1993 года чеченского парламента. Для этого достаточно было поддержать чеченский парламент и наказать нарушителя закона, опираясь на чеченцев, сторонников парламента. Но поскольку российский гарант законности сам готовился к аналогичному преступному шагу, то этот момент, чтобы не создавать прецедентов, был упущен. Планируемое Ельциным преступление, разгон российского Парламента, породило неизмеримо более страшное преступление против России и ее народа, гражданскую войну на ее территории. Дудаеву при преступном попустительстве Ельцина удалось уничтожить оппозицию и объединить Чечню против России, т. е. привело к тяжким последствиям, унесшим жизни огромного числа россиян и повлекшего дополнительные неисчислимы материальные потери и в без того разоренной и ограбленной стране.

Все оценки преступлений Ельцинского режима, изложенные выше неоднократно обсуждались в средствах массовой информации (Исключение быть может только составляет взаимосвязь двух преступлений, разгона Российского Парламента с Чеченской войной). Сегодня это фактически мнение всего народа. Однако рассмотрение вопроса в Российском Парламенте оправдало Ельцина, в очередной раз показав преступный по отношению к государству и его людям, характер всей Российской чиновничьей машины.

Этническим толчком, давшим начало возникновению коммунистического этноса в России, можно, вероятно, считать перевод коммунистического манифеста группой Плеханова. В течение нескольких десятилетий теория марксизма принимается частью революционеров, идет скрытый период формирования этноса, который переходит в явный после захвата власти большевиками. Окончательная победа в Гражданской войне с последующей зачисткой территории от остатков иных этносов завершает его. В принципе весь период формирования этноса связан с деятельностью Ленина. После окончания Гражданской войны в руководстве начинается борьба за власть. Это соответствует перестройке этноса при переходе в следующую фазу этногенеза. Из власти устраняются теоретики, творцы идей и лозунгов, и приходят более прагматичные, приземленные управленцы, технологи.

Окончание структурной перестройки во властных структурах общества, в результате которого устранена вся оппозиция, и достигнуто необходимое единство нравственного этноса для экспансии на остальной мир, это начало фазы роста. Поскольку военно-политическая ситуация в мире не позволяет просто так начать экспансию, для этого требуется военно-техническая подготовка и созревание политической ситуации, то этническая фаза роста начального периода носит скрытый, подготовительный характер. Идет накопление вооружения, подготовка и обкатка армии в локальных конфликтах, активное создание пятых колонн. Для большей законности последующего завоевания оказывается активная скрытая помощь национал социалистическому этносу Германии, чтобы позже освободить от него все захваченные им территории и остаться на них не в виде врага-захватчика, а благодетеля-освободителя (я полностью согласен с версией книги «Ледокол»). С момента заключения договора с нацистской Германией фаза роста переходит в открытую форму. Этнос очень быстро распространяет свое влияние на окружающие государства. Размеры оккупированных и подконтрольных территорий оказываются ограничены зоной возможного законного вторжения, чтобы не выглядеть в глазах всего мира захватчиком и не получить против себя объединенную мировую оппозицию. Фаза роста совпадает с временем правления Сталина.

Смерть лидера государства порождает смуту в правящем слое. Начавшаяся борьба за власть длится несколько лет и приводит к структурной перестройке всего общества, которое официально осуждает и отрекается от части общественных установок, необходимых для фазы роста. Этнос частично перестает быть агрессивным, нацеленным на экспансию. Структурная перестройка завершается с отстранением Хрущева. Государственный лидер, начавший процесс перестройки этноса, выполнил свою задачу и перестал быть нужным. Это означает переход в инерционную фазу. Еще остаются соответствующие военные доктрины, мощные вооруженные силы, военное присутствие на подконтрольных территориях, но этнос уже практически перестает быть опасен окружающим развитым странам. Его руководство уже и не помышляет о мировом господстве. Этнос попадает в зависимость от экономических этносов, проиграв им экономическое соревнование, приближается время нравственного и идеологического поражения.

Инерционная фаза приходится на время правления Брежнева. Общество продолжает пользоваться коммунистическими идеологическими штампами. Все средства массовой информации, система образования, элементы наглядной агитации создают идеологическое пространство, проникнутое идеями марксизма-ленинизма. Эти идеи и штампы вдалбливаются в головы людей с пеленок, человек помимо воли противопоставляет коммунистический мир всему остальному, т. е. коммунистическая идеология действительно является принципом этнического деления на «свой-чужой». Однако в обществе усиленно развиваются два процесса. Правящее сословие полностью отходит от коммунистических идей, нравственно вырождается, идеологическими штампами пользуется только как элементом демонстрации патриотичности по отношению к системе, чтобы не отодвинули от кормушки. Трудящаяся масса, которая допущена к материальным благам только лишь в пределах норм чуть превышающих физиологический минимум, естественно, видит это нравственное разложение руководства, лживость системы, но за минимальные подачки и из опасения репрессивных структур, сохранившихся, пусть и в измененной форме, с прежних времен, подыгрывает в этой идеологической общегосударственной лжи. Нравственный этнос полностью теряет нравственность, один из цементирующих его элементов.

Попытки Ю. В. Андропова после смерти Брежнева восстановить ситуацию безнадежны. Силowymi методами можно чуть осадить слишком проворовавшихся

представителей руководства, усилить палочную систему руководства обществом, но все это временные меры. Отменить этнические законы невозможно. Этнос пребывает вблизи окончания инерционной фазы. У Андропова было только одно решение, создать новый этнос, т. е. дать обществу новую систему идей и ориентиров, идеологических, нравственных, экономических, привести в руководство страны новый клан патриотов этих новых идей, поставить их на ключевые посты в государстве, чтобы они уже начали перестраивать общественные отношения и экономику в соответствии с новыми идеями. Для этого у него, естественно, не было ни сил, ни здоровья, ни понимания идущих общественных процессов, ни новых идей, ни союзников, поддерживающих эти отсутствующие новые идеи.

М. С. Горбачев затевает преобразования. На фоне остальных представителей государственной элиты он выглядит более грамотным, более толковым, по-человечески более приличным. Но все это только относительно своего выродившегося окружения. Реальный его уровень невысок. У него, естественно, нет ни понимания общественных процессов, ни приличной социальной модели общества, ни четко намеченной цели куда идти и каким путем. Выбив из под антирыночного общества удерживающие его подпорки, он запустил механизм преобразований. Но понимания работы этого механизма не было. Заработавший механизм начал перестройку общества от инерционной фазы к фазе распада и перестроил систему в соответствии с требованиями очередной фазы этногенеза, развалил государство на осколки, отстранил Горбачева от управления, подобрал из нравственно и интеллектуально выродившегося правящего класса соответствующее этнической фазе руководство для страны. С точки зрения этнической теории никакой вины Ельцина и его окружения в том состоянии, до которого они довели страну нет. Это наоборот этническая система, брошенная в свободное, нерегулируемое плавание, подобрала столь сильно разложившееся руководство, которое и поставило страну на грань катастрофы.

Этническая фаза распада пришлась на правление Ельцина. Возможно она еще продлится при следующем руководителе государства. Фаза распада характеризуется тем, что этнос уже отказывается от своих этнических установок, идеологии марксизма, запрета частной собственности, фиксированных цен, запрета на спекуляцию и т. д. Вводится частная собственность, разрешается критика марксистской идеологии, вскрываются ужасы прежних коммунистических времен, запускается механизм официального узаконенного растаскивания государственной собственности. Идущие процессы настолько выгодны правящему сословию, что несмотря на то, что вроде бы этнос уже на грани полного распада, тем не менее социальная система оказывается очень крепкой в плане препятствия возникновению нового этноса. И даже после того, как будет полностью завершен тур дележа государственной собственности, социальная система будет сохранять определенную устойчивость, связанную с исключительным богатством России природными ресурсами и дальнейшей возможностью правящей элите получать огромные доходы даже в полностью обнищавшей, разрушающейся стране.

Я пока почти ничего плохого не могу сказать про В. В. Путина, кроме того, что его сделал преемником Ельцин, а сам Путин подписался заранее амнистировать Ельцина его семью и соответственно, окружение (пишу это в феврале 2000 г.). В принципе есть еще одно соображение. Ельцин из своих корыстных интересов совершил очередную подлость по отношению к народу России, тем, что, используя нюансы текущей политической ситуации и состряпанной им же конституции, ушел в отставку так, чтобы максимально лишить народ страны политического выбора на предстоящие годы. Путин согласился играть в эту игру. Можно конечно говорить, что он член единой команды, и выполняет свои обязательства по отношению к команде. Но стране от этого не легче, ей особенно сегодня нужен президент, который превыше всего ставит интересы страны, а не какой-то ее части, тем более части преступной. Хотелось бы иметь для страны хоть малейший шанс, что в руководство придет личность, способная что-то изменить в стране в лучшую сторону. Что необходимо, чтобы была возможность для позитивных перемен? Во-первых, теоретически грамотный руководитель, знающий что делать, и желательно на уровне чуть большем того ликбеза, который я даю здесь. Хотя из действующих политиков не видно ни одного, даже из числа претендующих на роль грамотных. Во-вторых, новый набор идей, которые будут поддержаны значительной частью общества, не обязательно большей. В-третьих, новый правящий слой, для России минимум в тысячу человек, который начал бы на местах проводить эти идеи в жизнь, опираясь на поддерживающую их часть общества, заставляя всю систему управления подстраиваться под них. Если по первому и второму пункту ясности пока нет, хотя, вероятнее всего, и не

будет, поскольку невозможно знания скрывать, при их наличии и острейшей в них потребности, то по третьему пункту ее не может быть в принципе в силу преимущества руководства. Путину все равно негде взять идейную команду, а потому придется работать с тем же нравственно выродившимся чиновничьим слоем, продуктом эволюции коммунистического этноса, достигшего фазы распада.

Почти тоже самое можно сказать и о других претендентах на президентское кресло. Команды, вооруженной новыми идеями, способными дать начало нового этноса, нет ни у кого, любому из них придется опираться на правящий слой, оставшийся от предшественника, а следовательно, для государства это будут только отличающиеся варианты продления агонии коммунистического этноса на больший или меньший срок. Поэтому весь реальный товар сегодняшнего политического российского рынка лежит в диапазоне от предложений демагогов, разного уровня продажности, до явных или скрытых приказчиков жидов, обокравших в пользу своих хозяев сегодняшних россиян и думающих как бы по основательнее залезть в карман к следующим поколениям.

В заключение этнического подхода хотелось бы понять причину особой тяжелой судьбы России с этой точки зрения. Смуты бывали в разных странах. Национал-социализм в Германии, Великая буржуазная революция и Парижская коммуна во Франции, фашизм в Италии и т. д. Каждая из этих стран после окончания смуты преодолевала ее последствия и выходила на нормальный уровень за времена менее десяти лет, а подъем начинался и того раньше, через три-пять лет. Все российские смуты длятся десятилетиями, регулярно ставя под вопрос само существование России. Смута, начавшаяся в правление Горбачева длится уже более десяти лет и пока в перспективе видно только ухудшение положения. Колоссальный размер России, ее огромные природные богатства и умение народа побеждать в глобальных войнах на уничтожение, позволяют пребывать в смутном времени гораздо больше, чем любому другому народу. В результате процессы культурного разрушения заходят в фазы, когда предыдущий, относительно нормальный этнос не в состоянии восстановиться, он успевает полностью рассеяться за время смуты.

В Германии национал-социализм был у власти чуть более десяти лет. После устранения его последствий народ с его навыками, культурой, как только ему дали возможность, сам все восстановил, и страна быстро ожила, восстановив нормальный экономический этнос. В России похожая вещь произошла в двадцатые годы в период НЭПа, население имело в культуре рыночные традиции, умение и желание работать. В результате подъем за несколько лет. А вот коммунистическая смута по уничтожению рынка и связанной с ним культуры населения тянулась в России более шестидесяти лет, больше времени активной жизни человека, поэтому традиции и культура оказались полностью утраченными, нам приходится их сегодня создавать с нуля, это опять же при том, что правящая верхушка делает все, чтобы продлить смутное время как можно дольше. Результат: при удачном раскладе мы будем выползть из кризиса более сорока лет (смена двух поколений), приблизительно с такой скоростью Россия входила в нормальную ситуацию после отмены крепостного права, одного из последних Романовской смуты. Бывшие страны народной демократии, испытавшие на себе коммунистическую (антирыночную) смуту менее сорока лет имеют шанс восстановиться относительно быстро, а бывшие Прибалтийские республики СССР, пробыли в смутном состоянии более пятидесяти, что является критическим рубежом, связанным с продолжительностью жизни человека. Им уже придется восстанавливаться существенно дольше.

Коммунистическая общественно-экономическая формация

Период НЭПа в СССР завершился официальной национализацией практически всех средств производства в стране. Эта собственность стала государственной, иногда декларировалась в качестве общенародной. Однако у отдельного, произвольно выбранного представителя народа не было ни одного элемента из прав собственности по отношению к государственной собственности в юридическом смысле. Все три компонента права собственности: владения, пользования, распоряжения, осуществляли только назначаемые государственные служащие, чиновники. Т. е. собственником всего было только государство. При этом государственное право собственности реально распространялось и на средства производства, которые официально не были национализированы,

имущество колхозов. У колхозников оставалось в какой-то степени право владения, но пользование и распоряжение имуществом колхоза было опять же за государством в лице партийных и государственных чиновников. Право владения у колхозников оставалось тоже чисто номинальным, поскольку неоткуда было взяться другим субъектам, которые могли бы это право оспорить. В случае же, когда было необходимо, к примеру, отчуждение колхозной земли в государственных интересах, это решалось очень просто. Т. е. и право владения реально было привилегией только государства.

Если бы во главе государства официально стоял царь, то такая общественная система без сомнений называлась бы феодальной. Подобные системы просуществовали столетия, когда собственниками всей земли в государстве являлись цари, султаны, короли, герцоги и прочие самостоятельные правители. Они официально своим вассалам передавали землю во владение и пользование, как правило, без права распоряжения. Даже передача земельного владения и соответственно титула по наследству реально утверждалась сюзереном, т. е. господином, хозяином земли. По отношению к недвижимости права вассала, обычно были больше, за ним оставалось существенная часть права распоряжаться, однако поскольку земля была собственностью сюзерена, то и расположенное на ней недвижимое имущество никогда не было полноправной собственностью вассала и при необходимости могло отчуждаться.

Советское общество в смысле собственности полностью соответствовало этим отношениям, если в качестве сюзерена принять государство, а в качестве вассала – предприятие. От раннефеодального общества здесь есть только одно принципиальное отличие. В древности стороны этих отношений были физическими и юридическими лицами одновременно. Каждое из этих свойств было нужно по разным поводам. Для осуществления того или иного элемента права собственности необходимы были свойства юридического лица, способного заключать соглашение, подписывать договор. Дворянский титул, в частности, это один из первоначальных вариантов юридического лица. А для осуществления функции воспроизводства потомства и наследования – свойства физического лица, чтобы воспроизводились общественно-экономические отношения. В буржуазном праве физическое и юридическое лицо практически тождественны, в Советском же обществе эти два понятия принципиально разделились. Физическое лицо не могло в подавляющем большинстве случаев быть юридическим лицом. Это возможность исчезла с отменой частной собственности.

Таким образом, в Советском обществе, отношения юридических лиц, государства и предприятия, полностью соответствуют феодальным отношениям. А поскольку время существования предприятия и государства не связано с продолжительностью жизни человека, то соответственно, функции физического лица в этих отношениях перестали быть нужными. Воспроизводство общественно-экономических отношений стало возможно организовать без права наследования. В результате, такой тип феодальных отношений даже условно можно считать более «чистым», без примеси буржуазных норм. Физическое лицо в этих отношениях могло иметь статус представителя юридического лица, если оно получало соответствующие полномочия от собственника. Таким образом Советское общество это вариант феодальной общественно-экономической формации с исключенным правом наследования. Отношения с трудящейся массой тоже вполне соответствуют феодальному типу отношений. Первоначально, в сталинский период, это в значительной степени соответствовало крепостному праву в России, позже больше походило на более демократичные западные варианты феодальных обществ.

Общественно-экономические формации в цивилизации

Доказательство отсутствия в истории рабовладельческой формации и коммунистической, как отдельного типа, позволяют по-новому взглянуть на всю общественно-экономическую историю мировой цивилизации. В цивилизованной истории существуют всего два типа общественно-экономических формаций: феодальная и буржуазная. Оба типа формаций возникают в глубокой древности практически одновременно. Феодальная, она же тоталитарная, она же военизированная, она же самодержавная, возникает в зоне активных контактов кочевников и земледельцев, и заимствует отношения из родовых традиций. Из географических и природно-климатических условий первоначально это Русь. Буржуазная, она же демократическая, она же рыночная, она же правовая,

возникает, как правило, вдали от зоны обитания кочевников, т. е. военной угрозы. Первоначально это Константинополь, слишком большой, чтобы кочевой род или даже их объединение представляли для него военную опасность, и северные и северо-западные районы Европы, где природно-климатические условия принципиально не подходят для кочевников.

Вся мировая цивилизация представляет из себя единый, достаточно целостный организм, в котором сложились две общественно-экономические тенденции, и для оптимизации скорости эволюции, вся мировая система развивается так, чтобы временами преобладал один тип, временами другой, но никогда полностью ни один из них не устраняется. В древности, когда все развивается стихийно, т. е. на основе добровольности, первоначально возникает демократия. В зоне контактов с кочевниками эта система очень быстро эволюционирует в феодальную. Феодальная система, сформировавшись, покоряет весь мир, разнося свою организацию. Вся мировая система сильно качнулась в сторону феодализма.

Через некоторое время на Западе Европы начинается процесс подъема буржуазных систем. Феодальная система объективно более прогрессивная для освоения новых территорий, распространения культуры, поскольку в ней есть механизмы (не экономического свойства) заставляющие людей идти в глухие районы, осваивать новые территории, что при экономических торговых механизмах длилось бы много дольше. Но для прогресса на месте, для быстрого подъема уже населенных территорий, буржуазная подходит лучше, поскольку более бережлива к ресурсам. В Западной Европе начинается процесс буржуазно-демократических революций. Он идет в два этапа. Сначала оформление обособленной государственности и освобождение от господства Руси, потом замена феодальной организации на рыночную внутри самих этих государств. На Руси же, чтобы сохранить некий мировой баланс, наоборот идет ужесточение феодальной системы, подавление буржуазных норм, установление крепостного права. Реально это происходит в правление Романовых, в основном Петра Первого.

До правления Романовых крепостного права на Руси не было. Было форма организации общества, когда обязанности по взиманию государственных налогов и арендной платы за землю с крестьян лежала на феодалах, на чьей земле они жили и трудились. Финансово-экономический конец года в сельском хозяйстве приходился на Юрьев день (князь Юрий Данилович, Георгий Данилович, Георгий Победоносец, Рюрик, Чингиз Хан, все это одно лицо, основатель монгольской империи и ее законов), когда уже закончен сбор урожая и производились платежи. После расчетов с бюджетом, в течение месяца после Юрьева дня, крестьянин мог официально отказаться от пользования участком земли, перебраться на другое место, к другому феодалу, или вообще заняться чем-то другим, к примеру, торговлей или уйти в Орду, в казаки на Дон. В другое время крестьянин не имел возможности менять место жительства и род деятельности не в силу запрета, а чисто организационно, чтобы не погиб выращенный урожай, и не пустовал участок. Так же жила вся Европа до Реформации.

Придя к власти во время смуты Романовы (Захарьины) первое, что сделали, выполняя заказ Западной Европы, запретили уход на Дон, т. е. отменили Юрьев день, чтобы ослабить военную мощь Орды-Руси. Позже это было списано немецкими историками, творцами русской истории, на Бориса Годунова, чтобы у крестьян восемнадцатого века ненависть была к нему, а не Романовым. Но реально это еще не было крепостным правом. Беглый крестьянин этого времени был в бегах, не от помещика, а от государства, и особое значение это стало иметь во время церковного раскола при Алексее Михайловиче и особенно, его сыне Петре Алексеевиче (Первом), когда и происходил реальный раскол. А узаконенное рабство, с торговлей крепостными, полностью сложилось и оформилось позже, начиная с Петра Первого до Екатерины Второй. Между прочим, одна из причин поражения Разина в том, что казачество очень сильно сократилось. До того казаки семьями не жили, женщин там почти не было, практически весь приток кадров был с Руси. После отмены Юрьева дня этот поток почти прекратился, а семейный уклад казаков еще широко не сложился.

Девятнадцатый – двадцатый века своего рода переходный период, когда мировой уклад больше начинает склоняться к буржуазной общественно-экономической формации, не потому, что она прогрессивнее, а потому, что при тех задачах, которые решало общество в этот период такая экономика была эффективнее. Но при этом, феодальная полностью не уничтожается, она необходима в мировой цивилизации. Поэтому через колебания системы от феодализма к капитализму и

обратно постепенно устанавливается некоторой равновесие, оптимальное для наиболее быстрого прогресса всей цивилизации в этот период. Буржуазная революция во Франции качнула мировой баланс в сторону демократии. Перебор привел к тому, что Франция оказалась на грани распада. Переходный процесс отыграл обратно с избытком, система вернулась в более феодальное состояние, чем была до того. Во главе государства стал император, но не развращенный паразит с таким же разложившимся окружением, а выдающийся ум и патриот с кланом единомышленников. Почти вся Европа оказалась покоренной, система начала откатываться к феодализму. Но два мировых феодальных центра для маленькой Европы это слишком много. Империя Наполеона обломала зубы на сохранившемся от прежних времен старом феодальном мировом военизированном центре, России, которая в отличие от остального мира умела воевать на уничтожение, когда для борьбы извлекаются все ресурсы и война становится Отечественной. Европейская система в результате отыграла к демократии.

В течение девятнадцатого века, шло планомерное наступление буржуазного способа производства. В России феодальный уклад тоже начал сдавать позицию за позицию. Отмена крепостного права, быстрое развитие промышленности, создание представительной власти (Дума), разрушение крестьянской общины, сокращение помещичьего землевладения. Остается несколько последних несданных рубежей, это монархия и феодальная чиновничья машина, остатки в культуре и традициях населения. Если бы устранить эти последние элементы, то через время порядка смены одного поколения мировой феодальный центр приказал бы долго жить. Но в то время, как дряхлеет и отступает феодальный центр в России, в Европе формируется новый феодальный центр в Германии. В девятнадцатом веке он набирает силы в локальных войнах, в начале двадцатого начинает глобальный передел мира, Первую Мировую (а позже Вторую Мировую) войну. В результате этот центр рухнул, но создал условия, чтобы старый мировой центр вновь возвратился к полноценному феодальному состоянию. Мир сохранил двухполюсность. Для наивысшей скорости мировой цивилизации это, вероятно, необходимо. Под контролем мирового феодального центра оказывается большая часть Европы, да и мира. Мировой буржуазный центр из Европы переместился в Америку.

Наличие на планете мирового феодального центра, который в двадцатом веке начал называться коммунистическим, привел демократические рыночные государства к необходимости пойти на определенные уступки феодальной системе, применение некоторых ее черт в своей организации. Сильная государственная власть, антимонопольное законодательство, это вынужденные ответные меры передовых рыночных государств, на которую они вряд ли пошли бы не будь значительного наступления феодализма по планете. А в результате это привело к оживлению экономики и колоссальному техническому ускорению. Военное противостояние Востока и Запада так же привело к государственными инвестициям в новые военные технологии, а это дало мощный технический толчок. Начинается процесс подъема и выхода на мировую арену государств Востока Евразии. Здесь тоже феодальный центр контролирует большую часть. Брошенный в свободные рыночные отношения Китай и сегодня оставался бы на уровне Индии. При правильно выбранном направлении отсталое тоталитарное государство имеет гораздо лучшие шансы, чтобы догнать передовые страны, чем демократическое, в котором отсталая культура населения сделает все, чтобы направление было выбрано неверно.

Такой взгляд на мировую цивилизацию позволяет хотя бы качественно спрогнозировать некоторые тенденции мирового исторического процесса. Во-первых, феодальный центр на планете останется, он необходим в мировой цивилизации. Сказать с полной уверенностью, что это будет Россия я не берусь, поскольку существует небольшая вероятность, что им станет Китай (Исламский мир на эту роль не потянет). Мировые буржуазные центры в Константинополе, потом Германии исчезли в ходе истории, сместились в новые регионы, поэтому такая же судьба не исключена, хотя и гораздо менее вероятна, для феодального. Во-вторых, наряду с развитием прав личности в демократических государствах, усиленно начнется другой процесс, централизации власти и усиление ее роли, значительный сдвиг в сторону тоталитарии. Это связано с экологическими проблемами. Потепление климата, загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов, просто рост технической мощи и энергооборуженности будет для минимизации потерь требовать глобального контроля. В-третьих, на этой почве произойдет создание международных структур и их полномочия будут возрастать. Т. е. в цивилизации начнется этап существенного слияния феодальных тоталитарных черт с демократическими, и вся мировая система будет искать очень тонкую грань для соотношения этих начал в жизни общества. Чтобы цивилизация не

загнивала, необходим учет интересов индивидуума, т. е. предоставлении ему максимума свобод, но чтобы цивилизация не сгинула в одночасье, поскольку она уже в плотную подошла к опасному рубежу в очень многих областях науки и техники, то очень скоро нужен будет тотальный контроль.

Классификация общественно-экономических формаций

Прежде чем переходить к анализу каких-то свойств общественно-экономических формаций, хотелось бы научиться формации хотя бы классифицировать. Полагаю, что некоторые мои оценки из предыдущей главы не абсолютно бесспорны, и могли вызвать у читателя определенные возражения. В марксизме все начиналось с отношений, возникающих в процессе производства. Если наемный труд, то это буржуазный способ производства. А как, к примеру, быть с сельским хозяйством? Реально в сельском хозяйстве Западной Европы да и доромановской России всегда господствовал семейный труд, т. е. фермерский (по-большевистски патриархальный). Крестьянин не был хозяином земли, но бессрочный договор аренды для производства обеспечивал практически такие же условия, как и частная собственность на землю. В средние века это была такая система налогообложения, привязанная к производству. Феодал, который первоначально тоже не являлся собственником земли, был представителем государства, собирающим налоги. По мере развития государственных структур другого типа, чиновничьего аппарата, такая форма взимания налогов отмерла, и сегодня во всем цивилизованном мире в сельском хозяйстве господствует фермерский труд, так же, как и было всегда, начиная с зари цивилизации.

В принципе сходная ситуация и в сфере производства иных товаров, несельских. В средние века это были мастерские, где в основном господствовал семейный труд, родственник фермерскому. По мере развития производства, усложнения его, стало экономически целесообразно на примитивные работы нанимать помощников, оставляя наиболее квалифицированную часть работы, в которой есть технологические тонкости, за собой и своей семьей. С одной стороны появляется элемент наемного труда, т. е. буржуазных отношений, с другой, наиболее ключевая часть работ остается все равно за хозяином. Позже, когда производство становится еще более сложным, наемных рабочих становится много, хозяин оставляет за собой еще меньше, но опять же наиболее ключевую часть работы, позволяющую сохранять технологические секреты и контролировать кадры и финансы. В сельском хозяйстве такие тенденции тоже были и есть до сих пор. На тяжелую примитивную часть работ нанимали батраков или сезонных рабочих, и делает это фермер, гротсбауэр или по-большевистски кулак. Были попытки буржуазного, т. е. использующего наемный труд, укрупнения и в сельском хозяйстве, это помещичье землепользование после отмены крепостного права в России и прецеденты самостоятельного землепользования, без сдачи земли в аренду, феодалами в Европе. Определенные минусы у такого способа организации хозяйствования были, почему он в результате постепенно и проиграл конкурентную борьбу фермерскому, хотя не везде. В случае определенных технологических нюансов и тонкостей, как к примеру в элитном виноделии, он сохранился. В частности в России он эту борьбу тоже не проиграл, по крайней мере не успел, т. е. он все же вполне конкурентоспособен. Итак провести грань в вариантах обществ по способу организации производства, и тем более прогрессивности способа производства, крайне сложно, и в марксизме, строго говоря, это было сделано не совсем корректно.

Попробуем деление на общественные формации ввести другим способом, исходя из их природы. Буржуазная возникает естественно, на условиях добровольности, личной выгоды, если и не каждого, то по крайней мере, подавляющего большинства членов общества. Поэтому она по своей природе организована так, что на первое место ставит интересы отдельных людей, членов этого общества. Отсюда и ее особенности: равенство людей в правах, предоставление каждому физическому лицу в обществе максимальных разрешенных в нем свобод, т. е. права юридического лица, владельца частной собственности и экономического субъекта, имеющего возможность вступать в равноправные отношения с аналогичными субъектами.

Поэтому, во-первых, система становится достаточно разобщенной, индивидуалистичной, во-вторых, поскольку у каждого экономического объекта есть свой хозяин, действующий из своего корыстного экономического интереса,

то система в целом получается предельно экономичной, не допускающей неэффективного использования ресурсов, в пределах обычной деятельности экономических субъектов, и очень гибкой, способной оперативно подстраиваться под изменяющиеся в определенных пределах условия, в-третьих, возникает общественный институт арбитража, соответствующее право с абсолютной властью закона, в том числе и над исполнительной властью, равенством перед законом всех правовых субъектов. В древности такое буржуазное (римское) право возникает в Риме (Константинополе).

В случае военной угрозы, чтобы минимизировать потери, рыночная система перестраивается в тоталитарную, феодальную, когда власть приобретает особые права в обществе, и может обществом командовать. Это добровольно поддерживают сами члены общества. Но с исчезновением военной угрозы их естественное желание – вернуться к прежнему состоянию дешевой подконтрольной власти, подчиняющейся законам. На Руси, в зоне контактов с кочевниками, т. е. наличия практически постоянной военной угрозы, тоталитарная система возникла из рыночной и застыла в таком виде навсегда.

В условиях войны, когда под вопросом оказывается существование самого сообщества, интересы индивидуума уходят на второй план, на первое место ставится интерес всей системы, такое соотношение интересов и закрепляется в дальнейшем. Индивидуум это только винтик в системе, которому не оставляется самостоятельного выбора, за него все решает система. Отсюда следует максимальное нивелирование индивидуальных человеческих качеств, все должны быть одинаковы, единообразны. Это стандартный военизированный подход. Система получается достаточно жесткой, почти не способной к перенастройке при меняющихся условиях, коллективной, поскольку ее сила именно в отлаженности всего механизма и взаимосвязей в нем, более дешевой и эффективной в том случае, когда делает то дело, на которое единожды настроена, и очень быстро теряет эффективность, как только ситуация меняется, и приходится заниматься чем-то не совсем привычным. Буржуазная, в отличие от нее, тратит часть средств на систему эффективной перестройки под меняющиеся условия, что делает ее чуть более дорогой, но зато почти всегда неизмеримо более эффективной в мирной деятельности, в условиях постоянных изменений. В тоталитарной системе законодательство это набор указаний для «винтика», расположенного в своем узле общественной машины. Свойства физических лиц индивидуумам оставлено, поскольку в противном случае общество перестанет быть самовоспроизводящимся, а элементы свободы и юридического лица им ни к чему.

Крайние формы таких систем в чистом виде практически не реализуются в истории. Даже в любом самом демократическом обществе с неизбежностью будут присутствовать элементы тоталитарного: полиция, армия, тюрьмы и прочие элементы насилия и устрашения. И аналогично в тоталитарной системе, даже доведенной до логического абсурда как в Кампучии, необходимы хотя бы в остаточном виде элементы стимулирования каждого «винтика», поскольку эгоизм, удовольствие – неудовольствие, потребности, выходящие за пределы физиологии, полностью не могут быть исключены из человеческой природы. Кроме этого, существование государства в реальном мире, в окружении других государств, предполагает необходимость достаточно эффективно существовать в мирное время и способность противостоять внешнему воздействию. Поэтому любое реальное общество содержит в себе много элементов, как от буржуазного общества, так и от феодального, и однозначная классификация поэтому становится достаточно условной. Однако на основании рассмотренного выше все же можно выделить ключевой элемент, позволяющий классифицировать общество.

Отличие демократической общественной формации от тоталитарной состоит в старшинстве (главенстве) общества над любой его частью, в том числе и исполнительной властью, и наличии реального работоспособного механизма реализации этого старшинства. Выполнение этого условия практически однозначно приводит к главенству в обществе закона, равенству всех субъектов права перед законом, наличию у членов общества права юридического лица, свободным рыночным отношениям, добровольной выплате налогов, соблюдению прав человека, подконтрольности исполнительной власти обществу. Многовековой общественный опыт не смог создать ничего лучше следующей схемы реализации такого старшинства:

1. Общество создает законы, которыми руководствуется в дальнейшей жизни. Выполнять действующий закон должны все, в том числе и все общество. Общество может не выполнить закон единственным способом, изменить законодательство в части касающейся этого закона. Безусловно менять

законодательство (совокупность законов) может только все общество. Т. е. сформированное законодательство выше всех в обществе, но все общество выше законодательства только тем, что может его изменить.

2. Общество создает выборный представительный орган власти, Парламент, представляющий все население, и делегирует ему полномочия замещать все общество по вопросам изменения законодательства в пределах, не меняющих п.п. 1, 2, а так же по вопросу назначения, контроля и отстранения исполнительной власти.

В такой схеме возможны непринципиальные изменения. К примеру, наряду с Парламентом вводится одно выборное всем обществом лицо, Президент. И общество часть полномочий из числа парламентских делегирует ему. У такого общественного устройства больше свойств от тоталитарной системы, однако, если реально выполнено условие старшинства всего общества над исполнительной властью, общество все равно остается демократическим. Возможны и другие изменения.

Чтобы схема демократии работала, она дополняется множеством дополнительных условий и механизмов, прописанных в законах, с единственной целью – обеспечить реальное выполнение условия, что все общество старше любой его части. Во-первых, это набор ограничений и процедур, чтобы Парламент не смог изменить основополагающие (п.п. 1, 2) общественные законы без утверждения этих изменений всем обществом, во-вторых, механизмы периодической сменяемости и демократической выборности представительной власти, в-третьих, реальными работоспособными процедурами подконтрольности Парламенту исполнительной власти. Одним из таких важнейших механизмов становится создание общественного института арбитража, судебной власти, которая в пределах своей компетенции старше исполнительной власти.

Однако не существует такого законодательного механизма, созданного людьми, которое люди при желании не могли обойти. Генерал Наполеон под дулами ружей своей армии заставил Парламент принять решения передающее ему власть, и узурпировал ее навсегда. Большевики разогнали Учредительное собрание, когда выяснилось, что большинством для них там и не пахнет, создали режим террора, когда за любое несогласие с ними следовал расстрел, и только после этого организовали открытые, а не тайные, выборы в Парламент. Несложно догадаться, каким получился этот Парламент, даже если не знать истории.

Поэтому важнейшим элементом, позволяющим сохранить главенство общества над исполнительной властью является общественная культура, традиции, общественный менталитет, считающий демократию большой ценностью саму по себе. Наполеону удалось узурпировать власть, потому что в обществе не было достаточных традиций народовластия, народ не успел вкусить блага доставляемые этим институтом, а напротив сильно в нем разочаровался. В России тоже самое. Многовековой феодальный режим с Ордынской династией во главе государства привел к тому, что общество утратило культуру народовластия. Поэтому дворцовый династийный переворот позволил прийти к власти династии Романовых, враждебной русскому народу. Соотношение власти и общества, когда власть была выше общества, позволило Романовым ввести режим террора и подавления народа на века. Сохранение монархии и чуждого обществу романовского чиновничьего аппарата привели к отсутствию в русском обществе начала двадцатого века элементов культуры народовластия (демократии). И потому, когда большевики, отобрав насильно хлеб у крестьян, накормили голодных рабочих в Москве и Питере, те променяли только что возникшее народовластие на паек, не понимая истинной ценности того, что они продали.

феодальный чиновничий менталитет

После того, как стало понятно отличие тоталитарного строя от демократического, можно чуть подробнее рассмотреть и сравнить особенности менталитета двух общественных систем. Существенных отличий несколько и все они проистекают из различного соотношения полномочий между властью и обществом. В феодальном обществе власть старше общества, поэтому наиболее экономичным вариантом многоступенчатой власти становится местничество (наместничество). Сюзерен своему вассалу (наместнику) дает в полное подчинение «удел», с практически неограниченной властью в нем. Вассал сам

кормится с этого удела и «отстегивает» оговоренную часть доходов (дань) сюзерену. Аналогично, крупный удельный князь имеет своих вассалов на тех же условиях, и т. д. Так система тиражируется до самого низа. Это общая культура и принципиальный подход для всего феодального общества, что проявляется и в иных вариантах управленческой системы. К примеру, в России до семнадцатого века включительно узаконенной нормой для должностных лиц (писарей, дьяков и пр.) было так называемое «кормление от дел», т. е. государственные чиновники были переведены на хозрасчетные отношения с просителями. Борьба с такой системой, после ее отмены, началась с времен Петра Первого, но полностью не могла быть успешной из-за причины ее породившей, старшинства власти над обществом.

В демократическом обществе подход к организации власти принципиально иной. Государственный служащий, чиновник, живет на зарплату, которая платится из бюджета, происходящего из налогов, т. е. лишний раз система заботится об утверждении старшинства общества над исполнительной властью. Соответственно взяточничество, т. е. попытка чиновника навязать свою волю члену общества, минуя законы, вымогательство, т. е. попытка власти стать над обществом – это один из страшнейших грехов буржуазного права. Петр Первый в свое время был поражен обилием налогов в Голландии. В рыбе, которую им подали в трактире, насчитали тридцать семь налогов. Но обилие налогов означает не их большую величину, а четкое целевое распределение, регламентация обществом расходования бюджета с целью минимизации обобщенных налогов, и исключения произвола исполнительной власти. Петр Первый умение собирать налоги усвоил, но буржуазный механизм расходования бюджета посчитал излишеством. Сегодня главный российский чиновник по сбору налогов восхищается Петровским умением собирать налоги. Вот ведь какой был молодец, и войны вел и бюджет был наполнен. Для невежественного узковедомственного посткоммунистического чиновника такое восхищение понятно, ему и невдомек, что практически все наши сегодняшние проблемы происходят из системы организации общества того периода, соотношения между властью и обществом, и завышенных налогов, системы их взимания и использования.

Умея наполнять бюджет, Петр Первый благодаря этому успешно решал свои сиeminутные задачи. Но за каждое такое успешное решение надо платить чем-то другим, и сегодня это делаем мы. За удачи Петра Первого трехсотлетней давности, как это ни парадоксально звучит, расплачивается в том числе и наше поколение. Введение мобилизационной системы организации общества в условиях напряженной войны оправдано. Но после того, как война окончена, надо систему демократизировать, минимизировать обобщенные налоги. Этого не сделал ни Петр, ни его преемники. Им нравилась комфортная ситуация с наполненной казной. Кроме этого конечно сказались политическая ситуация, которая фактически на два века втянула в войну Россию и Турцию. Если бы руководство страны было грамотным, то должно было понимать, что победы просто так, ни за что не даются, кто-то все равно платит. Это перенапряжение двух государств вроде бы и не обрушило их экономики, но создало на долго систему повышенного обобщенного налогообложения, чем задержало прогресс и привело к отставанию от Западной Европы. Т. е. многолетняя война с Турцией это колоссальное политическое поражение царской России, ее государственной машины. Советское общество вроде бы официально осуждало злоупотребления, коррупцию и т. д. Однако была узаконена система, когда, к примеру, продавцы в магазине, на достаточно тяжелой и грязной работе получали очень низкую зарплату, предполагалось, что они дополучат свое другими способами. Узаконенная система распределителей и прочих механизмов раздачи материальных благ чиновничеству, при относительно невысокой на общем фоне зарплате, это тот же очень похожий механизм дополнительного кормления от должности. Таким образом, этот элемент феодального менталитета, пусть и в несколько измененной, современной форме, достаточно прочно присутствует в нашем российском общественном сознании.

В современном достаточно энерго и технически вооруженном обществе существенно повышается роль проверяющего чиновника: эколога, пожарника, санитарного врача и т. д. Без этих служб сегодня не может обойтись ни буржуазное общество, ни феодальное. И здесь перед обществом встает, как всегда бывает в рыночных отношениях (они являются естественными и потому постоянно возникают даже в феодальном обществе), задача поиска тонкой грани между общественной потребностью: беречь окружающую среду, сохранять здоровье людей, соблюдать технику безопасности и задачей не сделать производство слишком дорогостоящим за счет усложнения и следовательно удорожания всех этих дополнительных систем. Во-первых, само общество ищет эту очень тонкую грань в выборе норм, понимая их значение (это все та же

задача минимизации обобщенных налогов). К примеру, немцы такую грань для себя нашли, тем, что и экологическая ситуация в стране достаточно благополучна, и их товары на мировом рынке вполне конкурентоспособны. А в советском обществе экологические нормы выбросов, установленные чиновником, стоящим над обществом и его интересами, намного (в разы) строже немецких. Ясно, что при их соблюдении наши товары принципиально не могут быть конкурентоспособными с остальным миром. Во-вторых, это сам чиновничий подход к отношению с производствами. Буржуазное законодательство по этому набору вопросов организовано так, что проверяющий чиновник требует от хозяина производства соблюдения норм, но при этом отлично понимает, что производство это то, благодаря чему общество существует и платит налоги в том числе на его чиновника содержание, поэтому никогда не будет производство душить. А сегодняшний российский постсоветский проверяющий чиновник с властным феодальным менталитетом, ставящим себя выше общественных интересов, об этом в принципе не думает, и с рвением бросается выполнять любую самую абсурдную норму или инструкцию путем запретов, чтобы продемонстрировать свою власть, и ему совершенно неважно, что при этом он разрушает производство. О возможных злоупотреблениях, неизбежно возникающих на этой почве, я вообще не говорю.

Сходная ситуация сегодня возникает и со всякого рода чиновниками-мытарями: налоговой инспекцией, налоговой полицией, всякими фондами, ОЭПОМ и т. д. Преследование и пресечение преступности, естественно, необходимо, но борьба с этим злом требует и напряжения сил и риска для жизни и здоровья, а вот выживание соков из производства, которое законно открыто, но в силу тяжелейших экономических условий имеет долги, гораздо спокойнее, безопаснее, а поскольку имеешь дело с законопослушными людьми, то оказывается и эффективнее. И вся эта система очень даже нормально работает, начиная с выборных чиновников, определяющих размер налогов, и заканчивая мелкими местными чиновниками, сдирающими шкуру с производителя, и разрушающими остатки российского производства. При этом в последнее время эта тенденция распространилась и на сельское хозяйство. Т. е. менталитет феодального чиновника, это один из разрушительных инструментов для экономики. Феодальная чиновничья машина, стоящая над обществом, его интересами, в вершине своей создает законы и инструкции для всего общества, а в нижней части этой машины чиновники-исполнители с рвением и советской любовью к запретам, чтобы продемонстрировать свою власть над обществом, да еще мимоходом и покормиться от дел, бросаются эти антиобщественные указания исполнять. Другой разрушительный набор элементов общественного сознания феодального общества связан с системой управления производством. В буржуазном обществе производством руководит хозяин, который бережет ресурсы, все сбереженное, и наоборот истраченное это его доходы или расходы. В феодальном обществе производством руководит наместник, который сопричастен собственности своего «удела», но не в полной мере, и степень его сопричастности может изменяться по воле сюзерена, вплоть до отстранения от дел. Отсюда проистекает ряд особенностей чиновничьего феодального менталитета. Ему необходимо как можно больше и быстрее перекачивать из собственности, к которой он сопричастен, в свою безусловную собственность. Часть этого делается официально в пределах оговоренных правил игры, но часть явно иными способами, которые можно назвать злоупотреблениями.

Во-первых, он совершенно не заинтересован в засвечивании перед начальством имеющихся резервов, т. е. ему выгодно сдерживать развитие, и как вариант даже специально разрушать. Один из основных механизмов злоупотреблений, ссылаясь на объективные причины, организовывать разрушение и завешать в отчете величины потерь, кладя несколько процентов «спасенных» таким образом в свой карман. Это был очень распространенный механизм злоупотреблений в Советское время, и сегодня остается основным элементом «кормления» для определенного социального слоя чиновников. Руководство некоторых полностью рухнувших бывших советских предприятий колоссально обогатилось, распродав их с молотка практически полностью в свой карман.

Во-вторых, это подход временщика, когда удельный князь выжимает из «своего удела» все соки, за это уходит на повышение в новое качество, бросая старый удел умирать. Сегодня это перешло в аналогичную, но чуть другую форму. Руководство предприятия, находящегося на грани краха, не выплачивает зарплату работникам или платит гроши, абсолютно не тратится на развитие, восстановление, ремонт, технику безопасности и т. д., а все перекачивает в свой доход. То что предприятие рухнет ему почти безразлично, поскольку оно реально не его, а только его сегодняшний «удел», который завтра таковым запросто перестанет быть, а то, что перекачено в свой доход, безусловно

свое. Поэтому сегодня очень распространённое явление, когда зарплата директора предприятия с замами превышает в разы фонд зарплаты всех остальных сотрудников, работающих в не выдерживающих никакой критики условиях. Даже, если руководители предприятия приватизировали его себе, то и в этом случае такая тенденция в хозяйствовании относительно распространена, поскольку из-за общей государственной нестабильности надежнее деньги перекачать в свой карман и положить на заграничный счет, чем вкладывать в российское пусть и свое производство.

В-третьих, это уже специфический советский ведомственный подход, относящийся к современному варианту феодализма при относительно высоком уровне развития техники и общественного разделения труда, когда чиновник, выполняя свою узковедомственную задачу, разрушает вокруг не принадлежащего его ведомству во много раз больше, чем создается позитивного. Следствие этого подхода – экологические и экономические проблемы. В буржуазном варианте производства такие тенденции тоже имеют место, когда решая свои задачи хозяин наносит вред общественному, к примеру, сбрасывая неочищенные отходы в реку или атмосферу, но в феодальном варианте это развито на порядки сильнее. Отсюда в частности такие гигантские разрушительные проекты типа направления северных рек на юг, гигантские гидроэлектростанции на равнинных реках с огромными затопляемыми экономически благодатными территориями и полным нарушением экосистем.

Определённая специфика советского чиновничьего менталитета состояла в том, что в обществе была узаконенная двойная мораль. С одной стороны двигатель чиновничьей карьеры – эгоизм, но с другой – официальная идеология, довлеющая над всеми сторонами жизни, этнический принцип деления на «свой-чужой», узаконивали в чиновничьей среде набор постоянно декларируемых высоконравственных лозунгов и штампов. Таким образом для вхождения в господствующий класс страны требовался достаточно высокий уровень эгоизма, позволяющий перешагнуть внутри себя некоторый нравственный барьер (или не иметь его изначально), связанный, как минимум, с готовностью к публичной лжи, очевидной всем. А высокие чиновничьи посты в советском обществе требовали иного уровня эгоизма, легко оправдывающего более серьёзные преступления. В сталинское время надо было уничтожать «врагов народа», тот кто не выполнял плана по этой борьбе сам становился врагом. В брежневское – воровать, чтобы чиновничье окружение считало своим и не опасалось, что заложит. И обеспечивалось все это жестким механизмом отбора, не пускавшим на верх системы нормального человека. А если все же система давала сбой, и в эту среду попадал человек с более высокими моральными ценностями, то он рассматривался, как враг всей системы. За принадлежность к привилегированной среде надо платить нравственным единством с ней. Это могло быть даже забавно смотреть на то, как клоуны правящие нами сегодня, по отношению друг к другу употребляют характеристики типа: нравственность, порядочность, совесть, значения которых явно лежат за пределами понимания их среды, если бы не было так страшно за страну, которая многие десятилетия находится в непрерывном потоке чиновничьего лицемерия, тянущего ее в пропасть.

Список особенностей советского чиновничьего менталитета может быть продолжен и дальше, но основное представление о нем уже сформулировано. Главное, что чиновничье сознание рассматривает общество, народ, страну, как нечто чуждое, отдельно стоящее, что можно и должно использовать как дойную корову, диктовать ему свои условия, паразитировать на нем, собирать с него дань. Если исходить из того, что именно система управления должна быть нацелена на созидание, поскольку трудящаяся часть общества только выполняет то, что требует от нее управленческая машина, то такой тип чиновника вполне можно классифицировать, как чиновника-люмпена. А отсюда весь комплекс постсоветских чиновничьих подходов от установленных величин налогов и форм их взимания, до чиновничьей приватизации и механизмов дележа государственного бюджета.

Народный феодальный менталитет

Народное сознание в феодальном обществе, в отличие от чиновничьего, более тонкий элемент, поскольку является продуктом ряда противоречивых условий. Поэтому каких-то очень простых и однозначных ярлыков здесь навесить не

Прикладная философия filosoff.org
удастся, но определенные тенденции можно почувствовать.

Наиболее важный, определяющий момент человеческого бытия в феодальном обществе, это практически однозначно заданная социальная ячейка в которую человек помещен, без реальной возможности что-либо поменять в своей жизни (крохотный винтик в огромной государственной машине). Возьмем к примеру Россию восемнадцатого – девятнадцатого веков. Крестьянин прикреплен к земле и своему хозяину феодалу. Основной вид организации производства и одновременно форма взимания налогов – барщина, на которой крестьянин занят практически все рабочее время. Остаток этого времени тратится на работу на «своем» участке, чтобы содержать семью. Изменить свое социальное положение у крестьянина принципиально нет возможности, разве, что сделать над собой волевое и нравственное сверх усилие, бросить семью без средств к существованию, и рискуя жизнью, пуститься в бега. Для среднего человека это полностью исключенный вариант. Нормальный человек может пойти на него, только когда альтернатива – смерть от голода, семьи нет, а моральных и физических сил еще достаточно, чтобы уйти в бега. Если условно принять, что система, которая поставила его в эти условия, относительно разумна, то она, естественно, не подводит его к этой грани.

В результате складывается специфическое общественное сознание законопослушного человека, загнанного в условия полной безысходности. Общественная машина, в которую он помещен, отняла у него возможность действовать по собственной воле, и все решает за него. Он выполняет приказы общественной машины, но без малейшего желаяния. Способ стимулирования один – подгонять кнутом или страхом очень сурового наказания вплоть до смерти. Это режим работы на скороспелых военно-технических проектах Петра Первого, на строительстве первой российской железной дороги, на царской военной службе, на сталинских стройках коммунизма. В обычной жизни крепостного крестьянина жизнь чуть мягче, но основные принципы те же. Естественно, в таком режиме речь может идти только о самой примитивной физической работе. Соответственно, контингент для этого низко квалифицированный, низко интеллектуальный, без возможностей и потребностей к совершенствованию. Продолжительность рабочего дня близкая к предельной физиологической возможности, вариантов отдохнуть, расслабиться отключиться от этой безысходности немного, основное – вино. Застынь Россия в таком состоянии в середине девятнадцатого века, она бы безнадежно отстала. Демократизация позволила ей к двадцатому веку сравняться с остальным миром технически и организовать вариант феодализма на качественно ином культурно-техническом уровне.

Честно говоря, такой обобщенный психологический портрет крепостного крестьянина как-то не сходится с утверждением, что русская история в отличие от западной изобилует крестьянскими бунтами, бессмысленными, кровавыми, необычайно жестокими. Для бунта нужна внутренняя психологическая энергия, злость, ненависть, жажда мести, хоть какая-то конструктивная программа, хоть какой-то элемент организации, т. е. дополнительные организационные усилия. Октябрьский бунт с этой точки зрения психологически понятен. Возник он стихийно, когда на грань голодной смерти были поставлены семьи рабочих (у свободных рабочих энергии чуть больше, чем у крепостных крестьян, но этого все равно явно не достаточно), а дальше большевики захватив власть, внесли этот элемент организации, злости, ненависти, необычайной жестокости, которая только и позволяет такого человека заставить что-то делать. Взяли в заложники семьи, к армии приставили комиссаров евреев (у этой нации есть необходимая энергия), безжалостно расстреливавших за малейшие колебания или проявление гуманизма, развернули массовую агитацию ненависти к врагам большевизма, и тогда русский человек пошел в бой на других русских людей. А без большевиков бунт психологически не получается, не хватает очень важного элемента, энергии, запала. Возьмем русских классиков восемнадцатого – девятнадцатого века, описывавших жизнь своего времени: Гоголя, Пушкина, Тургенева, даже Некрасова и Радищева. Я не вижу психологической основы для бунта. Максимум, на что способны сами крестьяне (без Пушкинского дубровского), наказывать конкретного обидчика, может быть даже запалить барскую усадьбу, но после этого сдаться и пойти на каторгу, а наиболее естественный вариант – терпеть и заливать тоску вином.

И такой психологический портрет очень хорошо сходится с тем, что мы имеем в двадцатом веке, в коммунистическое и посткоммунистическое время. Русский самый терпеливый из европейских народов (в Азии есть такие же: китайцы, кампучийцы). В любой европейской стране достаточно было и десятой части того, что натворили наши Российские правители, чтобы возмущенный народ

пооткручивал им головы, а у нас за преступную партию власти голосует чуть ли не треть избирателей. Этому конечно есть небольшое оправдание, что хоть сколь ни будь приличной альтернативы все равно нет, вот за неимением другого и голосуют, хотя бы за тех, от которых понятно чего ждать, и за кого призывают монополизированные средства массовой информации. В этой связи можно опять вернуться к историям традиционной и нетрадиционной, изложенной в первой части. Историю переписать можно, но психологический тип народа, традиции, культуру не спрячешь. Как не могли древние итальянские (римские) легионы покорить полмира. Итальянцы умеют многое другое, но не воевать. Так же не умеют русские бунтовать, это очень терпеливый, внешне послушный народ, большая часть жизни которого загнана внутрь, скрыта от внешнего проявления. Русские могут упрашивать власть, с попом Гапоном или без него, но не воевать с ней. А власть в ответ будет продолжать выжимать из народа соки и решать не пора просителя наказать, потому как и так слишком зарвался. Не было в русской истории крестьянских бунтов ни Разина, ни Пугачева. Это были по своей природе совершенно другие события, междинастийные разборки. (Прочие русские бунты, типа восстания Болотникова, даже классическая история не считает крестьянским бунтом). Тысячу лет, всю цивилизованную историю человечества, феодальное государство уничтожало на Руси культуру народовластия, тем, что самым жестоким образом еще в зародыше давило минимальное даже мирное выражение народного несогласия с властью, стоящей над обществом. Это наша культура, наша традиция, нам с ней жить, нам ее и ломать, если это будет нужно. Этот русский тип отношений власти и общества очень точно описан Пушкиным в сказке о золотой рыбке. И результат предсказан гением русской литературы почти двести лет назад. Хотя Российские природные ресурсы это посерьезнее, чем золотая рыбка, и народ, и власть регулярно оказываются у разбитого корыта, чтобы начать весь цикл с начала, так ничему и не научившись.

Сталинско-брежневский феодализм двадцатого века в психологическом плане принес характерные особенности, связанные с качественно иным уровнем культуры и техники. В сельском хозяйстве, с коллективизацией, вернулись к чему-то промежуточному между крестьянской общиной и помещичьим землепользованием. В сталинские времена, когда можно было пойти по этапу за самое минимальное хищение или оплошность, система получалась более цельной и работоспособной. А в психологическом плане – классический феодальный вариант крепостничества. После отмены сталинских репрессий в стране и налогов на личное хозяйство, которые душили инициативу в зародыше, произошло приблизительно то же самое, что и после отмены крепостничества. Даже на тех, небольших участках, которые остались в личном хозяйстве, умеющие и желающие работать крестьяне оживились. Но хрущевское урезание личных подсобных хозяйств уничтожило эту высвободившуюся человеческую энергию. В результате получился психологический тип крестьянина, взявшего многое от крепостничества, в том плане, что он так же не хочет работать, так же не может обойтись каждый день без водки, но к тому же развращенного, готового украсть на пропой все, что плохо лежит. И сорок последующих лет в таких условиях привели к утрате способности трудиться. Деревня люмпенизировалась. Кроме этого преобладающего типа еще сохранился в небольшом количестве куркуль, тащаций все в норку, имеющий хороший дом и личный участок, который может работать, если это выгодно. Но поскольку советская система устроена так, что честным трудом ничего не заработаешь из-за того, что подсобные хозяйства урезаны, а в коллективе господствует уравниловка с крестьянами-люмпенами и полный произвол начальника, то он тоже больше ориентирован на рваческие воровские варианты вроде левого заработка на коллективной технике, или прикарманить то, что плохо лежит. Энергия и способности этих людей в фермерском варианте еще могли бы поднять сельское хозяйство, но кто же им даст отделиться и развернуться. После отмены крепостного права крестьянскую общину не удавалось разрушить полвека, а система колхозов будет попрочнее, поскольку в ней сочетаются черты общины и помещичьего землевладения.

Из-за сложности многих работ, а также вследствие коммунистических политических деклараций о выражении интересов рабочего класса, организовать полное крепостное право в городе не получилось, однако многое от него все равно присутствовало и влияло на общественное сознание, хотя в более мягкой сглаженной форме. Поэтому в общественном сознании низко квалифицированной части трудящихся происходили приблизительно те же процессы, что и в деревне. А более высокоинтеллектуальная часть трудящейся массы испытывала то же давление системы, но в силу иного уровня культуры и интеллекта реагировала более сложным и разноплановым способом. Какая-то ее часть ломалась под давлением системы, опускалась и деградировала подобно менее

интеллектуальной части трудящихся, какая-то из-за более высокого уровня эгоизма переступала в себе внутренние нравственные барьеры, вступала в КПСС и пробивалась в чиновничий слой, или за иные подачки от правящего класса начинала идеологически работать на выродившуюся феодальную коммунистическую систему. Сегодня, в период обострения противоречий, это вырождение, продажность значительной части гуманитарной интеллигенции очень хорошо видно.

Но достаточно многочисленная часть интеллигенции, в основном технической, не ломалась, не продавалась, а оставалась сама собой. Каждый искал свое решение в жизни в зависимости от своей культуры, профессии, интеллекта, среды, в которую он был помещен. Но в подавляющем большинстве это относится к творческим личностям, которые способны существенную часть своих жизненных интересов связать с процессом и результатом творчества, так чтобы это наполняло жизнь. При чем это может относиться к любой области, технической, гуманитарной, литературе, искусству, науке и пр. Главное, что у этого контингента есть необходимая энергия. Это золотой фонд нации, если он жив, то нация сумеет возродиться после любых катаклизмов. Но сложиться и существовать он может, когда хотя бы на разумном уровне решены материальные вопросы. Советское общество с его уравнилельной системой очень способствовало возникновению этого слоя, но последующее десятилетие после начала реформ, сильно его размыло, загнав в нищету эту категорию людей. Дикий, нерегулируемый рынок уничтожает в первую очередь немеркантилизованную часть общества: культуру, науку, литературу, серьезное искусство, непродажную публицистику и т. д. Незначительная часть представителей этого социального слоя сумела подстроиться и направить свою энергию на выживание в новых условиях, большая часть оказалась раздавленной хищным диким и незащищенным властью миром, созданным в эти годы. Еще около десяти лет (порядка времени смены поколения с начала реформ) и этот слой полностью растворится и уйдет в небытие. Россия перешагнет один из важных критических рубежей в общей деградации.

Таким образом можно подвести некоторые ментальные итоги существования Советского общества. Первый этап жесткого тоталитарного сталинского режима достаточно сильно ослабил в людях желание трудиться, но умение и навыки при этом сохранились. Второй этап, хрущевско-брежневский, устранил элемент тоталитарного насилия, заставляющий работать, не дав рыночных экономических стимулов. Уравниловка с множеством советских факторов, препятствующих нормальной работе, привела к тому, что все общество, начиная от системы управления до самых низко квалифицированных работников, начало люмпенизироваться, превращаться в паразитов. Россия, кормившая в прежние времена хлебом полмира, стала ввозить продовольствие, нефтяная и газовая труба, проложенная на Запад, со страшной скоростью начала обкрадывать будущие поколения россиян. В результате возникло одно из самых безнравственных обществ, крадущее у потомков (продаваемые природные ресурсы и растущий внешний долг).

Третий горбачевско-ельцинский этап, идущий последнее десятилетие, еще сильнее люмпенизировал чиновничество, превратив в откровенных воров и преступников, тесно сросшихся с криминалом и разворовывающих страну уже без оглядки, еще сильнее спойл и развратил люмпенизированную часть трудящейся массы, и очень основательно подточил нищетой здоровую часть трудящихся, а приватизационной гонкой не совсем еще разложившуюся часть чиновников. Россия превратилась в люмпен-государство, взяла уверенный курс на превращение в страну третьего мира, и способов, как свернуть с этого пути, не высказывается. Любой политик, озабочен тем, как прийти к власти, и потому льстит или что-то обещает развращенному российскому обществу. Невежественному покупателю пытаются всучить любой ценой недоброкачественный товар, а обратно, когда выяснится, что товар гнилой, его, естественно, никто уже не возьмет, поскольку мы родом из тоталитарии. В отставку добровольно никто не уйдет, даже, если начнется массовый народный протест. Т. е. по причине отсутствия в обществе культуры народовластия в стране действует дикий политический рынок. И власть сколько угодно может декларировать свое стремление нормализовать рынок, очевидно, что по крайней мере, политический рынок она специально пытается по максимуму оставить диким нецивилизованным, потому и процветают подленькие ельцинские приемы в политике, типа подкупа пенсионеров и работников бюджетных сфер, перед выборами, путем выплаты им долгов. Потому и побеждает партия власти, и значительным успехом пользуются коммунисты. Сказать развращенному люмпенизированному электорату, что он есть в действительности, может только тот, кто не претендует на политический успех, а не сделав этого, нельзя

рассчитывать на работоспособную программу и улучшение ситуации в стране.

Царская Россия жила в условиях рынка. Купцы, ремесленники, промышленные производства и помещики, т. е. все самостоятельные экономические субъекты торговали своей продукцией. Рабочая сила в сельском хозяйстве в основном была не наемной, однако система крепостничества в целом не противоречила рынку, а только деформировала его в части рынка рабочей силы. Постепенно с переходом с барщины на оброк и крепостные крестьяне все больше включались в рыночные отношения. Помещик собирал с крестьян налоги в пользу государства и по старой феодальной традиции удерживал кое-что себе со своего удела. Т. е. перевод крестьян на налог сделал помещика, который прежде, при господстве барщины, был организатором производства, в этом процессе дополнительным паразитическим звеном, что и привело к необходимости отмены крепостного права. Крестьяне начали платить налоги напрямую, минуя помещика. Потеряв свой основной доход, помещики, которые сумели организовать производство на своей земле с наемной рабочей силой, остались на плаву, другие разорились. Таким образом в старой России всегда были достаточно развитые рыночные отношения. Поэтому переход от средневекового феодализма к полноценному рынку проходил гораздо безболезненнее, чем сегодня, от современного феодализма, с почти исключенным рынком, через стадию люмпенизации и дикого рынка, к полноценному.

классовое российское общество после перестройки

Российская феодальная общественно-экономическая формация за последние годы сделала серию важных шагов навстречу рыночному общественному укладу. Во-первых, официально стала узаконенной частная собственность, во-вторых, создались и даже начали как-то действовать, хотя и с определенными издержками, демократические общественные институты. Характер общественных отношений в обществе начал меняться, соответственно, произошли и изменения в составе. В дополнение к двум основным классам Советского общества появился третий, предпринимателей, со своими характерными особенностями, интересами и соответственно, местом в социальном устройстве. Для начала вернемся к вопросу, а насколько вообще правомочно говорить о классах в обществе?

Разбиение на классы это модель. Как и всякая модель она обладает погрешностью. Но для общества, в котором произошло сильное расслоение по уровню доходов, и поляризовались интересы населения, такая модель наиболее точно будет описывать реальность. И в ней очень легко будет выделить характерные группы (классы), у которых в значительной степени совпадают имущественное положение, интересы, способы решения своих проблем.

Характерные особенности двух классов, доставшихся нам в наследство от Советского общества, уже достаточно подробно рассмотрены, поэтому проанализируем класс предпринимателей. Источников его возникновения, грубо говоря, два. Первый источник, это чиновничий капитал, созданный на разворовывании Советской собственности разными механизмами. Часть механизмов была связана с созданием юридических лиц в горбачевский и переходный от горбачевского к ельцинскому период, когда экономика еще не была рыночной и образовавшиеся рыночные субъекты грабили ее. В тот период проблемой было создать юридическое лицо и главное получить доступ к кормушке: банковским кредитам, разрешению на внешнеторговую деятельность, продукции советских предприятий, вооружению и т. д. Вторая часть возникла на этапе чиновничьей приватизации, когда различными финансово-административными манипуляциями чиновники присвоили себе практически все богатства России. К этой чиновничьей группе тесно примыкает криминальный капитал.

Природа криминала проста. Во всем рыночном мире, он существует как результат некоего баланса между доходностью преступного бизнеса и риском с учетом строгости наказания. Вообще большая часть рыночных балансов, в том числе и этот, достаточно легко, хотя и с некоторым элементом субъективизма, просчитывается с помощью раздела математики, называемого теорией игр (теория принятия решения при неполной информации). Поскольку на рынке любое равновесие есть результат баланса между спросом и предложением, то, к примеру, торговля наркотиками в чисто рыночных государствах не может быть

полностью уничтожена. Представим, что мы ужесточили наказание и усилили полицию в несколько раз. Это приведет к тому, что большая часть торговцев будет поймана, какая-то часть испугается и свернет свою деятельность. В результате предложение на наркорынке сильно упадет, что при неизменном спросе приведет к повышению цены. Теперь наиболее рискованные наркоторговцы все равно будут этим заниматься, поскольку прибыль сильно возрастет из-за выросшей цены. Теперь они будут работать более мелкими партиями, из-за повышения цены это становится рентабельно, большие средства можно будет тратить на подкуп служащих правоохранительных систем и т. д. Т. е. равновесие установится на другом уровне, но полностью уничтожить преступный бизнес рыночными методами невозможно. Уровень криминала определяется общественным балансом между работоспособностью правоохранительных органов, уголовными и уголовно-процессуальными нормами в обществе, с одной стороны, и уровнем доходов того или иного преступного бизнеса, с другой. Поэтому при общем ослаблении правоохранительных органов и изменении правовых норм в сторону демократизации, в России по рыночным нормам последовал неизбежный всплеск криминала. А основные методы криминальной работы сами являются результатом баланса между доходностью, в каждом виде преступной деятельности, риском попасться, строгостью наказания и уровнем доходов в законопослушном пространстве.

Поскольку дележ богатств страны был для тех, кто имел к этому доступ, сверх доходным делом, то в силу того же рыночного баланса и методы решения проблем в этом бизнесе возникали соответствующие. Поэтому класс чиновников очень тесно переплелся с криминалом. Начался этот процесс еще в брежневский период, опять же как результат стандартного рыночного баланса, рассмотренного выше. При чем этот баланс был сильно смещен в сторону высокопоставленных чиновников, которые во многих случаях оказывались не по зубам правоохранительным органам. При Ельцине эти механизмы, наработанные связи и методы заработали на полную мощь. По результатам выборов декабря 1999 года известны случаи, когда суммы в три миллиона долларов, брошенных на избирательную кампанию, оказывалось недостаточно, чтобы пройти в Думу. Из такой рыночной цены депутатского места можно понять реальный уровень доходов, которые может при желании получать депутат или те, кто за ним стоят, и это при условии, что основной тур дележа богатств страны уже завершен, и продолжает делиться только хилый бюджет и «мелочевка» из общенародной собственности, да и возможности депутатов существенно скромнее чем у исполнительной власти. Ну а также это может служить некоторым дополнительным критерием, позволяющим оценить характерный тип народного избранника, сидящего сегодня в Думе. У других типов просто неоткуда взяться соизмеримым деньгам, чтобы выиграть предвыборную гонку.

Эта часть класса предпринимателей характеризуется несколькими особенностями. Она вышла из чиновничества и теснейшим образом связана с ним сегодня. В ней проявляется большинство негативных черт советского чиновничества, т. е. паразитизм, невежество, полное нравственное вырождение, отсутствие даже минимального патриотизма, как правило, неплохое заграничное образование, некоторый внешний представительский лоск. Эти черты очень хорошо ложатся на тесное слияние с криминалом. Работать этот слой не умеет, создавать что-то или организовывать – тем более. Он нацелен на сверх доходные виды бизнеса вроде ограбить, украсть, приватизировать, получить сверхприбыль за счет таможенных льгот, дележа бюджета и прочих административных махинаций. Работать, созидать, тем более за нормальный по обще рыночным нормам доход, этот слой никогда не будет, разве, что в следующих поколениях. Поскольку эти доходы во многих случаях незаконны или законно весьма условно, то они вывозятся за границу и там оседают, из-за невозможности легализации внутри страны, из опасения нестабильной ситуации в России, и про черный день на случай возможной эмиграции. Этот слой сильно заинтересован в продолжении российской неустроенности, как можно дольше. Во-первых, потому, что это позволяет продолжать получать сверх доходы, во-вторых, из опасения привлечения к ответственности, в-третьих, из опасения пересмотров итогов приватизации, а так, по крайней мере, время течет, приближая окончание общепринятого в мире срока исковой давности, что снимет возможные претензии и оставит приватизированное в их собственности навечно.

Часть этого слоя предпринимателей-эксчиновников, как правило, это касается бывших руководителей производств, сегодня приватизировавших их, в принципе, в какой-то мере, заинтересованы в стабилизации и улучшении ситуации в стране. Но их позиция двояка. Им хочется, чтобы были нормальные условия для работы, нормальный рынок, не мешающая власть, подавленный криминал, но

чтобы итоги приватизации в отношении их сохранились, чтобы других незаконных приватизаторов и воров экспроприировали, а они остались полноценными владельцами своих производств. Этот слой относительно работоспособен и в меру патриотичен, хотя об отступных вариантах за границей не забывает.

Вторая часть класса предпринимателей возникла почти с нуля, не имея огромной стартовой форы чиновничества. Сюда попал какой-то процент предпринимателей-спекулянтов, выходцев из торговли прежних времен, которые имели доступ к дефициту, либо ходили по грани законности, частенько переступая ее в Советские времена. Они играли в рыночные отношения, когда за это привлекали к ответственности, поэтому легализация их бизнеса была для них благом, особенно на первых порах, пока они еще пользовались своими возможностями доступа к дефициту и уже имели неплохой начальный капитал. Сначала они очень бурно расцвели, но по мере распространения рыночных отношений, исчезновения монополизма и, как следствие, дефицита, расширения конкуренции, выяснилось, что в тяжелых условиях конкурентного рынка многие из них работать не тянут. Хотя определенная часть перестроилась и научилась работать. Но большую часть этого слоя предпринимателей составили выходцы из других категорий, которых жизнь заставила входить в рыночные отношения, чтобы выжить. Эти люди научились работать в тяжелейших условиях несбалансированного сжатого рынка, сверхвысоких налогов, душащих любую инициативу, произвола чиновников и развившегося криминала.

Этот слой предпринимателей, возникший из класса трудящихся, гораздо патриотичнее, поскольку у него, как правило, нет отступных вариантов за границей. Он умеет в меру своего положения созидать и руководить, но главное, умеет жить по средствам, экономить на всем, выживать, и помогать выживать еще огромному количеству людей, работающих с ним. Но этот слой пока беззащитен от произвола властей, полностью находится во власти рынка, а рыночные условия в подавляющем большинстве задаются властью, стоящей над обществом, состоящей из другого враждебному обществу сословия. Поэтому любые общественные рыночные катаклизмы, вроде обвалов рубля, ударяют по этой части класса предпринимателей. В частности кризис в августе 1998 года разорил значительную часть мелкого российского бизнеса.

Наша сегодняшняя экономика вышла из Советского времени, когда вся она была подвластна чиновнику, и потому была чрезвычайно неэффективна. Сегодня ситуация изменилась, в экономике появился хозяин. Однако в постсоветской экономике не все так просто. В крупном, приватизированном чиновниками бизнесе, практически все в организации осталось по-старому, по-советски, за исключением того, что основная часть дохода предприятий идет не в бюджет государства, а в карман к новым хозяевам. В мелком и среднем предпринимательстве роль хозяина существенно иная, здесь возможно гораздо более эффективное управление, но постсоветское наследство в виде традиций взаимодействия чиновничьей машины с обществом, набор прежних законных и подзаконных актов висит на этой части экономики непомерным грузом, особенно на производстве, душа его на корню.

Из трех компонентов собственности, наименее существенная «владение», как правило, оставлена предпринимателю полностью, да и то с некоторыми оговорками, что помещение во многих случаях не его, а арендуемое у чиновника, и право частной собственности на землю законодательно не решено, подвешивая право «владения» в воздухе. Второй компонент «пользование» включает в себя существенную часть – извлечение прибыли, и здесь действующая система, ставки налогов и обязательных для платежа внебюджетных фондов таковы, что это основное право гораздо больше оказывается у чиновника, чем у хозяина предприятия. Независимо от полученной прибыли, которой сегодня во многих случаях нет, предприниматель должен платить, оставаясь даже в убытке. Наконечнейшее право собственности, «распоряжение», тоже реально поделено между предпринимателем и чиновником в интересной пропорции. Множество чиновников в состоянии принять решение о закрытии предприятия или приостановлении его деятельности. Во-первых, это проверяющие и контролирующие ведомства, во-вторых, чиновники, представляющие монопольные службы, распоряжающиеся всеми коммуникациями: электроэнергия, вода, газ, тепло, канализация, в-третьих, местная администрация, комитеты по имуществу, распоряжающиеся помещениями, налоговые органы и т. д. А если к этому добавить, что предприниматель ограничен в своей деятельности множеством иных факторов рыночного свойства, проистекающими из его работы, а чиновник полностью свободен от них, то эта доля в чиновничьем праве «распоряжения» становится необычайно сильным

элементом давления на независимого предпринимателя через разрушение налаженного бизнеса (рабочие связи нарабатываются долго, а разрушаются мгновенно), вынуждая значительную его часть выносить в теневую экономику, ставя этот новый политический класс вне закона и тем еще повышая его зависимость от чиновника.

У предпринимателя в части распоряжения остается конечно существеннейший компонент – возможность продать предприятие или его долю, но кто будучи в здравом уме захочет платить нормальную цену или вкладывать инвестиции в предприятие, поставленное в такие условия. Т. е. политико-экономическая ситуация в стране явным образом влияет на рынок, рыночные цены, возможность инвестиций. Естественным явлением для Российской экономики становится вывоз капитала за границу и сокращение капиталовложений. При чем эта тенденция все больше начинает охватывать и средний бизнес. А следовательно нет оснований ожидать подъема производства.

Исходя из изложенного выше, можно утверждать, что рыночные реформы не носили революционного характера для Российской экономики. Начиная с первых шагов демократизации коммунистической системы 1953 года и до сего дня происходит один монотонный процесс, сохраняется одно классовое общество. Постепенно все больше собственность страны переходит к классу чиновников. Сегодня происходит завершающий этап этого процесса. Верхние слои чиновничества присвоили практически все дающие доход куски Российской собственности. Средних чиновников допустили к дележу менее лакомых кусков. Чиновникам более низкого ранга тоже была брошена подачка. Огромный штат различных контролирующих и надзирающих чиновничьих ведомств получил новые возможности по вымогательству с частных предприятий. Ранее, в Советские времена, этот контингент мелких государственных чиновников: эколог, пожарник, санитарный врач и т. д. надзирал за директорами государственных предприятий, т. е. чиновниками, реально стоящими в таблице о рангах на несколько ступеней выше их. Естественно, этот процесс был полностью бесперспективен из-за этого фактического различия в положении. Чтобы как то выправить ситуацию и сделать процесс контроля хоть мало-мальски действенным, советское законодательство наплодило огромную кучу необычайно жестких, превышающих все мировые нормы, инструкций, правил и прочих подзаконных актов, которые в рыночной экономике особенно ничего не портили. Поскольку их никто не отменял, то сегодня, в условиях рынка, они превратились в средство вымогательства с работающих предприятий. Вместе с этим еще появилось множество всяческих чиновничьих ведомств, что-то распределяющих, за чем-то следящих, собирающих налоги и отчисления и т. д. Т. е. класс чиновников существенно расширился и получил более обширные права для вымогательства и постепенного отбирания у трудящейся массы того немногого, что она успела создать за переходный период. Попытки же собрать хотя бы налоги с крупных приватизаторов для этих служб полностью бесперспективны из-за фактического различия положений в иерархии власти. Эти попытки временами делаются на государственном уровне, и некоторые такие кампании изредка заканчиваются частичным успехом, показывая реальную расстановку сил и власти сегодня в стране.

Как жить дальше?

Уровень понимания нашим да и зарубежным обществом комплекса социально-экономических и технических процессов, идущих в мире и нашей стране, сегодня чрезвычайно низок. В средствах массовой информации, многими ведущими политиками, наряду с достаточно квалифицированными и разумными соображениями на полном серьезе обсуждаются и рассматриваются предельно невежественные. Это показывает, что образовательный уровень в этих вопросах в обществе весьма невысок. Все работают в этой области где-то на уровне здравого смысла. Тот у кого со здравым смыслом все в порядке, по большей части высказывает разумные, но как правило бессистемные, соображения, те же, у кого со здравым смыслом проблемы, выдают хорошо перемешанную смесь относительно разумных идей и абсолютного бреда. И из-за полной неподготовленности в этой области, общество в равной мере воспринимает и первое, и второе. Чтобы внести в общество хоть какой-то элемент системы и образования, я и написал данный ликбез, так чтобы совершенно неподготовленному, но чуть-чуть умеющему думать человеку стало понятно что из чего происходит и для чего нужно. В частности, для этого пришлось

Прикладная философия filosoff.org
построить правильную, поддающуюся анализу и логике, историю.

Для того, чтобы обществу решить как жить дальше, надо ответить на несколько вопросов, первый блок из которых я сформулирую ниже. Во-первых, надо выбрать устраивающий нас тип государства из четырех возможных, во-вторых, понять какая экономическая формация нас больше устраивает, и наконец, в-третьих, сформулировать наше отношение к рынку. Может показаться, что ответы здесь очевидны. На самом деле это далеко не так. Как только начинаешь аккуратно определяться, то с желанием иметь что-то автоматически возникает набор того, от чего придется отказываться, хотя не всем этого хочется. Но для начала определимся с тем, что сегодня нам позволяет экономическая и политическая ситуация. По нашей культуре, истории, традиции, наконец присущим нам амбициям, для России естественен четвертый тип государства, феодального, нацеленного на войну. Этот тип не проходит сегодня, грубо говоря, по трем причинам. Во-первых, чисто экономически Россия на него не потянет. В таком режиме не выжил СССР, победитель во Второй Мировой войне, контролировавший существенную часть всего мира. Сегодня, когда сама Россия гораздо меньше, беднее, без контролируемых зависимых союзников, с надорванной разваливающейся экономикой, такая программа нереальна. Во-вторых, народ устал и измотан, кроме этого в принципе отсутствует идея, под которую можно было мобилизоваться для этой программы. В-третьих, уровень развития техники и технологий в мире таков, что эта программа нереальна по двум причинам объективного свойства. Глобальная война при современном уровне техники и энерговооруженности это самоубийство для всей цивилизации, поэтому государство, желающее играть в эту игру или хотя бы шантажировать, окажется в полной изоляции. А кроме этого основу современных передовых технологий составляют интеллектуальные, так называемые мягкие, технологии. Мало того, что надо иметь развитую техническую базу, аграрные, индустриальные и постиндустриальные технологии, чтобы выдержать это соревнование с другими странами, необходимо, чтобы обстановка в стране позволяла этими мягкими технологиями заниматься, чтобы множество людей, работающих в этой области находились в достаточно комфортных психологических условиях, без которых процесс творчества или невозможен или гораздо менее эффективен. Пока уровень технологий иной, и таких людей в обществе мало, им можно создать комфортные условия за счет других, но когда эти технологии начинают господствовать, надо создавать соответствующий климат для всего общества. Т. е. высокий уровень жизни, реальная защита и соблюдение прав человека на данном этапе развития цивилизации становится совсем не популистским лозунгом или расхожим штампом, а частью наиболее передовых производительных сил общества.

Конечно, весьма предпочтительным является первый тип государства, развитого рыночного, но у нас от этого типа слишком мало. В ВПК осталось немного технологий, позволяющих на это претендовать. Но достигнуто это было, по большей части, за счет слишком больших вложений, и привлечения слишком многочисленных людских ресурсов. Эффективность наших работ в науке и военном производстве не достаточна для государства первого типа. Что касается прочих областей, то здесь мы отстаем настолько, что и второй тип, относительно отсталого рыночного государства, во многих случаях сегодня нас превосходит. Т. е. реальное наше место сегодня между вторым, отсталым рыночным и третьим типом, милитаристским, ориентированным исключительно на внутреннюю стабильность. В политике реально мы тоже находимся на перепутье между этими типами государств. С одной стороны начинают действовать демократические институты, с другой, армия воет на собственной территории, и общество находится в постоянном страхе узурпации власти и уничтожения возникших демократических институтов. Так постоянно было с Ельциным, сегодня такие же опасения с его преемником. Власть пока старше всего общества и может делать то, что захочет. Поэтому все демократические институты держатся на честном слове тех, кто сегодня у власти. А кто там, и что у них в голове – большой вопрос. По их отрывочным и бессистемным заявлениям очевидно, по крайней мере, что понимания, как жить и что делать, какие истинные приоритеты, и как обеспечить их реализацию, ни у кого из нынешних власть имущих сегодня нет, обществу приходится об этом только гадать, пребывая в неуютном режиме неопределенного ожидания.

Из предыдущего анализа ситуации мы имеем сегодня резкую поляризацию интересов в обществе. Малочисленная группировка жидов, приватизировавшая добывающие отрасли, продукция которых всегда будет конкурентоспособна на мировом рынке, заинтересованы в превращении в государство третьего типа, милитаристское с властью стоящей над обществом, и подчиненной им. Главный для них вопрос это удержать приватизированное, поэтому такой тип

государства сегодня для них подходит лучше всего. Но он же их вполне устраивает и в дальнейшем. Им не нужна сильная страна, достаточно, что у нее есть ядерное оружие, и потому просто так никто отобрать территории и природные ресурсы не решится. Им не нужна большая часть населения, о которой надо думать и постоянно как то учитывать общественные тенденции, может быть тратиться для влияния на нее, пусть народ сокращается, вымирает, эмигрирует. Оставшаяся часть тоже лучше малограмотная, люмпенизированная, спившаяся и одурманенная наркотиками т. е. неорганизованная, неопасная, легко управляемая мелкими подачками и послушной подкупленной армией. Эти приватизаторы объективно заинтересованы в превращении России в страну третьего мира, сырьевой придаток развитых стран.

Большая часть россиян заинтересована в подъеме и расцвете экономики, так чтобы они превратилась в благополучный, нормально обеспеченный, средний класс. Их цель – государство первого типа, развитое рыночное, но для сегодняшней России путь туда лежит через государство второго типа, рыночное слаборазвитое. Поэтому этот контингент будет за рыночные отношения и весь сопутствующий ему комплекс демократических свобод. Однако уровень понимания вопроса: что такое рынок, каким он должен быть, регулируемым или свободным, если регулируемым, то как его регулировать; в обществе невысок, и предельно запутывается политиками недоучками разного толка от демократов свободных рыночников до коммунистов. Роль средств массовой информации в прояснении этого вопроса тоже далеко не позитивна. Одна часть их транслирует общий сумбур, царящий в общественном понимании этого вопроса, а другая, продажная, целенаправленно уводит общество от демократии и рынка к государству третьего типа.

Если бы такое деление на две общественные группы было полным, то с учетом российской истории и ментально-психологических народных традиций страна однозначно пошла бы по пути государства третьего типа. И такую очень сильную тенденцию мы сегодня имеем. По крайней мере, с 1953 года нас тщательно готовили к этому – люмпенизировали, а последние десять лет успешно вели именно в этом направлении, пугая коммунизмом. Россия успешно сдавала позицию за позицией, позволяющие ей стать рыночным государством второго типа с определенными заявками на вхождение в первый тип. Сегодня утрачена большая часть таких возможностей. Развалено сельское хозяйство, страна ввозит значительную часть потребляемого продовольствия. Развалено почти все производство ширпотреба, не выдержавшее конкуренции после открытия внутреннего рынка для импортных товаров. Обескровлена тяжелая промышленность и энергетика. Утрачена основная часть достижений в области новых технологий в ВПК. И самое главное, произошел кадровый разрыв. Через время порядка смены одного поколения с начала преобразований, т. е. приблизительно через десять лет, будут безвозвратно утрачены основные профессиональные кадры в науке и новых технологиях, не создав смену. Это будет последний невозполнимый рубеж в плане деградации государства.

Никто конечно открыто такой путь для России не декларирует, но силы, которым это выгодно, в чьих руках сегодня деньги, реально и вполне осознанно ведут нас по этому маршруту, и конечный пункт уже хорошо виден. Очередной экономический кризис, который по состоянию экономики неудержимо надвигается, крах финансовой системы, коллапс производства, голод, народные беспорядки, всплеск преступности, и в качестве ответной меры, «поддержанной большинством народа», – военная диктатура. Вся же чиновничья постсоветская машина настроена на тоталитарный режим своего главенства над обществом, поэтому такой режим власти для нее оптимально подходит, ничего не надо будет перестраивать, действующий чиновный аппарат такую схему поддержит с огромным усердием.

Есть ли какие-то объективные возможности свернуть с этого пути? Пока еще есть. И предпосылок для этого две. Во-первых, это наличие иных социальных групп, кроме двух рассмотренных выше, т. е. неоднородность класса предпринимателей. Объективно в таком развитии событий не заинтересован весь мелкий бизнес, выросший из класса трудящихся. Такая система власти для него это прямой путь к разорению. И не заинтересована часть предпринимателей крупного и среднего бизнеса, работающая на внутреннем рынке. Такой путь страны приведет к сворачиванию внутреннего рынка, т. е. угасанию их бизнеса, а объективной возможности для прорыва на внешний рынок у них сегодня нет. Таким образом в стране есть социально активные силы и относительно большие деньги, которые ориентированы на иной путь. Во-вторых, класс чиновников тоже достаточно неоднороден. Слабым «ненадежным» звеном в этом процессе оказывается вершина чиновничьей машины. Психологически на

житейском уровне понятно, что даже столь негативные кадры вроде Ельцина, будь у них возможность, предпочли бы оказаться не в роли приказчиков у жидов, а стать народными героями, поднявшими страну. Т. е. знай Путельцины, как это сделать, они бы на это пошли, сдав интересы своих хозяев, тем более, что набор хозяев на том этапе еще только оформлялся. Просто объективное историческое развитие управленческой Советской системы позаботилось о том, чтобы в управлении страной не откуда было взяться не только по-человечески приличным, но и квалифицированным, умным кадрам, способным программу разработать или хотя бы понять предлагаемую другими. К примеру, то, что я пишу здесь, хотя и так пришлось опуститься до пальцевого уровня по физико-математическим меркам, все равно будет сложновато, для большинства приближенных к власти ученых-экономистов, даже и с научными регалиями, и естественно, совершенно непонятно самим правителям.

Что делать?

Все споры в обществе по этому вопросу проходят в другой плоскости, уходя от действительной проблемы. К примеру, ломаются копыя по поводу экономических программ. Да действительно экономика это важная их часть, но сегодня проблемы не в ней. Любая сколь угодно хорошая программа не будет работать, если основные ее элементы будут саботироваться чиновниками, если не будут платиться налоги, если там где по расчетам должны быть инвестиции, потенциальный инвестор посчитает вложения невыгодными или рискованными, исходя из экономической, политической или криминогенной ситуации.

Решение в действительности очень простое, оно лежит на поверхности, когда понимаешь суть проблемы с азов, хотя бы на уровне моего ликбеза, когда чувствуешь ее, а не подходишь к вопросу догматически, путем повторения набора общепринятых штампов. Рынок сам все выправит и отрегулирует самым быстрым и оптимальным образом, сам вытянет экономику из провала. Но случится это при одном условии, что он будет близкий к идеальному, когда действуют его регулирующие функции. Поэтому выход из ситуации лежит не в экономике, вблизи от нее, в сфере, которая обеспечивает нормальную работу рынка, в устройстве общества. Каким должно быть это устройство, чтобы рынок был идеальным? В устройстве общества свободы и их ограничение должны сочетаться так, чтобы рынок в каждой существенной области, где имеют место потери, мог минимизировать величину обобщенных налогов. При современном уровне развития производительных сил эффективность производства достаточно высока, так что существует приличный запас создаваемой прибыли. Часть ее должна уходить на обобщенные налоги. Чем меньше от прибыли остается предпринимателю, тем меньше идеальность рынка хуже его регулирующие способности, тем медленнее он перестраивается под изменяющиеся условия, поскольку любое изменение требует затрат. Регулирующие свойства рынка работают на экономическом интересе предпринимателя.

Сейчас мы имеем в экономике набор дыр и проблем. Рынок их очень быстро залатает и устранил, если будет идеальным, если у предпринимателя будут достаточные средства для вложений и они будут к нему быстро возвращаться. Если же мы оставим предпринимателя без этих средств, или они после сделанных вложений не будут к нему возвращаться, а все уходить на обобщенные налоги, то регулирующие свойства рынка полностью пропадут. Поэтому повторюсь еще раз, общество должно быть устроено так, чтобы предпринимателю оставалось как можно большая часть прибыли. А для этого необходимо одно, такое устройство общества, чтобы оно само настраивалось на минимум обобщенных налогов. Проиллюстрируем это на примере.

Тому, кто не достаточно внимательно читал, может показаться, что я призываю не брать налоги с предпринимателя, или брать как можно меньше. На самом деле это не так. Возьмем на выбор любую область, где естественным образом, помимо желаний членов общества возникают обобщенные налоги (потери), к примеру, соблюдение порядка. При наличии преступности и различных служб охраны порядка на общество все равно ложатся следующие нагрузки: потери от преступности, потери от случайных нарушений общественного порядка законопослушными гражданами, официальные налоги на содержание милиции и иных служб, участвующих в комплексе поддержания порядка и наказания преступности, потери от ошибочных действий правоохранительных органов, потери от их чрезмерного усердия, мешающего нормальной жизни и работе

людей, потери от злоупотреблений этих служб. Обобщенный налог в данном случае будет суммой всех перечисленных налогов и потерь. Общество путем выбора оптимальной величины официального налога на содержание правоохранительной системы и адекватной подстройкой всех вспомогательных элементов в этой области должно найти минимум для обобщенного налога. Очевидно, что он существует.

При полном отсутствии милиции потери от преступности будут огромны. При очень мощной милиции преступность сократится, но содержание самой милиции станет очень дорогим. При полномочиях милиции хватать кого угодно, задерживать на неопределенный срок без суда и следствия, применять пытки, отрубать вора́м руки и т. д., она будет очень эффективно бороться с преступностью, однако потери простых гражданам от такого ее усердия превысят потери от преступников. И наконец вариант чрезмерно развитых прав человека, не позволяющих реально пресекать преступность, тоже далеко не благотворен для общества. Задача общества выйти во всем этом комплексе вопросов на некую золотую середину, которая позволит минимизировать потери, т. е. достигать минимума данного обобщенного налога. Для этого надо создать такую саморегулирующуюся, самонастраивающуюся систему, которая позволяла бы на этот минимум автоматически настраиваться с учетом всех возможных изменений: богатства общества, его культуры, техники, уровня доходов и т. д., и налоги брать такие, чтобы минимизировались обобщенные налоги в каждой конкретной области.

В благополучных рыночных обществах с длительными традициями саморегулирование осуществляется через выборность Парламента. Все распределения, т. е. величины налогов, процессуальные нормы и т. д. уже сложились и по мере необходимости законодатели их понемногу корректируют в ту или иную сторону. Т. е. при сложившейся уже системе достаточно того быстрогодействия в плане настройки на минимум обобщенных налогов, которое традиционно сложилось. Нам же тупо копировать эти нормы и величины налогов с рыночных государств бессмысленно, поскольку системы на сегодняшний день очень сильно отличаются по огромному числу существенных параметров. Нам необходима система настройки более быстрогодействующая, более надежная, пусть первоначально и более дорогая. Дополнительные затраты очень быстро окупятся тем, что экономика станет эффективной.

Начато все должно быть с изменения соотношения власти и общества. Сегодня власть стоит над обществом, сама устанавливает налоги и решает, как их распределять, естественно, в первую очередь не забывая себя. Общество для нее некая дойная корова, у которой эти налоги надо вырвать, отобрать любой ценой, путем штрафов, угроз, вымогательства. Это стандартный менталитет чиновника, стоящего над обществом. С нашим менталитетом естественен вопрос, а как же иначе? Ведь даже на Западе, где судья по моим теоретическим изысканиям налоги платят добровольно, сплошь и рядом народ уклоняется от них, а власть еще за это сажает в тюрьму. Какая уж тут добровольность, тем более если перенести это на нашу действительность. Уклонение от налогов в рыночных государствах действительно есть. Во-первых, везде есть нечестные люди, желающие въехать в Рай на чужом горбу. Во-вторых, Запад ведь тоже в значительной степени утратил культуру народовластия, люди в большинстве своем догматики, превозносят некоторые штампы, не понимая истинной природы вещей. Поэтому никто и не пытается расширять культуру народовластия, поскольку острой потребности в этом нет, и так живется не плохо, тем более, что любое новшество всегда требует дополнительных затрат. В-третьих, власть и там пользуется значительной автономией и уступать хотя бы частично свои привилегии не желает. Но все же большая часть законопослушных граждан платит налоги добровольно, хотя и без особого рвения, понимая общественную необходимость этого, реально по жизни ощущая куда и на что они идут, чувствуя в этом пользу для себя лично. Отсюда, между прочим, и вполне нормальный не подлый режим доносительства. Если человек по жизни ощущает, как расходуются налоги на общественные интересы, в том числе, и его, то на соседа, не платящего налоги, он укажет соответствующим органам не из подлости, а из того, что реально будет чувствовать, что в собранных налогах есть и его доля, что неплательщик залезает и в его карман, тем что недодает в общий котел.

У нас же любая властная структура делается не для людей, а для выполнения некоторых функций, отчета перед вышестоящей властью. Эта властная структура может и делать что-то общественно полезное, но по жизни получается, что основное ее назначение – давление на людей, угнетение их, создание им дополнительных проблем, усложнение жизни, создание дополнительных поводов

для вымогательства с них. На Западе полицейский это защитник людей, у нас реально от милиции ждешь одних неприятностей, работник Гаи в большинстве случаев – основной враг автомобилиста. И дело не в людях, там работающих, а в общей системе, под которую все подстраиваются. По нашей системе норма, что при общении с любым представителем власти простой гражданин должен чувствовать себя виноватым, быть готовым понести наказание, а если он, к примеру, выпивши, то уж тут его вина налицо, делай с ним что хочешь. Приблизительно такое же отношение и к налогам. Сегодня, когда власть стоит над обществом, все граждане достаточно солидарны в вопросе неуплаты налогов этой ненасытной vorовой чиновничьей прорве, которая собирает бюджет в основном для того, чтобы разворовать его. Т. е. нормальный человек никогда не пойдет доносить на соседа, уклоняющегося от налогов, а наоборот подскажет, как это сделать лучше. Это стандартный тип мышления по вопросу соотношения власти и общества. Это первое и основное, что надо поменять.

Власть и общество

Идеология налогообложения, призванная поменять положение в обществе по этому ключевому вопросу, приблизительно должна быть следующей. Общая величина налогов, которые платит налогоплательщик ему определена, но в пределах этой суммы он сам волен решать как распределить налоги. В течение некоторого переходного периода исполнительная власть должна иметь возможность частично перераспределять собираемые налоги между ведомствами, их получающими. При этом перераспределяемая доля должна постепенно убывать в течение этого переходного периода, пока не дойдет до нуля (перераспределение закончится). Так сами граждане смогут активно влиять на процесс управления в государстве, сами решать, где по их мнению нужнее сегодня бюджетные средства. А начальник, выборный или назначенный, получающего бюджет ведомства, если он конечно не желает остаться без средств, регулярно должен будет выступать в средствах массовой информации, отчитываться перед гражданами, объяснить какие трудности, что он делает для улучшения, и тогда если он будет правдив и убедителен, и итоги его деятельности люди будут ощущать по жизни, налогоплательщики в следующий раз выделят ему больше. А если по его ведомству есть нарушения, злоупотребления и пр., и об этом появились публикации, то уж тут налогоплательщик не даст ему денег, пока не будут улучшения, или плохого руководителя не заменят. Вот способ создания самой короткой, самой быстродействующей обратной связи в обществе, система организации прозрачности бюджетных расходов, стимул управленческих структур к удешевлению. Ее эффективность мы почувствуем через несколько месяцев после введения.

Теперь несколько слов о величине налогов. Честно говоря, этот вопрос больше в компетенции экономистов, однако из предыдущих рассуждений можно сделать такой вывод. Налоги могут вычисляться различными способами, с различных налогооблагаемых баз, однако платиться они должны только из прибыли. И совокупная величина всех налогов не должна превышать некоторую долю прибыли. Назвать ее должны экономисты, однако по моим ощущениям на сегодняшний день из опыта работы нескольких совершенно разных профильных предприятий, к которым я имею отношение, эта общая доля налогов не должна превышать шестидесяти процентов прибыли. При такой доле регулирующие возможности рынка сильно упадут, но рынок еще останется работоспособным. Для повышения его работоспособности и оперативности необходим набор льгот по этой итоговой доле. Такую величину налогов я бы лично платил, если бы верил власти, видел бы позитивные перемены. По мере нормализации жизни эта доля, естественно, должна уменьшаться. Для справки, сегодня совокупная величина налогов в среднем значительно превосходит эту величину, 60%, и как правило, выше 100%, вынуждая любого предпринимателя, даже самого честного, уклоняться от налогов. Само бы общество, естественно, никогда бы такого безобразия в части налогообложения не создало, это может делать только преступная и невежественная власть, стоящая над обществом. Т. е. наличие Парламента само автоматически еще ничего не решает. Туда лезут решать свои проблемы, а не народа (не из альтруизма же платят огромные деньги на избирательные кампании), нужен еще набор дополнительных работоспособных механизмов народовластия.

В частности, должна быть к минимуму сведена разрешительная система. Это во-первых, вариант запретов, очень любимый постсоветским чиновником, а

во-вторых, вариант налогообложения, от которого необходимо уходить, если мы желаем сохранить регулирующие функции рынка. Налоги должны платиться только из прибыли. Покупка патента на какой-то вид деятельности должна быть только как альтернативная форма к стандартной системе налогообложения, на которую по своему желанию может идти или не идти налогоплательщик.

Любая исполнительная власть в обществе не должна иметь безусловного права запрета или насилия над личностью. Она по своей обязанности должна обладать правом подобной инициативы, но разрешение должна давать только другая ветвь власти, арбитражная. Т. е. любой чиновничий запрет, штраф, арест и т. д. должны делаться только с постановления судебной власти, которая в смысле арбитража старше любого субъекта в обществе, но сама не обладает инициативой. Сам же судья должен быть избираемым. Общество в очередной раз должно подтверждать свое главенство над властью. Это не роскошь, не блажь, а настоятельная необходимость. Проверяющий чиновник: санитарный врач, эколог, пожарник, ОЭПовец, РУБОПовец и т. д. (в идеале и ГАИчник) не должен иметь права запрещать, штрафовать или иных негативных санкций по отношению к физическому или юридическому лицу. Исключение только в случае непосредственной угрозы жизни, здоровью или имуществу. Решение должно быть только через суд. При суде должна быть служба судебного исполнения. Ее полномочия, опирающиеся на решение судебной власти, должны быть выше полномочий любой исполнительной власти. Руководитель службы судебного исполнения тоже в большинстве случаев должен избираться. Общество не должно пренебрегать необходимостью постоянного подтверждения своего старшинства над любой властью.

Фактически для масштаба жителей порядка нескольких тысяч человек, не более десяти-пятнадцати, основу общественного самоуправления должны составить три выборных должностных лица: мэр, судья, шериф. Терминология не существенна, важен принцип организации этих властей, то что они должны быть для народа, и при таком масштабе это вполне реализуется, поскольку обратная связь (выборы и возможность перевыборов) оказывается достаточно короткой и быстродействующей. Выборный мэр ничего качественно вроде не меняет, он на первом этапе вообще меньше других нужен в этой троице. От того, что участковый милиционер будет выбираться некоторый прок виден, но вряд ли это что-то решающим образом изменит. А вот судья, на такой масштаб населения, это то, что вместе с выборным участковым милиционером, который во многих случаях будет обеспечивать исполнение судебного решения, должно качественно изменить жизнь внизу. Задача этих трех выборных должностных лиц максимально на своем уровне помочь работе рынка, и они могут вполне разгрести часть чиновничьих завалов на его пути. В этой связи возникает только один чисто технический вопрос, где набрать столько судей? На эту должность, особенно на первом этапе, профессиональные судьи и не нужны. Этим судам будут подсудны наиболее простые дела, в большинстве случаев понятные на житейском уровне, а определенный юридический ликбез может быть пройден таким выбранным судьей месяца за три-четыре после его избрания. А результатом в конечном итоге должна стать более высокая юридическая грамотность всего населения.

Я не верю в демократию, когда речь идет о власти далеко отстоящей от народа. Даже когда речь идет о выборной власти для нескольких десятков тысяч человек это слово уже почти всегда превращается в пустую декларацию. При таком масштабе каждый избиратель не может лично знать кандидатов и стало быть на выбор избирателя больше будет влиять выборные технологии, реклама, т. е. в конечном счете, деньги кандидата. Когда же речь идет о масштабе не более нескольких тысяч человек, не более десяти-пятнадцати, то большинство людей способно знать кандидатов лично, и вложенные в кампанию деньги и выборные технологии теряют свое значение. Культура народовластия должна складываться снизу.

Естественно, это комплекс народовластия обойдется недешево, но без него в России не имеет смысла говорить о рынке, т. е. системе минимизации обобщенных налогов. Общество должно на минимум обобщенных налогов уметь настраиваться. Самонастраивающаяся система стоит денег, но они в результате окупятся, без такой настройки мы уверенно придем к государству третьего типа, когда о минимуме обобщенных налогов говорить будет бессмысленно.

А после того, как комплекс народовластия начнет складываться первое что будет необходимо сделать, это привести правовые, природоохранные, санитарные и прочие нормы в соответствие с реалиями современной жизни, выстроить систему отношений физических и юридических лиц с этими

Прикладная философия filosoff.org
государственными службами, с целью минимизации обобщенных налогов. В качестве примера рассмотрим правоохранительную систему.

За последний век Россия проскочила путь от порядка, когда нормой было исчезновение человека без суда и следствия, до норм, принятых в правовых обществах с солидным стажем и традициями. А в итоге мы живем в условиях предельно неработоспособных правоохранительных органов, нищих, потому коррумпированных, нравственно разложившихся. Милиция сегодня охраняет торговцев наркотиками, предпочитает обходить стороной преступников, но зато с удовольствием пристаёт к нормальному, чуть выпившему человеку с целью обобрать его, а заодно отчитаться о проделанной работе. Действующие законы из-за слабой технической оснащённости, нехватки и отсутствия заинтересованности квалифицированных кадров, практически не позволяют бороться с преступностью, поскольку преступник как правило способен иметь адвоката, оказывать на работника правоохранительных органов иное воздействие, технически оснащён лучше. А вот обычный законопослушный и ограниченный в средствах человек, которого, например, ситуация вынудила защищаться от преступного посягательства с минимальным нарушением действующих законов в первую очередь оказывается под ударом правоохранительных органов. По житейски это выглядит так: «На простого человека наехали бандиты. Милиция его защищать отказывается, один из стандартных ответов: приходите, когда что-то случится, т. е. убьют или покалечат. А если человек решится защищаться сам и добудет оружие, то его милиция с удовольствием, поскольку здесь опасного противодействия не предвидится, сходу повяжет и припаяет срок на полную катушку». Т. е. реально сегодня милиция в условиях уголовных и уголовно-процессуальных норм, скопированных со стран с иной экономической, криминогенной и социальной ситуацией, в большинстве случаев выступает не заступником от преступника, а его пособником.

То, что здесь предлагается, в части изменения отношения власти и общества, в социальном плане далеко не безобидное деяние, это социальный переворот. Предлагается схема, при которой господствующий класс чиновников потеряет свою роль, станет подчиненным обществу, реально главным лицом в экономике должен стать предприниматель, тот кто управляет экономикой общества, а в социальных вопросах, само общество, его граждане, налогоплательщики, избиратели. Естественно, власть так просто никто не отдаёт, особенно с нашим российским менталитетом чиновничьей среды. Даже если нечто подобное возьмет на вооружение действующий президент, намеренный опираться в процессе преобразований на существующую или чуть модернизированную чиновничью машину, то по этой программе заранее можно служить панихиду. Она будет встречать колоссальное разноплановое сопротивление, неизбежно саботироваться и срываться чиновниками любого ранга, любой ветви власти. Как же ее провести в жизнь?

Экономическая ситуация в России

Прежде чем разбираться в политических вопросах, хотелось бы до конца определиться в некоторых иных аспектах. Во-первых, понять как лучше существовать России, распавшись на части или в виде единой империи, на сегодня территориально все еще самом большом государстве мира. В распаде есть всего одно объективное преимущество. Каждая малая часть, во-первых, будет ближе к народу, чиновничья машина сократится на несколько ступеней, и во-вторых, станет гораздо беднее, и власть волей неволей вынуждена будет пойти на то, что начинать оптимизировать систему управления. А при нынешнем уровне развития техники, если систему управления оптимизировать, жизнь нормализуется достаточно быстро. В империи же с колоссальным богатством, даже в случае разоренной страны, заставить власть это делать гораздо сложнее, потому как она экономически будет все равно весьма благополучна, а вероятность опасных для власти народных выступлений гораздо ниже из-за большей мощи государственного аппарата. Поэтому любая центральная власть сильно заинтересована в сохранении империи.

Для простого народа это единственная причина желать распада империи, при наличии большого числа доводов в пользу ее сохранения, но при некоторых условиях эта причина может оказаться решающей. Это наступит при переходе страны в государство третьего типа, когда из-за полной деградации системы

власти надежд на оздоровление ситуации для всей империи целиком вообще не останется.

В распаде империи по-настоящему заинтересованы только местные элиты. Но более или менее реальная возможность отделиться есть только у тех, которые имеют серьезные запасы полезных ископаемых и имеют национальные образования, позволяющие увлечь население на националистической волне. Опыт Чечни показывает, что отделиться им не удастся. Процесс отделения может стать позитивным только после того, как центробежные тенденции приобретут массовый характер, и центр будет не в состоянии удерживать всех. А для этого надо, чтобы простые граждане настолько разочаровались в центральной власти, что махнули бы рукой на все плюсы от жизни в богатейшей империи. Поэтому улучшение положения в стране это объективное требование ее целостности в ближайшем будущем.

Другим решающим моментом для будущего страны является состояние производства. Поэтому придется коротко охарактеризовать его. Все производство грубо может быть разделено на три группы по характерной экономической ситуации в них, возможным условиям инвестиций, значению для жизни страны. Производство потребительских товаров это тот базис, который позволяет вытянуть экономику, дать ей первый толчок. Здесь есть набор отраслей достаточно легких на подъем, технологии которых доступны для малых и средних фирм. И средств, необходимых для инвестиций, достаточно внутри страны. Это производство продуктов питания, одежды, обуви, сфера услуг и т. д. Развитие этих отраслей потянет за собой большое количество смежных отраслей. А появление доходов у населения даст толчок к развитию и потребительских товаров длительного пользования, автомобилей, недвижимости. Для того, чтобы эти отрасли у нас ожили надо совсем немного, создать нормальные рыночные условия, грубо говоря выполнить то, что изложено в предыдущей главе. К этому неплохо бы добавить еще правильную государственную таможенную политику, поддерживающую своего производителя. Но при установлении нормальной власти, это автоматически должно быть одним из приоритетных направлений ее деятельности. Нормальной власти это объяснять не надо, а нынешней власти, умеющей говорить красивые слова, хорошо понимающей только свой интерес, но не ситуацию в стране, что-то объяснять бессмысленно.

ВПК это та единственная сфера, где мы имели конкурентоспособные новые технологии. Сегодня у хозяина ВПК много головных болей и практически никакой отдачи, но сохранить то, что здесь осталось, это единственный вариант заложить фундамент возможного процветания в будущем, возможность перехода страны из второго типа государств в первое, развитое рыночное. Здесь нужны серьезные инвестиции, которых нет внутри страны, а до того, хотя бы условия для сохранения и частичного воспроизводства кадров. Решение этих задач возможно только на государственном уровне, сегодня поддержка этих отраслей, а в будущем обеспечение их государственными заказами и активным внедрением с помощью государства на мировой рынок. В будущем это должно стать приоритетным направлением государственной деятельности, но все это возможно только после оживления экономики, наполнения бюджета, создания нормального политического и экономического климата для привлечения инвестиций, включая иностранные. Но сегодня для стабилизации ситуации это направление не играет существенной роли, главное не дать ему рухнуть, а заниматься им всерьез надо начинать чуть позже, только если начнется общий рыночный подъем в стране.

В сельском хозяйстве у нас занято населения больше в разы, чем в любой благополучной стране. Сельскохозяйственных угодий нормального качества на душу населения больше, чем у кого либо. Тем не менее страна ввозит продовольствие.

К примеру, в молочном животноводстве Московской области сегодня получается сверх прибыль. При себестоимости одного литра молока около двух рублей, оптовая цена в двое выше. Отдача более семи процентов в месяц на основные вложения, если делать их в молочное стадо. Т. е. при средней коммерческой цене валютного кредита около двух с половиной процентов в месяц, кредитование и инвестирование этой отрасли выгодно даже на коммерческой основе, хотя во всем цивилизованном мире сельское хозяйство пользуется определенной поддержкой государств. Тем не менее инвестиций нет, никто в сельское хозяйство Подмосковья не вкладывается. С точки зрения инвестиций рынок не работает.

Взглянем на ситуацию с другой стороны. В стране нехватка продовольствия. Нормальный рынок должен давать человеку определенную мобильность, т. е. тот у кого есть силы и желание, должен иметь возможность увеличить свой рабочий день, интенсивность труда и иметь от этого отдачу, поскольку есть спрос. Реально этого не происходит, ситуация не позволяет. Т. е. с рынком и здесь что-то не так.

Мировой исторический опыт приблизительно так расставил по уровню эффективности варианты хозяйствования в сельском хозяйстве: самый эффективный вариант – фермерский, когда практически всю работу выполняет одна семья хозяев, потом помещичий вариант укрупненного производства с большим количеством наемных рабочих, хуже всех крестьянский кооператив. Однако при одном уровне развития техники их эффективность отличается слабо, поэтому в разумных пределах все они конкурентоспособны. Наше сельское хозяйство по эффективности на одного человека уступает всем этим вариантам в разы (сегодня до десяти раз). Т. е. дело не в формальной организации производства, поскольку основная форма у нас сегодня – большой кооператив (ТОО, ООО, ЗАО, КСП и т. д.).

Поскольку этот вопрос является ключевым для экономики страны, то я вынужден проанализировать его подробнее, начиная с предыстории. Коллективизация с принудительным рабским трудом. Потом уничтожение приусадебных участков, где как-то развивалась частная инициатива. Длительный период люмпенизации сельского населения в период хрущевско-брежневского нефеодализма. В это время государством проводилась специальная ценовая политика загоняющая сельское хозяйство в экономический тупик. Закупочные цены специально держались на уровне ниже рентабельности, чтобы прибыль возникала в перерабатывающей промышленности, а сельское хозяйство было убыточным. Свою переработку сельхозпредприятиям делать не разрешали. За счет государственных дотаций и бесплатной рабочей силы, привлекаемой из города, сельское хозяйство поддерживали, но инициатива людей, которая изредка все же проявлялась, даже сильно ограниченная произволом колхозного начальства и уравниловкой с крестьянами-люмпенами, такой политикой добивалась окончательно. Т. е. даже выбившись из сил, прорвавшись через все административные препоны, возможности заработать не было. А чтобы хозяйство не упало его поддерживали сверху, естественно, диктуя при этом определенные условия.

Прекращение дотаций сельского хозяйства, открытие границ для ввоза продуктов питания частными предпринимателями и искусственное поддержание курса рубля по отношению к доллару (т. е. фактическая дотация ввозимого товара) запустили процесс окончательного добывания сельского хозяйства. Производство начало падать. При этом, если мы, к примеру, говорим о молочном животноводстве, то в распоряжении сельхоз. предприятий всегда было достаточно много ликвидного товара. Нет денег на зарплату или горючее, зарезал корову, мясо продал, вот и деньги. В Московской области стадо сократилось в несколько раз. Финансовый кризис в августе 1998 года резко сделал невыгодным ввоз многих продуктов питания. Свое производство молока перед этим сократилось в разы. Рынок отреагировал на нехватку продовольствия повышением цены. Прибыль в молочном животноводстве поднялась выше любых разумных величин для сельского хозяйства. По рыночным нормам сюда должны устремиться кредиты и инвестиции, что должно восстановить молочное стадо, увеличить объем производства, и снизить прибыль до нормальной величины. Однако этого не происходит. Рынок работает только наполовину, т. е. не регулирует экономику. Поняв, почему не идут вложения в сельское хозяйство, проще будет разобраться во всех проблемах российского рынка.

Вся собственность в сельском хозяйстве находится в руках коллективных предприятий, больших постсоветских колхозов. Настроения у крестьян разные. Некоторые хотели бы отделиться. Люмпенизированной части проще скопом в нищете и беспорядке, всегда что-нибудь удастся украсть, что-что заплатят, вот на жизнь и хватит. Они за сохранение коллектива, за то, чтобы никого не выпускать. Поскольку их большинство, и начальство заинтересовано, в том, чтобы как можно больше контролировать, то мнение общего собрания понятно. К тому же объективно коллективную собственность поделить очень сложно, а во многих случаях невозможно. Дробить колхозное молочное стадо, когда каждый кроме производства должен будет думать еще и о сбыте продукции, или раздавать сельхоз. технику, одну единицу на нескольких человек, это значит на много лет вообще развалить производство, и получить в стране голод. Простых решений нет.

В прежние времена сельские предприятия смотрели на любые государственные вложения, как на дотацию, все равно потом долги спишут, и все простят. На любые сегодняшние попытки частных инвестиций в сельское хозяйство, люмпенизированное руководство сельхозпредприятий смотрит приблизительно так же. Берут с удовольствием, возвращать не хотят, даже изначально не планируют. Спросить в результате не с кого, прячутся за спину общего собрания, государственная система взыскания долгов не работает. Отсутствие настоящего хозяина, фермера или помещика, делает в результате процесс коммерческого кредитования или инвестирования нереальным. Кредитный или инвестиционный рынок не поддержанный государственными арбитражными гарантиями не работает.

Вся картина усугубляется тем, что сами сельхоз. предприятия в долгах, которые им реально никогда не выплатить. Поэтому сидят все картотеках, денег на счетах, как правило, нет. Основной долг перед энергетиками, несмотря на то, что цены на электроэнергию для сельского хозяйства по-настоящему льготные. Схема образования такой задолженности приблизительно следующая. Перед началом года каждое предприятие подает энергетикам заявку на годовую потребность в электроэнергии. Энергетики реальную (по итогам прошедшего года) цифру ополовинивают и утверждают, они монополисты что хотят то и делают. Возникающий в результате такого постсоветского планирования перерасход взимается с предприятия в десятикратном размере, а за задержку платежей начисляются еще огромные штрафы и пени. Наличие таких долгов у предприятия полностью исключает процесс кредитования или инвестирования. А заодно видно влияние постсоветского монополизма на всю сегодняшнюю экономику. С этим злом борьба предстоит очень сложная, тут простыми рекомендациями не отделаешься. В частности монополия не значит обязательно очень большая, это явление гораздо сложнее и тоньше. Без укрупнения современная экономика вообще невозможна, однако монополизма вполне можно избежать, если квалифицированно подходить к этому вопросу. Однако он слишком сложен, чтобы здесь на нем подробно останавливаться.

Что же касается подъема сельского хозяйства в целом, то единственный способ состоит в дроблении, позволяющем, во-первых, сбросить накопившиеся долги, во-вторых, создать настоящих хозяев, под которых возможны финансовые вливания, и в-третьих, отделить люмпенизированную часть сельских жителей от работоспособных инициативных. Крестьянская община сдерживала развитие сельского хозяйства после отмены крепостного права тем, что налоговая нагрузка с люмпенов перекладывалась на нормальных хозяев, душа их инициативу. Повышенные налоги на предпринимателя уменьшают или даже сводят на нет регулирующие возможности рынка. Поэтому большую часть валового сельского продукта России давали помещики. Столыпинская аграрная реформа разрушила общину, началось развитие фермерства, во время НЭПа именно фермерство очень быстро подняло страну.

Идя на развал общины П. А. Столыпин получал одну проблему – недособираемость налогов, но во всех остальных аспектах ситуация была во много раз проще. Помещичье производство прокормило бы страну, т. е. определенный кризис в крестьянском хозяйстве не грозил стране голодом во время переходного процесса. Сегодня все во много раз хуже. Надо найти схемы дробления сельского производства, которое и так не может прокормить страну. Переходный процесс нанесет по нему еще дополнительный удар, в стране может начаться голод. При этом, дробление сегодня приведет к тому, что подавляющая часть производственных мощностей окажется в руках люмпенов, которые составляют значительно больше половины сельского населения, а права собственности у всех одинаковы. Нужны будут еще несколько лет, чтобы начался процесс перераспределения собственности, и концентрация ее в руках настоящих хозяев. Для полного его завершения с момента начала преобразований нужно время порядка смены одного поколения. Но несмотря на это варианты быстрых преобразований в сельском хозяйстве, позволяющие минимизировать переходные проблемы, несложно предложить в рамках государственной политики, если четко знать что нужно, чего надо опасаться и понимать интересы людей. Кроме этого надо, чтобы не мешала, администрация сельских районов, которая сегодня пока очень активно, по-советски вмешивается в дела хозяйств, чтобы не мешали монополисты вроде энергетиков, чтобы была целевая государственная программа финансирования. (Для хозяйств Московской области, занимающихся молочным животноводством, я такие схемы предложить могу, для других не готов из-за недостаточной информированности).

Таким образом экономическая ситуация сегодня в России не совсем безнадежна, при целенаправленной грамотной государственной политике вполне можно достаточно быстро обеспечить подъем сельского хозяйства и производство товаров ширпотреба. Страна вполне может быть индустриально-аграрной. Однако по сегодняшним меркам этого явно недостаточно. Высокий уровень жизни может обеспечить только постиндустриальное общество с развитыми новыми, мягкими, интеллектоемкими технологиями. Серьезный задел для этого у нас тоже есть в виде научных кадров и специалистов и новых технологий из ВПК. При общем рыночном подъеме и специальной государственной политике отставание здесь может быть устранено за времена порядка смены одного поколения. Т. е. в результате все этапы возможного возрождения российской экономики упрутся в политику.

Национальная идея

Предыдущий анализ достаточно строго показал, что шансов у России для нормального будущего исключительно мало. На современном уровне развития техники система организации управления обществом оказывается ключевым, определяющим элементом для страны. Без его нормализации у России нет будущего. Но вариантов нормализовать управление почти не видно. Объективно основным врагом страны оказывается класс государственных чиновников, управленцев, т. е. тех, без кого страна сегодня вообще не может существовать, и в чьих руках сегодня все рычаги власти, кто определяет путь страны, у кого есть хоть какой-то опыт крупного хозяйственного управления. Динамику деградации первых лиц государства, начиная с Ленина, мы видели. Ельцин, уходя с поста президента, долго выбирал себе преемника, и как показал опыт, ключевым моментом в этом выборе была амнистия для него и его семьи. По многим высокопоставленным чиновникам есть компрометирующие публикации, и система на это даже не реагирует, считая такое положение вещей нормой. Конечно среди публикаций могут быть недобросовестные, однако, общий характерный уровень высокопоставленного постсоветского чиновничества эти публикации отражают вполне точно.

Возьмем, к примеру, второе лицо государства с 1993 по 1998 год, В. С. Черномырдина, которому мы обязаны в значительной степени многими процессами, идущими сегодня в стране. Вопиющее невежество и безграмотность видны невооруженным глазом по его публичным выступлениям. Достоверность информации в СМИ о его собственности и доходах сложно проверяема на нашем уровне, и потому апеллировать к этому не будем, а сошлемся на общеизвестный факт. После кризиса в августе 1998 года все акции Российских компаний пошли вниз. А через несколько дней после этого, когда Черномырдин был назначен исполняющим обязанности премьера, акции Газпрома, его «вотчины», резко подскочили в цене. Т. е. вором Черномырдина назвал рынок, а это посерьезнее, чем заказная публикация в газете или обвинение карманного прокурора. Рынок не умеет делать праздных заявлений. Вся Российская чиновничья машина люмпенизирована до предела. Человек на вершине этой пирамиды, умеющий хотя бы с точки зрения русского языка грамотно связать два слова (о других аспектах говорить вообще не имеет смысла), рассматривается всей страной как что-то уникальное.

Если ничего не изменится, Россию ждет на многие годы участь страны третьего мира, третий тип государства, все силы тратящий на удержание своей целостности военно-полицейскими методами. Но такое состояние для России по ее геополитическому положению, наличию природных ресурсов, истории ненормально. Это неустойчивое положение может закончиться только двумя способами, либо окончательным распадом, либо появлением новой организующей силы, которая с помощью колючей проволоки, а может быть более изощренных новых средств, вновь заставит народ путем сверхнапряжения соревноваться со всем миром. Возможно на каком-то этапе это даже принесет временный успех, но за периодом сверхнапряжения неизбежно должна следовать релаксация (за ленинско-сталинским этапом хрущевско-брежневский). И Россия в очередной раз окажется в нынешнем положении, на том же распутье.

Полный отказ от государственной машины, анархия – это абсурд, который остальной мир очень быстро поправит, путем дележа ничейных территорий с богатейшими природными ресурсами. Чем кончатся призывы сломать

государственную машину до основания и на ее месте построить новую, как в коммунистическом гимне, мы знаем по результатам Октябрьской революции. Провести чистку в государственной машине тоже нереально. Конечно и среди чиновников есть какой-то процент приличных людей. Однако, когда были изданы государственные законы, позволяющие грабить страну и ее народ, то все, и даже относительно приличные, включились в этот процесс, спеша и расталкивая друг друга локтями. Поэтому отличить этих приличных от прочих, крайне сложно. Если в сельском хозяйстве решение было гораздо проще, разделить всех на экономически независимых субъектов и создать нормальные рыночные условия. Рынок сам отсеет люмпенизированную часть от здоровой. С государственной машиной такое невозможно. Она должна существовать как относительно цельная система.

Сколько бы мы не декларировали народовластие, как только власть отдается от народа, она приобретает значительную самостоятельность и заставить ее работать в интересах народа становится крайне сложно. У любого человека всегда присутствует важный стимул к какой-то деятельности, собственный корыстный интерес. Если другие цели в деятельности чиновника отсутствуют, то складывается приблизительно то, что мы имеем сегодня, разворовывание чиновниками страны, разрушение всего, что только возможно, если при этом удастся хапнуть в свой карман хоть крохотную толику разрушаемого. Т. е. единственный вариант – менять правила игры, создавать такую ситуацию в государственной машине, чтобы нормальный чиновник профессионал в ней оставался и продолжал чувствовать себя относительно комфортно, а люмпенизированному там должно стать очень неудобно.

Для этого нужно выполнить три условия. Во-первых, нужна основная господствующая идея, способная консолидировать народ, перед которой частично может отступить личный эгоизм. Во-вторых, эта идея должна быть поддержана правовыми нормами, изменяющими официальные условия игры в государственной машине. Чтобы кроме личной корысти была какая-то консолидирующая социально значимая и полезная для страны идея, на которую обязан был бы работать государственный чиновник, соответственно, что бы с него за это был необходимый спрос. В-третьих, в государственную машину должны быть на ключевые должности, позволяющие менять нравственный климат в чиновничьей среде, введены новые люди, искренне поддерживающие эту идею и новые правила игры. Тогда можно будет создать в чиновничьей среде иные условия, заставить эту систему работать не на разрушение страны, а на созидание. Естественно, такие преобразования проводятся только сверху. Т. е. эта идея должна быть поддержана большинством народа, чтобы, как минимум, победить на выборах. Варианты не легитимного прихода к власти я не рассматриваю, они гораздо сложнее в мирное время, и несут массу дополнительных издержек, которые перевесят любой положительный навар.

Возникает вопрос, что может быть такой идеей, которая, во-первых, способна собрать под свои знамена более половины избирателей, а во-вторых, позволить поменять правила игры в государственной машине. Честно говоря, я не вижу другой такой идеи, кроме русской великодержавной. Поскольку с коммунистических времен национализму придан негативный смысл, то это слово обходят, заменяя его суррогатами. Поэтому для начала начнем называть вещи своими именами: сегодня консолидирующей идеей может быть только «национализм», русская национальная великодержавная идея. В принципе можно рассмотреть некоторую альтернативную идейную концепцию, Православие. Безусловно это очень сильная идея для русской почвы, которая должна быть существенным составным элементом русской национальной идеи, но как у самостоятельной государственной идеи, у нее есть объективный набор недостатков. Отмечу два из них, наиболее бесспорных. Во-первых, поднимать Православие на уровень государственного мировоззрения, это значит вносить определенный раскол с мусульманским населением и иными религиозными конфессиями страны, во-вторых, насильственная проповедь любого религиозного философского мировоззрения внесет в общество раскол с атеистической частью населения, которая тоже весьма значительна.

Поскольку национальный вопрос в СССР и России предельно запутан, то чуть подробнее определим, что хотелось бы включить в это понятие. Я не знаю ни одного формального определения понятия нации, которое бы корректно описывало всю совокупность практического исторического материала по этому вопросу. Если вспомнить коммунистическое определение, то согласно ему Советский народ считался единой национальной общностью, грубо говоря, единой нацией. Но как только его перестали силой удерживать, он очень быстро рассыпался на множество отдельных наций, причем национальная

целостность некоторых из них тоже продолжает оставаться под вопросом. А Германская нация, хотя ее почти полвека разделяли экономически и политически, объединилась при первой же возможности, хотя по коммунистическому определению это считались две различные нации. Таким образом, единственным реальным способом позволяющим определить понятие нации является этнический подход, берущий за основу само общественное самосознание. Если подавляющее большинство представителей некоторой человеческой общности мыслит по данному вопросу сходно, разделяя себя и весь остальной мир по национальному принципу: «мы это такая-то нация, а все остальные – другие нации», и делается это несмотря на существующие определенные различия, и возможно даже противоречия, внутри этой общности, то это и будет характерным признаком единой нации.

Как и на основании чего формируется такое общественное самосознание, вопрос сложный и требует отдельного многогранного исследования, в основе которого будут лежать экономико-политические и в гораздо большей степени, психологические аспекты. Психологически понятие нации будет покоится на определенном психологическом комфорте человека в своей национальной среде. А это состояние психологического комфорта возникает из множества моментов: общего языка, общей культуры, истории, традиций, общепринятых привычек и т. д., которые вносятся в сознание человека с раннего детства путем общественного внушения. Кроме этого для упрощения мышления и бытового жизненного анализа люди упорядочивают информацию по некоторым определенным шаблонам. Сами эти шаблоны тоже складываются как элемент среды, ее определенной культуры, общепринятой шкалы ценностей. Психологически человек ощущает себя гораздо комфортнее, когда окружающие его люди мыслят сходными шаблонами, придерживаются близкой шкалы ценностей. А все это, в свою очередь, есть продукты общей истории, культуры, традиций, уровня жизни, единого языкового, информационного и правового пространства.

На эти основные психологические моменты накладываются дополнительные, связанные с давлением на человеческую личность. Любая личность не любит насилия над собой, и в сознании неизбежно возникает более или менее осознанный протест, который тоже вносит определенный вклад в общественные установки. К примеру, насильственный раздел Германии был дополнительным психологическим стимулом к ее объединению. А случись этот раздел естественным мирным путем, в силу внутренних исторических процессов, этого стимула не было бы. Аналогично, славянские республики СССР объективно были очень близки к национальному единству, но тоталитарный коммунистический режим, державший всех в зажатом состоянии, вызывал определенный протест в сознании людей, который при определенном стечении обстоятельств вылился в распространенное желание самостоятельности.

Политические аспекты являются важными моментами, влияющими на общественное сознание и таким образом на психологию людей. Возьмем к примеру Россию и Украину. Общественное сознание находится как бы на распутье. С одной стороны там за границей свои, но с другой стороны, после раздела накопилось немало взаимных претензий, противоречий и обид, которые муссируются в средствах массовой информации и разделяют людей, противопоставляя их друг другу. Т. е. политика руководства может объединять психологически, а может разделять. В частности, руководство Украины делает все, чтобы специально отдалить нации, хотя полагаю, что из-за невежества плохо просчитывает многие моменты. К примеру, для Украины войти в НАТО, создать на своей территории американские базы, это значит с неизбежностью получить всплеск пророссийских настроений. Аналогично и экономика. Экономический интерес также влияет на общественное сознание и человеческую психологию. Сегодня, после распада СССР, и в России не здорово, и на Украине. Представим, что в одном из этих государств вдруг политическая ситуация выправится, начнется быстрый экономический рост, повышение уровня жизни. Это неизбежно приведет к всплеску в менее благополучном соседе желания объединиться, чтобы получить улучшение и у себя. Т. е. бедность и нищета разделяют нации, каждый пытается других обвинить в своих проблемах, а благополучие, экономическая выгода наоборот сближают. Хотя, как я уже отмечал выше, вопрос формирования национального сознания слишком сложен, чтобы подробно рассматриваться мимоходом.

После небольшого теоретического экскурса в проблему, вновь вернемся к русской великодержавной национальной идее. В России много народностей и других национальных образований, которые имеют определенные тенденции к созданию отдельных наций. Честно говоря, большинству населения представителей любого этого национального образования, пока жизнь не

заставляет делать альтернативный выбор, достаточно различно, к кому себя причислять. По жизни каждый причисляет себя к нескольким общностям разного масштаба. Он живет в своей культурно-национальной среде, естественно, причисляет себя к своей народности, но живет и в огромной великой державе, России или СССР. Если противоречий между первым и вторым социальным объединением нет, то он причисляет себя, соответственно, и к великодержавному объединению, т. е. может быть патриотом государственным и великой нации. Т. е. внутри державы есть определенные культурные и исторические границы, но они совсем не обязаны приводить к дроблению державы на отдельные нации. Для этого только необходима определенная психологическая комфортность представителям любых национальных объединений в рамках великой державы. И только отсутствие такого комфорта, возникновения ситуации противопоставления интересов мелко национального объединения великодержавному и необходимости людей делать выбор, подобно тому, который сегодня приходится делать в Чечне, выводит большинство представителей мелко национального образования из зоны великодержавной национальной идеи, делает ее врагами.

Причины возникновения национального дискомфорта могут быть различными. В частности в экономически неблагополучной стране, какой сегодня является Россия, почти все жители чувствуют себя весьма дискомфортно, в первую очередь экономически. Те же кто находится у политической или экономической власти в малом национальном объединении, заинтересованы в создании определенных барьеров, препятствующих проникновению в зону их экономических и политических интересов других сильных фигур, поэтому специально выстраивают такие барьеры, в том числе и националистические, путем обработки общественного сознания, взваливание вины за экономические проблемы на представителей центра, других национальностей и т. д. Поэтому великодержавная идея объективно требует для своей реализации экономического подъема, улучшения жизни всех людей, без этого она обречена на пустые декларации. Одновременно с этим эта идея нисколько не противоречит наличию более мелких национальных объединений в ее составе. Для всего остального мира все представители великой нации воспринимаются под одним названием, русских. Сами россияне, естественно будут помнить о исторических, культурных и прочих внутри российских различиях, однако, если в стране созданы нормальные условия, то все одновременно будут чувствовать себя и представителями великой русской нации, выделяющей себя из всего остального мира по этому принципу.

Русская идея должна быть консолидирующей для всей русской нации, включая Великороссию, Малороссию и Белоруссию. А если вспомнить историю, то эту идею я совершенно равноправно распространил бы и на Казахстан. Этимологически казак и казах одно и тоже, по-тюркски, «гусь белый», вольная перелетная птица, или бывшие войска древней Руси. Возникшему разделу мы обязаны Реформации в Западной Европе, переписавшей историю, и династии Романовых. Ислам, религиозное направление отпочковавшееся от русского ортодоксального Христианства, и сохранившее, быть может, больше его черт, чем современное Православие. Между нами общего гораздо больше, чем предлагает традиционная история, это единая история русского славяно-тюркского государства, единые исторические, религиозные и культурные корни.

Означает ли провозглашаемый здесь русский национализм экспансию, хотя бы на названные выше три независимые государства? ни в коей мере. Ведь определение нации я дал через восприятие этого элемента общественным сознанием. Т. е. любое насилие в этом вопросе, напротив, может дать противоположный эффект. Каждый сам решает присоединиться ли ему к этой идее или нет. Даже на личностном уровне в самой России не должно быть ни малейшей дискриминации, если человек отвергает эту идею. Он может быть предпринимателем любого уровня, банкиром, даже владельцем средств массовой информации с возможностью высказывать свои идеи, но вот занимать государственные посты должны иметь возможность только ее приверженцы. При этом не важна расово-национальная принадлежность человека, но важно его отношение к русской национальной идее. Т. е. антирусская и антигосударственная позиция для руководящего государственного служащего должна стать одним из серьезнейших преступлений, караемых законом, не зависимо от того, находится он на выборной или назначаемой должности.

При этом, если вообще право требует соблюдения буквы закона, то в этой его части кроме буквы необходимо соблюдение еще и духа, т. е. речь должна идти не о формальном показном патриотизме, а внутреннем. Когда человек просто

покупает товары фирмы или даже имеет какое-то количество ее акций, то у него может быть любое отношение к этой фирме, в том числе и резко отрицательное. Но никакой глава фирмы не потерпит в ней работника, особенно руководящего, настроенного откровенно против нее, либо готового в любой момент пожертвовать ее интересами ради своих корыстных. Государство это тоже огромная фирма, акционерное общество, в котором все мы акционеры, а некоторые еще и сотрудники, служащие фирмы, государственные чиновники (в некоторых случаях, например глобальной войны, все становимся сотрудниками). И если с акционера особого спроса нет, как вариант, он даже должен иметь право отказаться от своих акций и сменить фирму, т. е. изменить гражданство, то с сотрудника фирмы спрос совершенно иной. Фирмой не должны управлять воры и проходимцы, разворовывающие богатство и имущество фирмы, ничего не оставляя акционерам, настоящая ответственность за это – святое дело.

Российский политический рынок

Сегодняшняя Российская многопартийная система проистекает из прежней однопартийной коммунистической, когда в партии состояло до десяти процентов населения страны, т. е. страна была, как бы, предельно политизирована. Все разнородные нынешние партийные течения, которые представляют какие-то социальные слои, их мысли, и быть может, интересы, раньше были собраны в единую партию. Некоторые из этих течений проявлялись во внутривнутрипартийной борьбе, некоторые не имели такой возможности, сегодня все они на поверхности со своими лозунгами, идеями в усиленной борьбе с оппонентами за свой электорат. Очень условно все их можно разбить на три группы. Во-первых, это партии прошлого, эксплуатирующие разные варианты коммунистических идей, от либеральных социал-демократических до сталинистских, во-вторых, это партия власти и направления, отпочковавшиеся от нее, но реально вплотную к ней примыкающие, в-третьих, это набор партий и течений, которые, как бы, находятся в оппозиции к партии власти и одновременно достаточно далеко отстоят от коммунистов. Весь этот политический спектр возник как отклик на существующий спрос на политическом рынке, поэтому, чтобы подробнее его анализировать несколько слов необходимо сказать о сегодняшнем российском электорате.

Все голосующее российское население условно может быть разбито на три, почти равные группы. Во-первых, это группа, как правило, людей зрелого возраста, но которые пока еще в силе, могут зарабатывать себе на жизнь и нашли такую возможность, т. е. сегодня им есть на что жить, и они имеют некоторый маневр, а также хорошо помнят прежние коммунистические времена, когда все было предельно регламентировано, не оставляя даже минимальных свобод, а потому не хотят к ним возвращаться, ощущая эту разницу. Этот контингент предпочитает жить сегодняшним днем, надеясь только на себя, думать далеко вперед о политической перспективе он не умеет, да и не хочет, тем более по российской действительности что-то всерьез планировать бессмысленно. Эта группа по большей части голосует за партию власти. Лично себе или своему ближайшему окружению каждый из этой группы как-то по-своему мотивирует этот свой выбор, но реально подход сводится к тому, что все вокруг врут, разобратся во всем этом вранье невозможно, да и не нужно, все равно обманут. Будем голосовать за тех, кто не очень нравится, но от кого хоть понятно, чего ждать.

Вторая значительная группа людей, в большинстве своем преклонного возраста, пенсионеры или предпенсионного возраста, кто фактически оказался обманутым системой. Эти люди отработали всю жизнь, рассчитывая по прежним правилам игры на вполне сносную старость, а в результате получили изменение правил, которые поставили их на грань физического выживания, когда доходов не хватает даже на еду. Причем, возраст, профессиональные навыки да и социальные условия не оставляют им ни малейшей возможности для маневра. Они обречены на полунищенское существование. Этот контингент ориентируется на коммунистов, голосует за возвращение прежних правил игры, не умея оценить, что возврат к прежнему невозможен, и что их просто обманывают, обещая это. Эти две первые группы условно можно считать «голосующими желудком», а не головой. Поэтому ими относительно легко манипулировать. Чуть прибавил льгот, типа бесплатного проезда на автобусе, выплатили пенсии, дали или всего лишь пообещали минимальную прибавку, и значительная часть их

поддержит на выборах власть. Поэтому, если власть будет проводить хотя бы чуть разумную политику, то поддержку до пятидесяти процентов голосующих, она может получать только за счет «желудочного» электората. Поэтому в конкретных сегодняшних российских условиях партия власти может быть непобедимой.

Эти две социальные группы создают спрос на соответствующий политический товар, который и предлагает политический рынок. Во-первых, это политическая партия власти. Этой партии не нужна политическая ориентация, не нужна программа, не нужны даже минимальные традиции и определенное название. Была одна партия власти, потребовалось – быстро создали новую, фактически без названия. Действующая власть объявила, кого поддерживает, и соответствующий контингент «строим» отправился на выборы. Последний съезд партии власти показал, что уровень съездовского контингента, вопросов на нем решаемых, соответствует даже не младшим классам школы, а скорее детскому саду. Т. е. нет ничего: ни устава, ни программы, ни политической ориентации, ни какого-то хотя бы минимального понимания того, что происходит в стране и даже попыток в этом разобраться, одно чиновничье желание власти и благ, ею доставляемых. Российской партии власти не надо даже минимальной квалификации, победа и так почти гарантирована. Монополизм на политическом рынке позволяет совершенно не заботиться о качестве товара, купят любую дрянь.

Политическим товаром для второй группы являются вариации коммунистических идей и лозунгов. Эту нишу заполняют прежние коммунистические лидеры второго уровня. Коммунистическая верхушка, наиболее шустрые, быстро оказались в партии власти и первыми в очереди на дележ национальных богатств. А в коммунистах остались более медлительные, тугодумы, тупые даже по вырожденческим чиновничьим постсоветским меркам, которые не сообразили вовремя, что делать, и потому опоздали к этому дележу. Сейчас они заполнили политическую нишу, удовлетворяя потребность пенсионеров, привыкших к коммунистическим лозунгам и штампам, обещаниями все вернуть по-старому, обеспечить им нормальную старость. Поскольку марксизм, как было показано выше, идеология изначально слабая, в конкурентных условиях нежизнеспособная, а развивают ее сегодня к тому же люди абсолютно бесталаные, даже по чиновничьим коммунистическим меркам, то эта система жива только в виде коммунистических лозунгов и пустых деклараций, пока еще физически живы представители соответствующего низко интеллектуального электората.

Третья группа голосует более или менее осмысленно. Поэтому мнения в ней очень сильно различаются в зависимости от социального, экономического, культурного состояния человека. Значительная часть этой третьей группы осознанно голосует за партию власти, поскольку тем или иным образом экономически связана с чиновничьим аппаратом, живет этим, обеспечивает свои настоящие и будущие доходы.

От партии власти ход истории помимо их воли отпочковал политическую группу молодых жидов-реформаторов, Чубайдаров с Нимцамадами. Они преследуют две цели, во-первых, вертятся в политике, постоянно пытаются оказывать услуги власти, естественно, не бескорыстно, а за вхождение в исполнительную власть, во-вторых, проповедуют политическую систему, которая механически срисована с буржуазных обществ с солидным демократическим стажем, где демократические рыночные свободы существуют в определенном балансе с общественными правовыми и экономическими нормами и традициями. Механический бездумный перенос этих буржуазных свобод на неподготовленную российскую почву, еще на многие годы обеспечит классу чиновников возможность безнаказанно грабить страну. Воспользоваться этим смогут, естественно, и они, поскольку очень тесно срослись с чиновничьими структурами.

Нишу политической некоммунистической оппозиции поделили между собой две партии. Во-первых, В. В. Жириновского. Ее название ЛДПР не несет никакой смысловой нагрузки, как и вся политическая деятельность. Чисто на уровне моих ощущений, она возникла, вероятно, как провокация, организованная союзными спецслужбами, чтобы манипулировать электоратом, критически настроенным к власти. После развала СССР подкормка вероятно прекратилась, но благодаря своим талантам Жириновский сумел добиться определенной экономической независимости. Все эти таланты сводятся к одному, умению говорить громко, напористо, агрессивно, ни на секунду не задумываясь над тем, что говорится. Содержание более чем наполовину состоит из полного бреда, т. е. нет даже намек на образованность или ум. Однако для

неподготовленного российского электората это вполне нормально. Он ориентирован на низко интеллектуальный критически настроенный слой избирателей, и действует по классической формуле гипноза, воздействует не на ум, а на эмоциональное восприятие формы, подавляет соответствующий контингент своей напористостью и уверенностью. В результате это обеспечивает ему постоянные несколько процентов из числа гипнабельных избирателей, но для этого он должен постоянно гипнотически воздействовать на свой электорат, мелькать на экране телевизора, участвовать во всех массовых политических скандалах, тусовках, вроде выбора президента России и т. д. Поскольку, его партия не имеет никакой политической и экономической программы, не представляет интересов ни какого класса или социальной группы, то вероятнее всего, она и не имеет постоянного финансирования. Поэтому Жириновский вынужден постоянно думать о самофинансировании. Зарабатывать ЛДПР может на заказных политических выступлениях в Думе, продавая свои голоса партии власти при важных голосованиях, помогая проходить на выборные должности криминальным и прочим элементам, которые за это хорошо платят. Таким образом, предельно продажная позиция, имидж политической проститутки, это не есть следствие какой-то особой корыстности, развращенности Жириновского, вряд ли он в этом превосходит среднего постсоветского чиновника, а острая экономическая необходимость выживания на политическом рынке без серьезной финансовой поддержки. А в свою очередь, именно такая позиция не позволяет ни одной финансово-экономической группировке всерьез ориентироваться на ЛДПР. Возник порочный круг из которого Жириновскому не выбраться, и его партия обречена на медленное угасание по мере разочарования в нем низко интеллектуального гипнабельного электората.

Политическую нишу, обеспечивающую запросы более интеллектуального критически настроенного электората, занял Г. А. Явлинский, отпочковавшийся от партии власти. В отличие от Жириновского, он несколько грамотнее, откровенного бреда в выступлениях уже нет. Однако и четкой политической программы тоже нет. Идеологически он практически не отличается от других молодых жидов-реформаторов, единственно, что в отличие от них нашел для себя нишу, основанную на критике партии власти, некоей непримиримости в этих вопросах. Поэтому для его партии и не возможно подобрать названия, поскольку какой-то четкой линии нет, конструктива нет, четкой концепции нет, есть сплошная критика и некоторые общерыночные принципы. Т. е. попросту, Явлинский – это Жириновский для интеллигенции. Поскольку воздействовать на этот электорат приходится несколько иными методами, то, соответственно, и создаваемый для этого образ – принципиального, неподкупного человека, высокообразованного экономиста. Если общечеловеческие качества культивируются целенаправленно, понимая, что от него ждут, и соответственно, чего не простят, то с имиджем высокообразованного человека обстоит и сложнее, и проще, одновременно. Сложнее, потому что для этого действительно нужно образование и соответствующая культура хотя бы среднего уровня. Этому среднему, в общем-то бесталанному, уровню Явлинский вполне соответствует. А проще потому, что общая российская экономическая да и политическая культура проистекает из антирыночных отношений. Поэтому средний уровень культуры и эрудиции в этих вопросах даже в среде российской интеллигенции крайне низок. А потому этому контингенту, особенно при отсутствии квалифицированной альтернативы, вполне в состоянии запудривать мозги очень средненький экономист. Все рассуждения идут где-то на уровне здравого смысла. Со здравым смыслом у Явлинского нормально, имидж приличного внешне непродажного человека он выдерживает четко, поэтому, вероятно, деньги в него вкладывает достаточно солидная жидовская группировка, и судя по всему, деньги немалые, потому при отсутствии иной альтернативы эту политическую нишу, пользующуюся поддержкой нескольких процентов голосующих, он занял вполне уверенно, но шансов выиграть президентские выборы у Явлинского нет, какие бы деньги не были брошены в его избирательную кампанию. На политическом рынке с учетом складывающейся конъюнктуры иногда возникают, но как показывает опыт, и быстро сходят на нет, достаточно сильные политические течения, берущие начало в партии власти, но сильно склоняющиеся в сторону коммунистов. В принципе могла возникнуть ситуация, когда Лужковско-Примаковский блок одержал бы победу на выборах. Но, во-первых, сказались серьезные противоречия в партии власти, из-за которых обострились отношения этого блока с основным властным ядром, да и позиция сегодняшнего ограниченного коммунистического руководства не допускает серьезных компромиссов. Поэтому политически это течение оказалось чисто конъюнктурным, и рассыпалось, как только политическая конъюнктура изменилась. Эта его слабость была видна изначально по руководящему составу

блока. Все посты заняли чиновники разного уровня, отсеянные партией власти. Поэтому даже в случае победы этого блока серьезных политических изменений в стране произойти не могло. Осталось бы все то же классовое деление в обществе, господство класса чиновников, четкая классовая политика, направленная на более или менее явное разграбление страны этим правящим классом, что-то среднее между режимами Брежнева и Ельцина.

Прогрессивная политическая партия

Анализ расклада политических сил показывает, что серьезных изменений в стране ждать просто не от куда. Партия власти, а стало быть класс чиновников, будет уверенно побеждать на выборах, если только не сделает явной грубой ошибки. Хотя, и от этого зарекаться не следует, поскольку уровень понимания процессов, идущих в стране в партии власти крайне низок, внутренние противоречия значительные, и контингент чиновничий уж очень жадный и развращенный. Поэтому имеет смысл готовиться к тому чтобы воспользоваться этой возможной ошибкой. Для этого необходима политическая партия.

Для начала определим ее политическое направление. Одно из первых ключевых понятий, на котором должна зиждиться политическая программа будет «национализм». Российская история, русский менталитет, положение в классе чиновников делают это понятие ключевым для любых возможных позитивных перемен. Предыдущее изложение доказало это достаточно строго, в частности то, что достойной альтернативы русской национальной идее нет. В обществе она должна пропагандироваться, но не насаждаться насильственно, оставляя простым гражданам полную свободу по данному вопросу. В отношении же государственных служащих, как выборных, так и назначаемых, отношение к национальной идее, интересам государства России должны стать основным критерием при назначении на государственную должность. Ответственность государственного чиновника любого ранга за антигосударственную или антирусскую деятельность должна быть исключительно строгой.

Вторым ключевым элементом, без которого нельзя рассчитывать на серьезный успех, будет идея сильной государственности, которая является объективным продолжением национальной идеи. Сильное государство, сильная государственная машина, активно влияющее на все процессы в государстве, и проводящее активную внешнюю национальную политику. Приоритетным направлением деятельности государства должна стать социальная политика, поскольку в предстоящую постиндустриальную эпоху основным элементом производительных сил, основным богатством общества должны стать люди с их знаниями и навыками, способностями к творческому труду. Условия жизни людей в стране, психологическая комфортность становится существенным элементом производительных сил, мощи и богатства страны. Наиболее подходящим определяющим понятием для этого элемента будет слово «социализм».

Наконец, третьим существенным компонентом политической платформы будет принцип народовластия, демократии, старшинства общества над властью, максимальных свобод в экономике. Основное назначение государственной машины будет состоять в том, чтобы обеспечивать предельно комфортные условия для внутреннего российского рынка, государственным регулированием и целенаправленной социальной политикой поддерживать его идеальность, регулирующие свойства. Грубо говоря, экономика должна быть максимально свободна от государственного вмешательства, предельно либерализована. Но рядом с этой экономикой должна существовать жесткая, почти военизированная государственная машина, которая охраняет покой либеральной экономики от криминала, коррупции, мошенничества, выполняет арбитражные функции, таможенными пошлинами и налоговыми льготами защищает ее от давления внешнего рынка, активно борется на международном рынке за национальные экономические интересы. Старшинство общества над властью должно обеспечиваться двумя общественными механизмами, выборностью достаточно большого количества должностных лиц в государственной и арбитражной системах, и распределением самим обществом в момент сбора значительной части собираемых налогов. Россия должна стать самой демократической страной в мире, только так можно догнать остальной цивилизованный мир.

Название партии, исходя из ее политической платформы, будет Национал

Социал-демократическая Российская Партия, соответственно аббревиатура НСДРП. Во-первых, в этом названии присутствует элемент, позволяющий ее противникам передергивать понятия и смешивать ее с германским национал социализмом. Упреждая это, обращаю внимание на серьезное принципиальное отличие. Германский национал социализм целенаправленно готовился к войне, поэтому в значительной степени минимизировал обобщенные налоги в условиях войны, и соответственно, сворачивал рынок и демократию. Здесь же речь, напротив, будет идти о максимальном развитии рынка и сопутствующих ему демократических свобод, чтобы обеспечить быстрое мирное развитие. В части же умения организовать эффективную работу государственной машины национал социалистический опыт действительно может иметь огромное значение. По крайней мере, их государственная машина сумела всего за шесть лет разоренную, оставшуюся практически без ресурсов Германию, поднять до уровня, когда она оказалась способной воевать почти со всем остальным миром.

От социал-демократического направления, которое сегодня в России представлено Горбачевым, это направление будет отличаться большей жесткостью государственной машины, четким пониманием поставленных целей и методов их достижения. Горбачев попробовал с жесткой коммунистической государственной машиной поиграть в социал-демократические игры. Получил от чиновничьей машины пинка и вылетел из нее. НСДРП должна быть жестче сегодняшней государственной машины, чтобы в случае победы подчинить ее своему влиянию и задачам, суметь целенаправленно трансформировать.

Предполагаемый потенциальный состав и чьи интересы партия объективно будет выражать, очень широк. Это практически вся трудящаяся масса, значительная часть предпринимателей разного уровня, ориентированных на развитие экономики России, какой-то процент государственных чиновников, которые еще не окончательно разложились и сохранили какие-то национальные ориентиры и ценности. При наличии иных политических партий и течений, которые в той или иной степени эксплуатируют отдельные элементы этой политической платформы, предполагаемый электорат в перспективе может вобрать в себя практически весь электорат Жириновского и Явлинского, большую часть трудящегося электората партии власти, небольшие части электората компартии, блока правых и чиновничьей части партии власти, т. е. объективно, чуть более пятидесяти процентов избирателей. Движущей силой партии могут стать: во-первых, интеллигенция, в первую очередь техническая, во-вторых, военнослужащие, офицеры, работники силовых ведомств, в-третьих, активная неразложившаяся молодежь. Потенциально это интеллектуальная часть молодежи, студенты технических вузов, кто в состоянии самостоятельно разобраться в содержании книги. Кроме этого значительный процент национально экстремистски настроенной молодежи. Сегодня многие из них оказались во власти неполноценных национальных идей, некоторые из организаций которых, вероятно, специально спровоцированы спецслужбами. Многие из них конфликтуют между собой на радость тех, кто разворачивает страну. Все эти течения могут быть объединены под одним флагом великодержавной русской национальной идеи и оптимизации экономики для быстрого мирного подъема страны.

Объективными противниками партии будет вся люмпенизированная часть класса чиновников и жида, приватизировавшие национальные богатства России. Конкретными противниками могут быть любые наемники и профессиональные партийные функционеры других партий. Т. е. объективно – ничтожное меньшинство, но очень большие деньги и государственная власть.

Политическая задача партии – легитимно прийти к власти, после этого совершить социальный классовый переворот, состоящий в подчинении власти, класса чиновников, обществу, создание механизмов реализации главенства общества над исполнительной властью. Экономическая задача – минимизация обобщенных налогов, включающая предельную демократизацию государственной системы, создание условий для идеального рынка, оптимизацию налогов и механизма их распределения.

Возможные источники финансирования – национально ориентированные предприниматели. Идеальный двигатель на стадии распространения идеи – научно-техническая интеллигенция, контингент, способный самостоятельно по книге разобраться и принять предлагаемый набор идей. Объективно, для этого подходит около четверти научно-технической интеллигенции страны. Остальной контингент к этому набору идей потенциально не готов, и необходимо значительное время для их распространения. После широкого распространения идей в стране наиболее подходящим организующим контингентом будут офицеры,

уволенные в запас. Этот же контингент позволит изменить нравственный климат в чиновничьей среде после возможного прихода партии к власти.

В этническом отношении Россия пребывает сегодня в стадии распада коммунистического этноса. Это состояние может тянуться еще какое-то время, но его затягивание будет сопровождаться процессом откалывания кусков от государства. Первый такой массовый раскол произошел в момент распада СССР. Если мы не изменим своего этнического состояния, то через некоторое время непременно последуют новые территориальные потери. Изменить этническое состояние, это значит создать новый этнос, дать обществу новый набор ценностей и ориентиров, привести к управлению обществом новый слой людей. Типов этносов всего два, экономический, т. е. опирающийся на идею экономического интереса, корысти, без ярко выраженной нравственной идеи, и нравственный этнос с единой цементирующей идеей, перед которой в разумных пределах может отступать эгоизм личности, и на базе которой возможна консолидация общества и позитивные перемены.

Предлагаемая программа с этнической точки зрения представляет собой создание нового нравственного национал социал-демократического этноса в России. Новый набор идей политических, экономических, нравственных. Новый набор людей, которые должны будут войти в число государственных управленцев в дополнение к оставшимся там нормальным профессионалам, создадут нравственный климат в чиновничьей среде, позволяющий государственной машине эффективно работать.

Других нормальных выходов из нынешнего тупика у России нет, отдельная личность ничего изменить не сможет.

Послесловие

Этот мир ставит перед человеком множество вопросов. Каждый из всего этого множества замечает только те, которые ему по силам, чтобы через решение их совершенствоваться и не испытывать комплексов неполноценности от ощущения своей беспомощности. Это один из принципов социального устройства этого мира, один из законов Кармы. Мне мир в детстве назадал кучу вопросов, ответы на которые пришлось находить многие годы в промежутках между другими сиюминутными вопросами и делами.

В принципе эта книга посвящена двум таким глобальным вопросам. Во-первых, в чем смысл человеческого бытия? В этой части я не создал ничего нового, а только очень поверхностно рассмотрел некоторые альтернативные варианты, а ту систему, которая мне наиболее близка, частично переложил на язык иной, более современной, культуры. Возможно я и не стал бы касаться этого вопроса, поскольку потребителей его очень мало. Те немногие, кто действительно озабочен этой проблемой, сами находят для себя ее решение. Но оказалось, что эта тема вплотную подошла ко второму глобальному вопросу, на который потребителей сегодня неизмеримо больше. Как жить сегодня? Что это за такой особый путь России? Почему народ воин, которому весь остальной мир только изредка в состоянии дать достойного противника, в результате всегда оказывается проигравшим? Почему талантливый и работоспособный народ, самой богатой природными ресурсами страны, постоянно живет беднее и хуже других?

Как эту традицию изменить? Вот по этому набору вопросов подсказок мне не попало. Насколько убедительна моя концепция, судить читателю. Еще со школы у меня было желание разобраться с особой исторической судьбой России, понять, что выделяет ее из общего ряда достаточно благополучных Европейских государств, делая постоянно неблагополучной. Случайным стечением обстоятельств это постоянное неблагополучие не объяснишь, поэтому хотелось бы уловить закономерности, найти истинные причины. Первое принципиальное историческое отличие было связано с монголо-татарским игом. Географически Россия оказалась на пути монголов, приняла удар на себя и отстала из-за этого на двести лет от остальной Европы. Однако, в чем конкретно выразилось это отставание я понять не мог. Тем более, несколько столетий спустя, во времена Екатерины Второй технического отставания уже точно не было. История должна была идти, как и у всей Европы. Однако этого не происходит, Россия идет по какому-то своему особому мучительному болезненному пути.

Второе принципиальное отличие, где можно было поискать ответ, связано с религией. Наиболее передовым в техническом отношении оказывается христианский мир, мусульмане и буддисты отстают, Православная Россия тоже, хотя и не так сильно. Какого-то прямого влияния религии на технический прогресс сходу не видно, поэтому приходится углубляться в вопросы религии гораздо глубже, чтобы понять это возможное влияние. Но в результате вместо ответов возникает множество новых необъяснимых вопросов. Приведу некоторые из них, лежащие на поверхности. Если культурно-технический центр древности был в Греции, а потом в Итальянском Риме, то почему великие религии возникают на периферии этих центров, на Ближнем Востоке, у отсталых евреев и арабов?

Как и почему в Риме утверждается Христианство? Если евреи богом избранный, особо духовный народ, то где эта духовность, почему сегодня это как раз самый корыстный, наиболее бездуховный народ? Почему в эпоху Возрождения в христианской Европе, где работает инквизиция, вдруг необычайный всплеск увлечения языческой греческой культурой, почему классиком считается Аристотель, живший две тысячи лет назад, откуда такая осведомленность об этой культуре, и почему воинствующее христианство так спокойно и уважительно к этой языческой культуре относится? Совершенно темный исторический вопрос о крещении Руси и выборе конфессии.

Может быть дело в феодальной отсталости России? Но Германия была раздробленной еще до середины девятнадцатого века, а полноценная всевластная монархия просуществовала, как и в России, почти до конца Первой Мировой войны.

Наконец, если в России были великие бунты сотрясавшие самую мощную из империй, восстание Разина, Пугачева, большевиков, то спрашивается, где он этот бунтарский дух сегодня? На хребте у народа сидит шайка проворовавшихся, разложившихся прохвостов, а народ – великий бунтарь десятилетия безропотно взирает на это и выпрашивает у этих прохвостов сегодня пенсии в срок. Очень интересный и совершенно непонятный вопрос в мировой истории, это подъем и упадок государств. Куда делись великие древние цивилизации Египта, Индии, Китая? Как их всех опередила отсталая прежде Европа, за счет чего? Он совсем не праздный для положения России в мировой цивилизации. Россия постоянно находится в режиме небольшого отставания от передовых государств, иногда за счет сверхнапряжения догоняя, а потом опять отставая. Понимание этих механизмов могло позволить исправить это положение, но углубление в Российскую историю тоже дает больше неразрешимых вопросов, чем ответов.

Мои теоретические попытки построить начало мировой цивилизации из экономики и человеческой психологии приводили к совершенно иным результатам, чем давала мировая история. Публикация авторов Новой Хронологии развязала мне руки, доказав нестрогость традиционной мировой истории. При этом их вариант исторической концепции полностью совпал с результатами моих модельных построений. Из их истории я взял всего три подсказки, которые были совершенно неизвестны мне из традиционной истории. Это вероятное время евангельских событий, происхождение турок Османов и роль Романовых в смуте. А после этого мировая история и история Руси построились сами, исходя из экономики, элементарной житейской психологии и биологической продолжительности жизни человека. История стала простой, логичной, понятной. Исчезли все неясности, исторические несуразности, сами собой возникли ответы на вопросы о особенностях русского пути и том, что делать сегодня, причем все ответы достаточно простые и естественные, понятные на уровне здравого смысла.

И тем не менее, объективно оценивая результат своей работы, я считаю, что он будет принят очень плохо. У человеческого восприятия картины мира есть ряд особенностей, которые не позволяют быстро внедрять революционные учения. Подавляющее большинство людей не умеет думать, не умеет доверять своему сознанию. Истиной для человека что-то становится, когда все вокруг начинают это утверждать, и тогда он тоже присоединяется к этому общественному хору. Это не хорошо и не плохо, это объективное проявление человеческого сознания, одно из защитных его свойств в этом мире. Именно по этому же принципу устроено общественное правовое сознание, оно в данном вопросе ориентировано на наиболее распространенный вариант отдельного биологического сознания. Истиной признается то, что признали двенадцать случайных независимых людей. Поэтому, то, что я изложил, хотя это специально было доведено до «пальцевого уровня» простоты, не может быть

Прикладная философия filosoff.org

принято широким кругом читателей. Самостоятельно принять это могут только те, кто сам ориентирован на поиск истины, на умение отвергать одни концепции и выбирать новые, способные лучше объяснить имеющийся практический материал. Фактически это только какой-то процент научно-технической интеллигенции. Представители других, даже как бы научных дисциплин, реально этому не обучены и потому гораздо более догматичны и менее самостоятельны в мышлении. Но даже из среды научно-технической интеллигенции для этого годятся только те, кто интересовался историческими вопросами, обладает необходимой эрудицией, позволяющей оценить насколько естественнее становится новая историческая концепция по сравнению с традиционной. А это в результате дает общую цифру всего около десяти процентов научно-технических работников. Однако их голос может потом сдвинуть равновесие в сторону более широкого признания.

Произойдет это или нет, я не знаю. Я вообще не знаю, нужно ли это для мировой цивилизации. Быть может самым оптимальным вариантом для нее будет такой, когда Россия будет постоянно пребывать в ущемленном состоянии, или на каком-то этапе рассыплется. К уровню понимания этих вопросов я пока даже не приблизился. Не зависимо от того, как будет принята эта публикация, мир будет существовать и изменяться по своим очень сложным и далеким от нашего понимания законам. Вброшенный мною набор идей тоже только часть этого сложного мира. Появление их именно сейчас, как этап самоосознания человечеством некоторых элементов мирового устройства, вполне закономерен, и не стоит особняком в человеческой культуре от всего остального. А будут ли мои социальные построения использованы, определится какими-то более глубинными законами развития общества, которые пока нам не известны.

Когда мне было около двадцати я бы много дал за то, чтобы кто-то помог разрешить многие вопросы. Отсюда мое углубленное изучение марксизма, интерес к религиям, истории, восточным философиям. Какие-то ответы и подсказки попались, но большинство вопросов тогда осталось без ответа. Повезло мне в этом или нет, не знаю, потому как в конечном итоге, все ответы я нашел сам, пусть и не сразу, а это в плане внутренней работы гораздо больше, чем получить ответы от других. Сегодня я закончил послание себе, двадцатилетнему, ответив на многие вопросы, которые волновали меня тогда. Не знаю, волнуют ли они кого-нибудь сегодня. Надеюсь все же, что нескольким сегодняшним молодым людям, которые ищут ответы на похожие вопросы, от этой публикации будет помощь. Может быть от нее будет прок моим ровесникам, искавшим ответы, но не сумевшими их найти самостоятельно. Даже если она поможет всего одному человеку, то и тогда моя работа будет проделанной не напрасно.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!